

ISSN 0131-6656

СМОЛД

ШЛЕГ ВЛАДИСЛАВ, СТИВЕН ГЕЛМС • ЛЮБОВЬ, КОТОРУЮ ТЫ ОУДАЕШЬ

ДАНИИЛ МОРДОВЦЕВ • ВАНЬКА КАИН • ВЛАСТИМИЛ ШУБЕРТ • НОМЕР С ВАННОЙ

4'93

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

«УДАЧИ ТЕБЕ, СЫЩИК!»

(Читайте стр.

4'93 СМЕНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в январе 1924 года

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВЛАДИМИР ГРОШЕВ
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,
зам. главного редактора
НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного редактора
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный художник
ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВИДОВА
Художественно-
технический редактор
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 21.01.93.
Подписано к печати 18.02.93.
Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага «Газетная».
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54.
Усл. кр.-отт. 17,64.
Уч.-изд. л. 23,10.
Тираж 417 800 экз.
Заказ № 9.
Цена свободная.
101457, ГСП, Москва.
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок
212-11-27 — отдел писем
257-33-79 — отдел молодежных
проблем
251-04-10 — отдел литературы
и искусства
250-49-98 — отдел рекламы.
Факс (095) 212-15-17.
Учредитель —
коллектив редакции
журнала «Смена».
Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Типография издательства
«Пресса», 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

4 (1542) АПРЕЛЬ

© Издательство «Пресса».
© «Смена», 1993.

В НОМЕРЕ:

2

На нашей
обложке:
фотозюд
ИГОРЯ
ЯКОВЛЕВА

Проза

16

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ. «УДАЧИ ТЕБЕ, СЫЩИК!»
Криминальная повесть

138

ДАНИИЛ МОРДОВЦЕВ. ВАНЬКА КАИН
Историческое повествование

166

ПЕТР КАТЕРИНИЧЕВ. ВЕДУНЬЯ
Рассказ

230

ВЛАСТЕЛИН ШУБРТ. НОМЕР С ВАННОЙ
Детектив

Поэзия

125

БОРИС ЧИЧИБАБИН

Человек и общество

4

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ. РАЗДЕЛЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО

116

ЧАСТНОЕ ДЕЛО

Круглый стол в «Клубе новых предпринимателей»

130

«ЕСЛИ ВМЕСТЕ — ВЫЖИВЕМ...»

Беседа с академиком Борисом Ласкориным

Культура, музыка, искусство

98

ЗЛЬВИРА ПОПОВА. РАДУЮЩАЯ ВИДИМОСТЬ
Очерк о жизни и творчестве художницы Зинаиды Серебряковой

184

ПИТЕР БРАУН, СТИВЕН ГЕЙНЗ.
ЛЮБОВЬ, КОТОРУЮ ТЫ ОТДАЕШЬ

Спорт

222

СЕРГЕЙ ШАЧИН. МОСКВА — НЬЮ-ДЖЕРСИ

96, 182, 218

ВАШИ ПИСЬМА

280

КРОССВОРДЫ, ШАХМАТЫ

165

О ПОДПИСКЕ НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ 1993-ГО ГОДА

5-93

3

■ ШАРЛЬ ЭКСБРАЙЯ. «БЕСПОЛЕЗНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ».

Шарль Эксбрайя, популярный французский беллетрист, работал в самых разнообразных жанрах, среди которых последнее место принадлежит детективам и «шпионским» романам.

Действие повести «Бесполезное путешествие» разворачивается в двух тихих городках. Казалось бы, все тут на виду: хозяева гостиницы, друзья-чиновники, полицейские. Заурядное на первый взгляд убийство девушки Сесиль Луазен нарушает сонный укоренившийся быт и порядок, а главный герой, Мишель Феррьер, занявшийся расследованием преступления, сам оказывается жертвой обстоятельств, искусственно созданных вокруг него...

■ **КАЗИМИР ВАЛИШЕВСКИЙ.** «НИКОН». Исторический очерк. «...Никон трижды поклонился Алексею и, сделав два поклона восточным патриархам, стал в вызывающей позе. Царь предложил ему сесть, указывая на скамью для епископов, но Никон гордо покачал головой: «Я не вижу здесь приличествующего мне сидения, а так как я не принес с собою такового, то буду стоять, ожидая, когда мне скажут, зачем я сюда вызван».

■ **РЕЙ БРЭДБЕРИ.** «КРИЧАЩАЯ ЖЕНЩИНА». Рассказ.

АНОНС:

**Непременный
сюжет рассказов, очерков,
фильмов о пограничниках —
поймка шпиона.
Обязательный антураж —
следы на контрольной полосе,
погоня с собакой,
перестрелки...
Если читатель ждет
и здесь нечто подобное —
может смело
перевернуть страницы.**

Странная эта граница... На «обычной», с дальним зарубежьем, враг мог прийти с той стороны. Условно говоря, можно было ожидать пулю в лоб. Здесь, того

гляди, получишь в спину. Раньше как было? «Границу защищает вся страна!» Теперь приходится «обороняться» от своих.

Осенью прошлого года Верховный Совет России объявил административные границы с Латвией и Эстонией государственными.

Несколько ранее постановления ВС пограничный отряд из эстонского городка Раквере в полном составе вывели в Псковскую область; погранзаставы разместили в деревнях и поселках, по уровню бытовых удобств отнюдь не напоминающих прибалтийские. После курортных мест — да в русские болота, снега... И специфика службы на морской границе совсем иная. Сидел солдат в тепле у радиолокатора, следил за морем. Обнаружив объект, сообщал, кому положено. О том, что такое контрабанда, там и не знали. А здесь главная задача пограничников — ловить контрабандистов.

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ

ФОТО ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

РАЗДЕЛЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЗАСТАВА «ПАНИКОВИЧИ»

По давней традиции названия застав соответствуют названиям населенных пунктов, где они базируются. В данном случае псковская деревня Паниковичи. При въезде в деревню руины старых построек. Похоже, бывшие коровники. Безлюдье...

— Летом в Эстонию шли колонны грузовиков с грузами, — рассказывал начальник заставы майор Николай Дашков. — «Предприниматели» везли никель, медь, водку, продукты. А мы приехали сюда осенью. Здешние жители нам говорили: где ж вы были раньше?! Они ж понимают, что все это **и у них** увозят. И там наживаются на разнице цен. А сколько посевов грузовиками выбили! Ехали напрямую, в обход таможи, по полям. Сейчас такого потока машин нет, но все же за неполных четыре месяца службы задержали товаров на 22 миллиона рублей. Кстати, застава из этих денег не получила ни копейки. А вот в царской России пограничной охране шло 60 процентов от стоимости контрабанды. И наши коллеги в Эстонии сейчас получают, правда, поменьше — 10 процентов. Это в личный карман солдатам, офицерам. А как я могу поощрить своих? Никак. Ну, пожать руку, поблагодарить за службу да выдать грамоту... А вот контрабандисты своих помощников поощряют. Каких помощников? Есть проводники из местных. Они обстановку на границе хорошо знают, сообщают, на каких дорогах сегодня нет пограничных нарядов. За вознаграждение, конечно. Проводник буквально за несколько слов получает побольше своего месячного заработка в совхозе или колхозе... А на каждом проселке я наряд поставить не могу: мало солдат... Наряд — двое рядовых и сер-

жант — по 6—7 часов (а то и больше) в мороз и дождь сидит «в засаде» у границы, поджидая контрабандистов.

Обмундирование зимой — валенки и тулуп либо бушлат. Причем валенки неподшитые. К ним полагаются галоши, но интенданты, как часто бывает, присылают маленькие размеры. Что ж, получается, мы и защитников своих не можем снабдить легкой, теплой и удобной обувью?

Кто имел хорошие деньги на контрабанде, — продолжал Дашков, — пытаются мстить. Недавно приехали трое, вломились в дом офицера. Хорошо, он успел вызвать тревожную группу... Вообще криминогенная обстановка усложнилась. Даже милиция — а какая милиция в деревне, кроме участкового? — обращается к нам за помощью. Так, наш наряд скрутил блатных, приехавших для разборки с местными, отобрал газовые пистолеты. Воровство процветает. У одной бабки корову увели. Она меня потом спрашивает: «Куда ж ты солдатиков моих дел?!» А недалеко от ее дома некоторое время наш пост стоял... Тогда не рисковали соваться к бабке...

Наряд с заставы Дашкова задержал у границы начальника тыла одной из частей ВДВ — вез на «Урале» бочку солянки. Подполковник объяснил: за границей застряла без горючего выводимая техника полка. Едет заправить, а на таможену нечего и соваться, вот и пробирается в обход. И что же? Завернули начальника обратно в часть.

Скорее всего подполковник говорил чистую правду: не тот уровень, чтобы рисковать служебным положением. Подтвердил мою догадку и один из офицеров-пограничников, рассказав вдобавок нечто совсем уж анекдотичное:

— Мы в таком же положении

были: встали наши машины без горючего в Эстонии. И что б вы думали? Мы, как и этот подполковник, вынуждены были «прорываться» через границу в неподложенном месте, прячась от своих же постов!

ЗАСТАВА «ЛАВРЫ»

— Наша застава «специализируется» на горюче-смазочных материалах, — пояснял обстановку начальник заставы капитан Сергей Распаркин. — В Латвии много фермеров — наверное, поэтому бензин и солярка пользуются там особым спросом. На нашем участке восемь дорог через границу — и всего одна таможенная. Впрочем, восемь — цифра условная. Зимой, например, нетрудно проехать лесом, полем. Пытались перекапывать «нелегальные» пути, но это почти без толку. Засыпают или прокладывают рядом новые. А то еще проще: кинул за спину мешок с сигаретами — и пешком через лес. У нас же нет сигнализации, контрольно-следовой полосы. А с той стороны, между прочим, практически ничего не везут и не несут... За три месяца службы я задержал всего одну машину с конфетами «Коровка».

Да, были когда-то такие конфеты...

Наряд младшего сержанта Сергея Легкова под ночь остановил троих на грузовике, с емкостью бензина. Посыпались угрозы, но тут подоспела тревожная группа во главе с Распаркиным. Скрутили контрабандистов, доставили вместе с грузом на таможеню. А там дежурные милиционеры развели руками: ничего с ними сделать не можем. Нарушители переночевали на таможене, а утром принялись скандалить. Случайно проезжала милицейская опергруппа из Пе-

чор — она мужиков и забрала. В худшем случае они отделаются 15 сутками за мелкое хулиганство и потерей груза. Второе их вовсе не страшит — наворачстают... А штраф за контрабанду и вовсе смехотворен — 450 рублей.

Граница не обозначена никак. Только на некоторых дорогах она материализовалась в виде шлагбаумов, вагончиков таможни, пограничников и милиции. То же самое — с другой стороны, в нескольких десятках метров. Очень непривычно стоять перед шлагбаумом и сознавать, что без специального пропуска меня теперь в Эстонию не пустят... С Латвией граница «помягче» (пока?): там достаточно предъявить газпорт. Жители тамошних населенных пунктов ходят в русские села за хлебом и другими продуктами. Несмотря на пропускной режим, наведываются и эстонцы. Формально это нарушение границы, но наши смотрят сквозь пальцы. Не поднимается рука задержать старушку, которая несет пару буханок хлеба: «там» одна булка стоит 3—4 кроны — 100—120 рублей в пересчете на наши деньги... На базарчике в приграничном городке Печоры кроны ходят наравне с рублями. Можно ничего не покупать, а просто обменять деньги.

— Не ставить же колючую проволоку и не ходить же с собакой! — так отозвался о ежедневных визитах иностранных покупателей Распаркин.

— Я тоже не сторонник колючей проволоки на этой границе, — добавил заместитель командира погранотряда полковник Вячеслав Польша. — Хотя с профессиональной точки зрения раз есть госграница — должна быть проволока, вышки, КСП, сигнализация, прочее техническое оснащение. Не хотелось бы все это строить... Пони-

маете, как-никак прожили вместе 50 лет. Конечно, если прикажут — что ж, построим... Но знаете, сколько стоит километр нормальной границы?! 15 миллионов на сегодняшний день.

Как ни странно, солдаты без сожаления вспоминают о прежних бытовых условиях, «теплой» службе:

— Там мы взаперти сидели. Охраняли не границу, а заставу. А здесь к нам родные могут приехать, посылки, деньги, сигареты прислать.

Да, российская почта не принимала продуктовых посылок в страны Балтии. Последнее время солдаты жили голодно-вато... Запасы на продовольственных складах истощились; местные власти кормили «чужую армию» неохотно; продукты со своих подсобных хозяйств и тепличек многие заставы съели (а что еще с ними делать? С собой в неизвестность не повезешь. Это солдаты и офицеры могут жить в палатках, а свиньям удобства нужны).

А моральная обстановка? Жгли вышки, забрасывали камнями пункты наблюдения восемнадцатилетних «оккупантов». Носа за порог не высунешь.

А здесь, как ни трудно, крыша над головой обеспечена, с питанием наладилось...

Офицерам, помимо всего прочего, добавляются семейные проблемы. У Распаркина двое детей — пятилетний сын и дочь-первоклассница. Снял в деревне дом за умеренную плату (повезло с хозяевами), отремонтировал за свой счет. После безразмерного рабочего дня (или ночи) воду наносит дров наколи. Сделать это в выходной? Офицеры берут выходной раз в году — на день рождения... Жена Сергея, экономист по обра-

зованию, в здешнем совхозе работу не нашла: повсюду идет сокращение. Вчетвером на один оклад в 11 тысяч — не сахар, даже с учетом офицерского пайка. В таком же положении почти все офицеры.

Местные власти стараются хоть чем-то помочь: выделили участки под постройку нормальных заставных комплексов. Но когда начнется и, главное, когда закончится строительство, сказать очень трудно.

ЗАСТАВА «ПЕЧОРЫ»

— Перед весенним призывом у меня на заставе оставалось восемь солдат. А для поддержания заставы в элементарно рабочем состоянии нужно минимум одиннадцать. Но вы помните, сколько шума было из-за того, что Россия направляет в Прибалтику призывников? А это была необходимость. Эшелон, в котором ехало пополнение заставы, проскочил станцию назначения. Ясно, это не самодеятельность машиниста. Думаю, было спланировано довести эшелон до Таллинна, а там блокировать полицией, не дать разгрузиться. Тогда начальник эшелона приказал сорвать стоп-кран...

С майором Валерием Дутовым ехали под вечер на его заставу в райцентр Печоры. Вдруг по рации услышали: «Тревожная группа выехала».

— Контрабандисты?

— Они. Хотите посмотреть?

Мы свернули на проселок. Через несколько километров на дороге показались «Жигули», «Москвич» с эстонскими номерами, «ГАЗ-66» тревожной группы во главе с заместителем Дутова капитаном Иваном Тарасовым. Чуть опоздали мы, приехали к шапочному разбору. Нарушители уже мирно сидели по машинам.

— Спротивлялись? — спра-

шиваю сержанта Александра Цирка.

— Нет, они испугались, когда мы неожиданно возникли на дороге.

Изъяв документы, повели контрабандистов на таможенную. Там познакомились поближе: трое молодых парней и девушка.

Тарасов принялся собирать объяснительные, составлять протоколы. На сей раз все обошлось тихомирно. Правда, гости отрицали, что предлагали Цирку взятку. Ну, это все отрицают — уголовное же дело. В остальном были более откровенны. Да, купили бензин в Пскове на рынке, везли для личного пользования. (Что, кстати, не исключено: в Пскове бензин стоил 25 рублей за литр, в Эстонии — 100 в пересчете на наши деньги.) А провозить можно не более 20 литров.

Изъяли 6 канистр, пачку российских денег. Деньги они смогут получить по квитанции, когда снова поедут в Россию. А вывоз из страны нашей валюты запрещен.

Тарасов задает обязательные вопросы:

— Пограннаряд взял у вас что-либо, кроме документов и техпаспортов? Требовал ли денег или что-то еще? Есть ли претензии к пограничникам?

Нет. Нет. Нет...

По пути на заставу Тарасов сказал:

— Вот только что мы задержали и вернули России 680 литров бензина. Это примерно 70 тысяч рублей — только в результате одного, не самого крупного задержания. Иначе говоря, мы можем сами содержать заставу, ничего не требуя у государства. Если бы имели определенный процент от контрабанды...

На следующий день Дутов отметил Цирка перед строем сержантов: молодец, умеет маскировать-

ся. А стоял бы, как пенек, на дороге — никого бы не задержал.

Наутро разговорились с Сашей. Интересовало нас, как ведут себя контрабандисты при задержании.

— Когда остановишь машину, то первое их действие — подкупить. Большие деньги предлагают... Второе: начинают давить на психику, пытаются разжалобить — мол, пойми нас по-человечески. После этого бывает шантаж: не отпустишь нас — скажем, что ты взял деньги. Случается — замахиваются, угрожают, матом обкладывают.

— А стрелять можно?

— Если грузовик не остановился — по скатам. Но такого еще не было.

— А в человека смог бы выстрелить? Если угрожает?

— Н-не знаю... Не приходилось.

— Пытаются ли прикинуться иностранцами — «моя твоя не понимай»?

— Был один случай. Но как только я стал вызывать по рации тревожную группу — сразу заговорил по-русски: «Не надо группу, давайте по-другому договоримся». Но у нас железное правило: увидев недозволенный груз, сразу вызываем группу — без всяких разговоров.

Уловок у контрабандистов много. Например, впереди идет пустая машина. Если не задержали, путь свободен — команда по радио сзади едущему с грузом. У них своя «разведка», осведомители, проводники, курьеры...

В Пыталовском районе проблема вообще неразрешима. «А я еду в Калининград», — заявляет частник. И ничего с ним не поделаешь — едет из России в Россию, — приходится пропускать явную контрабанду. Ищут объездные пути и через Белоруссию... Тут я не раскрываю секретов: слабые

места границы всем «заинтересованным лицам» известны.

А вот о секретах пограничников умолчу. Скажу только, что и у них работает разведка, есть помощники из пограничных деревень, ведется специальный анализ грузопотоков. Как-никак войска МБ — бывшего КГБ.

Еще один канал контрабанды — железная дорога. Станция Печоры — пограничный пункт, здесь проводится досмотр. Сотрудники линейного отдела милиции подтвердили то, что нам уже приходилось слышать: на запад идут не пассажирские — товарные поезда.

— Бывало, откроешь купе, а оно забито коробками. И никто — ни пассажиры, ни проводник — «не знают», кому принадлежит это добро. Что делаем? Конфискуем...

Правда, часто везут продоволь-

ствие сверх нормы не умышленно, а по незнанию правил ввоза и вывоза. Но когда под матрацем обнаруживают 650 пачек сигарет... Или вскрывают ложный потолок в купе...

Заставе Дутова отдали двухэтажное здание бывшего интерната. Здесь все под одной крышей: казарма, столовая, комнаты, где живут офицеры с семьями, служебные помещения.

Попросторней, чем у Дашкова или Распаркина, зато своей территории вовсе нет. Из-за этого почти всю технику, оборудование, вывезенные из Эстонии, пришлось раздать другим частям: негде хранить. Хватило места лишь для полосатого пограничного столба, захваченного на память из Эстонии...

...Ноябрь. Заставой задержано

700 кг меди, 340 кг никеля, 620 литров бензина. Всего 16 автомашин.

...Декабрь. Меди — 7,7 тонны, никеля — 37 тонн, бензина — 1,2 тонны. Не считая всего остального, в том числе и живого барана. Всего 21 автомашина.

— У нас шутят, — говорил Тарасов, — Печоры — город пограничников, милиции, ГАИ, военных и контрабандистов.

— А у вас в Эстонии остались друзья, знакомые?

— Конечно.

— Вдруг придется их задерживать?

— Честно говоря, не думал о такой ситуации...

— А вот сейчас, задержав молодых людей, что вы испытываете?

— Удовлетворение.

...Под утро Тарасов «подбрёл» на таможенную ещё контрабанд-

ного бензинчика. Таможенники так с ним попрощались: «Чтоб мы тебя сегодня больше не видели!» Шутка, конечно. Однако их можно понять: немало мороки с каждой новой партией «товара». Оформлять акты приема-сдачи, переправлять груз на склад...

— А с зарубежными коллегами у вас какие отношения?

— Однажды бензовоз проскочил наши посты. Так эстонские пограничники его задержали и вернули нам.

У меня возникло немало вопросов, на которые офицеры не смогли дать ответа, соответствующего здравому смыслу. Например, почему отвозить наряд к границе должен именно офицер или прапорщик — тратить на это бессмысленное занятие до шести часов в день? Почему нельзя доверить старшему наряда — сержанту?

Почему офицер, изучавший в погранучилище автодело, не имеет права сесть за руль служебной машины?

Почему офицер не может проверить посты в одиночку, а должен обязательно брать с собой сопровождающие солдата или сержанта?

А чтоб «доглядывали» друг за другом — не свернул бы кто за водкой или к девочкам. Откуда такое недоверие к людям в погранвойсках?..

Несколько слов о таможне.

Молодой таможенник при нас завернул две машины с излишком бензина в баках. Проводил их взглядом и сказал:

— Они сейчас отъедут, пешком перетащат канистры через границу и вернутся ко мне пустыми. Так часто бывает. А я себе неприятности зарабатываю. Уж сколько раз обещали «пощекотать». Я ведь здешний, всех контрабандистов и проводников в лицо знаю. И они меня тоже. Знают, где живу, знают мою жену. А чем у нас таможенник защищен? Я не имею права иметь даже газовый пистолет. Вот единственное оружие на всех таможенников — газовый баллончик. Но, во-первых, «щекотать» меня будут не здесь. Во-вторых, толку от него никакого. Мы летом пытались баллончиком мух на таможне травить, сами заодно нанюхались — и безрезультатно... Нет, надо жену в Псков отправлять. Хорошо еще, что у нас детей нет...

Солдатам в этом смысле несколько спокойней: втроем с автоматами. Семья далеко... В казарме — все вместе, часовой круглосуточно. Хотя даже тут о полной безопасности говорить трудно. Напротив заставы «Печоры» — дискотека. Не раз подвыпившие ребята пытались залезть в окна казармы на первом этаже. Часовому дважды приходилось применять «оружие» — приклад. Может, лез-

ли те, кого солдаты задерживали на дорогах?

А офицерские семьи? Помились же в дом к офицеру из Паниковичей...

Словом, служба опасная. Тем более странно, что люди, ее несущие, даже не застрахованы. Местная страховая компания предлагала сделать это — через отряд, по перечислению. Да нет у пограничников таких средств. Что нам жизнь и здоровье человека...

Зашел я к главе районной администрации Анатолию Монтаровскому: на него тоже немало хлопот свалилось по обустройству пограничников.

— Обидно, что в нашем государстве, — говорил он, — все так поздно решается. Еще в сентябре 1991 года мы ставили вопрос перед военными: давайте начинать готовиться к приему пограничников. Военные ссылались на отсутствие закона о госгранице России... Только когда вышел Указ Президента о таможенной границе, они зашевелились. По пять генералов в день приезжало. Какие проблемы на самой границе? В Уголовном кодексе России отсутствует статья о контрабанде. Поэтому прокуратура не может привлечь к уголовной ответственности даже злостных нарушителей. Результат: различные группировки стягиваются к Печорам; здесь любыми способами регистрируются различные кооперативы, малые и совместные предприятия. А занимаются они в основном контрабандой. В связи с этим надо срочно решать и другой смежный вопрос — установить погранзону и соответствующий контроль за въездом. Ведь жить становится невозможно: все преступники едут сюда. До чего дошло: дети становятся «проводниками»! А для пограничников жизнь ус-

пожнена: проверить и задержать нарушителя можно только у самой границы...

Можно упрекнуть Верховный Совет России в том, что он объявил государственными границы с Латвией и Эстонией в одностороннем порядке. С юридической точки зрения для этого надо было создать двусторонние комиссии, согласовать линию госграницы на карте и в натуре, подписать договоры между странами на самом высоком уровне. Но Россия и так позже многих других бывших республик обрела государственность, армию... Можно ли было продолжать мириться с беззастенчивым вывозом (читай: грабежом) национальных богатств? Решение Верховного Совета — вынужденное.

...Ну а границе нужны определенность и стабильность.

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

"УДАЧУ ТОГО,

СЫЩУК!"

Рисунки БОРИСА СОПИНА

Полковник Лев Иванович Гуров, проработав в органах МВД СССР девятнадцать лет восемь месяцев и двадцать шесть дней, был уволен «в связи с утерей доверия», не дослужив до пенсии три месяца и четыре дня.

Но... Время такое, что премьер-министры стали сменяться у нас словно постояльцы в привокзальной гостинице. Не успел белье испачкать, пора на поезд собираться и напрямик в какие-нибудь там парижи — обниматься с вчерашними неприятелями, а ныне отцами-кормильцами.

И неудивительно, что мента-полковника в четверг уволили с волчьим билетом, а в понедельник пригласили обратно. Конечно же, не извинились, а лишь обмолвились второпях, дескать, накладка произошла, фамилию перепутали, вас внизу много, а мы наверху одни. За время отставки сыщик успел лишь холостяцкую квартиру прибрать, в баню сходить, бутылку выпить да выспаться, как друг-генерал Петр Орлов по телефону объявился, недовольно буркнул: криминальная обстановка в стране... и другие слова из газет.

Буквально на следующий день Петр Николаевич Орлов и Лев Иванович Гуров, потоптавшись на начальственных коврах, выслушав слова о долге и Отечестве, засели в кабинете Орлова. Они были недовольны друг другом, жизнью вообще и своей собственной в частности.

— Лева, ты второй сыщик в стране, — произнес Орлов и сделал паузу, давая возможность спросить, а кто же первый? Но Гуров не клюнул, лишь снисходительно улыбнулся. — А сыщик — это не только розыскник...

— Но и скорохват, — перебил Гуров, — и дипломат, и жополиз. Вот они меня в дерьме вымазали, а я им должен еще и сочувствие выказывать. Мол, понимаю, какое у вас, руководителей, сложное положение, стрессы, перегрузки... А посему забудем старое... Короче, далеко?

— Что?

— Ехать или лететь? Далеко посылаешь?

— В цирк.

— Ну, до цирка рукой подать, — усмехнулся Гуров. — Минут десять отпагал — и на арене.

Орлов хмыкнул, вытащил из папки бумагу, протянул Гурову. На несвежем, помятом листке было всего несколько строк, большие корявые буквы свидетельствовали, что автор не увлекается эпистолярным жанром. «Здравствуй, Петр. Если ты здоров, подъезди быстренько ко мне, есть разговор. Дело по твоей части, да и должок пора бы погасить. Михаил».

Гуров повертел листок, даже понюхал его, положил на стол и сказал:

— Зоной пахнет, а ты говоришь, цирк.

— Медведем пахнет, а не зоной. Михаил Рогожин — артист цирка. Раньше был акробатом, потом швырнулся на арене железом, последние лет пятнадцать работает с медведями. Мировая знаменитость. Объездил наш шарик вдоль и поперек. Но дело не

в этом. Ты когда его увидишь, сразу поймешь. Он сделан из цельного материала, никаких заусенцев, трещин, пустых мест в Михаиле нет, раз пишет — надо, значит, надо. Я не могу поехать, мне такой командировки начальству не объяснить, а тебе поручаю обычную инспекцию, для проформы. Понял?

— Не понял, но раз надо... — Гуров пожал плечами. — Если не секрет, что за должок?

— Секрет. — Орлов протянул через стол командировочное удостоверение и отпечатанное на бланке редакции популярного журнала задание, в котором предписывалось корреспонденту Гурову Льву Ивановичу собрать материал и написать очерк о заслуженном артисте Михаиле Семеновиче Рогожине.

Гуров улыбнулся:

— Ну вот. Все возвращается на круги своя. В молодости я уже был корреспондентом, только не в цирке, а на ипподроме. И конюха звали Михаил, и фамилия была схожа — Рогозин.

— Так шарик-то крутится, — пробормотал генерал. — Я тебе не советую связываться с самолетом, поездом меньше суток.

— Интересно, как я на суточные проживу? — Гуров убрал документы, но не встал, а, закинув ногу на ногу, уселся удобнее. — Петр, ты мне свой секрет-то приоткрой, иначе несерьезно получается. Артист, пусть и заслуженный, пишет генералу — приезжай, и генерал немедленно посылает полковника, опера-важняка, словно мы от безделья места себе не находим.

— Да объяснять-то нечего. — Орлов прижал ладонь к груди. — Когда-то Михаил отбил меня у бандитов, но эта история никакого отношения к сегодняшнему дню не имеет. Но раз Миша о ней напоминает, значит, дело серьезное. Я тебя прошу: поезжай и разберись.

Генерал встал, протянул короткопалую руку. Гуров пожал ее, кивнул.

— Звони ежедневно, чувствую, хлебнешь ты горячего до слез.

Гуров уже открыл дверь, повернулся, взглянул на друга удивленно, хотел что-то сказать, но Орлов махнул рукой:

— Удачи тебе, сыщик.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Русские медведи

Они объездили многие страны мира и континенты, лишь в Австралии не были, и надо же такому случиться, когда условия контракта обговорили окончательно, осталось лишь подписать, старший медведь, Михаил Семенович Рогожин, от поездки отказался.

Было их двое — Михаил Семенович Рогожин, лет шестидесяти, роста около двух метров, вес за сто двадцать, и его воспитанник, друг Гоша, которому недавно исполнилось пятнадцать. Когда Гоша поднимался на задние лапы, то был выше своего друга на целую свою медвежью голову. От рождения и Миша, и Гоша были бурой масти, но старший рано поседел, и со стороны казалось, что он носит белый парик, так что получалось:

на арене работают блондин и брюнет. А в общем, они были похожи: быстрые и ловкие, обладали колоссальной физической силой, житейской мудростью и хитростью, любили поест и поспать, не пили, не курили, на службу не напрашивались, но от службы не уваливали, раз надо, так надо, за просто так не проживешь, мужик должен работать. Строго отрететированного номера у Миши и Гоши не было, они многое умели и походили на коверных, все зависело от их настроения и самочувствия. Миша и Гоша умели бороться и боксировать, кататься на гигантских велосипедах, передразнивая друг друга, бегать на передних и задних конечностях, играть в футбол, поднимать гири, порой прыгали через одну скакалку, правда, последнее получалось не всегда. Запутавшись в резиновом жгуте, Миша и Гоша раскладывались, виновато потирая затылки.

После выступления Михаил Рогожин запирался с Гошей в отдельном помещении, где медведь получал лакомства, а дрессировщик чаевничал. Миша Гошу любил и уважал, когти ему не подрезал, и они походили на ножи, но за ошибку Мише приходилось извлекать на свет божий бутылку с йодом и лейкопластырь. Любый работающий в цирке человек знает, что наибольшее количество несчастных случаев, травм, царапин и синяков бывает не при работе с грозными, рычащими львами и тиграми, а именно с добродушными, казалось бы, неуклюжими медведями.

Человек и зверь любили и уважали друг друга, жили дружно, на родной земле Михаил, урезая свой бюджет, подкармливал друга, на чужбине, наоборот, Гоша делился своим барским столом, экономил валюту, чтобы дома поменять на рубли, ходить вольготно на рынок, чинить реквизит, реконструировать клетку. В общем, Миша и Гоша были русские ребята, сызмальства привыкшие: хочешь жить — умей вертеться.

На судьбу они не жаловались, номер был нарасхват, не выезжали из загранки, где, как известно, платят деньги, а не макулатуру. Только вернулись с Кубы, должны были ехать в Европу, но что-то с контрактами не заладилось, друзей начали оформлять в Австралию. Однако врач, наблюдавший Гошу со дня рождения, задрал голову и тыкая пальчиком в покрытую шрамами и седой шерстью грудь Миши, сказал.

— Слушай, ты своего кормильца побереги... Дорога, жара, переезды, Гоша уже не мальчик. Ему в средней полосе месячишка два отдохнуть требуется. Хоть Гоша и богатырь, силы неимоверной, а сердчишко у него самое обыкновенное.

Михаил Семенович Рогожин даже переспрашивать не стал, никаких консилиумов и обсуждений не провел, контракт не подписал, быстро собрался и прибыл в родной город, на цирковой арене которого кувырчался еще сопливым мальцом. Но, прежде чем Миша и Гоша уехали из столицы, произошли события, которые вынудили Рогожина вспомнить о давнем долге лейтенанта милиции. Лейтенант за эти годы стал генералом, но память не потерял, потому...

В сыкотный, промозглый понедельник полковник милиции, сыщик божьей милостью, Лев Иванович Гуров пил затхлый чай

в задрюканном номере провинциальной гостиницы, которая, конечно же, называлась «Центральной». Он с неприязнью смотрел на сползавшую по оконному стеклу серую жижу и рассуждал о бренности всего земного, что в жизни за все приходится платить и самые дорогие счета нам подсовывают близкие друзья. И Петр, будь хоть маршалом, не сумел бы заставить Гурова работать по высосанному из пальца материалу. Генерал может заслать полковника не то что в глухомань, к черту в зубы, но вынудить работать, когда все опротивело и белый свет не мил, может только друг. Петр, чтоб ему икалось, этим пользуется.

Гуров работать еще не начинал, не знал, как пройдет расследование, но уже злился и жалел себя. В поезде, до чего ни дотронься, руки прилипали, белье пахло болотом, а приехал, с неба посыпалось не поймешь что; попросил «люкс», девица за стойкой от удовольствия даже хрюкнула, попросил чай... Тыфу!

Сыщик поднялся из-за стола, выплеснул теплое, мутное пойло в раковину и начал распаковывать чемодан. Гуров был профессионалом и независимо от настроения все делал последовательно и внимательно. Еще в Москве он представлял, как пойдет по осклизлой мостовой, найдет облезлое здание с колоннами, кособокой афишей, на которой розовая гимнастка пытается сломать свою гипсовую ногу, а рядом отравившийся алкоголик, уныло повесив нос, изображает клоуна. И войдет сыщик в этот храм веселья, найдет директора либо администратора и в очередной раз соврет, представляясь. И выглядеть в этот момент он должен соответственно, мол, конечно, корреспондент из Москвы, но парень тертый, свойский, хоть сейчас наливай...

Гуров сделал гимнастику, оберся мягким полотенцем, надел свежую рубашку и, отчаянно фальшивя, начал насвистывать «миллион алых роз». Когда он был солидным женатым человеком, а не одиноким волком, как сегодня, «алые розы» Пугачевой были гимном некогда счастливой семьи. Но, как известно, все проходит: жена ушла, песня осталась.

Гуров, отгоняя воспоминания, сменил пластинку и, калеча другую мелодию, натянул джинсовый костюм, который получил в подарок от отца несколько лет назад. Сегодня полковник за месячную зарплату вместе со всеми надбавками и компенсациями ничего похожего приобрести не в силах. Интересно, в чем будет ходить сыщик, когда подарки износятся? Папа уже не многозвездный генерал, не командует на Западе, а копает грядки в деревне под Херсоном. Правда, как жил за границей, так и остался, переехал из Германии на Украину.

Лев Иванович Гуров внимательно оглядел себя в зеркале, проверяя, не выпирает ли из-под джинсовой куртки пистолет. Убедившись, что выглядит цивилизованно, но скромно, Гуров прихватил плащ, запер дверь. Направляясь к лестнице, услышал, как за спиной распахнулась дверь. Инстинктивно он сделал быстрый шаг в сторону и развернулся на сто восемьдесят градусов.

— Ого! Вы что, из цирка? — спросила стоявшая на пороге своего номера женщина. Она несколько раз безрезультатно щелкнула зажигалкой. — Огонь есть?

— День добрый. — Гуров достал из кармана зажигалку.

Женщина посторонилась, приглашая войти. Сыщик почувствовал запах французских духов, вошел в номер «люкс», который, казалось, находился в другой гостинице и в другом городе. Женщина взяла у Гурова зажигалку, прикурила.

— Ольга Дмитриевна. — Она затынулась вкусно, по-мужски, внимательно оглядела Гурова. — Вы не из цирка. А я не профессионалка, поджидающая доверчивых мужчин. Как вас зовут? Составите компанию или, как всякий командировочный, торопитесь?

Гуров плохо определял возраст женщин. Ольге Дмитриевне можно было дать и тридцать пять, и сорок пять. Она, без сомнения, пользовалась успехом у мужчин и прекрасно знала об этом. К тому же относилась к типу женщин, которых Гуров терпеть не мог. Ольга Дмитриевна это мгновенно почувствовала и начала доказывать, что он обыкновенный мужик, а она само совершенство. Гуров все понял. Не поднимая взгляда, изучал ее изящные туфельки. Для него не имело значения, какого цвета у нее глаза и волосы.

— Приехали сегодня московским? — Ольга Дмитриевна отошла к заставленному бутылками столу, плеснула в два бокала коньяку и, не повторяя приглашения, сделала изрядный глоток.

— Меня зовут Лев Иванович, приехал сегодня московским, выпью с удовольствием, спасибо, — сказал Гуров на одном дыхании. Выпил коньяк и запоздало произнес: — Со знакомством!

— Вы кто? Мы раньше не встречались?

— К сожалению... — Гуров улыбнулся. — А может, к моему счастью?

Он не умел говорить комплименты, да и не особенно старался.

— Мужлан! — Женщина кокетливо наклонила голову, протянула свой бокал. — Ухаживайте, но учтиво, я здесь с мужем и вообще не из вашей команды.

Гуров вспомнил старый анекдот: «Учтите, что я девушка и вообще у меня после этого голова болит», — и вслух сказал:

— Конечно, конечно, я из низшей лиги, — налил хозяйке коньяку, свой бокал отставил. — Большое спасибо, но мне действительно пора.

Сыщик руку даже не поцеловал, ограничился сдержанным поклоном и вышел. Еще в Москве он изучил карту города, дорогу из гостиницы к цирку знал, идти было всего ничего. Ни подозрительностью, ни манией преследования Гуров не страдал, но, сталкиваясь с чем-то необыкновенным, с фактом, выпадающим из повседневной жизни, всегда задумывался, отчего да почему произошло то или иное событие.

Люксовский номер в центральной гостинице — дело обычное, держат для именитых гостей. Бутылки и закуски, ясно, привезены из Москвы. Дама, пьющая в одиночестве, упомянувшая слова «цирк» и «муж», — тоже из столицы. Все очень просто: хозяин номера и супруг скушающей прелестницы — крупный функционер из Гос- или Росцирка.

Гуров услышал за спиной звук приближающейся машины, предусмотрительно отошел от края тротуара, и грязь из-под

колес пролетевшей «тойоты» обрызгала менее расторопных аборигенов. Благородная машина, проскочив два квартала, остановилась у здания городского цирка.

В своих мрачных рассуждениях сыщик угадал и колонны, и афишу, но абсолютно не угадал духа праздничности и прекрасного настроения хозяев. На колоннах не осыпалась штукатурка, ступеньки парадного крыльца были чисто выметены, рекламный щит не облез, не скособочился, и рисовал его, безусловно, художник, обладавший если не талантом, то, уж конечно, способностями и вкусом. Среди призрачных, лишь обозначенных фигур акробатов, жонглеров, изящных гимнасток красовался длинный, худой клоун с умным и грустным лицом. И надпись была в духе времени: «Дорогие ребята! Уважаемые дамы и господа! Мы всегда рады вас видеть!»

Гуров долго разглядывал афишу, затем взглянул на московский номер чумазой «тойоты». Поднявшись по чистым ступенькам, толкнул тяжелую дверь и вошел в сумеречный вестибюль, пахнувший свежестью. Впереди сквозь раздвинутые шторы светилась арена, доносился разноголосый шум, шла репетиция. Неожиданно Гуров понял, что не хочет думать о предстоящей встрече. Изначально ему не понравились задание друга-генерала, его скользкий взгляд, неуверенный тон. Пожалуй, необходимости в поездке нет, придумал ее Петр спонтанно, желая сослать его подальше от начальства, пока оно перестраивается и реконструируется. И получилось все неубедительно, даже комично, вроде стрельбы из пушки по воробьям.

Неожиданно мимо Гурова, словно заяц, проскакал пудель. Прыгал он на задних лапах, передние держал сомкнутыми перед собой. Не успел Гуров подумать, что передние лапы пса связаны, как донесся звонкий женский голос, пудель встряхнулся и на всех четырех опометью бросился в боковой проход.

— Ну? Журналист. Из Москвы. Ищете Мишу и Гошу, — произнес появившийся рядом с сыщиком мужчина, оглядел гостя и громко позвал: — Сильвер!

— Здравствуйте, — сказал Гуров. — Гуров. Вы угадали...

— Также мне фокус! Колесников. Алексей Иванович. — Мужчина пожал Гурову руку, хмыкнул и неожиданно быстро и ловко опутал плечи и спину сыщика.

— Неплохо, совсем неплохо. — И снова крикнул: — Сильвер, черт тебя поberi!

— Не кричи, здесь я, — отозвался мягкий мужской голос, и из бокового прохода появилась слегка прихрамывающая фигура. — Слушаю, капитан.

— Проводи к медведям, — приказал Колесников.

Гуров разглядывал «капитана» Колесникова, хромоногого Сильвера, который хитро косился на Гурова и не двигался с места. Колесников хлопнул его по плечу.

— Чего окопался? Иди, сразу не съедят. — Колесников погладил выпирающий из-под фирменной куртки тугий живот. — Как медведи прибыли, сразу понял: жди гостей. Ох, не любит Москва терять... Будешь уговаривать вернуться? Ну-ну! Ты с Гоши начинай! Его уговорить легче.

Довольный своей шуткой, он рассмеялся и легко зашагал в темный боковой проход, его бесшумная быстрая походка совершенно не вязалась с коренастой пузатой фигурой.

На железной коричневой двери было написано: «Осторожно! Хищники!» Сильвер ударил несколько раз кулаком, железо гулко ухнуло, и из-за двери донеслось:

— Можно!

— Можно, — пробормотал Сильвер, — войдешь, а Гоша на пороге лежит. — Он с натугой потянул тяжелую дверь и крикнул: — Михалыч, к тебе гость из престольной!

— Пусть войдет!

Сильвер пропустил Гурова в полуоткрытую дверь, сам остался в коридоре.

Гуров переступил порог и оказался в просторной, хорошо освещенной комнате без окон. У дальней стены сидел седой мужчина, справа стояла огромная клетка, в которой громоздилась бурая гора. Гуров понял, что перед ним Миша, а справа — Гоша, — а вместе они всемирно известная пара «Русские медведи».

— Ну, я пошел! — крикнул из-за двери Сильвер и со скрипом ее притворил.

— Все руки не доходят смазать, — пробурчал Михаил Рогожин, поднимаясь с топчана. Он шагнул навстречу, вытирая подолом кимоно мокрые ладони. Это черное с золотом кимоно, поблескивающая седая шерсть на груди, массивная фигура, клетка с медведем, железная дверь за спиной даже на выдавшего разное сыщика произвели должное впечатление. Гуров внимательно и настороженно посмотрел хозяину в глаза, которые оказались светлыми — то ли голубые, то ли серые, улыбнулся, протянул руку и сказал:

— Полковник Гуров прибыл по вашему приказу, Михаил Семенович.

Рогожин шевельнул лохматой бровью, кивнул, быстро и ловко задвинул в угол огромное ведро, в котором перед приходом гостя чистил овощи, вытащил рубленый самодельный табурет, протер стол и начал его накрывать, выставляя посуду, открывая банки с яркими этикетками.

— Значит, сам Петька не соизволил. Служба загрызла или гордым стал? — Голос у него был густой, но мягкий. — Ты документик-то положи, взглянуть хочу. — И ткнул пальцем в стол. — Я сам — чай с травками, тебе могу предложить иное, коли настроение имеешь. Хотя в доме с этим строго, капитан порядок блюдет, но сюда никто не посмеет, тут мы командуем.

Обычно милицейское удостоверение смотрят мельком, как бы извиняясь, и торопятся вернуть хозяину, но Рогожин изучал «верительную грамоту» внимательно, сверяя фото с оригиналом.

— Молодой, а уже полковник, по-нашему значит солист, свой номер исполняешь... Уважаю. — И неожиданно спросил: — А Петр все еще жердь или с годами мясом оброс?

Гуров знал Орлова не сорок, а лишь двадцать лет, но был уверен, что генерал, и будучи лейтенантом, дистрофией не страдал, комплекция не та, понял, что проверяют, и улыбнулся.

Сначала сыщик хотел разыграть артиста, но решил не рисковать и ответил серьезно:

— Я знаю Петра Николаевича не один десяток лет, он все веселит, так что вы, уважаемый Михаил Семенович, мне чайку налейте и переходите к делу.

— К делу, к делу. — Рогожин смутился. — Знал бы я, к какому делу и с какого конца.

— С конца не надо, лучше с начала.

Наступила пауза. Рогожин колдовал с заваркой, молчал. Сыщик подошел к клетке и стал рассматривать бурую мохнатую гору.

— Ты не думай, что Григорий спит, как ты вошел, он проснулся. Поосторожней, отправит на пенсию в момент...

Зверь понял, что хозяин говорит, повернулся с бока на спину, потянулся, зевнул, лизнул лапу. От вида этой мощи, желтоватых клыков и тускло поблескивающих лезвий когтей, которые были опасней воровского ножа, у Гурова вспотели ладони, а ноги ослабли.

Он резко отпрянул от клетки, повернулся к Рогожину. Артист разливал чай, кустистые брови на смуглом лице шевельнулись, густой голос произнес:

— Присядь, выпьем, я употребляю только горячий.

Гуров подошел к столу, но предложенную чашку не взял, боялся, что рука дрогнет. Ему было стыдно: испугался неизвестно чего. Взглянул на Рогожина, проверяя, понял ли он, что произошло. В глазах артиста вспыхивали лукавые огоньки. И Гуров рассердился, почувствовал, что к нему приглядываются, решают, стоит ли доверять или только чаем напоить да передать привет старому другу. И еще сыщик понял, что ничего от него не зависит. Все решает седой гигант в кимоно. Ну что же, в таком случае следует молчать, терпеть и ждать. Он взял пиалу и, обжигаясь, с удовольствием выпил.

— А ты, вижу, мужик настоящий, давно таких не встречал, думал, перевелись. Медведя не понимаешь, а от клетки мигом убрался, значит, чувствуешь. Люди, полагающие, что медведь коротколап, ошибаются. Григорий тебя бы достал, как кот — мышь. Но ты ему понравился, я точно говорю. Ты смерть чувствуешь, и я чувую, а уж как Григорий... — Рогожин вздохнул. — А смерть, тут она, рядышком бродит, косою помахивает, не знает, с какого боку ударить.

Он распахнул роскошное кимоно, твердыми пальцами прочесал серебристую шерсть на груди и неожиданно сказал:

— Ты кури, кури, нам не помеха, а хуже нет, когда человек себя окорачивает. Я буду долго говорить, может, и лишнее, но ведь тебе лучше больше, чем меньше.

Сыщик ничего не ответил, лишь согласно кивнул, закурил и с удовольствием затянулся.

— Должны мы в Австралию отбыть, нормальная работа. Я на том берегу не бывал, согласился. Страна богатая, думаю, людей поглядим, кенгуру там всяких, подкормимся. Хотя не думай, мы не только за деньги работаем, у нас запасец есть. Я там, в ихнем банке, держу, конечно, стыдоба, однако мы мужики здоровые,

нам требуется порядочно, а на Руси сам знаешь, как воруют... Короче, мы согласились. И тут доктор, который за нами приглядывает, говорит, мол, Григорий в возрасте, да и я не мальчик, а Австралия, конечно, хорошо, разные мартышки там, бананы, только не советую тебе по старой дружбе.

Историю эту сыщик знал, уже и о враче справки навел и даже беседовал с ним, но слушал внимательно, понимал: человеку, прежде чем в кресле у зубного врача рот открыть, нужно настроить себя, подготовиться, ведь известно, что ничего хорошего не ждет.

— Григорию ни дорогу, ни жару тамошнюю не пережить, — продолжал мягко урчать седоголовый гигант. — Есть и другие мнения, мол, зверь здоровый, все переживет, вернется домой. Решай, Михалыч, так меня цирковые зовут, ты хозяин-барин. К тому же там суета поднялась, торопятся, плюют факсы, телефаксы...

Рогожин поднялся, кастрюлей из бачка зачерпнул, подошел к клетке. Медведь в полный рост подняться не мог, сел, подперев огромной башкой потолок клетки, и просунул лапу между прутьев. И тут сыщик понял, о чем ему говорил артист. Лапа вытягивалась и вытягивалась, казалось, иллюзионист показывает фокус. Гуров взглянул на лезвия когтей, прикинул, где минуточку назад стоял, и пригладил на своей голове волосы.

Рогожин шлепнул ладонью по могучей лапе, продвинул овощи в клетку, почесал медведя за ухом, что-то поурчал ему и вернулся к столу.

— Я ни с кем объясняться не стал, бумагу порвал, сказал, мол, заболели мы, оба враз. Тут началось! Нарушение контракта — пакостное дело, но не в первый раз, номер всегда заменить можно. Мы с Григорием ребята штучные, но у цирка в запасе есть не хуже. Короче, наверху поругались и замолкли, начали искать замену. Сам понимаешь, Австралия не Тамбов, желаящие найдутся. Я родом отсюда, — артист постучал пальцем по столу, — позвонил Лешке Колесникову, я ему сопли еще недавно вытирал, говорю, приеду вскоре. И вот, собираюсь неспешно, но неожиданно звонят. То ли мужик, то ли баба, голос скользкий: «Мы вам, уважаемый, очень советуем ехать на гастроли». Кто мы-то, говорю, вроде бы большевиков уволили. «Не занимайтесь политикой, берегите здоровье, отправляйтесь в Австралию». Спасибо, отвечаю. Ты, сынок, загляни ко мне для беседы, я тебе про здоровье детально растолкую, потом всю жизнь эти детальки будешь складывать.

Рогожин снова продрал седые заросли на груди, посопел, видимо, вспоминая и пытаясь восстановить прошедшие события.

— Часа не прошло, вновь тринькают. Голос другой, солидный, спокойный. Извинился, начал чего-то про новые структуры объяснять, про коммерцию, я не понял толком, а в конце выступления выдал трюк: если поедете, выплатим десять тысяч долларов. Пять после подписания контракта, пять по прибытии в Мельбурн. Ну, тут я закусил удила, на дыбы поднялся. — Теперь Рогожин почесал в затылке. — Плохо я ответил, мне бы не сегодня, а тогда Петру позвонить. Но ты пойми, парень, он мне

за жизнь Григория деньги предложил. Прибыл сюда, приняли, как должно, я обустроился. — Он указал на топчан и стол. — А чуть погода заскакивает Иван Иванович, пацан, которого мне без надобности приставили, и волокет пакет с мясом и костями, килограмм пять, не меньше. Вы заказывали — вот прислали. Я спрашиваю: кто прислал-то? Пацан отвечает, что какой-то мужик незнакомый, вроде грузчик у Митрофановны, так зовут хозяйку магазина за углом. Иван Иванович мясо положил и не уходит, помялся и спрашивает: «Мастер, может, вы мне выделите чуток, мы мяса в этом году не видели».

Рогожин помолчал, взглянул сурово.

— У меня мурашки по спине побежали, я отвечаю: непременно выделю, не сомневайся, иди пока. Он ушел, а я думаю: мясо никому не заказывал, и Лешка Колесников позаботиться об нас никак не мог, знает, что ни Григорий, ни я мясо не употребляем. Я отучился, вес растет, а Григорий и без мяса мужик серьезный, начнет употреблять — сладу не будет. Случается, поклонники подбрасывают, но они обязательно лично являются, оно и понятно, на артистов поглядеть, добротой похвастаться. А тут по нынешним временам такое богатство и через посыльного. Не складывается, ну и, конечно, болтовня телефонная вспомнилась. В общем, прихватил кусочек мяса, сунул подарочек в дальний угол, выбрался во двор, где псина отоцавшая шастает, выбрал самого замухрышистого и подкормил.

— И как? Сразу или на другой день? — подал голос сыщик.

— К вечеру, — ответил артист, — а сотоварищи его порвали и тоже все легли. Но то был только парад-алле, номер показали на следующий день. Иду по городу, темно, фонарей у нас на всю Россию дюжина, из них десятков в престольной, сам знаешь. Ну, шагаю, я такой порядок завел — перед сном хотя бы с пяток верст отмахать, вдруг чую: кто-то приглядывает за мной, и не с любопытством, а зло, и как бы перед ударом примеривается. Удар, это я так сказал, понимаешь, меня в рукопашной завалить — надо бригаду ОМОНа вызывать, а подстрелить и один мерзавец способен. В общем, как мурашки по спине побежали, я шаг придержал, башка седая, а дурная, привстал как раз у подслеповатого окна, оно тут же и тринькнуло. Ну и бежал я, скажу тебе, как молодой конь, шаг-то у меня широкий. Все. Марш. Поклон. Артисты покидают арену... Ну, как номер?

Гуров обрадовался. Ничего еще толком не поняв, он почувствовал — история завязывается крутая, приехал не зря, и неожиданно рассмеялся:

— Михалыч, вы говорили, у вас, кроме чудесного чая, напитки имеются?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Смерть первая

Гуров плеснул в стакан виски и подумал, что рассказы о популярности русской водки — утешение для нищих.

— Из каждой поездки ящик привожу, — Рогожин колдовал

над свежей заваркой чая, — мы-то не употребляем, а для жизни абсолютно необходима жидкая валюта. В России — лучшая взятка, да и самая лучшая оплата.

Выложив суть дела и поняв, что людей побеспокоил не зря, артист повеселел, заговорил легче, и его слова, мол, мы с напарником молчуны, были лишь нехитрым кокетством.

— Эту валюту и министры, и мастеровые берут и дела решают быстро, сноровисто, как положено. А провезти пару ящиков нам легче, чем фигу показать, сунул в угол Гришиной клетки, тряпками прикрыл, соломки бросил, вопрос решен. Пограничники, таможенники глянут и ходу. А еще при большевиках конфуз приключился. Молодой, шустрый таможенник мне говорит: «Выведите зверя, желаю клетку осмотреть, в таких объемах вы можете любую контрабанду провозить». Я отвечаю: «Григорий — очень даже большая умница, но в данный момент не в настроении и из дома не пойдет». А мальчонка губу отвалил, гнет свое: «Я при исполнении, мой долг блюсти, вы мне лапшу не вешайте, вы дрессировщик, зверь обязан, и все тут сплошной обман — провозите в клетке наркотики, золото либо иконы».

Гуров боялся расслабиться и что-нибудь упустить, старался внимательно слушать и запоминать, но ничего не получилось. Непроизвольно сыщик просчитывал ситуацию. Значит, так. Человек отказался от зарубежных гастролей. За выступления «Русских медведей» в Австралии некто получил взятку, и ему отказ поперек горла. Возможно. Но десять тысяч долларов?! Ради чего платить такие деньги? Каков же размер взятки? Допустим, я в этих вопросах дилетант, рассуждал Гуров, улыбаясь Рогожину. Скорее всего из чувства мести за потерю «навара» попытались отравить медведя. Допустим. А покушение на маэстро? Извините покорно, я профессионал и знаю, за что могут убить человека, а за что — нет. Но если в клетке собирались провезти контрабанду, а вы, уважаемый и заслуженный, в последний момент передумали, тогда дело иное...

— История происходила при выезде, — продолжал Рогожин. — У меня ничегошеньки запретного. А вот грубости и дурости не терплю, потому встал на дыбки. Спокойно отвечаю: «Я заслуженного артиста из-за твоей фанаберии нервировать не стану. У меня есть начальство, а у тебя его до чертовой матери, соберите съезд, пленум и решайте. Не наводи на грех, а то я тебя по попке вытяну и устроюсь в лазарете для малолетних». Ну, понимаешь, слова я употребил попроще, но смысл передаю точно. Я тебе не надоел, полковник? Я ля-ля, а тебе работать.

— Почему же, очень интересно, — ответил сыщик.

Гуров не пытался анализировать услышанное. Позже, когда он останется один, спокойноенько разберется, профильтрует, рассортирует и, может быть, сложит мозаичное панно. А сейчас главное, чтобы артист Рогожин не почувствовал заинтересованности милиционера.

— Продолжайте, я любознательный, — стараясь казаться беспечным, ответил Гуров.

— Ты, я вижу, не пьешь. — Рогожин кивнул на стакан, который держал сыщик.

Гуров пригубил и поощрительно улыбнулся.

— История занятная. — Рогожин помедлил и продолжал: — Ну, мальчонка губу подобрал, вытянул рацию и бу-бу-бу, бу-бу-бу, однако дистанцию привял, ждет, наблюдает, чтобы я какую крамолу из клетки не утащил. Григорий лежит, лапой морду прикрыл, вроде спит, но я-то понимаю, прикидывается, хитрец, подглядывает, интересно ему, смысла, может, и не понимает, а скандал точно чувствует, уловил, как я вздыбился.

В той поездке нам администратора со стороны подсунули. Уж сколько звезд у него на погонах было либо партбилет особенный, не знаю, но мужичок был не цирковой. Тогда за эти поездки глотку рвали, видно, он кому-то перекусил и прорвался.

И вот, первым прибежал этот горлогрыз и ко мне: «Чего вы себе позволяете? Вы весь коллектив задерживаете. Вам так не пройдет!» А я повернулся и пошел к водителям трейлера чай пить. А с нами ехал коверный, классный мужик. Он этого бегунка-горлогрыза прихватил и шепнул ему пару слов неласковых. Тут начальник таможни подплыл, глаз с прищуром, щеки на воротнике разложил, дух от него, словно душ из первача привял.

— Кто тут от досмотра увиливает?

— Вот они, — отвечаю и указываю на Григория.

— А вы, как понимаю, дрессировщик? — Самогонщик совсем глазки прикрыл, ухмыляется. — И как же вы прославлять Родину собираетесь, коли медведя из клетки вывести не способны?

— Он артист и понимает, где работа, а где просто дурью народ мучается. — Я чай допил, из кабины вышел.

Тут образумленный администратор мне под мышку забрался, шепчет:

— Михаил Семенович, родненький, не губите...

Я ему локтем так саданул, рассказывают, он сутки слова вымолвить не мог, повернулся к самогонщику и говорю:

— Не верите, пожалуйте, я попробую. Только вы лично отойдите. Григорий ваш дух не принимает, может меня отпихнуть, выскочить, а тогда не только от вас, — помню, я тогда на небо посмотрел, — от всей вашей таможни мало чего останется. А Григорий стоит куда дороже вашего сарая, так что стрелять в него не посмеете.

Правда, позже выяснилось, что я этого мордоворота недооценил, а тогда он ухмыльнулся и отошел спокойненько. Я к Григорию забрался, чую, беспокойный, поднимается, я уж думаю, не заигрался ли, действительно, выскочит, и быть беде. Оглаживаю, слова ласковые говорю, амуницию положенную одеваю. Гоша и обмягчал, решил, что работать будем. А у нас номер есть, когда я его якобы со сцены увожу, а он меня с ног сбивает, перед этим номером я ему определенный сигнал подаю. Ну, я сигнал подал, тяну его из клетки, он меня лапой по ногам. Ноги я, понятно, заранее приподнимаю, только этого не видно. Грохнулся на пол, гулко получилось, выскочил из клетки, запер, руками развел, говорю:

— Если начальство желает, может само попробовать.

Таможенник ощерился и отвечает:

— Начальство желает блюсти интересы Родины, — повернулся и махнул рукой.

Рогожин выдержал паузу, улыбнулся воспоминанием и продолжил:

— Подозвал мордоворот нашего ветеринара. Тут я допер, чего так долго таможня не появлялась, он мозги еще не пропил, ко встрече со мной подготовился. Понял: сейчас Григория усыпят. Клянусь, что в бутылку полез. Ты же видишь, какой я здоровый, коли залез, так мне уж назад никак... Я встал перед клеткой, руки на груди скрестил, молчу. Поверишь, полковник, вспоминаю, ну, стыдоба, ведь мне тогда уже полтинник минуло... Тут он и преподнес: «Либо медведя усыпят и клетку досмотрят, либо я дам приказ все ваше хозяйство полностью обыскать. Ясно? Думаете, не знаем, чего везете и где прячете? Выполните». — И пошел вразвалочку.

К тому времени уж весь наш народ, водители, обслуга подтянулись, наблюдают. Поначалу-то ребята забавлялись, все на моей стороне, а как услышали о поголовном обыске, враз потускнели. Каждый подсчитывает, сколько у него водки либо икры, у кого хохлома, которую таможня враз может национальным достоянием посчитать. Глянул я в лица сотоварищей и понял: спекся Михаил Рогожин. Пошел в кабину трейлера, вытащил из под сиденья пузырек, размотал и проглотил разом.

Горькая история, тяжело вспоминать, думал сыщик, разглядывая янтарную жидкость в своем стакане. И к чему же ты ее вспомнил и зачем рассказал? Гуров как можно беспечнее спросил:

— Как же такого гиганта без вас усыплять можно? Он что же, ветеринара подпускает?

— Зачем? — удивился Рогожин. — Техника отработана, шприц заряжают чем положено, вставляют в специальную трубку и выдувают, как выстреливают. Куда попасть, ветеринар знает, Григорий на полчасика и отрубается.

Артист неожиданно рассмеялся, Гоша в ответ ухнул, завозился, тряхнул клетку.

— Но программа на том не кончилась, — объяснил свой смех Рогожин. — Григорий прилег, таможенник понятых пригласил, клетку обшарил, там, кроме медвежьего говна, — прибрать в дороге не успели, — ничегошеньки. Мальчишка каблуком по доскам стучит, пищит, мол, под полом желает осмотреть. Ну, желать-то чего угодно позволено, только как триста с лишним килограмм живого веса с места сдвинуть? А ежели они проснутся? Когда в клетке ничего не нашли, люди повеселели, на меня уже не скалятся, озорно подмигивают. У меня к тому моменту водка до места добежала, стою расслабленный, вдруг за спиной как рывкнут:

— Кончай цирк! Грузись по местам, дорогу артистам!

Я повернулся, начальника таможни не узнаю, щеки на положенном месте, глаза открылись, умные, с хитринкой, на меня смотрят, не мигают. Народ весело забегал, клетку в трейлер покатила, моторы ожили. А начальник приятным баритоном говорит:

— Уважаемый Михаил Семенович, желаю вам удачи, всего наилучшего. А что клеточка пустая и под полом у вас ничего нет, я и не сомневался.— И подмигнул мне.

— Ну как, полковник? — Рогожин взглянул на Гурова снисходительно.— В человека не залезешь, никак его не поймешь.

Сыщик согласно кивнул и сказал:

— Значит, Михалыч, вас все-таки таможня не досматривает?

— Слух быстрее звука,— улыбнулся Рогожин.— К тому же слухи, как лавина с гор: чем дольше летит, тем страшнее. Сначала прошелестело, что Григорий таможенника покалечил, вскоре — что задрал, потом окровавленные трупы начали, не считая, выносить. Сегодня на таможню прибываешь, сразу объявляют: «Миша и Гоша? Проходи!»

— Нет худа без добра, и я пью контрабандное виски,— подвел итог сыщик и легко сменил тему: — Вы с тем мясом как поступили?

— В канализацию спустил.

— Ивану Ивановичу рассказали?

— Зачем? Я на базаре пару килограмм купил, парню отдал.

— А дохлые собаки?

— Ветеринарка увезла.

— Значит, концов не найти,— сказал сыщик.— Плохо. Мне хотелось бы знать, чем конкретно травили.

— Обижают, полковник.— Артист подошел к стоявшему в углу холодильнику, вынул из морозильника заиндевший комок фольги, положил на стол.

— Вы умница, Михалыч,— обрадовался сыщик и с надеждой спросил: — Может, вы и треснувшее перед вашим носом окно найдете?

— Обязательно. Пулю искать будете?

— Все-то вы знаете.— Гурову Рогожин с каждой минутой нравился все меньше.— А выстрела не слышали?

— Не слышал.— Рогожин пожал могучими плечами.— Я полагаю, в таких случаях глушителем пользуются...

— Да, случается,— ответил сыщик рассеянно, пытаясь понять, почему старинный приятель генерала Орлова, такой сильный и, казалось бы, открытый, так внезапно разонравился?

Гуров допил виски, спросил:

— Не торопитесь? Тогда по чашечке чая на дорогу.

Рогожин взглянул на часы и начал возиться со своими баночками и пакетиками. Гуров отошел к клетке, теперь благоразумно встав у противоположной стены. Сыщик не разглядывал знаменитого Гошу, хотел скрыть от артиста напряжение и сориентироваться.

Что же все-таки присизошло? Что его насторожило? Держится Рогожин уверенно, раскованно, кстати, артистам это присуще. Но какая-то в нем раздвоенность есть. Человека во многом определяют речь, манера говорить, словарный запас. Рогожин же говорит как бы на двух языках. В основном на простецком, даже блатном, и тут же произносит несколько фраз на литературном, с претензией на изысканность. Орлов познакомился с Рогожиным около сорока лет назад, виделись они крайне редко, так что

характеристики, данные генералом, следует забыть. И другой генерал послал меня, а часть информации скрыл, значит...

Свежий чай понравился Гурову, о чем он и сообщил Рогожину. — Искусство заварить невелико, необходимы настоящий чай и дополнительные компоненты. — Рогожин поставил пустую пиалу и спросил: — Так что тебя еще интересует, полковник?

— Из работников цирка либо артистов сегодняшней программы вы никого не подозреваете?

— Нет, — решительно ответил артист, и было件нятно, что он над этим вопросом уже задумывался.

— Кто здесь директор?

— Лешка Колесников.

— Что он за человек?

— Нормальный, иначе я бы сюда не приехал. В молодости кувыркался на арене, акробат, нижний. Однажды ему в плечи неудачно пришли, позвоночник повредили. Заметил, как он подбородком дергает? С ареной Лешке пришлось расстаться, переживал шишко и заболел. — Рогожин щелкнул себя по горлу. — В России болезнь популярная. Уж совсем доходил, но выбрался, причем сам, без врачей и химии, с тех пор ни грамма. Был администратором, седьмой год как директор. С виду Лешка простак, не верь, мужик серьезный, держит всех! — Артист сжал пальцы в кулак. — Лешка — мужик деловой, но порядочный.

— А Сильвер?

— Та же история. Выступал, сломался, охромел, заболел тем же, на дно опустился. Лешка его, считай, из канализации вытащил. Сегодня в цирке такой закон: выкурил сигарету — сто рублей, выпил — тысяча. Так что ты, полковник, здесь навывступал. — Рогожин указал на стакан и окурки. — Сильвер хитер, оборотист, торгует, подворовывает помалу, но парень верный, слово держит, патриот цирка. Когда цены отпустили, рубль изничтожили и надвинулся голод, Сильвер многодетную семью собой подпер, практически содержит.

Отвечая на вопросы Гурова, артист не ведал, что проходит тест, дает возможность сыщику разобраться в сути Михаила Рогожина. Важно было понять, какие черты выделяет в человеке Рогожин, как он относится к добру и злу и какая при этом у него интонация. Ведь можно назвать человека мерзавцем с удовольствием, а можно — с сожалением. Оценивая услышанное, сыщик помнил, что человеку присуще лицедейство, он придумал самого себя, вжил в образ и играет не только перед собеседником, но и перед самим собой, потому может быть абсолютно искренним, но отнюдь не правдивым, слова его нельзя принимать за чистую монету. Особенно этому подвержены люди закомплексованные. Сыщик уже убедился, что Михаил Рогожин комплексами не мучается, даже тщеславен сверх меры, Гурова все время называет полковником, не давая себе отчета, что постоянно подчеркивает: раз прислали полковника, значит, Рогожин — генерал. Судя по всему, он человек, в себе уверенный, сильный, к лицедейству не склонный, видимо, врет только при необходимости, а в обыденной ситуации не только искренен, но и правдив.

— Лешка коллектив в цирке собрал подходящий, каждый на

своем месте. Артисты сюда едут с удовольствием. — Рогожин снова взглянул на часы, но сыщик не шелохнулся, знал, когда время наступит, хозяин скажет без обиняков. — Программа у Колесникова всегда сильная, проходных номеров мало. И совершенно уникальный коверный, я таких в стране не видел. В книжке Никулина вычитал, что в тридцатые—сороковые годы был в расцвете клоун Мусли. Судя по тому, что Юрий Владимирович пишет о Мусле, местный клоун, по кличке «Классик», такого же мирового класса.

— Михаил Семенович, а почему вы не попытались выяснить у парнишки, который принес отравленное мясо, кто ему это мясо передал? — спросил Гуров, забирая со стола комочек фольги.

— Ивана Ивановича? — Рогожин растерялся. — Почему не спросил?

Гуров молчал, смотрел на хозяина со спокойным любопытством.

Рогожин начал медленно подниматься.

Гуров сидел, ему снизу показалось, что гигант сейчас подопрет потолок.

— Вы не на арене, Михаил Семенович, и даже не на таможене... — спокойно произнес Гуров. — Так почему не спросили?

Рогожин заворчал:

— Это долгая история, а нам пора на работу.

— Хорошо. — Гуров поднялся. — Во сколько зайти? Мы пройдемся по городу, и вы покажете простреленное окно.

Миша и Гоша отправились разминаться во внутренний двор цирка. Гуров прошел кулисами в полутемное фойе, остановился в раздумье, решая, что следует предпринять. Главное, не торопиться с выводами, уговаривал себя Гуров.

Так. Отдать мясо в лабораторию, найти треснувшее окно, попытаться разыскать пулю. Начальника местного Уголовного розыска Гуров знал и еще в Москве решил, что в крайнем случае обратится к нему за помощью. Сыщик предпочитал работать один, но нужен был химический анализ и обыск квартиры, в которой прострелено окно, если таковое вообще существует. А сейчас надо познакомиться с Иваном Ивановичем, решил Гуров и пошел сумрачным коридором вокруг арены.

Утренние репетиции закончились, служащие занимались уборкой, на сыщика никто внимания не обращал, здоровались и продолжали заниматься своим делом.

Как же его разыскать? — прикидывал сыщик. Зайти к директору? Как объяснить интерес московского корреспондента к рабочему?

— Ищите кого? — раздался хрипловатый голос. Гуров повернулся и увидел парня, который единственной рукой опирался на метлу, пустой рукав рабочего комбинезона был аккуратно заправлен под поясной ремень.

— Добрый день, — сказал Гуров. — Ивана Ивановича не видели?

— Добрый, добрый. — Парень кивнул, посмотрел Гурову в глаза.

Сыщику и преступнику либо человеку, недавно отбывшему срок, при встрече визитные карточки не нужны, достаточно внимательно посмотреть друг на друга.

— Журналист, значит? Так я и думал, что из вашей газеты должны вскоре прибыть.

Рогожин от разговора об Иване Ивановиче уклонился, теперь понятно почему, у парня руки нет, а судимость есть.

Иван Иванович был среднего роста, в жилистой фигуре чувствовалась сила, белобрысая пацанья голова, глаза взрослого, умудренного человека, жесткие морщины от угла рта. Такого парня Ванюшкой никак не назовешь, потому и звали его в цирке по имени-отчеству.

— Чего уж.— Иван Иванович поставил метлу в угол, присел на лежащий вдоль стены свернутый ковер, достал было сигареты, вздохнул тяжело и спрятал в карман.

Гуров сел рядом, тоже вздохнул, не решался начать разговор.

— Слушай, начальник, может, у Бога только один молоток, гвоздей нет, лишь моя голова?

— Не грехи, Иван. Вижу, досталось, но многим выдано и поболе.

— Вот мать твою, коль не самый крайний, считай, что первый.— Иван Иванович сплюнул, но тут же плевок затер.— Поташите на допрос?

— А если без протокола, просто потолкуем?

Иван Иванович провел в зоне для несовершеннолетних около двух лет, успел усвоить: оперу никогда не верь, вдвойне не верь, когда он тебе что-либо дарит.

— Не, без протокола только о девках,— ответил парень, набычившись, натужно соображая, какую корысть хочет иметь этот залетный. А может, вербует? От страшной мысли аж в горле запершило. Он помнил изрезанный труп парня, которого заподозрили в стукачестве.

— Официально допрашивать я тебя пока не могу, нет дела, нет свидетелей. Хочешь — поговорим, не желаешь — бери метлу. А малолетку вербовать я не собираюсь, да и толку от тебя, извини, никакого.

— Точно,— радостно согласился Иван Иванович,— сел по глупости, связей у меня никаких. Я из цирка-то выхожу, если в кино боевик показывают.— Он взглянул на Гурова и осторожно улынулся.

Сыщик тоже улыбнулся, он верил парню, однако отраву передали именно через него, человека судимого, такое совпадение настораживало.

Ободренный доброжелательной улыбкой, Иван Иванович чуть расслабился, не таясь разглядывал «журналиста». Мужик прибыл из Москвы, в годах (известно, что в шестнадцать сорокалетние чуть ли не стариками видятся), наверняка в больших чинах, уверенный, сила чувствуется, но он ее не выказывает, даже прикрывает. Для своего возраста Иван Иванович обладал незаурядной наблюдательностью и умом. Волкодав, продолжал рассуждать парень, стелет мягко, но меня не отпустит, надо вырываться самому.

Иван Иванович облизнул сухие губы:

— Я вам сейчас правду скажу. Я того мужика, что сумку с мясом для медведя передал, раньше не видел и опосля тоже. Мужик, полагаю, битый, не из наших краев, скорее из ваших.

Гуров поднялся, отряхнул брюки, посмотрел в глубь коридора, оглянулся, никого не заметил и сказал:

— Если спросят, о чем со мной говорил, скажи, журналист о быте цирка расспрашивал. Даже лучше, если ты сам среди своих обмолвишься, мол, настырный москвич, подловил и дурацкие вопросы задавал.

— Будет сделано! — Иван Иванович вскочил, схватил метлу.

— Иван, а как тот мужик выглядел? Возраст, рост, каков окрас?

Иван Иванович заговорил легко и быстро, чувствовалось, что к вопросу давно подготовился:

— Лет тридцати, росту моего, в джинсовом костюме и кроссовках, волосы темноватые, но не кавказец, глаза такие, не разберешь, мутноватые, наколок, рыжих зубов не видел.

— Вор, мошенник, катала, какой окраски? — спросил сыщик.

— Не, командир, мужик в зоне не был. Говорит вежливо, культурно, слов не употребляет. — Иван Иванович топтался, нетерпеливо помахивая метлой.

Гуров понимал, что мучает парня, но главного вопроса еще не задал, словно только его вспомнил, шлепнул себя по лбу, опустился на место.

— А, черт! Как я раньше-то не допер? — И быстро спросил: — Тебе Рогожин говорил, что мясо отравленное?

— Нет.

— Как же узнал?

Иван Иванович потускнел, оперся на метлу, шепотом выругался.

— Секрет невелик. Ну, во-первых, я мясо в сумке видел. Хорошее мясо, но старое. А Михалыч мне другое дал, светлую мякоть, явно с базару. Раз! Все собаки передохли в одночасье. Два! И Михалыч раньше меня привечал, а тут сторониться начал. Три! Он письмо в ящик опускает, я мимо иду, Михалыч меня притормозил, загудел, начал объяснять, кому письмо шлет. Я все сложил. Вот и получилось.

— Твое счастье, Иван, — сказал Гуров, — что ты кусок из той сумки себе не взял. Спасибо за помощь. Лишних слов не говорю, ученого учить — только портить. Как пройти к директору?

— В ту дверь, — указал Иван Иванович. — На второй этаж, по коридору направо.

Гуров к Колесникову не пошел, подождал, пока Рогожин освободится. Они молча прошагали несколько кварталов, артист показал сыщику окно, в которое якобы неделю назад залетела пуля. Сейчас стекло было целое. Гуров проводил Рогожина назад к цирку, попросил временно от прогулок воздержаться и позвонил в Управление милиции.

Начальнику уголовного розыска, майору милиции Семену Григорьевичу Фриценко, было лет пятьдесят. Невысокий, сутулый, он походил на человека, которого жизнь так замордовала,

что, казалось, майор болтается в ней лишь по инерции. Ничего не слышит, не видит, ничем не интересуется. Но так только казалось: его зрение и слух зависели от ситуации, розыскник Фрищенко был умелый, при необходимости — старательный.

Сыщики встретились на улице. Гуров не хотел показываться в «конторе» и поостерегся приглашать майора в гостиницу, где того, естественно, знали.

— Здравия желаю, товарищ полковник, — сказал Фрищенко, вяло пожимая протянутую Гуровым руку.

— Здравствуй, Семен Григорьевич, — ответил Гуров. — Не гляди волком, никто тебя обкладывать не собирается.

Они прошли в пустынный сквер, присели на кособокую сырую скамейку. Гуров вкратце рассказал о деле, передал фольгу с кусочком мяса.

— Если окно действительно прострелено и пулю найдешь, дело пока не возбуждай, — сказал, прощаясь, Гуров.

— Нет, я сейчас все брошу и начну пристраивать себе на шею еще один висак, — ответил майор, не прибегая к помощи носового платка, шумно высморкался и зашагал в грязные сумерки.

В гостинице Гуров купил три талона для международных телефонных переговоров, узнал, что буфет закрыт, а в ресторане нет мест, поднялся в номер, начал звонить в Москву. Орлова сыщик нашел быстро, в служебном кабинете, где, видимо, генерал и ждал звонка.

— Что скажешь, какие новости? — опуская приветствия, спросил Орлов.

— Прежде чем показать мне письмо своего друга-медвежатника, ты наводил справки. Быстро, у меня лишь пять минут. Что ты выяснил и кто еще знает о действительной цели моей поездки?

— Добытую информацию не дам: она будет тебе только мешать, — ответил Орлов. — А кто знает? — Он помолчал. — Два человека. Что-нибудь не так?

— Ты мне не скажешь — я тебе не скажу, и будем работать дружно. А пока, товарищ генерал, выясните, пожалуйста, нет ли у наших подопечных каких-либо профессиональных устремлений на Австралию. Только не спрашивай, каких устремлений. Я понятия не имею. В нашем хозяйстве в последнее время упоминалась Австралия? Гражданин, груз, кенгуру в конце концов!

— Понял, — ответил Орлов. — Мне не нравится твой вопрос о том, кто знал.

— Мне тоже.

— Ладно, молчи. Как тебе Рогожин?

— Все такой же плюгавый.

— Горбатого...

Что там с горбатым, Гуров не узнал: женский голос нечленораздельно прочиркал и прихлопнул разговор частыми гудками.

— Так тебе и надо, — произнес вслух Гуров и начал вновь дозваниваться в Москву, но уже по другому номеру.

Второй разговор состоял из коротких фраз и длинных пауз, сыщик это предвидел и оплатил заранее десять минут.

— Добрый вечер, Борис Андреевич, вас беспокоит некто Гуров.

Как сыщик и ожидал, аплодисментов не последовало, послышался тяжелый вздох.

— Давно жду звонка, думаю, куда это пропал Лев Иванович?

— Я хотел бы с вами увидеться.

— Как я понял по звонку, вы вроде бы не в Москве.

— К сожалению. — Гуров тоже вздохнул и назвал город. — Гостиница «Центральная». Завтра.

Абонент долго вздыхал, наконец, ответил:

— Хорошо.

— Возьмите ручку и запишите, — сказал Гуров. — Я просил бы вас прихватить с собой... — Сыщик продиктовал, что конкретно ему требуется.

— Так откуда же у меня?

— Вместо Мельника кого избрали? К тому человеку и обратитесь, у него есть.

Десять минут истекли. Гуров выслушал невнятный голос телефонистки и положил трубку.

Гуров весь день не ел, понял: если не выпьет хотя бы горячего чая, то не уснет. Решил спуститься в ресторан и проверить, насколько тот переполнен. Заглянул в ванную, причесался, протер лицо и руки одеколоном. В дверь номера постучали и, не дожидаясь приглашения, открыли. На пороге стоял мужчина лет тридцати пяти.

— Добрый вечер, Лев Иванович. — Незванный гость поклонился. — Я ваш сосед — Соснин Сергей Петрович, конечно, просто — Сергей. С моей женой вы познакомились утром.

— Здравствуйте, Сергей, проходите, у вас отличная «тойота», — ответил Гуров.

— Лев Иванович, мы вас приглашаем в наш номер. Услышали, что вы вернулись, подумали: наверняка голодный. Так как?

— Спасибо, я действительно оголодал.

Ольга Дмитриевна оказалась дамой предусмотрительной и не ограничивавшей себя в расходах, что, впрочем, Гуров понял еще утром, лишь взглянув на бутылки.

Пока гость насыщался, супруги болтали между собой. Женщину сыщик уже рассмотрел, сейчас приглядывался к мужчине. Хорошего роста, худощавый, в импортном, наверняка дорогом костюме, лицо вытантовое, шурится близоруко, на вид типичный интеллигент. Сегодня любому ясно, что ни «тойоты», ни такой женщины и такой жратвы ни в большевистском прошлом, ни в неизвестном будущем у интеллигента не было и быть не может.

Гуров всегда ел мало, даже очень голодный насыщался быстро, а сейчас увлекся, уж больно интересно наблюдать за супругами. Бывает театр одного актера, а тут случился театр одного зрителя.

Утром Ольге Дмитриевне понадобилось прикурить, вечером она обеспокоилась, не оголодал ли сосед. Душевные люди на Руси всегда жили, надо думать, и сегодня не перевелись. Что побудило этих людей так вкусно накормить голодного челове-

ка — либо широта души, либо ими движут своекорыстные цели.

Супруги говорили о житейских делах и общих знакомых, деликатно подчеркивая, что сосед может не стесняться и кушать в свое удовольствие. Вырез на платье женщины начинался чуть выше пояса, и когда она подошла и наклонилась к Гурову, чтобы наполнить стакан, то тяжелые атласные груди заколыхались у лица сыщика. Он поднял взгляд и посмотрел ей в лицо. Женщина, лукаво улыбаясь, показала ему язык, как бы говоря, знаю, знаю, но не твоё. Гуров решил игру принять и театральным жестом прикрыл ладонью лицо.

— Сергей, мужчина наелся и начинает меня соблазнять. — Вильнув бедрами, она быстро отошла к мужу, прося защиты.

— Здоровые инстинкты, — рассмеялся Соснин. — Сейчас мы со Львом Ивановичем со скуки выпьем, ещё не то будет.

— Фи, мужлан. — Ольга Дмитриевна дернула плечиком. — В присутствии красивой женщины вы собираетесь пить со скуки.

— Красивой? Дорогая, тебя подло обманули. Ты сексопильная.

Зазвонил телефон. Соснин снял трубку, послушал, протянул Гурову.

— Лев Иванович, вас просит малоинтеллигентный мужчина.

— Слушаю, — сказал Гуров.

— Фриценко говорит. — Голос у майора был действительно простоват. — Там отводной трубки нет?

— Я слушаю, — ответил Гуров.

— Началось. Приезжай, креста на тебе нет, полковник.

— Куда?

— В цирк. Знал, коли прибывает важник, значит, рубите доски на гробы!

Гуров положил трубку, взял бокал с коньяком, выпил.

— Что-то случилось? — Женщина смотрела участливо, искренне, без кокетства.

— Игры, — ответил Гуров. — Игры на лужайке. Есть такая профессия — репортёр. Спасибо, извините. — И быстро вышел.

Удар ножом под левую лопатку, прямо в сердце — смерть наступила мгновенно, пять-шесть часов назад. Врач говорил уверенно, обмолвился, что вскрытие ничего не добавит. Труп нашли в деннике, обнаружили благодаря рыжей кобыле, которая к вечеру стала вести себя беспокойно, позже начала биться, конюх вывел ее на прогулку, кобыла успокоилась, а вернуться в стойло отказалась. Конюх начал искать причину, отбросил сваленное в углу сено, там он и лежал, обхватив единственной рукой поджатые к груди коленки, походя на уснувшего от беготни мальчишку.

Конюх позвал живущего в соседнем доме Александра Аверкова, то бишь Сильвера. Следом заторопился сосед, клоун Куприн, который позвонил сначала директору, а уж потом в милицию. Такую последовательность событий установят позже, на допросах, а сейчас дирекция, милиция, живущие при цирке артисты тыркались бестолково, подходили к трупу, некоторые заглядывали в спокойное лицо Ивана Ивановича.

Отработал фотограф, закончил осмотр врач, криминалисту тут делать было нечего, кобыла перепахала пол, а на неструганых досках пальцевые отпечатки не остаются. Собаку сразу увели, она существо умное, самолюбивое, ни один проводник издеваться над другом не позволит.

Гуров стоял во дворе, курил, наблюдая за происходящим.

Над всеми возвышался Рогожин, даже в темноте сыщик видел, как задубело лицо ветерана. Колесников, по кличке «Капитан», стоял набычившись, опустив плечи, выставив тугой живот. Вокруг директора суетились люди, подходившие узнать, нет ли каких указаний. Сильвер на месте не стоит, хромота от группы к группе в свете одинокого фонаря, сверкает золотым зубом.

А ведь Сильвер, похоже, сидел, лениво подумал сыщик. А может, и удержался, но по краю ходил — точно.

Высокий, худой мужчина с огромными, словно подведенными глазами, ломкий и беззащитный, видимо, клоун Куприн, по кличке «Классик», стоял неподвижно, сжимая и разжимая пальцы. И сыщику показалось, что клоун и зарезанный парень молчаливо дружили.

Еще один цирковой, но о нем сыщик ничего не знал. Среднего возраста и роста, с красивым медальным профилем а-ля Ален Делон.

Милицейские держались спокойно. Для коллег полковника Гурова одна беда: мокрый висок, значит, ломаются планы, отменяются отпуска, намеченные субботние бани и рыбалки.

Это когда-то в моей молодости, подумал сыщик, убийство ставило всех на уши, а сегодня это просто лишняя неприятность. Гуров оглянулся, увидел майора Фриценко, неторопливо подошел, достал блокнот и сказал:

— Товарищ майор, несколько слов для прессы, — отвел его в сторону.

— А откуда ты, конспиратор, знаешь, что я тут старший, да еще и майор?

— Люди подсказали. — Гуров ткнул в темноту. — Видишь, сколько людей?

— Ну, доволен, что прибыл не зря? Черт тебя принес, Лев Иванович!

— Побойся Бога, Семен Григорьевич, — миролюбиво ответил Гуров. — Будто я убийцу из Москвы привез.

— Не толкался бы тут, парня бы не зарезали. Действительно, окно прострелили, и ~~пути~~ мы из стены ковырнули. Но стреляли-то неделю назад, а ты прибыл... — Фриценко замолчал, махнул рукой. — Иди спать, кого надо, мы допросим, позже познакомимся.

Гуров согласно кивнул и отошел, чуть не налетев на Колесникова.

— Писать будете? — Капитан воинственно задрал подбородок, но глаза у него были больные, растерянные.

— Это не по моей части, — ответил Гуров. — А блокнот я рефлекторно вытянул, вот ничего не написал и спрятал. Спокойной ночи. Извините, совсем плохой.

Так закончился первый день.

Гуров лежал на спине, тщетно пытаясь согреться. Топить в гостинице перестали, видимо, отцы города считали, что ежели март — месяц весенний, то не важно, какая погода на дворе, а беречь энергию следует.

Сон не шел. Гуров вспоминал сухой профиль Ивана Ивановича, гадал, о чем же парень промолчал. Что вообще он мог знать? В пьяной драке, при неудачной попытке ограбления могут убить случайно, с испугу. Ивана зарезал профессионал, который на такое убийство пойдет только в крайнем случае. Парня зарезали примерно через час после нашего разговора, значит, нас видели. В цирке находился либо убийца, либо соучастник-осведомитель, последовала передача информации, затем приказ и исполнение. Да, мой маскарад гадится только для посторонних, а действующие лица отлично знают, кто я такой. Дунули из Москвы, опережая меня, а потекло из кабинета Петра.

Гуров сел на кровати, опустил ноги на холодный пол, взглянул на часы, не увидев стрелок, бросил их на тумбочку. Сейчас бы стакан водки и тарелку горячего супа, иначе не заснуть. А силы нужны, поспать бы часа два-три... Может, толкнуться к соседям, извиниться, попросить таблетку. У них есть плитка, и выпить найдется. Господи, ты не сыщик, а обыкновенный пьяница. Ни один алкаш в этом себе ни признается, ты и здесь не исключение.

Гуров натянул тренировочный костюм и снова забрался в остывшую, неудобную койку.

Соседи. Интересная пара. Как же они попали в глухую провинцию, почему им интересуются? Они приехали до тебя. Мы такое уже проходили. Года три назад и тоже в непогоду на берег Черного моря приехал интересный мужик с красавицей и тоже до тебя, разница лишь в том, что у тех была «Волга», а у этих «тойота». И тогда, сыщик, ты чуть было не зевнул и не расплатился за ротозейство жизнью.

Все-таки соседи — люди любопытные, их следует иметь в виду. Если я им нужен, они проявятся.

Какие еще дела на завтра, то есть уже на сегодня? Возможно, у майора Фрищенко появится дополнительная информация. Сегодня должен прибыть Борис Андреевич Юдин. Ведь он мог просто матюгнуться и положить трубку. Да нет, пожалуй, не мог...

Гуров встретился с Борисом Андреевичем Юдиным осенью прошлого года в загородной резиденции ЦК КПСС. И партию, и резиденцию закрыли, роскошный особняк остался бесхозным, и его негласно оккупировала «Корпорация» — преступная организация, курировавшая центральную часть России. В особняке собрались авторитеты «Корпорации». Любая банда время от времени собирается на пленум, чтобы утрясти вопросы, кому сколько причитається, кто за что отвечает и в какую область не

вмешиваться. «Корпорация» не претендовала на роль Единственной, Ведущей и Направляющей, поэтому собралась не тысячными отрядами, — на совещание скромненько прибыли всего четыре человека. Одним из них и был Борис Андреевич Юдин. Оказался в резиденции и никем не приглашенный полковник Гуров — сыщики всегда лезут куда не надо. Авторитеты передрались между собой, история произошла крозавая, Гуров и Юдин выбрались из нее сильно потрепанными. Но так как Борис Андреевич был умница и чистодел, лично никаких преступлений не совершал, то претензий у органов к нему не оказалось. История до слез знакомая: чем выше пост занимает человек в банде, тем меньше у правоохранительных органов к нему претензий. Юдин, человек умный и обязательный, после кровавых разборки оказал Гурову серьезную услугу. Ради справедливости следует отметить, что чуть раньше полковник спас авторитету жизнь. Расставаясь после двухдневного знакомства, сыщик и авторитет оказались связанными. Гуров был убежден: если расстаешься с противником не на пороге тюремной камеры, то последний должен чувствовать себя должником. В процессе кровавой междоусобицы из рук в руки переходили бриллианты огромной ценности. Сыщик их никогда не видел, но о месте нахождения знал.

Сейчас, ворочаясь без сна в неудобной постели, вспоминая прошлогоднюю историю, сыщик самодовольно улыбнулся. Крючок он забросил классно, авторитет схватил на лету. Пронцаюсь, сыщик тогда сказал:

— Разберите «мерседес» покойного на молекулы, и, если в ваших руках ничего не останется, я брошу свою работу и наймусь к вам водителем.

С того дня они не встречались, по телефону впервые переговорили вчера вечером. Юдин сегодня придет, или я не сыщик, переводячиваясь на другой бок, подумал Гуров.

Константин Васильевич Роговой обладал крепким здоровьем, отменным аппетитом и железными нервами. Год назад даже не подозревал о существовании бессонницы, слышал, что кто-то почему-то не может заснуть, но относился к этому насмешливо, убежденный, что подобная аномалия может происходить лишь с неврастениками и душевнобольными. Но в последнее время заботы одолели Константина Васильевича.

Еще бы — депутат Верховного Совета, начальник Управления союзного министерства, хозяин «Корпорации»... Для одного человека многовато получается. К тому же на место хозяина «Корпорации» постоянно претендовало несколько человек. Нынешний преступник измещал. Вот большевики — другое дело. Изберут Генерального, так до самой смерти остальные долгу гнутся, голову поднимают лишь для поцелуя в то место, куда дотянутся. В общем, в «Корпорации» Роговой был не единственным правителем, а председателем.

Верховный Совет разбежался, значок с лацкана пиджака попросили снять, официальных привилегий несколько поуменьшилось. Министерство переформировалось. Роговой в кабинете остался, но

руководить стало сложнее, появились молодые, голодные конкуренты, и каждый норовит себе кусок отхватить, а пирог больше не стал, на всех не хватает. «Корпорация» разрослась, стала дробиться на удельные княжества, рядовые называют себя лейтенантами, а лейтенанты лезут в полковники. А от полковников, известно, кроме военного переворота, и ждать нечего.

От происшедших катаклизмов здоровье Константина Васильевича дрогнуло, он сильно похудел, а в эту ночь почти дистрофиком стал, весу осталось центнер с небольшим, не спал, мучился сомнениями. Художественный руководитель огромного коллектива сейчас зависел от мышинной возни, которая происходила в уездном городишке, который Роговой никогда не видел и знать не желал. Исполнители непонятно кто, личный эmissар там в одиночестве. Он сегодня и сообщил, что в простенькую, как кукиш, комбинацию неожиданно, будто слон в посудную лавку, ввалился полковник Гуров. В прошлом году Роговой впервые в жизни приказал ликвидировать человека высочайшего класса. Константин Васильевич всегда с гордостью утверждал, мол, мы, коммерсанты, выше уголовщины и руки в крови не замараем. Но, когда чертов сыщик все-таки вцепился мертвой хваткой и все ближе к горлу подбирался, пришлось о белых перчатках забыть. Для выполнения приговора был выбран опытейший боевик по кличке «Эффенди-исполнитель». Встреча состоялась. Убийца и полковник обменялись визитными карточками. Но Бога нет, и Эффенди устроился в крематорий, а сыщик отлежался в реанимации, теперь объявился на пути, дергает стрелку, желает пустить под откос. Никогда Россия не станет цивилизованной, в зачуханной стране неизвестно какого мира можно позвонить по телефону, заплатить деньги, и мешающая человеку личность перестанет существовать.

В эту бессонную ночь Патрон, так звали свои Рогового, имел перед полковником ряд существенных преимуществ: постель была теплая и уютная, главное же — бар, полный разнокалиберных бутылок. Патрон выпил пива, потянулся все еще могучим телом и невольно вспомнил, как удачно начиналась и проходила операция, которую он называл «Последний раунд».

Прошлой весной, будучи при всех званиях, неприкасаемым депутатом, Константин Васильевич Роговой прилетел в Берлин якобы в служебную командировку.

Изящные фигуры манекенов, застыв в прозрачных витринах, демонстрировали меха и кружева, драгоценности и последний писк модельеров. Сверкала реклама, отражаясь тысячами огней в блестящих телах катящихся плотными рядами лимузинов. Бесконечный поток света, благополучия и роскоши. И музыка, музыка...

«БМВ» последней модели бесшумно выкатился на площадь и остановился напротив Бранденбургских ворот.

Из-за руля легко выскочил Ким Наумович Суслов, сидевший рядом с ним Константин Васильевич Роговой выбрался из машины тяжело, так как был непомерно грузен. Суслов жестом поздравил Рогового, когда тот обошел машину, захлопнул свою дверцу и сказал:

— И все двери автоматически заперлись.

Роговой понимающе кивнул. Он, привыкший говорить, настаивать, делать замечания, здесь чувствовал себя дискомфортно, потому молчал, лишь сердито сопел.

Суслов, лет сорока, в дорогом костюме и белоснежной рубашке с галстуком, смотрелся на этой торговой площади опереточным артистом, но чувствовалось, что это его нimalo не смущает, даже забавляет. Он знакомил Рогового с городом, как человек показывает собственную квартиру.

— Бранденбургские ворота. Здесь была стена... Слава вашему Горби, теперь мы едины.

— Мы, — проворчал Роговой. — Ты хоть немного шпрехаешь?

— Константин Васильевич, обижаешь. За девять лет китайскому обучишься.

— Девять? — Роговой нахмурился. — Да, летит время. — Он вздохнул и посмотрел на площадь, заполненную торговым, разношерстным людом. — Будто вчера.

— Здесь можно купить все. От зубочистки до танка, — сообщил Суслов голосом зазывалы.

— Как в Одессе, видели, — проворчал Роговой.

Неожиданно шутовская улыбочка соскочила с лица Суслова, оно строго дернулось, глаза остекленели, голос упал до шепота:

— Ни в Одессе и не видели. — Суслов застыл перед Роговым. — Ты забудь совдеповские мерки, девять лет, и то, кем был тогда ты и кем — я. Мы с тобой встретились не по старой памяти, а по новому интересу.

— Ладно, ладно, — проворчал Роговой. — Чего ты.

— Не ладно! — Суслов ткнул тонким пальцем в богатырскую грудь Рогового. — Я знаю твои возможности там, но здесь... Я прокачал тебя через Интерпол, ты у них не проходишь, потому мы и говорим.

Лицо Суслова неожиданно изменилось, он вновь легко заулыбался, схватил Рогового за рукав, попытался сдвинуть с места.

— Все, все, пошли... Как говорится, нет друзей и врагов, есть деловые партнеры...

Роговой шел тяжело, смотрел прямо перед собой, окружающим, казалось, не интересовался. А вокруг торговали. Много было советской военной атрибутики: фуражки, шапки, погоны и мундиры, ордена, медали и небрежно прикрытое оружие.

— Купить тебе пистолет? — улыбался Суслов, делая кому-то знак, чтобы не подходили. — Шутка. Я знаю, что у тебя есть. Кокаин, марихуана, героин... Пожалуйста... Нет проблем. Зелье, которое идет с востока через вас, лишь сырые. Нет, товар, конечно, но дешевка, мы можем обработать и превратить в золото.

Торговцы были заняты своим делом, но некоторые провожали Суслова почтительными взглядами, нерешительно кланялись...

Они вернулись к машине. Суслов повернул ключ, и все дверцы автоматически открылись. Роговой не выразил восхищения, сопя, забрался в машину, когда Суслов тоже сел, сказал:

— Ты мог мне все это и не демонстрировать. Я и без Интерпола знаю, что ты здесь в порядке и в законе.

Позже они обедали в дорогом ресторане для деловых людей. Тишина. Официанты скользят бесшумными тенями.

— Товар через вас проходит, но потери велики,— говорил Суслов.— Поставщик не хочет рисковать, да и мы серьезные партии заказывать остерегаемся.

Роговой понимающе кивнул, но промолчал.

— Если ты возьмешь под контроль продвижение груза от границы до границы, мы сможем увеличить оборот.

— Можно попробовать.— Роговой пригубил вино и недовольно отставил бокал.

— Внеси залог миллион долларов и пробуй.— Суслов смотрел испытующе.

— Чтобы проложить тропу, нужно время.

— Хоть год, только деньги вперед,— быстро сказал Суслов.— Иначе мы найдем...

— Не пугай,— перебил Роговой, ткнул пальцем в бокал.— Вели принести чего-нибудь.

Не успел он договорить, как тут же подкатил столик с разнокалиберными бутылками. Роговой указал на «смирновскую», официант налил в бокал несколько граммов. Роговой отобрал у него бутылку, поставил на стол. Официант исчез, а Суслов не выдержал, рассмеялся, поднял руку, что-то шепнул подскочившему официанту.

Мгновенно перед Роговым появился телефонный аппарат с короткой антенной.

Роговой откинул одеяло и сел: может, включить свет, музыку и напиться по-настоящему? Кому нужны бесплодные сожаления о совершенных ошибках? Да, именно в тот вечер, из берлинского ресторана он дал команду вступить в контакт с сыщиком Гуровым. Будь проклят тот час, но что сделано, то сделано, и нечего себя мучить. Сыщику он, Патрон, в конце концов не проиграл, потому что у милиционера, даже самого талантливого, против депутата руки коротки. Он тогда провел блестящую операцию, собрал с деловых людей сотни миллионов рублей якобы для обмена на доллары. А потом через Гурова оперативники МУРа всех поставщиков упрятали за решетку. У лидеров «Корпорации» выходов на Рогового не было, деньги испарились без осадка. Вот только Эффенди стрелял хуже Гурова. То ли Эффенди где-то оставил записочку, то ли полковник, выбравшись из реанимации и сообразив, что депутата законным образом не одолеть, шепнул через свою агентуру, мол, нужный вам человек, господя неприятеля, не кто иной, как ваш же Патрон. В данном вопросе ясности нет, но факт остается фактом, три месяца назад в кабинете появился небрежно одетый, улыбчивый пацан, этанкий шнурок от стоптанного ботинка. И без вступительных слов сказал: «Дело вы провернули здорово, партер аплодирует, но в ложе недовольны, требуют долги». Такие пошлые, вульгарные слова...

— Ты старик, твое время прошло,— продолжал шнурок, улыбаясь.— Отдай миллион «зеленых», иначе тебя снимут с улицы либо заберут из дома, отвезут в сторонку, и паяльная лампа

докажет тебе все что пожелаешь. Тебе позвонят, надеюсь, ты не окончательно выжил из ума и понимаешь, что меня послали серьезные люди. Чао! — Взмахнул ручонкой и, неслышно ступая модными кроссовками, удалился.

Проиграл — плати, с этим он, Константин Васильевич Роговой, согласен. Но миллион долларов под кроватью никто не держит, они же в обороте.

Следующая встреча с молодыми волками прошла в иной обстановке. Хотя начало было такое же бандитское. Подсели в машину, втолкнули в облупленную дверь, за которой оказалась не пыточная, а маленькое кафе — хрусталь, фарфор и девочка в наколочке. Представитель стаи выглядел прилично и держался должным образом. Внимательно выслушав, сказал, что сложности понимает, предложил либо взять в долю, либо выложить наличные.

Патрон согласился взять молодых в долю, выплатив пятьдесят тысяч долларов аванс, оговорил проценты и, как ему казалось, был убедителен:

— Я понимаю, что вы способны разрезать меня на кусочки и я умру в мучениях. Подписать чеки я не могу, наличных и бриллиантов у меня нет, у вас на руках останется изуродованный труп, и только. Так что не надо больше запугивать. Договорились?

Вожак стаи снял дымчатые очки, взглянул внимательно.

— Вы ошибаетесь, что, уничтожив вас, мы ничего не приобретем. Мы запишем ваши вопли на магнитофон. Ваше исчезновение и запись последних пожеланий облегчат мне дальнейшие переговоры, и ваши последователи будут умнее. Договорились?

После этой встречи он начал катастрофически худеть. Ему запретили выезд за рубеж, предупредили, что снимут с трапа самолета, а ежели ослушается — достанут в любой стране. Его не подгоняли, понимая, что решить столь серьезный вопрос в одночасье невозможно. И когда все уже было практически продумано и решено, вдруг вломился старый знакомый — сыщик Гуров.

Роговой отбросил одеяло, вновь сел на кровати и проклял ночь, которая, казалось, не имела конца.

Работники цирка, начиная от билетеров и кончая директором, в эту ночь не ворочались в постелях, а находились в Управлении внутренних дел. Писали объяснительные, отвечали на вопросы оперативников, маялись, ожидая своей очереди в коридорах.

Вопросы всем задавались одни и те же: где вы находились в такое-то время? Не видели ли в служебных коридорах посторонних? Не заметили ли чего-нибудь подозрительного либо необычного? Когда, где, при каких обстоятельствах видели последний раз Ивана Ивановича Мухина?

Майор Фрищенко беседовал с людьми, имеющими непосредственное отношение к конюшне. Майор понимал, что ни черта они не раскопают и повиснет еще одно убийство. Гурова майор знал давно, дважды сталкивался по работе, порой доходили слухи. Фрищенко москвича не любил, признавал, что оперативник классный, а что простаком держится, так это от профессии,

умеет перекраситься. И хотя Гуров был старше и по званию, и по должности, Фриценко обращался к нему на «ты», полковник и бровью не вел, держался, как с равным, спокойно и уважительно, чем вызывал еще большее раздражение.

Майор и днем-то, казалось, дремлет на ходу, а сейчас, ночью, просто глаз не открывал, переходя из кабинета в кабинет, словно сомнамбула. Вид отрешенного, глухонемого начальника Угро мог обмануть кого угодно, только не оперативников, которые знали: майор все прекрасно видит и слышит, ничего не забывает. Когда Фриценко неожиданно материализовывался в кабинете и, привалившись плечом к стене, застыл в привычной позе, ведущий беседу оперативник невольно напрягался, начинал говорить громче, вопросы задавал жестче. Простояв несколько минут, начальник неслышно исчезал из прокуренного кабинета, перемещался в еще более прокуренный коридор, прохаживался, сменяя своим появлением разговоры, которые за его спиной тут же возобновлялись с еще большим накалом.

Во время очередного обхода Фриценко наткнулся на директора цирка, которого давно опросил лично и отпустил. Но Капитан не считал возможным оставить свою команду, распорядился принести из своего кабинета чай, вытащить из холодильника торт. В коридоре чаевничали, облизывали липкие пальцы и, поглядывая на директора с благодарностью, но и с вызовом, курили. Плюшки, пирожные, различные печенья являлись слабостью Капитана, и у него была своя маленькая пекарня, которая существовала задолго до появления приватизации. От доносов в милицию, прокуратуру, в горком и Советы люди отказались, и город гордился, что вот ни у кого нет, а у них, в цирке, есть пекарня. И даже Первый, когда-то назначенный, а потом всенародно избранный, предпочитал не выписывать засохшие лакомства из столицы, а обращаться к Капитану и получать свежую выпечку прямо к столу. И в городе доподлинно знали, именно с Первого Капитан берет цену вдвойне, и подобная дерзость радовала людей, согревала души, создавала иллюзию демократии и свободы.

Майор завел Капитана в свой кабинет, указал на стул, уселся напротив, даже приоткрыл глаза.

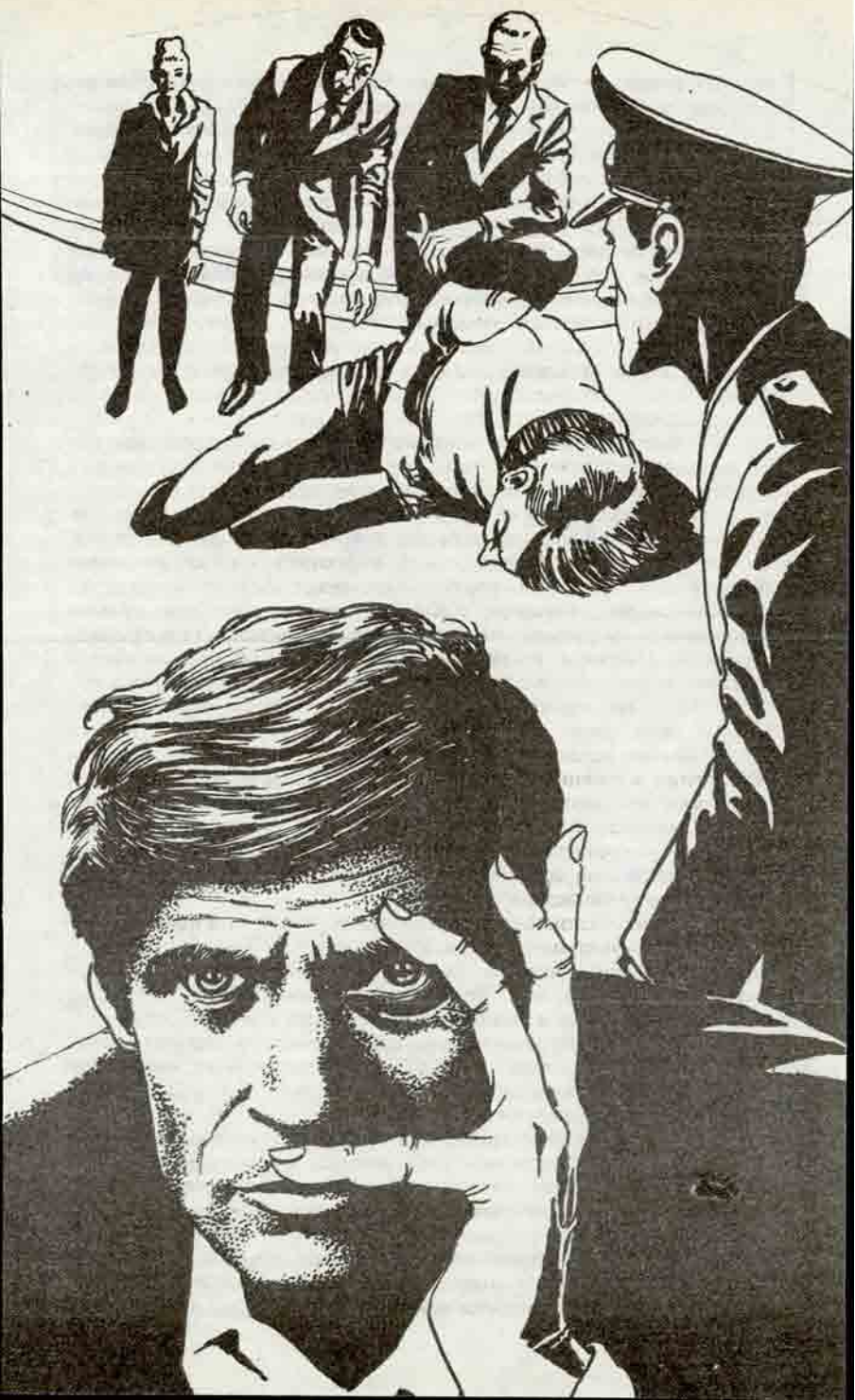
— Чего будем делать-то, Капитан? Хреновые наши дела, надо сказать. И чудится мне, что это только цветочки.

Семен Фриценко и Лешка Колесников родились в Городе, тут учились, гоняли в футбол, веселились, женились, рожали детей, в общем, жили. И, хотя особо не притеснялись, всегда помнили, что растут от одного корня.

— И ты, милицейский, меня, циркового, об своих делах спрашиваешь, — ответил Колесников, дернул подбородком, глянул сердито. — Я тебя не пытаю, чем артистов кормить и где новую лонжу заказать.

— Да ладно тебе, — смиренно пробормотал Фриценко и, помолчав, предложил: — Давай по-новой, Капитан. Значит, начинаете вы в девятнадцатый и первый номер у вас с лошадьми.

— «Амазонки». Примерно с шести в конюшню не протолкнись, а около того Ваньку видели живым.

— В семнадцать сорок пять,— уточнил Фрищенко.— Потом лошадей прибрали, вывели, и конюшня пустеет.

— Ясное дело, конюх с помощниками идут к манежу, смотрят представление и принимают горячих лошадей, обтирают, ведут во двор, прогуливают.

— Ведут через конюшню, ворота запираются изнутри.— Майор обреченно вздохнул.

— Непременно запираются, иначе пацаны пролезут, спасенья нет. Я тебе говорил, и другого не услышишь, ворота закрыты на все сто. После выступления их открывают лишь летом, сейчас нельзя, горячая лошадь простудится.

— Значит, после выступления в конюшни опять сутолока.

— Ну какая сутолока? Лощади же не люди, чего им толкаться?

— А людей много?

— Только свои: конюх, помощники, девчонки заскочат любимца погладить, угостить, только их и видели. Любой посторонний тут будет торчать, словно памятник на площади.

— Вот-вот, согласен.— Фрищенко кивнул.— На памятник никто внимания не обращает, стоит, а может, убежал, глаз обвыкся, не видит. Кто может зайти в конюшню и не привлечь внимания?

— Уборщица, Сильвер, Классик,— начал загибать пальцы Колесников, подумав, сказал: — Больше никто. Что прилип? Ясно же, Ивана в то время в конюшне не было, его нашли позднее и уже...— Он махнул рукой.

— Ты за последнее время новых людей на работу не брал?

— У меня цирк, а не проходной двор.

— Сколько же времени длится номер «Амазонки»? — спросил Фрищенко и сам же ответил: — Около десяти минут. Ворота во двор закрыты, возле кулис стояли люди, въезжали и возвращались с манежа лошади. Никого нового ты на работу не брал. Значит, кто-то из твоих родимых сотрудников, либо артистов.— Он поднял палец и повторил: — ...Либо артистов, в эти десять минут и зарезали парня.

— Слушай, Сеня, не надо заправлять.— Колесников pokrutil пальцем у виска,— я своих людей знаю лучше, чем собственную жену, и за каждого могу ответить. Это тебя одни подонки окружают.

Фрищенко на злые слова земляка внимания не обратил.

— Днем у цирка видели иномарку с московскими номерами.

— Я для дочки нашей Аннушки, метлами у меня командует, в Москве лекарство заказывал. Человек приехал, передал, уехал, торопился, даже чай пить не стал.

— Понятно.— Фрищенко закивал и осторожно спросил: — А откуда журналист объявился?

— Из златоглавой, откуда еще.— Колесников дернул подбородком.— Не пойму, как он тут ночью объявился? Кто ему сказал?

— Я тебя не в сыщики вербую, не зову стучать на соратников.— Фрищенко тяжело поднялся.— Но ты, Леша, оглянись вокруг себя, вроде трахают тебя.

Колесников набрал в легкие воздуха, покраснел от натуги, пока выбирал слова покрепче, Фрищенко проскользнул мимо, распахнул дверь и объявил:

— Всем спать! Оперсоставу задержаться!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Бессонница

(продолжение)

На бывшей обкомовской даче, расположенной километрах в двадцати от Города, в эту же ночь сидел за столом и читал газеты Кирилл Владимирович Трунин — человек молодой, но очень серьезный. Ему недавно исполнилось тридцать два года, но по имени-отчеству Трунина называли уже несколько лет. Даже его сверстники, которые оставались для всех Сережками и Петьками и без упоминания отчества счастливо доживут и до шестидесяти, сразу признали, что Кирилл Владимирович Трунин — человек иного замеса. В его внешности ничего не было примечательного: среднего роста, хрупкий; одевался неброско, глазу не за что зацепиться. Вырос он в обычной советской семье, родители инженеры, жили скромно, как все, от зарплаты до зарплаты. Трунин и школу, и юрфак университета закончил середнячком. Как любили тогда выражаться: рядовой товарищ, обыкновенный советский человек. Но он родился лидером, легко подчинял сверстников, но уже в школе понял, что общество, в котором он живет, любит лишь серый цвет, не умных, а хитрых, не способных, а приспособляющихся. И тогда, еще без отчества, просто Кирилл Трунин, запрятал свое лидерство глубоко вовнутрь, начал присматриваться к окружающим, в основном к людям, успешно продвигающимся вверх. Быстро и без особого труда определил, что лестница, ведущая наверх, практически одна — комсомол, затем партия, далее со всеми остановками, сколько пролетов осилишь, столь высоко и заберешься. Еще в школе Кирилл Трунин вступил в комсомол, стал секретарем, райком помог поступить в Университет, где Кирилла тут же «избрали» комсоргом курса. А как же иначе? Без подсказки райкома собравшиеся в кучу девочки и мальчики с первого взгляда разве могут определить, кто есть кто? Предложенная кандидатура всем понравилась, парням — тем, что на женском фронте не конкурент, девчонкам он импонировал своим спокойствием, простотой обращения.

Учился он на первом курсе прилежно, комсомольские обязанности выполнял аккуратно, но без излишнего вдохновения, чтобы раньше времени не привлечь к себе ревнивого внимания уже формирующихся старшекурсников-функционеров. Через два года, когда он рассчитывал войти в комитет, в Университет прибыл с визитом Первый секретарь райкома. Видимо, сам Господь Бог уберег неразумного, Кирилл Трунин стал свидетелем разговора высокого гостя с секретарем комитета комсомола, которые неизвестного парня и за человека не считали, потому не стеснялись.

— Ты куда лезешь? — кричал гость. — У тебя кто — папа, мама, дядя в конце концов? У тебя кто за спиной? Ты полагаешь, каждый жополиз может ползком к кормушке подобраться? Ты сосеешь старательно, когда сочтем достойным, тогда позовем.

Услышанное потрясло Кирилла не цинизмом, а обнаженной простотой самого факта: не имея родословной, человек обречен на многолетнее холуйство, даже рабство. Он выбрался на улицу, ошарашенный собственной глупостью. Но раз я это вовремя понял, значит, не дурак, решил он, усаживаясь на скамейку, задрал голову и, глядя на небо, прикидывал, какое кресло там, наверху, он считает для себя подходящим. Уж конечно, не райком комсомола, даже не райком партий, как минимум вон за тем облачком, подошло бы место в горькоме. Но, даже если туда заберешься, к тому времени самый сладкий кусок в горло не полезет. Слишком много унижений придется перенести, годы жалко. Я должен добиться власти молодым, решил он, перестал разглядывать небосвод, поднялся со скамьи, посмотрел под ноги. Мы двинем иным путем. Власть человеку дают деньги. Значит, следует начать с денег, которые охраняет государство, конкретно — милиция. Если я не хочу быстренько, как фраер, устроиться в лагерь, следует узнать, как менты живут, чем дышат. Не от подслушанного разговора прозрел Кирилл Трунин, и не за час, сидя на скамеечке, перерешил он свою судьбу. Прошло не менее полугода сомнений и колебаний, пока он примеривался, как схватить удачу за шиворот, как не промахнуться и оказаться в седле. Понял: быстро ничего не получится, придется терпеть.

50 Получив диплом, Кирилл Трунин пошел работать в милицию, и не дознавателем, который не вылезает из кабинета и исписывает тонны бумаги, а опером. Через год он трудился уже на Петровке, где впервые и увидел легендарного Льва Гурова. Поначалу Трунин решил с известным сыщиком сблизиться, подучиться из первых рук, так сказать. Но вовремя вспомнил про бабочку и огонь, остерегся и недолгое время, что служил, усваивал методы оперативной розыскной работы, старался ни в какие громкие дела не влезать и на глаза Гурову не попадаться.

Он уволился по здоровью, в восемьдесят пятом, когда подул ветер перемен и начали образовываться кооперативы. Тогда подпольные дельцы осторожно стали высовываться из подполья, оглядываться, подыскивать умных, ни в чем не запятнанных помощников. В такой ситуации Кириллу Трунину просто цены не было, юрист, с опытом работы в органах, с оружием, которое он предусмотрительно на одном из обысков в протокол изъятия не занес, а тихо положил в карман. Какой еще вам нужен помощник, товарищи?

Кирилл Владимирович Трунин сидел за небольшим, старинной работы письменным столом, ждал телефонного звонка, просматривал газеты последних дней. Он достиг многого, очень многого, но, становясь богаче и могущественнее, все больше был недоволен своим положением. Стремился к власти и независимости, а получалось: чем большей он обладал властью, тем меньше становилась независимость. Я Гулливер в стране лилипутов,

думал Трунин. Они хилыми лапками хватают меня за каждый волосок. А без липипутов не прожить, без липипутов я не Гулливер. Порочный круг...

Еще работая в личной охране крупного дельца теневой экономики, Трунин отбирал для себя верных людей, готовился создать собственный бизнес, не экономический, полулегальный, а чисто криминальный, следовательно, крайне опасный. Он не был авантюристом, просто трезво оценивал свои способности. Торговый, финансовый бизнес ему не по зубам, не хватало знаний и опыта. Другое дело — рэкет. Но не дислоцироваться в одном районе или городе, не обладывать данью, выбивая у дельцов грошик, ежедневно людей запугивая. Такой бизнес заранее обречен. Либо кончатся деньги, либо терпение у налогоплательщиков, и они наведут на след оперативников. Или, того хуже, конкуренты объединятся, устроят разборку. Группа должна быть мобильная, быстро меняющая регион и направление удара. Можно принимать заказы на устранение конкурентов. Только разовые, не оставляя в руках заказчиков никаких ниточек, которые бы вели к исполнителю. Но бесконечно такая деятельность продолжаться не может, информация начнет просачиваться... Обыватель убежден, что милиция вовсе мышей не ловит, но он, Кирилл Владимирович Трунин, знает: оперативники еще остались и недооценивать их — полный идиотизм.

Трунин взглянул на часы, на телефон, отшвырнул газеты, отправился на кухню варить кофе.

Как же, не ловит! А кто набил зоны и тюрьмы? Или люди там собрались в охотку, из любви друг к другу, чтобы веселее провести время?

Он поставил на плиту чайник, начал молоть кофе, оглядел просторную, оборудованную самой современной техникой кухню. Как жили люди? Все отняли, как в семнадцатом. Но тогда произошла трагедия, а сегодня — фарс. Сюда нельзя пускать диких фанатиков, здесь жила элита, теперь, хоть и временно, живу я, человек отнюдь не рядовой. Я завтра уеду, прибудет другой, рассуждал Трунин, заваривая ароматный кофе, скорее всего, депутат либо полномочный представитель верхов, для рядовых тут места нет, для них существуют казармы.

Команда Трунина рыскала по России, слава Богу, просторной, часто возвращалась в Москву, где намечала очередные жертвы, принимала или отвергала заказы. Ребята обросли мускулами, набрались опыта, главное, уверовали в талант своего художественного руководителя. Ближайшее окружение Трунина, гвардейцы, так сказать, утолили голод, обзавелись квартирами, машинами, хорошим оружием, специальной техникой: радиотелефонами, подслушивающей аппаратурой. Конечно, у Трунина существовала и агентура, но в очень ограниченном количестве, так как бывший опер отлично знал, что это оружие очень мощное, но обоюдоострое. Ни с одним агентом он лично на связь не выходил, даже не все его люди знали Кирилла Владимировича в лицо, а уж кто он на самом деле и где находится в конкретный момент, ведали лишь двое. Оба были неоднократно проверены, а, главное, в случае провала их ничего, кроме высшей меры, не ждало.

Известно, Остап Бендер, желая получить миллион, мечтал о белых штанах и Рио-де-Жанейро. Кирилл Владимирович ничего не имел против белых штанов и Рио, но из-за инфляции, черт ее возьми, ему требовалось пять миллионов, и только долларов. С валютой дела обстоили неважно. Она как поступала, так и уходила, очень велики были затраты на техническое оснащение, которому Трунин уделял первостепенное значение. Он понимал, что его деятельность опасно затягивается. Не знал, но почувствовал присутствие спецслужбы. Через деловых людей дважды прошел сигнал тревоги, мол, кого-то опасаются и ищут. Кого конкретно, узнать не удалось, может, существует неизвестный конкурент, который засветился. Но одно совершенно ясно: необходимо затаиться, выбрать жертву и взять последний куш. Трунин искал, но «золотой теленок» где-то тщательно прятался.

Фигура Константина Васильевича Рогового выплыла перед Кириллом Владимировичем совершенно неожиданно. Он раз и навсегда категорически запретил своим людям встречаться, пить водку, поддерживать какие-либо отношения с ворами в законе, рэкетирами, преступниками других мастей. Учтите, неустанно повторял Трунин, среди самых, казалось бы, крупных ребят каждый десятый чей-нибудь агент. Даже если на твоих глазах обворовывал или убивал, отнюдь не значит, что человек верный, а лишь следует, что он вор и убийца. И тем быстрее, вымаливая снисхождение, продаст. Но если уж попал в компанию, ведь не в консерваторию же ходить, завязался разговор, рядом бахвалятся подвигами, запоминай и молчи. А если молчать опасно, жалуйся на жизнь, природную трусость, терпи унижения, только не выступай.

И вот однажды, три месяца назад, ближайший сподвижник Трунина пришел к нему и рассказал, что накануне вечером был в компании солидных кооператоров. Все было пристойно, пили, ели, трепались о женщинах. И тут к столу, сильно поддавший, подсел мужик. Судя по манерам и речи, мужик битый, явно посещал «хозяина». Незванный гость говорил много, жаловался на судьбу, на деловых людей, мол, сегодня у них ни совести, ни чести. Недавно один из главных авторитетов объявил, что продает миллионы «зеленых», собрал сотни миллионов «деревянных» и всех носильщиков сдал ментам. Гнилого авторитета вмиг зарезали, но деньги не нашли. А вот недавно этот мужик узнал, что провернул операцию не покойник, зарезали исполнителя, а главный жирует и веселится, над деловыми потешается.

Вот человек, который мне нужен, понял Трунин. У него есть валюта, его не защитит ни государство, ни мафия. Довольно быстро удалось установить, что зарезан был некто Лебедев Юрий Петрович, который последний год находился в тесных деловых контактах с Волиным Русланом Алексеевичем — директором советско-австрийского совместного предприятия. В прошлом году Волин уехал в Вену, где в настоящее время и проживает. Возможно, Волин?

Трунин нанес визит в офис московского отделения совместного предприятия, представился коммерсантом, который хотел бы поместить некоторую сумму и ознакомиться с положением дел.

Он провел в офисе два дня, ничего не понимая, просматривал документацию, познакомился с секретаршей и бухгалтером, как и положено, подарил цветы и французские духи. Пригласил девиц отобедать. За обедом Трунин жаловался, что деньги у него есть, но делец он начинающий, если девушки помогут ему советом, он в долгу не останется. Прошел один обед, завтра — второй, вечером, естественно, вместе поужинали. Кирилл Владимирович был щедр, корректен, сыпал комплиментами, обронил, что у него есть друг, холостяк и миллионер, если красавицы не возражают, то они вчетвером могут прокатиться на пароходе вокруг Европы. Красавицы, естественно, были девушки битые, уже давно никому не верили и поначалу держались шутливо, но лишнего не болтали. Они никак не могли понять, что нужно этому проходимцу, так они между собой называли любого мужчину, который в первый же день дарил подарки и угощал обедом.

Красавицы пребывали в недоумении. Новый знакомый вопросов не задавал, шутил, щедро платил, в койку не тащил. В отношении последней девушки не обманывались, конкуренцию на рынке знали, с такими деньгами мужик мог купить товар и лучше. И если секретарша вечером, при соответствующем освещении еще как-то смотрелась, то бухгалтерша и в крошечной тьме даже боком ни в какие ворота не проходила.

Трунин все отлично понимал, про себя посмеивался. И терпение Кирилла Владимировича на второй день вечером после обильного ужина, когда они зашли в валютный бар гостиницы «Космос», было вознаграждено сторицей. Трунину и в голову не могло прийти, что последней каплей, которая переполнила чашу девичьего терпения, были его дымчатые очки. Похожие носил Руслан Волин, глядя на них, секретарша постоянно вспоминала исчезнувшего шефа. Перед расставанием, когда шеф раз, наверное, в десятый повторял, что будет платить зарплату с учетом инфляции за безделье и молчание, он неожиданно расчувствовался и трахнул свою ненаглядную прямо на письменном столе. В принципе ничего нового не произошло, но шеф, занимаясь любовью, очки не снял, а новый знакомый снимал их каждый раз, как присаживался к столу и начинал разговаривать с дамой. Женщина пригубила валютный коньяк, взглянула на очки и ни к месту заявила, что бывший шеф — проходимец, офис их днями закроется, и лучше деньги пропить, чем вкладывать в эту лавочку. Бухгалтерша возмутилась, затрясла бюстом, обозвала подругу сучкой. Красавицы сцепились. И тут впервые Трунин услышал о каком-то депутате, здоровенном мужике, по кличке «Патрон»: выяснилось, что молодой шеф был фигурой подставной, а заправлял всем именно Патрон, которого от тюрьмы спасла лишь депутатская неприкосновенность.

Много интересного услышал Кирилл Владимирович в валютном баре. Не спрашивая, узнал фамилию, имя и отчество Патрона, его должность и даже служебный телефон. В конце вечера дамы напились и помирились, Трунин стал молчалив и рассеян, развез их по домам, распрощался холодно, больше красавицы его не видели.

Сутки Трунин обдумывал ситуацию. Выходило следующее: хозяин — депутат, начальник Управления союзного министерства, негласный хозяин СП, под которым ходил бухгалтер «Корпорации» Лебедев. Именно он поддерживал связь с регионами, собирал деньги многомиллионной валютной операции. Старика впопыхах зарезали, деньги исчезли. Трунин чувствовал, что нужен ему именно Константин Васильевич Роговой. Но как к нему подступиться? Около месяца Трунин прослушивал телефонные разговоры Патрона: как служебный, так и домашний аппарат. И как бы ни был старик осторожен, но сообразительный Трунин без особого труда уловил криминал в его беседах. Ну зачем, казалось бы, нужно чуть ли не через день разговаривать по международному, который стоит бешеных денег, о здоровье, болезнях и сложностях бытия. Слишком часто в разговорах употреблялись слова «дорога», «лекарства» и «время». Сложив все вместе, Трунин понял окончательно, что именно Роговой захватил миллионы «Корпорации» и сейчас он, видимо, ворочает миллионами долларов.

Потом произошло то, что и должно произойти: старый хищник и молодой охотник встретились. Сначала молодой одержал, казалось бы, полную победу, но сразу же допустил стратегическую ошибку. Следовало взять сразу сколько можно, оборвать связь и уйти. Физически беззащитный, опарашенный напором и беспределом, Роговой изыскал бы наличность. Но Трунин посчитал, что схватить даже очень крупный слиток, но оставить в земле золотую жилу неразумно. Решил стать партнером, войти в долю. Молодость имеет колоссальные преимущества при атаке, штурме, кровавой драке, но в затяжной борьбе начинает брать верх опыт. Главный козырь Кирилла Владимировича Трунина — угроза физической расправы над Роговым — был блефом. Захватить Патрона, замучить и уничтожить действительно не представляло труда. Но толку от этого ни на грамм. Через месяц Трунин понял, что Патрон его раскусил, с каждым днем боится все меньше, власть забирает все больше. Еще некоторое время Патрон при встречах, обсуждая дела, лишь ухмылялся, а в последний раз, положив тяжелую ладонь молодому содельнику на плечо, сказал:

— Слушай, Трунин Кирилл Владимирович. Ты работаешь на меня со своей бандой из десяти процентов чистой прибыли. Я плачу вам значительно больше, чем вы стоите, но к старости я становлюсь сентиментальнее. Ты все понял? Обращаться ко мне — либо Патрон, либо по имени-отчеству, по пустякам прошу не беспокоить.

Каким же образом старая сука установил меня? — думал Трунин. Он хоть и работал в розыске, но сыщиком так и не стал. Как многие молодые, недооценивал людей зрелых и многоопытных. Роговой, номенклатурный товарищ, имел обширные связи. Были у него приятели и должники даже среди начальников московской милиции. Отношения руководителей различных ведомств между собой в большинстве случаев основывались не на взятках, а на взаимных услугах. Оказывались они элегантно, услугу не обещали вернуть, а просто обращались за помощью,

мол, ноша тяжела, мы должны помогать друг другу. И хотя Константин Васильевич Роговой и сошел со столбовой дороги, но связи остались. Он полистал свой поминальник, отыскал в нем полковника милиции, которому помог строить дачу, и коротко рассказал: работает теперь в новых коммерческих структурах, связался со сколькими партнерами и не поможет ли ему старый приятель установить личность последнего. У полковника как раз дочка замуж выходила, возникли бытовые проблемы, и укрепить дружбу с таким мощным хозяйственником, как Роговой, было отнюдь нелишним.

Когда Патрон выехал на очередную встречу, за ним последовала машина с наружкой, позже переключилась на Трунина, дальнейшее было делом несложной техники.

Пауза затягивалась. Трунин вздохнул, невольно наклонил голову.

— Я с радостью отмечаю, молодой человек, что вы быстро и правильно оцениваете ситуацию. — Патрон толстым пальцем почесал за ухом. — Все данные о тебе, фотографии, пальцевые отпечатки находятся в сейфе. Если я исчезну, попаду под машину или мне на голову свалится кирпич, и все это случайно, — я тебе ничем не смогу помочь. — И без всякого перехода продолжал: — У меня в Москве застряла партия товара на миллионы долларов. Если поможешь, получишь свою долю, и мы расстанемся.

Они распрощались. Патрон не собирался отдавать долю, а Трунина не устраивали десять процентов. Каждый решил выждать, ведь сегодня друг без друга не обойтись.

С тех пор прошло два месяца, стечение обстоятельств помешало Патрону переправить двадцать килограммов чистого героина за пределы страны. Сначала Трунин не знал, где находится товар. Когда выяснил, решил товар из страны не выпускать, захватить здесь. За кордоном он, Трунин, окончательно потеряет инициативу.

Он сварил кофе, налил чашку, вернулся к телефону. Думать ни о чем не хотелось, но мозг работал, волевому усилию не подчинялся.

Надо признать, что он, такой умный, в решающий момент лопухнулся. А ведь дело казалось таким простым. Не захотел привлекать умных гвардейцев, они быстро разобрались бы что к чему и запросили бы солидную долю. Как говорится, жадность ф्राера сгубила. Он решил обойтись услугами «шестерок», те напортачили, теперь приходилось разгребать. Тогда он призвал на помощь самого лучшего исполнителя. Тут сказочно повезло, официальная крыша у исполнителя оказалась именно в этом цирке. Лучший исполнитель — в самом нужном месте. Но вдруг объявился сыщик Гуров. Трунин не знал, зачем сюда прибыл полковник, однако был убежден: из такого калибра по воробьям не стреляют.

Телефон тренькнул, зазвонил. Трунин снял трубку.

— Все в порядке, ложись спать.

— Если все в порядке, зачем же мальчишку убивать? — раздраженно ответил Трунин. — Тебя водкой не пои, дай человека

зарезать. Расскажи подробнее, как и что, о чем спрашивали?

— Менты всех собрали в контору, растащили по кабинетам, пытали каждого, кто когда пришел, ушел, где в какое время находился, не видел ли посторонних.

— Надеюсь, ты не начал наводить тень на плетень?

— Я, — убийца говорил абсолютно серьезно, — никого не видел. Все нормально, у них ничего нет, ложись спать.

— А москвич принимал участие в допросах?

— Нет, потолкался с полчаса у трупа и ушел. Слушай, а ты уверен, что он...

— Да. Абсолютно, — перебил Трунин.

— Так, может, его...

— Нет, — вновь перебил Трунин. — Все, иди спать. И не пить, понял? До завтра.

Трунин отставил чашку с кофе, вытащил из бара бутылку водки, плеснул в стакан, выпил залпом, раскинулся в низком кресле. Одно хорошо, успокаивал он себя, раз они Гурова прислали, значит, у них агентурных подходов к нам нет, шарят в крошечной тьме. А он парень отчаянный, переключился Трунин на своего исполнителя-убийцу. Гурова предлагает убрать... Следует парню в глупую башку вбить, что, если б Гурова можно было так легко убрать, он давно уже стал бы покойником. А ежели изловчиться и все-таки прихлопнуть его, то завтра в городе на каждом углу встанет по оперу. И придется быстро отсюда сматываться, а о деле забыть навсегда.

Ленька Федосеев, пожалуй, единственный человек на свете, которому Трунин доверял. Сегодня Леньке катило к полтиннику. Первое убийство совершил в шестнадцать, засветился, но взять его не успели. Он исчез, сменил документы и окраску, появился совершенно в другом обличье. О его истинной профессии знал только заказчик. Неведомыми путями Ленька узнавал, кому из богатых людей срочно требуется гробовщик, выходил на связь, договаривался, выполнял работу, брал деньги и растворялся в безтолковом мире нормальных людей. Он великолепно стрелял, в совершенстве владел ножом, удавкой, разбирался в ядах. Уважение окружающих ему совершенно не требовалось. Он казался обаятельным, беспомощным и смешным человеком, который не скрывал слабостей и посмеивался над собой вместе с приятелями, а их у Леньки было много.

Шесть лет назад, когда Трунин только собирал свою гвардию, у него на хвосте повис шантажист, начал отравлять жизнь. Вскоре раздался телефонный звонок, Трунин услышал тихий, вежливый голос:

— Молодой человек, я слышал, что некто мешает вам спать?

— Допустим. Кто говорит? — поинтересовался Трунин.

— Филантроп, люблю оказывать помощь.

— И сколько ваша филантропия стоит?

— Пустяки, у меня установлен порядок, сначала услуги, потом паршивые деньги.

— Странно. — Трунин задумался. — Попробуйте, только я ведь могу и не заплатить.

— Вряд ли, — ответил неизвестный и положил трубку.

Через несколько дней шантажист напился и повесился в своей квартире, а вскоре Трунин вновь услышал мягкий, вкрадчивый голос:

— Кирилл Владимирович, слышал, вас можно поздравить, все уладилось

— Верно, — ответил Трунин. — Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

— Ну, и дай Бог. — Убийца хихикнул. — Переведите ему десять тысяч. — И продиктовал фамилию, имя, отчество и почта-мт, до востребования.

В те годы десять тысяч были серьезные деньги, Трунин возмутился:

— Я знаю Бога, который подобные услуги оказывает за одну штуку.

— Прекрасно, в следующий раз к нему и обратитесь, а сегодня переведите десять. — В голосе убийцы отчетливо слышались смешинки.

Трунин сам любил повторять: дешево, значит, плохо, потому замаялся на мгновение и спросил:

— Может, встретимся?

— Вы переведите деньги, я вас позже найду.

Трунин, конечно, заплатил, и через месяц они встретились. Насколько такие люди способны дружить, сблизиться, многое узнали друг о друге. За профессиональными услугами к убийце Трунин обращался лишь дважды, а виделись они раз в два-три месяца. Как люди, приговоренные к пожизненной каторге, скованные одной цепью, они не могли обходиться друг без друга. Встречались порой без предупреждения, чаще всего на рыбалке. Зимой и летом ловили только на удочку, говорили мало, лишь напивались.

Трунин признавался себе, что порой побаивается партнера. Однажды, когда после сильной пьянки они проснулись около пяти утра, опохмелились, почувствовали ни с чем не сравнимую легкость, эйфорию свободы, Трунин сказал:

— Признайся: меня ты тоже можешь?..

Убийца взглянул на него ясными глазами, задумался, после долгой паузы ответил:

— Да вряд ли... Невыгодно. Ну, если только за очень большие деньги, — мило улыбнулся. — А за тебя таких денег не дадут. Миллионы платят только за миллионеров. Извини, ты же ничий. И потом, я уже связи растерял, без тебя останусь без работы, скучно, кровь стынет, сопьюсь.

— Ну, спасибо, — растерянно пробормотал Трунин.

— Не за что, свои люди.

Господи, да он же совсем больной, ничего святого! Себя Трунин считал абсолютно нормальным, здоровым человеком, имеющим принципы и идеалы...

Не спали в эту ночь и соседи Гурова, супруги Соснины. Обычно они на сон не жаловались, но в ситуации экстремальной нервишки сдали. Накапливалось взаимное раздражение, рвалось наружу. Все же беседовали супруги тихо, употреб-

ляли слова ласковые, так как каждый считал себя интеллигентом.

— Мне казалось, дорогой, что ты человек более ответственный. — Холодными пальцами Ольга почесала мужа за ухом. — Я всегда вела себя честно. Вступая с тобой в брак, слова о любви не говорила. Ты гарантировал мне определенный, высокий уровень жизни, я согласилась. Катя со своим благоверным сейчас отдыхает на Багамах.

Ольга говорила одно, а думала совсем о другом. Какая фигура у этого журналиста! А может, он совсем и не журналист? Она не любила голубоглазых мужчин: они либо мямли, либо нарциссы, а мужик должен обожать женщин, а не самого себя. Но сосед был настоящим мужчиной, она почувствовала это мгновенно. Она оставила в покое ухо супруга, провела ладонями по плоскому животу, полным, еще не рыхлым бедрам и продолжала шептать:

— Ты обещал, будем жить в цветах и улыбках. Дыра, не приведи Господь, выйти на улицу невозможно. Ты постоянно занят, окутан тайной, словно граф Монте-Кристо.

— В моей коммерции ничего таинственного, — не сдержался Сергей. — Здесь недалеко звероферма, пытаюсь подешевле купить мех. А про Катю и ее недоноска ты мне лучше не напоминай. Он обыкновенный спекулянт, только в крупных размерах.

— Человек, укрававший миллион, не вор, а бизнесмен.

— Извини, дорогая, ты живешь гораздо лучше, чем другие. Многие и мечтать не могут...

— Многие меня не интересуют, — перебила Ольга, неожиданно вспомнила соседа и веселые искорки в его глазах, — и мечты у них совковые, убогие, нищие, ничтожные! — Она откинула одеяло и села. — Какие дела у тебя в местном цирке? Мы вечером идем в цирк.

— Хорошо, — ответил муж.

Сергей недоумевал, почему благоверная, которая, кроме Москвы и Петербурга, других городов России не признавала, увязалась с ним в эту поездку. Он отговаривал жену, не сгущая краски, нарисовал картину местного бытия, но она уперлась и вот теперь от скуки будет пилить денно и ночно. Может, сосед отвлечет, примет огонь на себя? Несравненная Ольга Дмитриевна никак не могла понять, что звездные дни, когда муж падал к ее ногам, прошли. Дел неупрочен, операция предстоит опаснейшая, следует выпасться, быть в форме, а тут нервничаешь по пустякам...

— Мне кажется, дорогой... — Ольга встала, протопала по ковру в ванную. Когда-то привычка жены интригующе прерывать фразу, вроде бы отвлекаясь, забывая, что именно хотела сказать, приводила Сергея Соснина в восторг. Он бросался за красавицей, тормошил, целовал, требовал закончить гениальную мысль. За пятнадцать лет супружества он убедился, что, кроме глупостей и пошлостей, ничего больше красивой женщине не «кажется». Сейчас он дурацких вопросов не задавал, заснуть даже не пытался, зная предстоящую программу, как хороший суфлер. Жена появится в халате, который купила за сумасшедшие деньги у прыщавой Кати, накапает в бокал спиртного, закурит,

усядется в кресле неестественно прямо, словно на пресс-конференции, сообщит, что не прочь поохотиться летом на львов.

Супруг угадал все — и халат, и бокал, и сигарету, даже позу жены в кресле, а вот текст выступления прозвучал неожиданный.

— Мне кажется, дорогой, — повторила она, закуривая, — наш сосед, твой новый приятель, никакой не журналист, а даже совсем наоборот, — замолчала, вновь повесила паузу.

Соснин чуть было не вспылил, хотел сказать, что сосед не его новый приятель, а ее, и что значит «наоборот от журналиста», но сдержался и лишь обреченно вздохнул.

— Журналисты, в частности корреспонденты, люди общительные, разговорчивые, иначе им никакого материала не добыть. Этот же супермен за стеной как раз наоборот. Молчаливый, не любопытный, глаза со шторками. Лев Иванович Гуров либо мафиози, либо наоборот. В чужом городе позвонили ночью, разыскали в нашем номере, человек сорвался, улетел, через час вернулся, я слышала, как у него дверь скрипнула. А что за час успеешь? Значит, не срочное интервью, что-то ему просто сообщили.

— Сообщают по телефону, — возразил муж, поеживаясь.

— Уж не по твою ли душу прибыл сюда голубоглазый супермен? Не удивлюсь, если у него под мышкой «кольт» сорок пятого калибра.

Так женщина, злясь на мужа, желая его напугать, стреляла словами, практически не промахиваясь. Правда, она не знала, что сыщик привлекал к себе внимание умышленно. Супружеская пара показалась любопытной, и он хотел подогреть ее интерес к себе, продолжить знакомство.

— Скромный бизнесмен не представляет никакого интереса для мафии, тем более для спецслужб, — ответил Соснин, удивляясь, каким образом пятнадцать лет считал жену дурой, а она оказалась чертовски наблюдательна и очень даже здраво рассуждает. Но если она права и он попал в поле зрения противника, то ему конец. И неизвестно, что сейчас хуже — мафия или спецслужбы.

— Тебе виднее, дорогой. — Женщина почувствовала, что попала в цель, голос ее стал ласковым беспредельно. — Только на свою скромность ты ссылайся, когда отказываешь мне в самом необходимом. Боюсь, проникательные люди тебе не поверят.

Соснин вскочил, натянул тренировочный костюм, схватил бутылку, глотнул прямо из горлышка.

— Мужлан, — прошептала жена. — Таким ты мне нравишься. Он выпил еще, тоже закурил.

— Мы с тобой в одной лодке, у нас общие финансовые интересы в конце концов.

Если я сделаю все, как задумала, стану полностью самостоятельной, а пока он мне действительно нужен, рассудила женщина и спросила:

— Я могу помочь?

— Можешь. Займись соседом. Выясни, кто он в действительности. Я сейчас поставил слишком крупно, мы не можем рисковать, станем нищими, если не хуже.

— Хуже не бывает.

— Бывает, бывает. — Соснин разнервничался. — Все, ты меня достала окончательно, теперь уже не заснуть. А, черт с ним, живем единойды, и чему быть, того не миновать!

— Я лишь предупредила. — Женщина следила за мужем с любопытством и даже восхищением.

Какой темперамент! Плечи развернул, поднял голову. Мужик! Чего я ищу на стороне, зачем рискую? Охолонись, красавица, запал пройдет, подумала женщина. Тебе осталось год-два, максимум пять, ты должна стать хозяйкой, ни от кого не зависеть.

Соснин открыл чемодан, вынул зажигалку и протянул жене.

— Подари ему эту безделицу, через сутки возьмешь обратно, сошлешься на мою ревность.

— Отобрать я сумею и проще, — разглядывая зажигалку, ответила женщина. — А вот как подарить?

ГЛАВА ПЯТАЯ

Обмен сувенирами

Полковник приехал в Управление рано утром. Пока майор дремал на диване, Гуров прочитал все собранные за ночь документы. Поначалу, прокачивая ситуацию, сыщики шли в ногу, понимали друг друга, лишь уточняли детали. Однако вскоре начались разногласия. Они расходились в главном — как вести гласное расследование. Фриценко считал, что следует уцепиться за медвежатника Рогожина. Его необходимо допрашивать в прокуратуре, во что бы то ни стало расколоть, так как он, по мнению майора, если не связан с преступниками напрямую, то знает значительно больше, чем говорит. Гуров же считал, что Рогожина используют втемную, допрашивать его бессмысленно, даже опасно. В маленьком городе секретов не бывает, о долгих допросах вскоре станет известно, и попытку ликвидировать артиста повторяют, но более успешно. Разошлись сыщики и в оценке личности убийцы. Майор убеждал, что преступник пришел со стороны и никто из местных, тем более цирковых, с ним не связан. Гуров утверждал обратное: если не самого убийцу, то его сообщника следует искать именно в цирке. Главное, настаивал полковник, в цирк необходимо прислать оперативника, который, пусть и без результата, рассказывал бы в коридорах, совался куда ни попадя, своим назойливым присутствием держал бы преступника в напряжении. Их замысел нам неизвестен, продолжал Гуров, мы лишь предполагаем, что готовилась транспортировка наркотиков за рубеж, она сорвалась, часть информации ушла на сторону, сейчас организаторы залатывают дыры и убирают людей, которых считают опасными. Кого они испугаются — неизвестно, надо не дать им совершить еще одно убийство.

Фриценко внимательно выслушал полковника, перешел с коллегой на «вы» и ответил: мол, действительно наш городок не столица, тут вы, товарищ полковник, абсолютно правы. Поэтому я не поселю в цирке опера, не стану пугать артистов и поднимать против милиции общественное мнение.

— Из двух зол выбирают меньшее, я тебя прошу, Семен Григорьевич, — уговаривал Гуров, — лучше напугать, но уберечь.

— Я не могу потакать вашим фантазиям, — уперся Фрищенко.

Гуров оглядел набычившегося Фрищенко, словно примериваясь, с какого бока его легче взять, и терпеливо, будто объяснял ученику-тугодуму простую задачу, спросил:

— Экспертиза в мясе яд обнаружила? Окно было прострелено и пулю в стене вы нашли?

— Ну? — Майор согласно кивнул. — Медведя хотели отравить, чтобы хозяина напугать. А не вышло, так и стрельнули. Потому и надо трясти вашего Рогожина. Он замазан в этом деле по самую маковку.

— Медведя убивать бессмысленно, зверь никому не мешает, яд послали Рогожину. И направил его цирковой человек, знающий, что артист своего напарника мясом не кормит, а сам съест. Почему пытаются убить Рогожина, пока не знаю, но что он сегодня абсолютно ни в чем не замешан, уверен. Уважаемый Семен Григорьевич, очнись, дорогой, я ведь прибыл сюда по сигналу именно Рогожина.

— Удивили, а то мы не видели, как человек сначала залазит в петлю, потом орет «помогите!».

— Случалось, — согласился Гуров. — Однако Михаил Семенович Рогожин не тот человек.

— А в нашем цирке работают не те люди, которые могут иметь связи с профессиональной преступностью. Я не собираюсь покрывать Рогожина только потому, что он заслуженный и приехал из Москвы...

— Да он ваш, местный, — перебил Гуров.

— Был, теперь он чужой. Извините, товарищ полковник, никаких исключений ни для кого делаться не будет. Согласно закону дело возбуждено прокуратурой, я доложу весь имеющийся материал в полном объеме, следователь решит, кого и где он будет допрашивать.

Полковник и майор расстались крайне недовольные друг другом.

Из милиции Гуров направился в цирк. Шел неторопливо, оттягивал встречу с действующими лицами, пытался определить, с чего следует начать, как себя вести с Рогожиным и с остальными людьми маленького, замкнутого, очень специфического мирка, называемого цирком. Но ничего интересного и оригинального сыщику придумать не удавалось. Он не мог себе простить, что не уговорил Фрищенко. Самого упрямого человека можно переубедить, надо только найти ход-ключ, а он не нашел. Плохо. Бессонная ночь и уязвленное самолюбие мешали сосредоточиться. Самое скверное, что я не могу понять замысел противника. Можно выстроить такую версию: в клетке медведя хотели переправить контрабанду, предположительно — наркотики. Гастроли сорвались, поэтому попытались купить артиста. Безуспешно. Зачем же его убивать? Может, я попал под обаяние Рогожина, и майор Фрищенко прав. Артист замазан в деле, сначала согласился, потом отказался? Если я так ошиба-

юсь в человеке, мне следует немедленно увольняться за профнепригодность. И в покойном мальчишке я ошибся, решил, что он ничего больше не знает, а он знал. Или ошибся убийца, убил человека неопасного. А почему убийца испугался? Он жил рядом с Иваном, парнишка заподозрил неладное, начал к окружающим приглядываться, что-то почувствовал, нервишки у него были обнаженные. Преступник увидел, как мы беседуем, и решил не рисковать. Он, безусловно, профессионал и находился где-то на расстоянии вытянутой руки. Пока мне в этих вопросах не разобаться, мало информации.

Неладно у меня с майором Фриценко сложилось... Если прокуратура уцепится в медвежатника, взбаламутится не только цирк, весь город. Надо срочно звонить в Москву, пусть притормозят хотя бы на сутки. Мне сейчас только прессы не хватает, коллег, так сказать. Журналисты — народ дошлый, многие друг друга знают, сразу же выяснится моя липа, поднимется шум, и работать станет невозможно.

Так рассуждая, недовольный собой, сыщик подошел к цирку. Несмотря на дождь, афиша не поблекла, гимнастка была женственна и даже сексуальна, а клоун смотрел огромными голубыми глазами насмешливо и грустно, хотя его ярко-малиновые губы растянулись от уха до уха.

Гуров засмотрелся на клоуна и не заметил, как из центральных дверей вышли женщина и мужчина. Закрыв тяжелую дверь, женщина подбоченилась, подняла тонко выщипленную бровь.

— Ах ты, кобель, снова за свое? — спросила дама звенящим фальцетом.

Гуров резко повернулся, мгновенно оценил ситуацию — сейчас собрат получит по мордасам, и бросился на помощь.

— День добрый! — громко сказал он, поднимаясь по ступенькам, и несвойственным для него, развязным жестом протянул руку. — Артистам цирка от представителя второй древнейшей профессии. Вчера не успел представиться. Гуров. Журналист.

Взметнувшаяся было рука повисла в воздухе, бровь опустилась, глаза женщины сверкнули и мгновенно подернулись поволокой, стали романтическими и загадочными. Гуров давно привык, что нравится женщинам, особенно тем, кто хочет казаться лет на двадцать моложе.

— Очень приятно. — Дама протянула руку, казалось, с ее пальцев капает кровь. — Матильда.

Сыщик понял: протянуть руку необходимо поцеловать. Но, посчитав, что сделал для собрата достаточно, окровавленные лаком пальцы лишь пожал, при этом так резко наклонил голову, что чуть не свернул шею.

Матильда — видимо, это сценическое имя, клиенты Гурова сказали бы — кликуха — кивнула на своего спутника:

— Местный администратор и, к величайшему сожалению, мой муж. В молодости казался неотразимым, а я девчонкой вертелась под куполом и... банальная история.

— Жуков Александр Валентинович. — Его рукопожатие оказа-

лось сильным, взгляд благодарным, понимающим, со смешинкой, в отличие от женщины мужчина был умен и красив.

Гуров вспомнил, что видел Жукова ночью у трупa Ивана, обратил на него внимание, так как администратор не суетился, держался спокойно, даже отстраненно, словно посторонний.

Среднего роста, с военной выправкой, в прекрасно сшитом костюме, из нагрудного кармана пиджака кокетливо выглядывал платочек того же материала, что и галстук. Орлиный профиль, резкий росчерк бровей, безукоризненный пробор — он походил на героя-любownika из кинофильмов тридцатых—сороковых годов. И лишь глаза у администратора были словно не его, а, казалось, принадлежали совершенно другому человеку — темные, умные и одновременно беспомощные глаза человека, который постоянно ждет, что его сейчас ударят, а поэтому заранее как бы извиняются за свою беспомощность.

Интересно: почему он здесь, женат на вульгарной женщине, работает администратором в глухой провинции? — подумал сыщик. В нем все не так, будто шутник собрал его из разных конструкторов, соединив несовместимые детали. Администратором необходимо заинтересоваться. Осмотр нового знакомого и проскользнувшие мысли заняли у сыщика несколько секунд, необходимых для рукопожатия.

— Гуров Лев Иванович, — сказал он и понимающе улыбнулся.

— Знаю, весь цирк взбудоражен, только о вас и говорят. — Голос у администратора был глуховатый, с трещинкой. — Журналист. Из Москвы, здесь, сами понимаете, сенсация.

— Ванюшку зарезали! — вспыхнула супруга. — А для него журналист главное! И уже с этой плюшкой из амазонок стовари-
вается!

— Милочка, ты со своей беспочвенной ревностью...

— Я ревную? Тебя? — Супруга подбоченилась, взглянула на Гурова, поправила свои роскошные волосы. — Ничтожество! Лев Иванович, вы, как настоящий мужчина, понимаете...

Сыщику семейная сцена надоела, и он собрался откланяться, бросив собрата на произвол судьбы, но вновь распахнулись широкие парадные двери, и на лестницу вышла Ольга Дмитриевна. Роскошная женщина и гостеприимная соседка Гурова. Ее сопровождал знаменитый Николай Куприн, по кличке «Классик», чей портрет украшал афишу цирка. В жизни Классик оказался значительно старше — лет пятидесяти, хотя высокая, худая фигура сохраняла юношескую стройность, но лицо в глубоких складках и жилистая шея выдавали истинный возраст. Он остановился позади Ольги, церемонно поклонился Гурову, администратору подмигнул, причем один глаз у него закрылся полностью, другой даже не дрогнул.

— Наш супермен-сосед. Он таинственно исчезает среди ночи и бесшумно скрывается ни свет ни заря. — Ольга протянула руку Гурову, на супругов глянула мельком, чуть кивнула. — Напрасно утром не заглянули, мы ждали вас к завтраку.

Сыщик собрался ответить, но неожиданно почувствовал знакомый, предупреждающий холодок опасности. Повернулся — на лестнице никого не было. Но, кроме аромата великолепных

духов, сыщик отчетливо ощутил неприятный запах пота, давно немывтого тела.

Хватит. Закончу это дело, вернусь в Москву, обращусь к психиатру. Черт побери, если меня, словно полкана, запахи мучают, значит, какая-то гайка с резьбы слетела, следует поправить. Сыщик рассеянно улыbnулся, скользнул взглядом по окружающим, небрежно спросил:

— А вам не кажется, уважаемые дамы и господа, что мы ведем пустые разговоры? А ведь человека убили. — Он перестал улыбаться.

Пусть я ненормальный, а все равно здесь воняет. Кто-то из этих людей меня ненавидит или боится. На мое напоминание об убийстве никто не среагировал. Впрочем, нет, одернул себя Гуров. Коверный собрал свое гуттаперчевое лицо в гримасу довольно смешно; Матильда дернула плечиком, взяла супруга под руки и сказала:

— Не желаю изображать горе, мне этот бандит всегда не нравился. Идем, Саня, или ты кого-нибудь ждешь?

— Что ты, что ты, — забормотал администратор. — Но, дорогая, о покойниках плохо не говорят...

Они раскланялись и ушли, Гурову показалось, что администратор не боится жены, просто валяет дурака.

— Николай Иванович, спасибо, — сказала Ольга. — Надеюсь, мужчина проводит меня до дому.

Сыщик собирался встретиться с Рогожиным, переговорить с директором и вообще потолкаться в цирке, приглядеться к людям. Но ведь с дамочкой тоже необходимо разобраться. Сейчас инициатива исходит от нее, тем лучше. Прикрывая заинтересованность, Гуров сказал:

— Ольга Дмитриевна, познакомьте меня с Николаем Ивановичем. Человека так просто Классиком не назовут, а я профессионал, мне любопытно.

— Классик — шуточка молодых, — сказал коверный, пожимая сыщику руку. — А мы, Лев Иванович, ночью познакомились. Запоминали? Ничего странного, я, к примеру, о такой нелепой и странной смерти впервые слышу.

Сыщик все отлично помнил, но не возразил.

— Цирк для человека моей профессии — поездка на курорт, праздник. Наши будни проходят в борьбе, кровавых схватках за урожай, за тонны да копании в бюрократических бумагах. И вот попал, надо же. — Гуров вздохнул. — Я с покойным знаком не был, однако...

— Не лгите! Грех! — перебил Классик, поднял длинный тонкий палец. — Известно, вы с Ваней беседовали.

— Беседа — не знакомство, — парировал сыщик, заглянул в глаза коверного и удивился детской беззащитности ответного взгляда.

— Может, скажете, что и со мной незнакомы. — Коверный легко подхватил руку Ольги Дмитриевны, изящно поцеловал, не взглянув на Гурова, легко взбежал по ступенькам и скрылся за массивной дверью.

— Клоун на вас за что-то сердит, — глубокомысленно замети-

ла Ольга, взяла Гурова под руку и резко сменила тему и тон разговора, как это умеют делать только женщины. — Ох, Лев Иванович, вы большой хитрец, надо сказать. Хитрец большой, но актер отвратительный. Даже для самого захудалого театра никуда не годитесь.

Они шли по разбитому тротуару, обходя огромные лужи. Порой Ольга опиралась на руку спутника и резко перепрыгивала через очередное препятствие.

— В прошлом вы, возможно, отличный спортсмен, сердцеед, а сейчас крайне самоуверенны! — Ольга обняла Гурова за шею, подняла лицо, кокетливо приоткрыла губы, но дотянуться даже до его подбородка не смогла.

Сыщик придержал ее за талию, перенес через канаву, поставил на землю. И не на шутку разозлился. Обмануть подобных дамочек ему никогда не удавалось. Ольга, судя по всему, разгадала его мгновенно. Следовало перестраиваться, изображать повесу, начинать ухаживать, а настроение было неподходящее.

— Лев Иванович, вам сколько годочков? — щебетала спутница, прижимаясь к его руке. — Сорок уже минуло. Вам трудно женщину поцеловать? Нравится не нравится, как говорится, плюнь да поцелуй. Вы же, словно мальчишка, характер выказываете и называете врага. Нет страшнее врага, чем отвергнутая женщина.

А ты заигралась, милочка, подумал сыщик и сказал:

— Если вам нужен мальчик для битья, то вы ошиблись адресом.

Коли нечем прикрыться, прикинься дурачком, решил Гуров. Нет лучше щита, чем колпак с бубенцами. Если дама мной интересуется, то пусть выпутывается, любопытно взглянуть. А если мне мерещится, то мы холодно расстанемся, и, как говорится, каждый останется при своих.

Хотя Гуров и был сыщик Божьей милостью, а с красивыми уверенными женщинами вечно попадал не в масть. Ольга не стала выпутываться, разрубила мгновенно. Она остановилась, взяла Гурова за лацканы плаща, открыто посмотрела в глаза и сказала:

— Простите меня, пожалуйста, я больше не буду. Вы меня прощаете? — И не отпускала, ждала ответа.

— Ну? — Сыщик растерялся.

— Что «ну»? — Ольга трянула его со всей силы. — Отвечайте! Прощаете?

Одинокий прохожий приостановился, видимо, решил досмотреть до конца. Ольга, не отпуская сыщика, повернулась к любопытному и громко объявила:

— Я могу у мужа попросить прощения без свидетелей?

— Конечно, конечно. — Мужчина зашмурыгал по лужам.

— Я не знал, что мы женаты, — улыбнулся Гуров.

— Теперь знаешь, — серьезно ответила Ольга. — Целуй и проси прощения. — И чертенята плясали в ее широко открытых глазах. — Немецкая, иначе сейчас на колени встану, прямо вот в эту лужу.

Гуров понял, что она действительно опустится на колени, а он

будет выглядеть полным идиотом. Наклонился, хотел поцеловать Ольгу в лоб, но она обхватила его за шею, подпрыгнула, и сыщик был вынужден подхватить ее на руки. Ольга прижалась к нему, словно ребенок, и прошептала:

— Отнеси меня домой, дорогой.

Он донес ее до конца квартала, за углом которого находилась гостиница, поставил на ноги и сказал:

— Извини, но такси* нынче дорого, боюсь, не расплатишься.

— Ой, мужлан. — Ольга взяла Гурова под руку. — Только деньги на уме. — Увидела у подъезда гостиницы машину и воскликнула: — Ого! Вот это аппарат! Интересно, кто такой прибыл к нам в гости?

«Вольво», даже заляпанный грязью, смотрелся благородно. Гуров догадывался, чья это машина, и если действительно приехал Юдин, то следовало бы быстренько избавиться от прелестной спутницы и переключиться на работу.

Они вошли в вестибюль. У стойки администратора стоял мужчина, и Гуров понял, что прибыл Борис Андреевич Юдин.

— Уважаемая Ольга Дмитриевна, — сказал Гуров чуть громче, чем следовало. — Разрешите вас проводить, а мне нужно на работу.

Ольга не ответила, пристально смотрела на Юдина, который, подхватив чемодан и кейс, направился через холл к лифту. Проходя мимо сыщика и Ольги, он небрежно взглянул на них. Гурову почему-то показалось, что Юдин и Ольга знакомы. Когда дверь лифта закрылась, Ольга топнула ножкой и сказала:

— Нахал! Даже не поздоровался! Ну, миллионерам все дозволено! Идемте! — И направилась к лестнице.

Они жили на втором этаже и лифтом не пользовались.

— Конечно, он занял апартаменты, которые нам не дали, — рассуждала Ольга. — Интересно, на кой черт он притащился в эту дыру?

Я попросил, хотел ответить сыщик, но, естественно, промолчал.

— Заходите, супермен, — распахивая дверь своего номера, пригласила Ольга, скинула промокшие туфли и направилась к столу с бутылками. — Выпьем по грамм несколько.

Гуров пить не хотел, но следовало выяснить, откуда и насколько близко были знакомы Ольга и Юдин. Данный факт являлся неожиданностью, возможно, удачной, возможно, совсем наоборот.

— Я видел миллионеров только в кино, — беспечно сказал Гуров, наполняя бокалы. — Что они за люди и откуда вам известен прибывший?

— А ты излишне любопытен.

— Я любознательный, такова моя профессия.

«Журналист или сыскарь?» — думала Ольга, вертела зажигалку, которую передал муж, не зная, каким образом передать ее Гурову. Зажигалку легко подложить в его номер, но лучше, чтобы она находилась у любопытного соседа в кармане.

Проблема разрешилась просто. Гуров сам взял у Ольги зажигалку, прикурил и, разглядывая изящную вещь, сказал:

— Умеют делать. Не продадите? Скоро у друга юбилей, а подарить нечего.

— Да ради Бога,— скрывая радость, ответила Ольга.— Не знаю, сколько эта ерунда стоит, спрошу у мужа, уверена, что сущие пустяки.

— Ну спасибо.— Гуров положил зажигалку в карман.— Так кто сегодня приехал и почему вы называли его миллионером? Ольга Дмитриевна, информация — хлеб мой насущный.

— Кажется, мы перешли на «ты»? — Ольга явно жалела, что проговорилась о знакомстве с Юдиным.— Однажды в ресторане муж указал на этого типа и обозвал миллионером.

Сыщик смотрел Ольге в глаза, молчал и улыбался, он прекрасно помнил, как она возмущалась, что Юдин не поздоровался.

— Я даже мужу не разрешаю меня допрашивать. Ты пока даже не любовник. Адью, мужлан, до вечера!

Гуров переступил порог номера Юдина и замер от удивления. В таких апартаментах ему еще не приходилось бывать. Необъятных размеров гостиная, застланная роскошным паласом, множество торшеров, кресел, полукруглый диван, встроенный бар, витая лестница, ведущая на второй этаж.

— Вот, уважаемый Лев Иванович, а вы все спрашивали, зачем нужны деньги,— улыбнулся Юдин, протягивая для приветствия руку.

Сыщик и коммерсант обменялись рукопожатиями и разместились в низких, очень уютных креслах.

Сыщик насмешливо посмотрел на Юдина:

— С нашей последней встречи, Борис Александрович, вы сильно изменились,— сказал Гуров.— Раньше носили джинсовую униформу, а сейчас — в строгом костюме, словно на официальном приеме.

— Сменил род войск, соответственно и мундир. Я с «Корпорацией», с этой уголовщиной, расстался. Создал солидную фирму, плачу налоги, так что ваша зарплата, господин полковник, складывается и из моих копеечек.

— Расстаться можно с женщиной,— усмехнулся Гуров.— А с «Корпорацией», извините, не верю.

— Вы отлично знаете,— спокойно ответил Юдин,— я в жизни рубля не украл, человека ни разу не ударил. Такими делами занимаются сопляки, а я всегда имел дела с людьми серьезными.

Юдин поднялся, подошел к письменному столу, на котором лежал кейс. Поколдовал над шифровым замком, открыл. Гуров тоже поднялся, встал рядом с Юдиным. Дно кейса было разделено на множество углублений различной формы, и в каждой выемке находился определенный предмет.

— Разберетесь? — спросил Юдин.— Это элементарно и, как все гениальное, очень просто. Вот.— Он указал на два футляра.— Передатчик, под ним его приемник. Радиус действия до десяти километров, срок — сутки, после чего запись следует прослушать и перемотать. Ну а это,— он взял из кейса маленький пистолет «Беретта»,— вообще не пойму, зачем вам.

Сыщик взял пистолет, опустил его в карман.

— Дорогой Борис Андреевич, береженого Бог бережет. За технику большое спасибо. Интересно, сколько вы заплатили?

— Вас больше интересует, где я это взял. Ведь у вас ничего нет... Забирайте, — Юдин захлопнул кейс, — и мы с вами в расчете.

— А кого поставили на место покойного Мельника? — спросил Гуров.

— Я же сказал, что с «Корпорацией» расстался, и кто у них сейчас командует контрразведкой, не знаю, — ответил Юдин и повысил голос: — А если бы и знал, то никогда не сказал бы! Запомните, полковник, вам из меня агента не сделать!

— Господин полковник, — поправил Гуров. — Я сыщик, а не опер-дворянка, и знаю, что таких людей, как вы, Борис Андреевич, не вербуют.

Да успокойся ты, дорогой, подумал Гуров. Мы почти приятели и должны помогать друг другу. Сыщик улыбнулся и неожиданно спросил:

— Кстати, почему вы не поздоровались с Ольгой Дмитриевной? Дама обиделась.

— Не подозревал, что она Дмитриевна и дама, — ответил Юдин. — Наша нечаянная встреча для меня неприятна, даже опасна. Надеюсь, вы не сказали, что знаете меня?

Гуров пожал плечами, закурил.

— Мы живем в соседних номерах, очень сексапильная женщина. А с ее супругом вы знакомы?

— Я не хочу говорить об этих людях. Вы не мальчик, разберетесь, с кем можно поддерживать отношения, с кем — воздержаться.

— Вы собираетесь навестить знакомую?

— Теперь придется. — Юдин вздохнул. — Только как, черт возьми, я объясню, что не поздоровался с ней в холле? Она умна и подозрительна, ее на мякине не проведешь.

— А вы скажите правду.

— Не понял!

— Скажите, что знаете меня, кто я есть на самом деле, и потому решили не останавливаться. И кстати, — Гуров открыл кейс, вынул из футляра изящную пудреницу, протянул Юдину, — подарите ей эту вещь. Женщины любят подарки.

— Даже так? — удивленно произнес Юдин. — Значит, весь сыр-бор из-за четы Сосниных?

— Не совсем так, но они меня интересуют.

— Напрасно. Сергей — мелкий грязный деляга, не более того.

— Люди меняются. Вы же изменили ампула.

— Ваше дело. — Юдин положил пудреницу в карман. — Хорошо, я скажу, что знаю вас, а вы меня?

— Безусловно. Полковник Гуров вел дело о «Корпорации», и тогда Борис Андреевич Юдин попал в поле зрения уголовного розыска. И дальше правду, одну только правду, естественно, не в полном объеме. Сюда вы приехали по своим делам, которые никого не касаются, но раз в гостинице проживает полковник Гуров, значит, произошел серьезный криминал и вы должны срочно уехать.

Повисла длинная пауза. Юдин достал бутылку с коньяком, расставил бокалы. Наконец произнес:

— Вы заставили меня приехать только для того, чтобы я привез технику?

Гуров улыбнулся:

— Я искренне рад вас видеть. Спасибо, что приехали.

Они вышли и замолчали. Первым не выдержал коммерсант:

— Так и будем молчать? Я тоже рад вас видеть, но, согласитесь, кейс я мог бы прислать с нарочным. Зачем же пригласили?

— Есть у меня несколько вопросов, но прежде я хотел бы прояснить наши отношения. Они для меня дороже, чем даже ваши искренние ответы.

Юдин подлил в бокалы.

— А если выразиться проще — вы считаете, что Борис Андреевич Юдин — шприц для одноразового использования?

Коммерсант попал в десятку. Гуров даже растерялся.

— Грубо, но в принципе абсолютно верно, — сказал он. — Мне нужен консультант, и я заинтересован в нашем сотрудничестве. Но об этом позже. Прошлой осенью, в загородной резиденции, если бы не я, то...

— То меня и Каца зарезали бы, — перебил Юдин. — Я все ждал, когда вы напомниме...

— Вы меня вынудили. Кстати, как поживает Кац?

— Уехал.

— И слава Богу, тут бы его непременно зарезали. Но вернемся к нашим баранам. Так вот. — Гуров опорожнил стакан и поднялся. — Передайте пудреницу этой, как ее... Ольге Сосниной и убирайтесь на все четыре стороны. И можете считать, что мы с вами даже не знакомы.

— Ну ладно, ладно, извините, Лев Иванович, я не прав.

Юдин подошел, взял Гурова за плечи, усадил в кресло.

— Я не верю людям, которых не понимаю. А ваше поведение ни в какие ворота не лезет. Вы подсказали, где искать бриллианты, отдали колоссальные деньги за просто так? Естественно, я жду, что вы потребуете, чтобы я расплатился. Стоит вам кое-кому шепнуть, что Юдин и Кац имели, пусть косвенное, отношение к убийству Мельника, и бриллианты ушли именно через этих людей, нам обоим конец. Найдут даже под землей, и лучший для нас исход, если мы умрем быстро.

— Прошу вас, помолчите. Я устал.

— Хорошо, хорошо, больше не буду. Но, Лев Иванович, — Юдин вновь налил в бокалы, — объясните грешному, почему вы, нищий, за просто так...

— За просто так и воробы не чирикают, — перебил Гуров. — Вы однажды пытались меня купить, я вам все объяснил. У меня, кроме имени, ничего нет. Ни денег, ни жены, а сейчас даже любовницы нет. Я ничего не могу взять. Для меня это смерть. Те чертовы камни мог бы сдать государству, но я его не люблю. Камни бы растащили по дубовым кабинетам, а начальство мучилось вопросом, сколько полкаш Гуров себе за щеку засунул, если столько сдал. Ясно? Вот! — Гуров пнул ногой кейс. — У нас даже такого барахла нет. Техники нет, хороших машин, нор-

мального оружия. А, все равно! — Гуров взял бокал и залпом выпил. — Я сейчас не работник. Ночь не спал, с вами все нервы измотал, пойду выплещусь, к вечернему представлению буду как огурчик.

— Какому представлению? — удивился Юдин.

— Цирковому, — ответил Гуров. — Я сейчас в цирке работаю.

— А вопросы?

— Ах да, совсем плохой. — Гуров тряхнул головой, взглянул трезво. — Первый вопрос возник случайно. Кто такие супруги Соснины? — Увидев, как вытянулось лицо коммерсанта, сыщик торопливо пояснил: — Да я не спрашиваю об их махинациях. Меня интересует их человеческая характеристика, масштаб личности, стоит мне на них время тратить?

— Отдам Ольге пудреницу, остальное выясняйте сами, — сухо ответил Юдин.

— Отлично, — кивнул Гуров. — Знаете ли вы коммерсантов, связанных с Австралией?

— Австралия? — удивился Юдин. — Я знаю, что там много овец и кенгуру.

— В отношении кенгуру вы не оригинальны, — съязвил Гуров. — Знаете Константина Васильевича Рогового?

— Конечно, но о нем разговаривать не собираюсь.

Значит, Роговой не ушел на покой и фигура он по-прежнему грозная, подумал Гуров.

— Хорошо, тогда вопрос на общую тему. В ваших кругах не прошел слухок, что кто-то попал под пресс?

— Под пресс? — переспросил Юдин. — Рэкетеры? Да их, как котов недавленных, одних подкармливаем, других просто гоняем.

— Я имею в виду другое. С месяц назад, до того, как я занялся настоящим делом...

— Цирком, — не удержался Юдин.

— Цирком, — улыбнулся сыщик, — до меня дошла информация, что объявилась крупная акула, которая прихватывает богатых людей и либо уничтожает, либо обдирает мясо до костей. Среди ваших никто неожиданно не разорился?

Юдин долго молчал, затем спросил:

— Вы хотите нас защитить?

В голубых глазах Гурова замелькали смешинки:

— Когда я слышу о неизвестном крупном хищнике, у меня шерсть на загривке становится дыбом.

— Понял, — ответил Юдин и невольно подумал, слава Богу, он охотится не за мной. — Я знаю о двух случаях. Года два назад одного бизнесмена на его же даче изрезали на куски. Жена дело замаяла, смерть оформили как от инфаркта и быстренько кремировали. А в прошлом году очень солидный человек неожиданно свернул дела. Превратил все в наличность, даже бытовую технику продал. Сейчас работает в задрипанном СП и молчит. Даже от встреч с приятелями отказывается. Вам интересно?

— Безусловно. Знаете этого человека?

— Да.

— Значит, так. Вы передаете даме пудреницу, раскрываете меня, но не уезжаете, а придумываете легенду своего здесь

пребывания. У меня есть некоторые соображения. Если они в течение двух суток не подтвердятся, мы расстаемся. А коли подтвердятся, тогда извините...

— А если я на ваше «извините» не соглашусь?

— Тогда и договорим.— Гуров поднялся.— Иду принимать душ, приводить себя в форму. У вас ничего нет от этого? — Он постучал пальцем по виску.

— Бедная Россия,— вздохнул Юдин.— Все у нас есть, мы же цивилизованные люди.

Он принес из ванной два флакона, вытряхнул таблетки, две бросил в бокал, налил воды, которая тут же закипела и вспенилась. Гуров молча выпил.

— Эту примите отдельно.— Юдин положил на стол таблетку, секунду помялся, протянул флакон.— В случае упадка сил, принимайте по одной, это очень сильный стимулятор.

— Спасибо. Вы хороший парень, Борис,— весело сказал Гуров.— А еще говорили, что я вам помог за просто так!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Убийство второе

Начальник уголовного розыска майор Фриценко сидел в своем кабинете и с тоской смотрел на папку с рапортами и допросами, которые скопились за ночь и минувшее утро. Майор простудился и часто шмыгал носом. Следовало идти к начальству, потом в прокуратуру, но докладывать было практически нечего. У майора не было даже приличной версии, по которой можно продолжить работу.

Фриценко, хлюпая носом, пытался себя успокоить. Ну что, собственно, произошло? Время от времени в городе убивали. Одним покойником больше, подумаешь, делов. Пойти отдать начальству эту макулатуру, пусть читают, а потом взять больничный, поесть горячего и завалиться спать.

Главная беда, что убили в цирке, которым в городе гордились. Сейчас уже все в курсе, идут суды-пересуды. Второй паршивый момент, что прибыл Гуров. Майору наплевать, что полковник доложит в Москве, как говорят, на войне дальше фронта не пошлют. Что он, холеный чистодел, в нашей жизни понимает, распял себя Фриценко. Твердит — убил свой, цирковой, пошли туда опера. Будто тут Москва, там в одной квартире не знают, что у соседей покойник под кровать завалился.

Он разлепил глаза, вытянул из папки список сотрудников цирка, начал проглядывать знакомые имена. За каждым стоял хорошо знакомый человек, и никто из них засадить нож под лопатку не способен. А Гуров утверждает... Как он говорит? Убийца физически силен, быстр и ловок, живет скромно, имеет скрытую страсть. Вино? Женщины? Карты? Может, наркотик? Наркоманов выдают сильно расширенные зрачки. Майор вдруг покрылся гусиной кожей, задрожали руки. Силен, быстр, ловок, а главное, глаза. Да я десятки раз восхищался этими удивительно красивыми, по-детски наивными глазами! Классик! Но этого не может быть! Никогда!

Майор швырнул папку в сейф, буркнул секретарю, что скоро вернется, и вышел под моросящий дождь. Машины, конечно, не было. Пустяки, решил майор, тут пехом всего ничего. Поднял воротник потрепанного плаща и затрусил по лужам.

Гуров принял душ, надел свежую рубашку, тщательно повязал галстук. Снадобье Юдина действовало безотказно. Сыщик чувствовал себя отлично, словно всю ночь проспал и не пил ни капли, даже за грязным окном, казалось, просветлело. Он слышал, как ушел из соседнего номера Соснин, достал из кейса магнитофон, закамуфлированный под изящный кожаный портсигар, положил его в шкаф. Взял с тумбочки подаренную недавно зажигалку, прикурил, вернул ее на место и решил нанести визит.

Ольга встретила Гурова радостно, и если бы сыщик не знал, что несколько минут назад она узнала, кто ее сосед на самом деле, то никогда бы не догадался, что отношение к нему изменилось. Да, в умении лицемерить женщины дадут нам сто очков вперед и выйдут победительницами, подумал Гуров.

Ольга подошла к сыщику, положив ладони на его плечи, запрокинула голову. Он увидел приоткрытые влажные губы, зовущие глаза и понял, что ему необходима эта женщина. И Ольга почувствовала это, в ее глазах блеснуло торжество.

— Уверена, ты великолепный любовник. Мы будем с тобой счастливы, супермен.

В коридоре послышались шаги. Ольга скользнула к столу, взяла свой бокал. Гуров, скрывая замешательство, закурил.

— А где же мой подарок? — удивилась Ольга.

Гуров не успел ответить. В номер вошел Сергей Соснин.

— Лев Иванович, привет! — И обратился к жене: — Налей, дорогая, и, ради Бога, не забывай!

— Сергей, я сегодня не партнер, извини. — Гуров открыл дверь, обронил с порога: — До вечера, — и вышел.

В своем номере он бросился к портсигару. Разговор супругов можно было прослушать и позже, но чем скорее он узнает новости, тем лучше.

— Крутит, — раздался голос Сергея так чисто и отчетливо, словно он находился рядом. — Почему мне так не везет с партнерами! Алкаш, бездельник, а теперь еще и жулик. Когда в России появятся честные купцы?

— А ты честный? — спросила Ольга.

— Честный.

— Так расскажи об этом нашему соседу.

— Зачем? Какое его собачье дело? Кстати, ты что-нибудь узнала?

— Он полковник милиции, занимается особо опасными. Ты помнишь, нам рассказывали у Першиных, что в Москве угрохали на Грузинской Эффенди?

— Ну? Так Эффенди того мента тоже грохнул.

— Значит, нет, потому что Эффенди застрелил наш милый сосед. Руслан Волин дело ликвидировал, умотал в Баку. Прош-

лым летом около двадцати боевиков-кавказцев взяли в одну ночь. Тоже его работа...

— Надо сброситься на памятник.

— У нас при жизни памятники ставят только покойникам.

Гуров перевел дух и уменьшил звук.

— Что ты имеешь в виду? — спросил муж.

— Ничего. Я в него влюблена, и не вздумай...

— За кого ты меня принимаешь? Я к таким делам никаким краем.

— Расскажи морским пехотинцам.

— Дура!

— Ладно, передохни. — Голос женщины стал вульгарным, и сыщик понял, что ему это неприятно. Неужели я действительно влюбился? И в кого? Видно, слишком долго искал, подумал он.

— Естественно, милый, к мокрым делам ты отношения не имеешь, кишка тонка. Шевельни единственной извилиной, дорогой, попытайся понять, по чью душу в такую дыру забрался полковник?

— Не по мою. Точно. А откуда ты все разузнала? Он что, исповедовался?

— Ты тачку у подъезда видел?

— Ну!

— Юдина помнишь?

Зазвонил телефон, сыщик прикрыл портсигар, снял трубку.

— Полковник? — услышал Гуров густой голос Рогожина.

— Здравствуйте, Михаил Семенович. Что-нибудь случилось?

— Приезжайте немедленно, — сказал Рогожин и положил трубку.

Сыщик перезвонил Юдину, попросил не отлучаться, портсигар оставил на тумбочке, пусть записывает, схватил плащ и выскочил из номера.

У здания цирка стоял милицейский «газик». Гуров взбежал по ступенькам, отстранил топтавшегося в дверях сержанта, бросив на ходу:

— К майору Фрищенко!

В коридоре возле арены сыщик увидел высокую фигуру коверного, администратора, прижимающегося к воинственно раскрашенной супруге, курчавого золотозубого Сильвера. Хотел пройти дальше, но налетел на директора Колесникова. Капитан преградил ему дорогу и решительно сказал:

— Представление окончено. Антракт! Мотай отсюда, журналист.

— Кого? — тихо спросил Гуров. Он уже понял, что спешить некуда и его журналистская деятельность закончилась. Хотел взять Капитана под руку. — Пойдем потолкуем, Алексей Иванович.

Капитан резко отбросил его руку и повторил:

— Мотай отсюда, и чтобы я тебя тут больше не видел! Иначе я ребятам прикажу, тебя на шрифты разберут!

Гуров чувствовал, что за ними внимательно наблюдают и одна пара глаз принадлежит убийце.

— Уважаемый Алексей Иванович, вам лучше отойти со мной в сторонку, — тихо и очень жестко произнес Гуров.

— Ну? — Капитан подошел к нему вплотную. — Ты меня не уговоришь. Уматывай!

Гуров выдержал паузу и молча протянул служебное удостоверение. Капитан, упрямо набывчившись, удостоверение отстранил.

— Не интересует, хоть из ЦК, тут я хозяин!

— А вы поинтересуйтесь, может, выяснится, что в данном случае хозяин не вы, а я?

— Да ну? — Колесников взял удостоверение. Прочел и тяжело выдохнул. Его плечи опустились, литая фигура обмякла, он вернул удостоверение Гурову:

— Ну, коли полковник, да по особо важным, валяй, конечно, командуй. Так вы, значит, знали, что у меня тут убивать будут. Молодцы, конечно, что и говорить. — И направился к своему кабинету.

— Где Фрищенко? — спросил Гуров, следуя за Капитаном.

— Там, у медведей, где ж ему быть?

— Говорил ему, упряму, выстави в цирке опера, чтобы фонарем светился.

— Он не опера, майора выставил, — буркнул Колесников через плечо.

— Сейчас я ему башку оторву, тугодум!

— Это вряд ли, — обронил Колесников, подходя к своим сотрудникам, которые расступились, пропуская директора и Гурова.

Сыщик заметил на полу тело и опустился на колено. Майор Фрищенко смотрел на полковника Гурова спокойно, широко открытыми глазами. Уж сколько перевидал сыщик покойников, но впервые увидел мертвого человека с таким спокойным лицом.

— До вскрытия могу сказать, — произнес мужской голос над головой Гурова, — проникающее ранение прямо в сердце, умер мгновенно.

Гуров сел на пол, провел рукой по лицу покойного, закрыл ему глаза.

— Вы кто будете? — спросил стоявший возле Гурова подполковник.

— А черт его знает, кем я буду! — вставая на ноги, ответил Гуров. — Скорее всего покойником. Ежели позволю себя зарезать, как Семен. — Он отвел в сторону коллегу и предъявил удостоверение.

— Давно приехали, почему не представились? — начал было выговаривать подполковник, но смехался. — Ладно, вам виднее... Только вот видите, что получается... Я обязан доложить.

— Докладывайте, — вздохнул Гуров. — Видно, больше ничего не умеете, — махнул рукой и направился к железной двери, на которой висела табличка: «Осторожно, хищники».

Рогожин пил чай. Увидев вошедшего Гурова, ногой выдвинул из-под стола табурет, кивнул седой головой. Гуров молча сел, подвинул хозяину пиялу.

— Налейте чайку, что ли.

— Может, чего другого?

— Чайку. Кто нашел?

— Не знаю. — Рогожин пожал широкими плечами. — Услышал голоса, шум, вышел, уже народ толпился.

— Он к вам не заходил?

— Нет.

— Вы его знали?

— А то! Семен же местный, я его пацаном помню.

— Почему его убили? — спросил Гуров. Понял идиотизм своего вопроса и зло добавил: — Вы, Михаил Семенович, не до конца искренни, что-то умалчиваете. Двух человек убили, будем ждать продолжения?

— Ты бы ехал, сынок, в Москву, не болтался тут, словно клоун-неумеха.

— Мысль хорошая, только чуть запоздала, — спокойно ответил Гуров. Он уже взял себя в руки. — К вам перед убийством никто не заходил?

Рогожин не ответил, начал убирать со стола посуду.

— После убийства Ивана к вам никто с предложениями не обращался?

Рогожин упрямо молчал. Сыщик понял, что артист стал его противником. Неожиданно мелькнула в голове мысль, и, проверяя самого себя, Гуров спросил:

— Письмо от руки писали или на машинке?

Огромная лапица артиста дрогнула и чуть не выронила пиа-лу. Он резко повернулся к Гурову. Врежет мне сейчас по башке, и врача вызывать не надо, подумал сыщик, но упрямо продолжал:

— Письмо вы сразу сожгли, а пепел в то ведро выбросили. — Он указал на стоящее в углу ведро.

Рогожин наконец сообразил, что молчанием выдает себя, и глухо заворчал:

— Сказано тебе, вертайся в Москву, свет гаснет, публика по домам.

Гуров встал.

— Был дуб, да стал трухлявый пенек!..

— Да я тебя! — Рогожин сжал пудовые кулаки.

— На чем же вас, такого здорового, поймали? За свою штопаную шкуру вы не испугаетесь. Купить вас уже пытались. Так на чем? — Сыщик повернулся, взглянул на клетку, в которой мирно посапывая, сидел Гоша. — Конечно. — Гуров кивнул. — Тоже мне бином Ньютона. Видно, они не больно умны, что так поздно сообразили. Им с этого следовало начать, а то пытались отравить, стрелять.

Рогожин опустился на скамью, свесил между коленей тяжелые руки.

— Уйди от греха, ей-богу, зашибу.

Сыщик не верил, что добьется признания, но отступить не хотел.

— Пригрозили убить медведя, ясно. Что потребовали? Я понимаю, Григорий вам брат, но двух людей убили, Рогожин.

— Их не вернешь. — Артист склонил седую голову. — Уходи, я ничего не скажу.

Сыщик понял, что артист действительно ничего не скажет. Однако у дверей задержался и укоризненно произнес:

— Грех на душу берете, Михаил Семенович. А ведь вам до встречи с Ним, — он глянул вверх, — не так долго ждать осталось.

Гуров пил чай в кабинете Колесникова. На серебряном подносе стоял огромный торт. Директор пригласил в кабинет ведущего артиста — коверного, по кличке Классик, и главного администратора Жукова.

— Вечернее представление должно пройти на обычном уровне, — сказал Капитан. — Люди приходят к нам посмеяться и отдохнуть, наши проблемы никого не касаются. Классик, если ты выпьешь, я тебя убью. — Капитан поперхнулся. Из цирка только что увезли труп. — Николай Иванович, дорогой, я тебя прошу, умоляю, не пей до вечера, — тихо произнес он, глядя на клоуна.

Классик стоял потупившись, сцепив длинные худые пальцы.

— Зачем так, Алеша? — бормотал Классик. — Зачем? Я не совсем конченный, понимаю...

— Верю. Пошли готовиться и работать. — Колесников начал теснить артиста и администратора к дверям. — Все разговоры после вечернего представления.

Сыщик и Колесников остались в кабинете одни. Гость пил чай и ел торт, хозяин стоял у окна и водил пальцем по запотевшему стеклу.

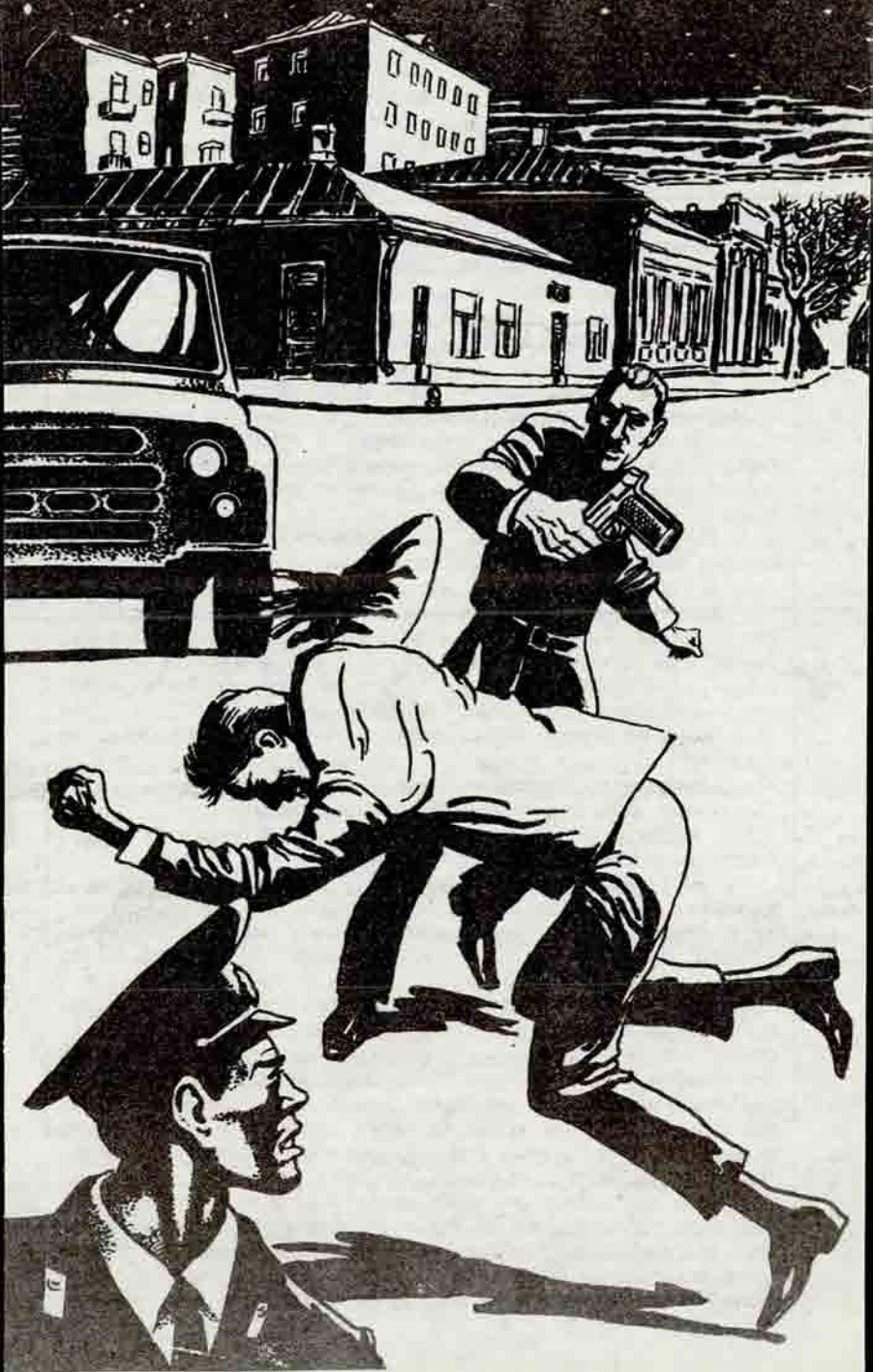
Зачем майор пришел в цирк? Новая информация не поступала, в материалах, которые Гуров прочитал утром, ничего конкретного не было. Может, майор заявился сюда от безысходности, решил танцевать от печки. А в нескольких шагах от комнаты Рогожина майор столкнулся с убийцей. Встретились люди, поздоровались и разошлись. Преступник понял, что чем-то выдал себя, и молниеносно нанес удар. Чем выдал? Что-либо нес в руках? Ерунда! Что-то делал? Что преступник мог делать криминального в нескольких шагах от комнаты медведей? Видимо, майор заподозрил человека, еще находясь в своем кабинете. Отправился проверить подозрения и столкнулся с преступником, наверное, задал какой-то случайный вопрос, ничего не значащий для майора, но страшный для преступника. Тот решил, что разоблачен, и ударил.

— Спасибо за чай, торт изумительный. — Гуров поднялся из-за стола. — Пойдемте со мной, буквально на несколько минут.

Колесников дернул подбородком и молча направился за Гуровым.

— Подойдите, пожалуйста, к дверям Рогожина и внимательно смотрите: вы услышите сначала звук моих шагов или увидите меня выходящим из-за поворота? — Гуров выждал, пока Колесников обогнет арену, и неторопливо пошел следом.

Пол был мягкий, присыпан опилками, сыщик понял, что преступник не мог слышать приближающегося человека. Гуров миновал очередную колонну, увидел Колесникова, который стоял у дверей, махнул рукой и позвал:

— Идите навстречу.

— Я ничего не слышал, — сказал Колесников.

Гуров кивнул, посмотрел под ноги, здесь уже убрали, подмели, но это было именно то место, где убили майора Фриценко. Преступник не выходил из дверей, а только собирался войти, решил сыщик. Если бы убийца побывал у Рогожина, то старый артист не стал бы его покрывать. Рогожин убийцу не знает. Значит, тот собирался войти, оглянулся, неожиданно увидел майора, пошел навстречу. Фриценко видел, как человек отошел от двери, и сказал что-нибудь вроде того, мол, на ловца и зверь бежит, пойдем заглянем к медведям, у меня есть пара вопросов. И убийца испугался. Эх, как же ты, Семен, оплошал! Гуров вспомнил спокойное усталое лицо Фриценко, широко открытые глаза.

— Так и будем стоять? — недовольно спросил Колесников.

Задумавшись, Гуров забыл о Капитане, поднял на него взгляд:

— Кто из ваших сотрудников время от времени выезжает из города?

Они пошли назад в кабинет. Колесников недовольно проворчал:

— Вы моих ребят не трогайте, зазря времени не теряйте. — Он открыл дверь, пропустил вперед Гурова.

— Я вам задал вопрос, — устало сказал Гуров.

— Кто выезжает? — Колесников дернул подбородком. — Сильвер мотается по хозяйствам, зверей кормить надо, они не люди, голодать не привычны. Сашка Жуков ездит, администратор. Ну еще Классик порой отъезжает. У него сестра с детьми без мужа где-то под Москвой мается. Навещать ездит. А что?

— Ничего. — Гуров пожал плечами. — Вы сказали своим, кто я такой?

— Обязательно, у нас врать не принято.

— Ясное дело, у вас принято просто убивать.

Гуров был готов к нападению, потому легко ушел от удара, подсек Колесникову ногу, и тот тяжело рухнул на пол.

— В следующий раз еще и добавлю, — спокойно сказал сыщик, обошел поднимающегося с ковра Капитана, сел за стол. — Убийца из ваших, но ты не вздумай заняться самостоятельностью, зарежет, как куренка. Узнав, кто я такой, он, полагаю, будет осторожнее.

Сыщик ошибался. Кирилл Трунин, организатор происходящего, знал Гурова в лицо и предупредил своего содельника. Присутствие сыщика не остудило убийцу, а лишь раззадорило. Столько лет убивать, а противника нет. Актер не может играть, блистать талантом, если в зале ни одного зрителя. Выполню последнее задание, возьму куш, думал он, затем зарежу этого гения сыска и уйду писать мемуары. Еще книжку издам, для вас, господа-товарищи, детективный роман. Вот смеху-то будет.

Ничего этого Гуров не знал, сидел в кабинете Колесникова, безучастно разглядывал собственные ладони и размышлял. В основе контрабанды — наркотики. Идейный вдохновитель скорее всего Константин Васильевич Роговой. Убийца лишь исполнитель. Между Роговым и убийцей должен быть еще один человек.

Мой сосед? Нет, эту пару вообще следует выбросить, они из другой колоды. Неожиданно сыщик увидел Ольгу, даже головой встряхнул, прогоняя наваждение.

— Вы чего? — спросил Колесников, который после произошедшего тихо сидел в уголке и наблюдал за Гуровым.

— Не мешайте, сходите лучше в зал, там уже программа началась.

— Это мой кабинет. — Колесников хотел сказать властно, а получилось обиженно.

— Ваш, ваш. — Гуров улыбнулся. — И вы, Капитан, хороший мужик, и люди у вас замечательные, а что один урод, так это даже нормально. Без уroda и семьи не бывает. Я сейчас уйду, вот только решу, куда именно.

— Вы хоть что-нибудь можете объяснить? — спросил Колесников.

— Не могу, и не оттого, что секрет, а потому, что не знаю.

— Это связано с медведями?

— Возможно.

— Так я их выселю к чертовой матери!

— Не надо.

— Здесь я команду. Заявился, беду привез. Мы так тихо жили, так красиво. Нам это надо? — Колесников распалялся. — Теперь клетку решил переделывать, Григория на время в конюшню переселить. Так он мне лошадей с ума сведет. Не позволю!

— Когда Рогожин сказал, что будет ее переделывать? — безразлично спросил Гуров.

— Сегодня утром. Это важно?

— Нет, конечно, любопытствую без дела. А надо переделать, пусть мастерит, не мешайте.

— Это приказ?

— Просьба, однако настойчивая.

— Понятно. Раз вам требуется, разрешу. Григория, конечно, не в конюшню, в другое место помещу, еще умом не двинулся. Завонил телефон, Колесников снял трубку.

— Слушаю, да, у меня. — Он протянул трубку Гурову. — Началось.

— Гуров, — сказал сыщик.

— Здравия желаю, товарищ полковник, — бодро произнес молодой служивый голос. — С вами желает говорить начальник управления, генерал Фомин Илья Николаевич.

— Соедините, — вздохнул Гуров и пробормотал недовольно: — Генералу отказывать вроде неудобно.

— Здравствуйте, полковник. Я хочу вас видеть.

— Здравствуйте, Илья Николаевич. Меня зовут Лев Иванович, сообщите ваш телефон, я вам завтра утром позвоню.

— Никаких завтра, сейчас подошлю машину.

— Извините, Илья Николаевич, сейчас я занят.

— Вы что себе позволяете, полковник? Вас к теще на блины приглашают?

— Мы даже не знакомы, Илья Николаевич, зачем нам ссориться?

— Я-то вас знаю, наслышан,— захохотал генерал.— Прошу немедленно приехать.

— Илья Николаевич, я не располагаю информацией, иначе побывал бы у вас и в прокуратуре.

— Не лгите. Раз вы приехали и тут начали убивать, значит...

— Извините,— перебил Гуров,— позвоните в Москву, начальнику Главка, генералу Орлову. Всего доброго.— И положил трубку.— Мне надо сматываться, Капитан, иначе возьмут под белы руки.

— Предупреждаю, Илья — мужик хреновый, бывший секретарь горкома, дурак и с норовом.

— Спасибо, уже все понял. Он позвонит в Москву, охолонется. Запишите свой домашний телефончик. А где живет Классик?

Колесников вырвал из настольного календаря листок, записал телефон.

— Николаша живет в одном доме с Сильвером. Направо, за углом, желтый одноэтажный домишко, квартира слева.

— Спасибо, скоро увидимся.— Гуров взял листок с телефоном и вышел.

Сыщик быстро добрался до гостиницы, заглянул в свой номер, забрал портсигар, позвонил Юдину. Затем сдал ключ администратору, предупредил, если будут спрашивать, пусть отвечают, что отъехал в область.

— Послушайте, Лев Иванович, я бизнесмен, и для меня непозволительная роскошь бросить дела, умчаться за тысячу верст и сидеть в номере,— сказал раздраженно Юдин, увидев вошедшего Гурова.

— Взялся за гуж...

— Я ни за что не брался! — перебил Юдин.— Вы попросили, я доставил, что требуется. Мне необходимо вернуться в Москву. Гуров взглянул на часы, спросил:

— Сейчас семь, вы погоните ночью?

— Ночью по нашим дорогам? — Юдин задумался.— Не поеду.

Коммерсанта томили безделье и неизвестность своего положения. Гуров опутал его обязательствами: вроде ничего не просил, но и свободы не давал.

— Борис, вы человек всемогущий,— сказал Гуров и рассмеялся, заметив, как насторожился Юдин.— Да что же вы постоянно ждете подвоха! На этот раз у меня лишь маленькая просьба. Нет так нет.

— Не припоминаю, чтобы вы дали мне возможность ответить отказом.

— А это вас совесть принуждает.

— Короче, господин сыщик.

— Мне нужна машина.

— У подъезда. Берите ключи...

— Ваша не годится,— перебил сыщик.— Мне нужна скромная машина с местными номерами.

— Где же я ее возьму? — возмутился Юдин и невольно задумался, вспоминая имя знакомого дельца, живущего в этом городе.

— Вот видите, я предчувствовал, что есть варианты. Вы позвоните, а я пройду в ваш кабинет,— сыщик указал на винтовую лестницу,— мне надо подумать. Мною могут интересоваться, так вы меня с утра не видели. Не важно, кто спросит — милиция, прокуратура, отвечайте — утром виделись, полковник ушел и пропал.

— Даже так? — Юдин хитро прищурился. — Так ведь врать грешно, господин полковник, а врать властям еще и опасно.

— Все грехи беру на себя.— Гуров начал подниматься на второй этаж, но вернулся.— Плохой стал, мозги заклинивает. Убили начальника уголовного розыска. Вы об этом, естественно, ничего не знаете, а я вам сообщил, чтобы вы поняли, я не дурью маюсь, а пытаюсь выбраться на след крайне жестокого человека. Майора убили случайно, эти люди охотятся за таким, как вы, и они профессионалы.

— Пугаете? Значит, вам нужна не только машина, что-то еще.

— Верно. Только я вас не пугаю, хочу, чтобы вы уяснили серьезность положения.

— Хорошо, уяснил.— Юдин тяжело вздохнул и опустился в кресло.— Вываливайте все до конца.

— Вы умница.— Гуров прошел через холл, запер входную дверь и стал прохаживаться по номеру. Когда требовалось быстро соображать, сыщик любил оставаться на ногах.

— Утром вы сказали, что знаете в Москве крупного дельца, который неожиданно разорился. Я хочу, чтобы этот человек немедленно прибыл. Мне необходимо с ним переговорить. Молчите! — Он махнул рукой на Юдина, который собрался заговорить.— Молчите. Я иду работать.— Сыщик кивнул на второй этаж.— Все! Я пошел, а вы решайте.

Кабинет был обставлен шикарно, большой, темного дерева письменный стол, два низких кожаных кресла и огромный диван. Такая обстановка сыщику мешала сосредоточиться. Он привык сидеть на жестком стуле, а не разваливаться на составные части. Здесь не работать, даму уговаривать, злился сыщик. Опять всплыло лицо Ольги, он чертыхнулся, достал портсигар и, перемотав пленку, включил.

— Борис Андреевич Юдин оказался старым знакомым нашего обаятельного соседа,— шелестел голос Ольги.— Имя-отчество Льва Ивановича правильные, но это единственное, что в этом человеке соответствует действительности.

И Ольга продолжала рассказывать мужу о замечательном соседе. Сыщик часть пленки промотал, выслушивать в свой адрес комплименты и брань не было времени.

— Его интересуют убийцы и разбойники, он тут по своим делам,— произнес мужчина.— Дорогая, к нам это не имеет ни малейшего отношения.

— Если ты говоришь правду,— ответила Ольга,— я не знаю, зачем ты приехал в эту дыру.

— Почему я приехал, мне понятно. А вот зачем ты увязалась за мной? Ты-то и в Москве посещаешь лишь избранные места...

— Хочу уберечь тебя от глупостей. Женская интуиция, если хочешь.

— Стоп! Вспомнил! Дорогая, ты врешь, запуталась окончательно. Ведь именно ты спросила, какие дела у меня в этом городе, и объявила, что не прочь посмотреть местные монастыри. Откуда у тебя интерес к архитектуре и старине?

— Дурак, и таким помрешь...

— Хотела что-то посмотреть, а сидишь безвылазно в номере, хлещешь виски. Вдруг заинтересовалась цирком...

— В цирк ты первым отправился, а там, между прочим, убили человека...

— Я и убил! Я убийца, ты раньше не знала? И твой супермен-полковник отслеживает именно меня. Ты успела затащить его в койку?

— Мужлан! Боже, за кого я вышла замуж?

— За Сергея Петровича Соснина, черт побери! За человека пусть не гениального, но сообразительного! Человека, который обеспечивает тебя всем необходимым и даже больше! Я не компрометирую тебя перед друзьями.

— Пошел вон!

— Я пошел по делам, а ты об этом разговоре пожалеешь.

Ольга рассмеялась, раздались шаги, стук закрываемой двери. Сыщик собрался выключить магнитофон, но отвлекся и закурил, обдумывая услышанное. Часть разговора супругов представляла несомненный интерес. Он отложил сигарету, собрался перемотать пленку, прослушать заинтересовавший кусок заново, как вдруг послышался голос Ольги:

— Девушка, я хочу срочно поговорить с Москвой. Какой талон? Я живу в «люксе» и имею право заказывать в кредит. Срочно! Милая, меня не интересует цена! Нет. Кто подойдет. — Ольга продиктовала номера, сказала: — Милая, за мной бутылка коньяка. Жду.

На этих словах магнитофончик щелкнул и отключился.

Самое интересное я не узнал, подумал сыщик, убирая портсигар в карман. Судя по номеру, который Ольга заказала, абонент расположен в самом центре. Тверская. Манеж. Калининский.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Крутой поворот

Приближалась полночь. Гуров сидел в «Жигулях». Терпение — одно из главных качеств, которым должен обладать сыщик, уговаривал он себя. Машину Гуров поставил в ста метрах от здания цирка, темень была непроглядная, но расположиться ближе сыщик не рискнул. Возможно, я тяну пустышку, рассуждал он, напряженно вглядываясь в темноту, но чудится, что кто-то должен сюда явиться, надо терпеть.

Около девяти вечера, когда Гуров спустился в холл, Юдин бросил ему ключи от машины и сказал:

— Голубая шестерка стоит у подъезда.

— Спасибо, — поймав ключи, ответил Гуров. — Вы говорили с приятелем?

— Я и не думал звонить, — ответил Юдин раздраженно, но вспомнил, что в кабинете стоит параллельный телефон. — Вы подслушивали?

— Каюсь, подслушивал. — Гуров искренне вздохнул. — Аппарат долго тренькал, потом звякнул междугородный. Каков результат?

— Он вылетит завтра утром, к полудню будет здесь. Оказалось, что он о вас знает, потому и согласился.

— Кто-то сказал: человек половину жизни работает на имя, затем имя работает на него. Возможно, мне придется у вас переночевать. Не возражаете?

— Пошли вы к черту! Вас мое мнение абсолютно не интересует!

— Ах, Борис Андреевич, если бы я вас не ценил, то сейчас бы меня здесь не было.

— Ладно, ладно, — миролюбиво пробормотал Юдин. — Мы, словно мальчишки, препираемся. Чувствую, вы крепко насолдили местным властям. О вас спрашивали по телефону, затем двое явились, пытались меня запугать. Не мне вас учить, сами отлично знаете — местная милиция еще дальше от закона, чем московская. Поберегитесь!

— Спасибо, Борис Андреевич. — Гуров подошел к Юдину, взял за плечи. — Самая искренняя благодарность. Не за предупреждение, за работу.

Юдин ответить не успел, зазвонил телефон.

— Слушаю. — Юдин помолчал, затем раздраженно продолжил: — Не понимаю, почему Льва Ивановича ищут именно у меня? Так, так... К сожалению, ничем не могу помочь. Хорошо, минуточку. — Он достал авторучку, не найдя под рукой, на чем записать, вытянул из кармана денежную купюру. — Диктуйте, увижу — передам обязательно.

— Неужели кого-то еще? — пробормотал Гуров, взял у Юдина тысячерублевую ассигнацию, взглянул на записку. — Я знаю этот номер.

— Все вы знаете. — Юдин сунул деньги Гурову в карман. — Возьмите на память. Значит так, трижды звонила Москва. Вас срочно требуют по этому номеру.

— Этот человек зря не требует. — Гуров взглянул на часы. — Придется звонить. Только разговор закажете вы, когда соединят, начнете говорить, я подключусь с другого аппарата.

Юдин быстро соединился с междугородной. Телефонистка ответила, что предупреждена, можно не вешать трубку, Москва будет немедленно. Гуров взлетел на второй этаж. Когда связь установилась, сыщик услышал ровный с хрипотцой голос:

— Орлов слушает.

— Здравствуй, — сказал Гуров, дождавшись, пока Юдин положит трубку, и продолжил: — Где горит?

— У тебя, — ответил Орлов. — Я виноват, Лева, да об этом потом. Когда мы расставались, ты подумал, что я придерживаю

информацию по делу, а вопрос в ином. Есть данные, что в милиции вашего города творится беспредел. Мне звонил генерал...

— Да. Илья Николаевич Фомин, — подсказал Гуров.

— Вот-вот. Сука он и подонки редкостный. Говорит, в городе криминальная обстановка, в милиции коррупция, а ваш товарищ, то есть ты, в одиночку по улице шастает. А нас не подслушивают?

— Не должны, техники у них нет, а посадить оперативника на телефонный узел ума не хватит. Однако давай закругляться, — ответил Гуров. — Я все понял. У меня сразу дурная мышка появилась, проверь поутру. В какой стране на последних гастролях находился цирковой номер «Русские медведи»?

Полковник Гуров ошибся, оперативника на телефонный узел все-таки посадили. Но он был службист и дурак. Вместо того чтобы сразу сообщить своему начальству, что Гуров из гостиницы разговаривает с Москвой, опер решил выслужиться и разговор корявым почерком заносил в блокнот. Затем перечитывал, дополнял по памяти и только после этого бросился к машине, не терпелось доложить лично. «Газик» стоял во дворе, а водителя на месте не оказалось. Отошел то ли в буфет, то ли в сортир. Пришлось оперу скакать с телеграфа пехом.

Гуров вышел из главных дверей гостиницы, но не стал спускаться по центральной лестнице, а двинулся вдоль корпуса, мимо колонн. За последней остановился, оглядел автомобильную стоянку, где ютились пять машин. Гнутый фонарь высвечивал лишь силуэты, цвет разобрать было невозможно. Две иномарки, «Волга», «Москвич» и «Жигули», определил сыщик и уже направился к машинам, как внезапно раздался нарастающий звук сирены. Через несколько секунд милицейский «газик» резко затормозил у гостиницы, захлопали дверцы, три фигуры кинулись к центральным дверям.

Гуров, посмотрев им вслед, самодовольно подумал про себя, что он все-таки умный мужик. Перед уходом сыщик увел Юдина из номера, велел сдать ключ и засесть на время в ресторане, присоединившись к какой-нибудь компании.

«Жигули» оказались в прекрасном состоянии. Движок завелся с пол-оборота, урчал мягко, ритмично. Сыщик выкатился со стоянки, направился к цирку, сначала проехал мимо, сделал круг, наконец, выбрал место.

Теперь стоит третий час, ждет неизвестно кого. Но сыщик не томился. Уж очень во многом необходимо было разобраться, отделить сиротливые факты от многочисленных предположений, разложить все по полочкам.

Гуров курил, определив себе сигарету на тридцать минут, чтобы не задохнуться.

Почему обрушились на медведей? Скорее всего интерес вызвала клетка, которая проходит таможенно без досмотра. Собирались вывезти контрабанду, предположительно наркотики. Но сорвалось. На первый взгляд такая версия выглядит убедительно, рассуждал сыщик, напряженно вглядываясь в темноту. Но тогда почему начали преследовать медведей, с какой целью? Бессмыслица! Надо переключиться, решил Гуров, закурил и опустил

стекло. Сырой воздух ворвался в салон машины, освежил лицо. Кажется, я ошибся, и сегодня встреча не состоится. Итак, думаем дальше, подстегнул себя сыщик. Кто они? Кто дает команду? Кто убивает? Должен существовать мозговой центр, и почти наверняка он находится в Москве. А направляет всем, видимо, мой старинный приятель Роговой. Или же кто-то другой, но такого же масштаба. Между руководителем и убийцей должна находиться еще одна фигура. Вот она-то меня интересует, пожалуй, больше всего. Убийцу я в конце концов выманю, а генерального директора мне отсюда все равно не достать, а вот как этого среднего нащупать?

В промозглой темноте что-то шевельнулось. Сыщик протер боковое стекло и увидел очень высокую фигуру, выскользнувшую из-за здания цирка. Гуров всмотрелся в темноту и без труда распознал Михаила Рогожина. Гигант широко шагал в сторону центра города. Сыщик медленно тронулся следом. Внезапно впереди блеснул свет фар, из боковой улицы выкатился милицкий «газик». Развернувшись в сторону Гурова, ослепил дальним светом и встал перед «Жигулями». Сыщик едва успел нажать на тормоз.

Так я Рогожина через несколько секунд потеряю, подумал он, выскочил из машины и достал удостоверение.

— Ребята, свои! Я полковник милиции, дайте проехать. Тороплюсь! — Гуров одной рукой прикрыл глаза от слепящего света фар, другой протягивал удостоверение.

Почему из «газика» вышли трое? Патрульная машина, а двое в штатском? Он ощутил знакомое чувство опасности.

— Извините, — спокойно сказал лейтенант, взял удостоверение, — коли действительно свой, сейчас поедете. Техпаспорт, права, пожалуйста!

— Я тороплюсь, лейтенант.

— Понятно, — добродушно ответил лейтенант. — У нас заявление об угоне. — Он осветил фонарем номер «Жигулей». — А угонять машины не дозволено ни полковникам, ни маршалам.

Гуров понял, что Рогожин уже ушел, а перед ним ломают комедию. Придется ехать в Управление, объясняться с генералом. Главное, генерал звонил Орлову, говорил с ним. Они не посмеют тронуть меня.

Один из штатских оказался у сыщика за спиной. Гуров все понял, прицнулся и рванул в сторону, но все равно опоздал. Удар рукоятки пистолета пришелся сбоку, чуть выше уха. Он тяжело рухнул на асфальт.

— Отпрыгался, — усмехнулся лейтенант.

— Надень на него браслеты, — сказал штатский, нанеший удар.

Судя по тону, сыщик понял, что говорит старший.

— Чего возиться? Пришьем здесь... — возразил третий.

Можно ударить по ногам, одного я вырублю сразу, но если они будут стрелять, я не успею, подумал Гуров. Он застонал и завалился на спину, рассчитывая, что в таком положении наручники на него наденут спереди.

— Ты слышал? Надень браслеты. Нашел место, где палить.

Да завтра здесь от московских сыскарей не протолкнешься. Все облазят, всех расспросят.

Сыщик лежал неподвижно, почувствовал, как кисти сжал металл. Быстрые руки обшарили его карманы, вытащили из-под мышки пистолет.

— Вот это пушка!

— Надо отсюда подаваться, а то очухается и заорет!

— Добавим, — усмехнулся старший. — Кто увидит, подумает что с пьяным возимся. Куда бы его отвезти и прикончить? Надо подходящее место определить.

— Товарищ капитан. — Лейтенант поперхнулся. — Я не понял, вы что же, собираетесь его убить?

— Не «вы», а «мы», лейтенант.

— Генерал приказал задержать и доставить. — Голос у лейтенанта сел. — Я убивать не согласен, тем более своего. Никогда!

— Заткнись, ты уже по уши в дерьме. Тебя дважды видели в гостинице.

— Капитан, капитан! Они найдут десяток свидетелей, которые видели, что мы разыскиваем полковника! Витька сидел на телеграфе. Они выяснят, что мы прослушали его разговор. И мы же привозим его мертвым! Нам петля! Я лично отказываюсь!

— Заткнись! Хватайте его, волоките на газон!

— Не буду, под вышку не пойду! — Лейтенант отскочил в сторону.

Сыщик приоткрыл глаза, увидел, как старший схватил лейтенанта за грудки.

— Стой, сука! Какая вышка? Ты что, малый, умнее всех?

— Так свидетели есть...

— Свидетели чего? — зашипел старший. — Люди видели, как мы мечемся по городу, разыскиваем дорогого гостя, уберечь желаем! На телеграфе человека держим, может, дорогой полковник в Москву захочет позвонить. Генерал его к себе приглашает, а он, упрямый, в чужом городе, где сегодня бандит на бандите, героя изображает. У нас в цирке два трупа, теперь третий организовался! Ну, не успели! Ну, виноваты! Ты понял, щенок? Гостиница, телеграф, все, кто нас видел, — это наши свидетели! Наши!

Гуров застонал, перекатился на живот, встал на колени.

— Вы что, ребята? — тяжело выдохнул он. — Я сам пойду, вот поднимусь и пойду.

— Конечно, пойдешь! — Старший схватил Гурова под мышки, поставил на ноги. — Ты чувствуешь, какая у меня рука? Не наводи на грех, волокись в машину, поедem к генералу.

— Поедем, поедem, — бормотал Гуров, скованные руки сунул за пояс, нацупал теплую рукоятку «Беретты».

— Хилый ты мужик, — насмешливо сказал старший. — Я и ударил-то в полруки, а ты чуть живой. Уж на меня генералу не жалуйся...

— Свои люди, сочтемся! — В мгновение Гуров пружинисто выпрямился, выхватил пистолет, произвел два выстрела: старшему в лицо, и в голову второго штатского. Направив пистолет на опешившего лейтенанта, сказал: — Спокойно, лейтенант.

Я слышал, что вы были против убийства. Обязательно доложу об этом руководству.

Сыщик четко выговаривает слова, чтобы успокоить лейтенанта, который ошарашенно смотрел на скорчившиеся тела оперативников.

— Возьми у этого из кармана ключ.— Гуров ударил штатского, который надевал наручники, ногой в живот.— Сними железки! Быстро!

Лейтенант, не отрывая взгляда от пистолета, шарил в карманах содельника вслепую.

— Спокойно, лейтенант, спокойно, я без нужды не выстрелю. Соберись. Смотри на свои руки, а не в дырку пистолета,— говорил сыщик, внимательно наблюдая за старшим, так как понятия не имел о силе парализующего газа, которым были заряжены патроны «Беретты».

— В заднем брючном проверь,— приказал Гуров и увидел, что старший пытается подняться.

Сыщик хотел выстрелить вторично, но передумал и ударил его ногой в голову.

— Нашел! Я нашел ключи, товарищ полковник! — радостно воскликнул лейтенант.

— Стоп! Опустит руки! Подойди! — скомандовал сыщик. Он понимал, что лейтенант на сопротивление не способен, но рисковать не хотел.

Лейтенант встал по стойке «смирно». Гуров уперся пистолетом ему в грудь.

— Снимай наручники!

Сыщик забрал у лейтенанта его пистолет «Макарова», газовую пугалку убрал в карман. Заморская игрушка сработала отлично, но увереннее себя чувствуешь, когда в руке боевое оружие.

— Теперь соедини их руки и защелкни наручники. Потом отойдешь на два шага.

Шок прошел, лейтенант действовал быстро и ловко. Выполнив приказ, он отошел в сторону. Гуров обыскал лежавших, когда один зашевелился, добавил ему пистолетом по затылку. Гуров отобрал у старшего свой пистолет и удостоверение, прихватил его личное оружие, документы и две пары наручников.

— Что теперь будет? — пробормотал лейтенант.

— После гулянки всегда наступает похмелье, — ответил Гуров. Подозвал лейтенанта жестом и пристегнул его запястье к руке одного из лежавших. Парень был настолько подавлен, что даже не сопротивлялся.

Сыщик вынул из-за пояса оставшуюся пару наручников и пристегнул вторую руку лейтенанта к ручке милицейского «газика». Затем отошел на несколько шагов и оглядел общую картину, словно художник, который, закончив работу, оценивает результат: не добавить ли где штришок.

— Старею.— Сыщик осуждающе покачал головой и залез в карман лейтенанта. Забрал его документы, вынул из замка зажигания ключи от «газика».

— Пора прощаться, лейтенант,— сказал Гуров, в последний раз оглядывая прикованных друг к другу и к машине людей. Он

подошел к лейтенанту вплотную, ткнул пальцем в грудь. — Я подтверждаю, что ты старался их остановить.

Лейтенант хлопал носом, кивал и пытался утереть слезу о плечо.

Гуров одной рукой прижал к голове бутылку со льдом, которую выгнали из холодильника Юдин, в другой держал телефонную трубку.

— Ты должен вылететь первым рейсом, возьми с собой прокурорского и служаку из инспекции чином повыше. Я прихватил местного командующего.

— Ты все просчитал? — сильным голосом, явно со сна, спросил Орлов. — Сейчас ночь, мне надо всех поднять, осечки не будет?

— Обижаешь, Петр.

— Смотри, уж больно ты умный, — сердито проворчал Орлов. — Вырастил на свою голову.

— Ну, что выросло, то выросло.

— Тебя не убьют до нашего прибытия?

— Вряд ли, — усмехнулся Гуров, взглянув на валявшиеся в кресле пистолеты. — Если только вызовут ОМОН.

— Зря шутишь, если все так серьезно, могут и ОМОН пригласить. Лева, прошу как друга — не играй с огнем. Лучше уйди на дно, всплывешь, когда мы прибудем.

— Слушаюсь, товарищ генерал. — Гуров не удержался и ехидно добавил: — Удачи тебе, сыщик.

Юдин полулежал в кресле, изображая спокойствие и безразличие. Получалось у него неплохо, но пальцы, выбивавшие на подлокотнике дробь, свидетельствовали, что хозяин — человек нормальный.

— Вы ограбили военный склад? — небрежно спросил Юдин.

— Нет, всего лишь разоружил патруль.

— Что же это за патруль, который отдал оружие, а вам поставил лишь одну шишку.

— Я ловкий, — с присущей ему скромностью ответил сыщик и начал собираться.

— Предложил бы вам остаться, но у меня нет желания проходить с вами по одному делу.

— Как партнер по делу, я совсем не плох, — обиженно ответил сыщик. Надел плащ, рассовал пистолеты по карманам и проглотил тонизирующую таблетку.

— Партнер-то подходящий, но мне не нравится направление пути. Я позволю в Москву и отменю прилет знакомого.

— Ни в коем случае. — Гуров оцупал плащ, проверяя, все ли уложил удобно. — Тем же самолетом прилетят генералы, которые займутся всей этой ерундой, а у нас с вами дела серьезнее.

— У нас серьезные, а это ерунда. — Юдин поднялся.

— Слушай, Борис, не придирайся к словам, — перешел на «ты» Гуров. — Ты же видишь, я вздернутый, хочу казаться спокойным.

— Ну извини. — Юдин развел руками.

— К тебе могут прийти...

— Поэтому и не раздеваюсь, — перебил Юдин.

— И абсолютно напрасно. Ложись спать. Могут прийти или позвонить, милиции следует отвечать правдиво. Мол, да. Этот тип приходил, звонил в Москву. Чтобы звонить из его номера, нужно иметь талончик, а из «люкса» можно в кредит. Как ты понял, этот тип звонил своему начальству, просил немедленно прилететь, а больше ты ничего не понял.

— Все верно, а пистолеты? — улыбнулся Юдин.

— Не видел.

— А как же быть с правдивыми ответами?

— Правда бывает и в усеченном виде. Машину я снова забираю.

— Она же в розыске.

— Ребята блефовали. — Гуров взглянул на часы. — Думаю, их еще не нашли.

— Ну. — Юдин улыбнулся. — Удачи...

— Тс-с! — Гуров приложил палец к губам и сказал: — Пошел к черту!

Сыщик едва дотронулся до кнопки звонка, как дверь распахнулась. Директор Колесников, по кличке Капитан, встретил его спокойно, словно к нему каждую ночь заявлялись без предупреждения.

— Пройдите на кухню. — Он указал на дверь. — Дети спят, я сейчас.

Кухня была крошечной: скромный белый гарнитур, хлипкий столик, маленькие табуреточки. Сыщик стянул мокрый плащ, осторожно присел. Капитан вошел бесшумно, плотно прикрыл дверь. Поставив чайник на плиту, спросил:

— Есть хочешь? Имеется торт, мечта!

Гуров попытался вспомнить, когда последний раз ел горячее, и спросил:

— А если тарелку супа?

— Можно. — Капитан достал из холодильника кастрюльку. — А я так и думал, что ты заскочишь.

— Почему? — искренне удивился сыщик.

— Так в гостинице тебе нельзя появляться, в цирке тоже беспокойно. А в городе кто у тебя? Подумал, либо к Сильверу с Классиком, вы ведь про желтый домик спрашивали, либо ко мне. — Капитан дернул подбородком и хитро поглядел на сыщика, явно ждал вопроса.

Гуров сделал вид, что ловушки не заметил, и этот вопрос задал.

— Почему же мне в гостинице нельзя появляться?

— Говорят, недавно стреляли.

— А я-то тут при чем?

— У нас не Москва, уважаемый полковник, — усмехнулся Капитан. — Сын Митрофановны в ментах служит, вечером позвонил. Митрофановна знает, что в цирке убивали, а москвич без дела болтается, и позвонила. А часа через два мне из другого дома звонят, жалуются, под окнами пальба. Я хоть на голову и не раз падал, однако не все вышиб.

— Из директоров выгонят, приходите, в оперы возьму, — сказал Гуров.

— Обязательно. — Капитан повернулся к плите, налил полную тарелку пахучих щей, плюхнул огромный кусок мяса.

Гуров сглотнул слюну.

— Я человек гостеприимный, — осторожно начал Капитан. — За тарелку харчей ничего не требую, но если можете, скажите, что творится.

— Мои клиенты говорят: «Знал бы прикуп, жил бы в Сочи». Старая присказка. — Гуров набросился на щи. — Вкусно.

— Не юли, полковник.

— У вас в городе два, может, и три дела смешались. Стрельба и ночная суетня к вашему цирку отношения не имеют. А вот смерть Ивана и вчерашнее убийство Семена Григорьевича... К сожалению.

— Если б вы не приехали, то ничего бы и не случилось, — убежденно произнес Капитан.

— Возможно, — кивнул сыщик и, подумав, добавил: — Хотя вряд ли без крови обошлось бы.

— И убийца среди моих? Перекрестись, полковник.

— Вы бы, Капитан, в чужой номер не лезли, а то и покалечить могут. У вас своя деланка, у меня своя, давайте делать то, что умеем.

— Поступайте по своему усмотрению. Мне уже доложили, что вы артист громадный.

— Ну вы даете, ребята! — Гуров рассмеялся. — Позвонили, доложили, брякнули, тренькнули — не город, а коммунальная квартира.

— Так и есть. — Капитан согласно улыбнулся. — Вы только учтите, наш Илья Муромец не просто главный мент, он в городе хозяин. Поберегитесь. Но если вы нашей паскудине хвост прижмете, мы вам от всего города в церкви большую свечу поставим.

— Вам пора скидываться. — Гуров доел. — Большое спасибо. Скажите, у вашего Классика телефон есть?

— Имеется в половине Сильвера, но это все равно, можно позвонить.

— Так ведь ночь, — фальшиво застенялся Гуров.

Капитан подвинул телефон, набрал номер.

— Клена, это я, куда мужика девала? Ничего не случилось, просто анекдот вспомнил, позови. — Он прикрыл трубку, пояснил: — Сашка спать здоров до ужаса. Сильвер, это я. Расскажи, какой сон видел. Ты не хами, с начальством разговариваешь. Какое дело? Соскучился. Ну ладно, шмыгни к Классику, передай. — Капитан прикрыл трубку: — Чего передать?

— Зайти можно?

— Можно к нему в гости? — сказал в трубку Капитан. — Самое время? Не ложился и на гитаре играет? Ну передай, чтобы гостя ждал, они в два голоса споют.

Начальник ГУВД генерал-майор Илья Николаевич Фомин из кабинета не уходил, ждал возвращения группы, которой было поручено разделаться с москвичом.

Илья Николаевич был молод, готовился отметить сорокалетие. Когда-то быстро продвигался по комсомольско-партийной одноколейке, стал секретарем горкома и только прищурился на Первого, как произошел известный конфуз: партия оказалась не честью и не совестью, а совсем даже наоборот. Секретарь горкома, увидев, что партийная одноколейка ведет в тупик, быстро перекалфицировался в милиционеры. И, конечно же, сразу в генералы.

Когда он надел генеральский мундир и сел в кресло, вожак преступного мира переглянулись, повели носами, принюхались и вынесли вердикт — наш парень. Он быстро взял город за горло.

Примерно полгода назад генералу в Москве кто-то из единомышленников указал на Гурова и предупредил: старайся с этим парнем не сталкиваться. Ты, Илья, волк, слов нет, но Гуров — волкодав. Тогда Фомин ответил, мол, не шизик, драки не ищет, но коли жизнь сведет, разберется, что к чему. Тот разговор генерал в суете и заботах быстро забыл, но когда вчера донесли, что полковник Гуров в городе, он все вспомнил. Я оперативным хитростям не обучен, играть не стану, прикажу убить без затей, решил генерал, благо бандитов в городе хватает. Однако, прежде чем дать команду, он подстраховался. При свидетелях пригласил к себе Гурова, а получив отказ, опять же при свидетелях, позвонил в Москву, предупредил.

Гурова должны были ликвидировать около полуночи, скоро три, а людей нет, и, сидя в своем кабинете, Илья Николаевич начал нервничать.

А герои-исполнители генеральской воли, прикованные друг к другу и к машине, мерзли под морозящим дождем и не знали, что же предпринять. Выручил Артошка.

Симпатичный карликовый пудель проживал в доме, у которого произошло нападение на Гурова. Артошка был воспитанным, интеллигентным псом. Когда у него заныл живот, Артошка решил, что будить хозяина — непозволительное хамство. Терпел долго, а когда понял, что сил больше нет, деликатно гавкнул. Хозяин хорошо понимал — раз зовет, значит, надевай штаны. Потому быстренько оделся, выскочил на улицу и увидел... Он был счастливым владельцем не только пуделя, но и телефона.

Генерал выслушал невнятный, лживый рапорт, из которого понял лишь, что грозный противник жив, здоров и скрылся в неизвестном направлении. Да ко всему прочему забрал еще у этих идиотов служебные удостоверения и оружие. Скрипнув от бешенства зубами, он сказал:

— Всех в камеру. С арестованными не разговаривать.

Оставшись один, генерал вспомнил московского содельника, его довольный хохоток и слова: «Если разборка состоится, я за твою шкуру, Илья, рубля не дам». Обозвав себя разными словами, он попытался сосредоточиться. Ничего путного не складывалось. Сейчас сам за собственную шкуру даст немного и остро почувствовал, какая она теплая и любимая. Подошел к пульта и распорядился привести старшего группы Стадняка.

Капитан Стаднюк работал в розыске давно, а в последние годы еще и успешно, так как сотрудничал с уголовниками по старинному принципу «и вашим, и нашим».

Хотя колени подрагивали и забинтованная голова гудела, а за спиной стоял конвой, Стаднюк вошел в генеральский кабинет с достоинством.

— Товарищ генерал, — твердо произнес он, — старший оперуполномоченный капитан Стаднюк по вашему приказанию явился.

Наглость подчиненного и возмутила, и обрадовала генерала. Он жестом отпустил охрану, кивнул Стаднюку на стул и спросил:

— Ну и как думаешь спасти свою шкуру?

— Свою спасу. Можете не беспокоиться.

Ну, дожил! Генерал изучал собственные ладони. Ну и гнида, таким тоном со мной разговаривает!

— Я велю тебя убить.

— Не. — Стаднюк мотнул головой. — Не велишь, Илья Николаевич, ты мужик разумный.

Генерал отметил, что сидевшая перед ним гнида что-то очень быстро перешла на «ты». Так он, гаденыш, скоро меня Илюшкой начнет называть. Стаднюк понял, что перегнул палку, вскочил и вытянулся.

— Товарищ генерал, прошу прощения, но я офицер, мне обидно. Разрешите доложу, как было, затем выскажу свои собственные соображения, что делать.

Генерал кивнул.

— Ну, говори, не тани!

— Я москвича без разговоров рукояткой по затылку приговорил! — воскликнул Стаднюк, хватая себя за грудь. — Он рухнул, думал, готов, разом порешил. Тут и я опростоволосился.

Генерал не выдержал, матюгнулся и закричал:

— Так что же он, раненный, троих обезоружил и в браслеты заковал?

— Да сволочь он, а еще и полковник! — Стаднюк показал на расплывающийся из-под повязки кровоподтек. — Он мне, лежа-чему, ногой добавил. Ну кто ж так делает!

— Действительно! — Возмущение Стаднюка было таким искренним, что генерал рассмеялся.

— У москвича газовый пистолет был. Бьет наповал.

— Опер называется. Обыскал, вырубил, а человек вскакивает с оружием в руках!

— Да, с обыском лопухнулся, признаюсь. Я пушку у него обнаружил и успокоился. А вот как он вскочил, не пойму? Ведь трупом свалился!

— Все! Хватит! — Генерал хлопнул по столу. — Что предлагаешь?

— Срочно найти и отобрать наши ксивы и стволы.

— Наверняка он уже позвонил и рассказал обо всем.

— Илья Николаевич, рассказ к делу не подошьешь. — Стаднюк, морщась, прикоснулся к затылку. — Уверен, он по телефону доложить ничего не успел. Первый самолет из Москвы прибывает в девять утра. Время у нас есть.

Генерал смотрел на Стаднюка с ненавистью и думал: если я из этой истории выпутаюсь, ты долго не проживешь.

— Наш город всего лишь большая деревня, спрятаться негде. В гостиницу он не вернется. Приятелей, уверен, у него тут нет. Остается цирк, квартира директора Колесникова, дом, где живут Аверков, по кличке Сильвер, и клоун Куприн, по кличке Классик. Пожалуй, все, больше ему деваться некуда, — рассуждал опер, поглядывая на генерала.

— Допустим, вы его находите, но он требует прокурора, а кругом десятки свидетелей.

— Главное, найти, а остальное не берите в голову, товарищ генерал, — ответил Стаднюк. — Мы же в дом официально не полезем, людей подошлем.

— Каких людей?

Стаднюк взглянул на генерала и вздохнул. Надо делом заниматься, а тут придется золотопогонному дураку таблицу умножения объяснять.

— А это не ваша забота, товарищ генерал. Лучше готовьтесь к встрече высоких гостей. Сами знаете, чем выше начальство, тем больше бумаги, она-то все и решает. Слова, эмоции улетают, слезы высыхают, трупы хоронят, остается только бумага.

— А вы философ, — иронически сказал генерал, не замечая, что перешел с подчиненным на «вы».

Но это мгновенно отметил Стаднюк. Ты, сука, меня и по имени-отчеству скоро величать будешь. Если москвича хлопнем, поможем тебе в кресле усидеть, тогда новую жизнь начнем, по большому счету.

— Полагаю, так. Полковник прибыл к нам по своим оперативным делам. Он должен был явиться к вам, доложить. Он был? Нет. Человек поселился по-тихому и занялся своими делами. В городе происходят два убийства. Главное, убивают сотрудника, майора милиции, начальника уголовного розыска. А это — ЧП! Мы все становимся на уши, узнаем, что какой-то неизвестный человек болтается в зоне убийств, представляется полковником. Вы звоните в Москву, главк своего человека признает, мы его начинаем разыскивать, но полковник почему-то от нас скрывается. Это одна линия, вы ее пишите подробно. В докладе побольше возмущения и восклицательных знаков. Вторая линия — наши документы и оружие. Полагаю, он их спрячет так, что нам не найти. Объяснение простое. Патрульной машиной во столько-то часов был задержан неизвестный, который предъявил документы на имя... Ясно? Ваши сотрудники поверили, ослабили бдительность, но пригласили гостя к нам, зная, что вы его ищете. Неизвестный — а у вас уже появились сомнения, что он полковник и что документы его подлинные, — напал на ваших людей, забрал документы, личное оружие и скрылся. Надо подготовить заключение врача о нашем состоянии. Интересно, откуда у сотрудника милиции газовый пистолет? Вы, уверенный, что имеете дело с особо опасным преступником, объявили общегородской розыск. Заготовьте приказ. Бумага, бумага и еще раз бумага. Когда мы его ликвидируем, вы допишете окончательный абзац, а я вам подскажу, какой именно.

— Извините, капитан, как ваше имя-отчество? — спросил генерал.

Гуров сидел за старинным бюро из красного дерева и тоже писал подробный рапорт о происшедших событиях.

В допотопном кресле с высоченной спинкой дремал Классик. На овальном столике, инкрустированную поверхность которого изувечили пятна, оставленные рюмками, кофейными чашками и ожогами сигарет, стояли бутылка и стакан.

Комната походила на запасник старинной мебели. За ширмой, обтянутой блеклым шелком, видимо, китайского происхождения, виднелось низкое массивное ложе на витых ножках; с потолка свисала люстра. Если ее отмыть, она, наверное, засверкала бы хрусталем. У стены громоздился солидный шкаф черного резного дерева, а рядом с ним стоял манекен, одетый в парадный костюм хозяина. Вместо головы у него торчала палка, с которой кособоко свисало сломанное канотье.

Сыщик писал подробный рапорт, стараясь придерживаться только фактов и не делать никаких выводов, он был убежден, что Орлов на его основе напишет свой рапорт, который и ляжет на стол министра.

Сыщик решил проверить свои подозрения. Куприна, по кличке Классик, он считал обаятельным, смешным и внешне безобидным человеком. Но он мог иметь и второе лицо: беспощадное и кровавое. Поэтому Гуров и позаботился, чтобы о его неожиданном ночном визите были осведомлены и Сильвер, и Капитан.

Гуров закончил писать, сложил листки, уложил в конверт. Подобрал в углу фанерный ящичек из-под посылки, уложил туда три пистолета, пристроил рядом милицеские удостоверения и конверт с рапортом, нашел обрывок шелкового шнура, которым ящик плотно перевязал.

Сыщика не интересовало, спит артист или наблюдает за ним.

Классик иронически улыбался. Длинное лицо его было спокойно. Руки артиста лежали на подлокотнике, длинные пальцы не дрожали, фигура дышала покоем, умиротворением. Худоба артиста не вводила сыщика в заблуждение. Он прекрасно знал, что люди такой комплекции бывают невероятно сильны.

Гуров вернулся к бюро, сел и закурил. Может, до прибытия Орлова, пока он не защитит меня от прессинга генерала, следует от задания отказаться. Сыщик взглянул на часы. Уже пятый час, машину и скवानых содельников местные власти должны найти. Какое-то время у них уйдет на доклад. Затем будут выяснять отношения. Но перед опасностью они, безусловно, объединятся. И уж точно меня просчитают. Минус гостиница, минус цирк. Что остается? Конечно же, Колесников и его дом, в котором я и нахожусь.

— Господин полковник, коньячка отведаете или прикажете чайку вскипятить? — спросил Классик, глядя на сыщика огромными загадочными глазами.

— Как спалось?

— Я не спал, дремал, фантазировал, — застенчиво улыбнулся

артист. — Я и пью-то лишь оттого, что люблю в этом состоянии «улететь в мечту». И вот приходится расплачиваться, — он вытянул руки, показал, как они порой трясутся, рассмеялся и неожиданно сказал: — У вас неприятности.

— Пустяки. Меня решили убить. — Гуров внимательно следил за лицом артиста.

Классик даже глазом не моргнул, словно услышал, что дождь на дворе.

— Сдается мне, что наши доморощенные бандиты решили срубить деревце не по плечу, — спокойно произнес Классик. Он легко поднялся, погасил верхний свет, зажег стоявший в углу причудливой формы торшер. — Я мимо рта не пронесу. — И плеснул в стакан. — Признаюсь, вы мне сразу не понравились. Я, человек остро чувствующий, знаете, как вас воспринял? Булатный клинок под видом столового ножа выступает, пантера дворовым котом прикидывается.

— В жизни не слышал большего оскорбления, — обиделся сыщик.

— А что же вы хотите? — возмутился Классик. — Говорят, вы сыщик талантливый... Так ведь сыщик, а не артист. И так уметь перевоплощаться...

— Я тоже токи и запахи чувствую, — обронил Гуров. — Не всегда, но довольно часто.

Артист на выпад не отреагировал.

— Вам этот ящик припрятать нужно, так понимаю? Не подумайте, что боюсь, но прятать у меня — дело пустое. А вот у Сильвера, — он указал на дверь, — можно. Саша — человек верный, у него подвал с овощами и припасами, чтобы их перебрать, рота солдатиков потребует.

— Спасибо, — ответил Гуров. — К вам в такое время кто прийти может?

Классик взглянул на часы.

— Обычно около шести девочки-бабочки. Их мужики из нумеров выставляют, вот они сюда и заскакивают.

— А к Сильверу?

— Там жена, дети, девочки и порога не переступят, — ответил Классик и задумался. — Один человек может. Семен, брат жены. Он, как и я, — артист поднял стакан, — употребляет. Только я пью и в этом кресле летаю, а Семен — шатун, ему необходимо движение, потому заявляется в любой час.

— Спасибо. — Гуров поднялся, надел плащ, взял ящик. — Семен высокий, низкий, полный, худой?

— Маленький и горбатый, — ответил Классик и впервые за весь вечер удивился.

Тьфу ты, ну что за человек Классик? Ему намекали на опасность разоблачения, он и бровью не вел, а спросил, как выглядит брат соседки, так удивился. И сыщик тоже удивился. Впервые в жизни он провел в обществе человека несколько часов и ничего в нем не понял.

— Спасибо за приют, надеюсь, вечером увидимся, — сказал Гуров и вышел в темень и дождь.

Окончание следует.

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

Г «...А избы горят и горят»
Г Россия, которую мы потеряли?

96

Г Пишу и понимаю, что никому мои переживания не интересны — что ни расскажи про свою жизнь, каждый скажет: да все так живем, все маемся. Правда, мне за пятьдесят, но читаю «Смену» смолоду, вот и решила молодежной редакции написать. Детство мое пришлось на войну, над которой сейчас молодые острят: вот, мол, не победили бы — пили германское пиво. Эх, ребята, все с крестами стали ходить, а кощунствуют над погибшими своими дедами. Так вот, жили мы в Москве. Отец, конечно, с первых дней ушел воевать, а мама со мной и братом подалась в деревню к родителям — в Москве не прокормиться. В июле сорок третьего получаем от соседей письмо — сгорела наша комнатуха. И были то бедны, а стали просто нищими — почти все сгорело. Но судьбе все мало было: в этом же месяце получаем похоронку — отец погиб. И началась у нашей мамы мучительная, тяжкая жизнь. С невероятным трудом, после мытарств по родственникам, которые и сами-то убого жили, получила мама восьмиметровку, а уж работала сколько, говорить нечего — лишь бы прокормить да одеть нас. Она уж потом рассказывала, как в войну, оставив нас на соседей, ездила из Москвы в тульскую дерев-

ню к родителям за продуктами, как по пути грабили поезда (а Тула славилась ворами), как военные патрули отбирали паспорт, как выкидывали их, несчастных женщин, с поезда в чистом поле зимой, если не отдашь часть еды, а ведь каждая везла что-то детям, чтобы с голоду не умерли. Вот помню, правда, как привезла она мясо, а пока ехала, в нем черви завелись. Дала она нам с братом по вязальному крючку, и выбирали мы этих червячков да суп ели... Младшая сестра отца работала на фабрике и почти всю жизнь прожила в общежитии, а у другой сестры муж с войны пришел без ноги — тоже все заботы на ней. Много горя досталось на долю женщин этого поколения, но вот что самое страшное — они не считали, что жизнь им досталась жуткая, непосильная: все так живут, говорили. Правда, может, не все, но миллионы уж точно.

Если начать вспоминать любой период российской истории — чудовищнее жизни наших женщин в мире не было и нет. Все они вынесли — и смерти мужей и детей, и лагеря, и оккупацию, и фронты, и работу каторжную. И что за судьба у россиянок — вроде после войны с годами стали лучше жить, появились и отдельные квартиры,

и телевизоры, и холодильники, а все у женщин жизнь на износ. Бывало, позвонит подруга: как живешь? Да как цирковая лошадь бегаешь по кругу: работа, очереди, дом, уборка, стирка, дети. Займешь — отдашь. А ты? И я так же. И видишь — большинство так. Но и мы не жалеемся. Нам много легче, чем нашим бабушкам и матерям жилось. Смотрю сейчас на женщин старшего поколения: как-то они одновременно согнулись в последнее время — беспомощные, одетые, как будто война не кончилась, никому не нужные, испуганные, видно, страх тех жутких лет вернулся, а сил-то теперь уж нет пережить тяжелое время. Прочла как-то в «Коммерсанте», как жируют наши новые буржуи в ресторанах — миллионы под ноги цыганам швыряют, соревнуются, бахвалятся, кто больше. Где же совесть ваша, обобрали стариков и обжираетесь? — не будет вам и детям вашим счастья и душам покоя.

Посмотри, Господи, на несчастных женщин наших — где, в каком государстве на женских плечах и работа, и дети, и бесконечные очереди, и жизнь барачная, и нищета? Да честно сказать, если бы не трудолюбивые, терпеливые наши женщины, и «социализм» давно бы рассыпался, и сегодняшнее безумие, которое устроили мужики, должно было уже угробить страну окончательно, держится-то все на женском труде, на женской заботе о семьях. И снова, как в войну, — очереди, безденежье, детей не во что одеть, мужья спиваются, на работе нервы в клочья, сумки наперевес с деревенскими огородами. И никакого просвета: «...а избы горят и горят». Мужайтесь, россиянки, а то Родина-мать и сейчас

без нашей помощи пропадет.

Л. ШУКИНА, Москва

Прошедшей зимой побывала я с экскурсией в Вологодской области. Конечно, о древней Вологодской земле, крае чудном, необыкновенном, всем известно по литературе, но увиденное буквально потрясло. Кирилло-Белозерский монастырь так могуч и красив, что не нужно богатого воображения, чтобы представить его бывшее величие. А монастырь Ферапонтов — на горе, средь сияющего на солнце снега — древняя сказка. И невозможно сдержать сердечного ликования: колокольный звон, фрески Дионисия, идущие на утреннюю службу прихожанки в уютных валеночках... Уж не в семнадцатый ли век попали? Увы, нет, в нашем, двадцатом, мы: бедная гостиница в Кириллове, скудные полки магазинов. Все сегодняшнее. И к душевному, редкому теперь восторгу примешивается боль за разрушенное, потерянное. Испытывает ли такие противоречивые чувства хоть один народ в мире? И все же хочу сказать для тех, кто мучится и переживает не только о личном, семейном благополучии, но и о благе родины: не верьте тем, кто проклинает историю нашу, глумится над народом, вдавливая в головы молодых, что испокон веку русские ленивы и пьяны, безалаберны и неряшливы, что нет у нас будущего. Лгут и предают такие, унижают и топчут народ, чтобы оправдать свою алчность и подлость. Простите мне некоторую высокопарность (радость увиденного на Вологодчине тому причиной), но скажу так: дорогие россияне, хороша земля наша, трудолюбивы люди. Нельзя не любить такую землю, надо беречь и защищать ее.

В. МИХАЙЛОВА, Москва

Автопортрет в шарфе. 1911.

ЗЛВИРА ПОПОВА

РАДУЮЩАЯ ВИДИМОСТЬ

В этом доме — и не в одном поколении — всегда жили искусством. А уж рисовали, пожалуй, почти все. Поэтому, когда маленькая Зина Лансере увлеченно что-то зарисовывала на листах бумаги или даже бралась за акварельную кисточку, — взрослые не обращали на это ни малейшего внимания. Прапрадед Зины по материнской линии — Катерино Кавос — был родом из Италии, музыкант; он автор симфоний, опер, балетов, дирижер императорских театров Петербурга. Прадед, Альберт Кавос — архитектор, один из строителей Большого театра в Москве и многих зданий в Петербурге; родной дед, Николай Бенуа — зодчий, академик, председатель Петербургского общества архитекторов. Отец Зинаиды — известный скульптор Николай Лансере, его работы — исполненные в бронзе сцены из жизни киргизов, башкир, украинцев, черкесов, русских — известны.

Зинаида Лансере, по мужу Себрякова, не раз говорила о том, что от отца унаследовала любовь к жизни простых людей, к поискам верного бытового жеста, к передаче этнографических подробностей при изображении персонажей, их быта.

После смерти отца Зина жила у деда, Николая Бенуа, где царила творческая атмосфера, а духом искусства была проникнута сама обстановка дома. Столовую украшали исполненные ее матерью Екатериной, бывшей воспитанницей классов Академии художеств, портреты родственников, в комнатах стояла антикварная мебель работы старинных мастеров, гравюры с картин Леонардо да Винчи, прекрасная копия «Король пьет» Иорданса, сепии Гварди, многочисленные акварели и архитектур-

ные проекты. В доме постоянно собирались известные люди: Бакст, Сомов, Нувель, Нурок, Философов, Дягилев. Они говорили о новом, молодом искусстве, которое вытесняет уже изживших себя передвижников. На маленькую Зину с ее страстью к рисованию внимания не обращали, но она все перенимала...

Она легко научилась работать акварелью в два-три цвета, добиваться чистоты, красоты тона и многому другому. И, когда в 1901 году, после окончания Коломенской женской гимназии в Петербурге, ее мать, заботясь о художественном развитии дочери, без каких-либо «целевых установок» отдала ее в руководимую И. Е. Репиным частную художественную школу княгини М. К. Тенишевой, известной меценатки и знатока искусств, Зина была готова к занятиям по разработанной Репиным программе. Там много внимания уделялось школе рисунка, пластике формы и закономерностей ее построения, усвоенных от великого русского педагога Павла Петровича Чистякова. Прочувствовала Зинаида всего два месяца — школа вскоре закрылась. Но именно здесь она впервые изучила пластическую анатомию, рисовала с гипсов и обнаженной натуры, подошла к пониманию основ реалистического рисунка. И какой смелой чувствовала она себя в Италии, куда ее увезли из-за плохого здоровья. На Капри Зина уверенно рисовала все, что представлялось взору: горные пейзажи с богатой растительностью, море с прибрежными камнями, узкие, залитые солнцем улицы, дома, интерьеры комнат, где они жили, кухню, натюрморт на обеденном столе... Так что справедлив был известный критик Сергей Эрнст, утверждавший, что акварельные этюды, сделанные Зиной Лансере

в эти месяцы, по совершенству техники представляют собой вполне профессиональные работы будущей художницы.

И только тогда родные поняли, что надо продолжать художественное образование Зины. С 1903 года она два года занималась в мастерской О. Э. Браза, где всегда стояла обнаженная натура. Зинаида приходила раньше всех и уходила позже, выполняя множество бесценных для художнического навыка натурных штудий.

По совету Браза «видеть общее», а не рисовать «по частям», юная художница избегала «мелочности» в воспроизведении формы. Жесткой линией резко очерчивала силуэт фигуры, уверенно-энергичной косой штриховкой выявляла объемы. В обучение «по Бразу» входило также копирование картин в Эрмитаже. Требовалось не только изучать приемы письма старых мастеров, моделировку формы, композицию, колорит, но и вникать в творческий замысел автора, осознавать содержание образа... Она выбирала в Эрмитаже самое трудное для копирования — «Девушку с серьгой» Рембрандта, титиановские образы. Подолгу простаивала перед «Персеем и Андромедой» Рубенса, плененная красотой и звучностью колорита, сверхсмелостью композиции. И опять-таки не без влияния Браза писала портреты близких, знакомых, а в имени деда Нескучное — «простую» натуру: кухарку Домну, нищего слепца Лукьяна, босоногого пастушка в рваном, явно не по росту, армяке... Два листа из этой серии были потом репродуцированы на цветных открытках Общиной св. Евгении (Попечительный комитет о сестрах Красного Креста, первым начавший это важное для народа дело и получивший высокое одобрение русского общества).

В 1905 году Зинаида Евгеньевна вышла замуж за инженера-путейца Бориса Анатольевича Серебрякова. В свадебное путешествие они отправились в Париж. Зинаида Евгеньевна мечтала поступить там в школу-мастерскую Коларосси. Но устроиться удалось в студию с громким названием — Академия де ля Гранд Шомьер, которая по своим педагогическим принципам была близка к школе Браза. Посещая занятия, она работала много и упорно, подражая импрессионистам, — в тонкой колористической гамме, сочтявшей серовато-голубоватые тона. Пробовала себя и в вошедшей тогда в моду декоративной манере. Но, кроме улиц и пригородов Парижа, ее внимание привлекали крестьяне, работавшие на скотном дворе и на полях во время покоса и уборки хлебов. Зарисовывала сараи, телеги, домашний скот. Быт французского крестьянина напоминал ей Нескучное, а может быть, это подсознательное предчувствие темы, которая станет потом главной в творчестве, его вершиной. Один из исследователей писал о Серебряковой: «Эти альбомные наброски по своей тематике настолько близки к ее ранним работам, что, когда их просматриваешь, создается впечатление, что художница и не уезжала за границу, как будто и не прерывалась ее жизнь в Нескучном».

Серебрякова говорила о себе, что у нее не было учителей — только занятия в мастерской. Но наступил момент, когда искушенная публика узнала, что могут означать такие занятия при огромности таланта. В начале января 1910 года в редакции журнала «Аполлон» открылась для узкого круга посетителей небольшая выставка современного женского портрета. По словам устроителя Сергея Маковского, она должна была пока-

зять «по возможности новые произведения наших мастеров кисти и, вместе с тем, работы молодых, мало или совсем не выставлявшихся художников». Рядом с такими признанными портретистами, как Серов, Врубель, Сомов, Кустодиев, выступили никому дотоле не ведомые художницы — С. Бодуэн де Куртенэ и З. Серебрякова. Еще до открытия выставки во вступительной статье каталога отмечался «большой красочный темперамент» Серебряковой.

Затем выставка прошла в Москве и снова в Петербурге. Были представлены почти все «мэтры» и многие, только заявлявшие о себе, живописцы: Петров-Водкин, Ларионов, Павел Кузнецов. Серебрякова выставила четырнадцать произведений. Ее работы оказались для публики неожиданными. «Автопортрет» («За туалетом»), «Крестьянка» («Молодуха»), пейзаж «Зеленя осенью» сразу же были приобретены Третьяковской галереей. Это наивысший успех. Вспомним, как отец молодого Нестерова, недовольный выбранным сыном жизненным путем, поверил в него только тогда, когда сам П. М. Третьяков купил у Михаила «Пустынника»...

Серебрякова рассказывала о своей работе: «Лето мы всегда проводили в Нескучном. Осенью... я решила остаться с детьми... еще несколько месяцев, но не в Нескучном, а на хуторе (в имении моего мужа рядом с Нескучным), где дом был маленький, и его можно было протопить легче, чем большие, высокие комнаты Нескучного. Мой муж, Борис Анатольевич, был командирован. Зима в этот год наступила ранняя, все было занесено снегом — наш сад, поля вокруг, повсюду сугробы, выйти нельзя, — но в доме на хуторе тепло и уютно, я начала

рисовать себя в зеркале и забавлялась изобразить всякую мелочь на туалете».

Позже А. Бенуа посвятил Серебряковой почти целиком одно из своих Художественных писем: «Зинаида Серебрякова выставляет в первый раз... Ныне она одарила русскую публику таким прекрасным даром, такой «улыбкой во весь рот», что нельзя не благодарить ее... «Автопортрет» Серебряковой, несомненно, самая радостная вещь... Здесь полная непосредственность и простота, истинный художественный темперамент, что-то звонкое, молодое, смеющееся, солнечное и ясное, что-то абсолютно художественное...» И продолжил о других работах: «Все они поражают жизненностью, простотой и прирожденным мастерством. Все они веселые, бодрые и молодые... И деревенские парни, и студенты, и комнаты, и поля — все у Серебряковой выходит ярким, живущим своей жизнью и милым... Жила молодая женщина в глубокой деревенской глуши, в убогой хуторской обстановке, и не было ей другой радости, другого эстетического наслаждения в зимние дни, отрывавшие ее от всего мира, как видеть свое молодое лицо в зеркале, как видеть игру своих обнаженных рук с гребнем... Как само лицо, так и все в этой картине свежо... Здесь нет и следа какой-нибудь модернистской утонченности. Но простая и даже пошлая жизненная обстановка в освещении молодости становится прелестной и радостной».

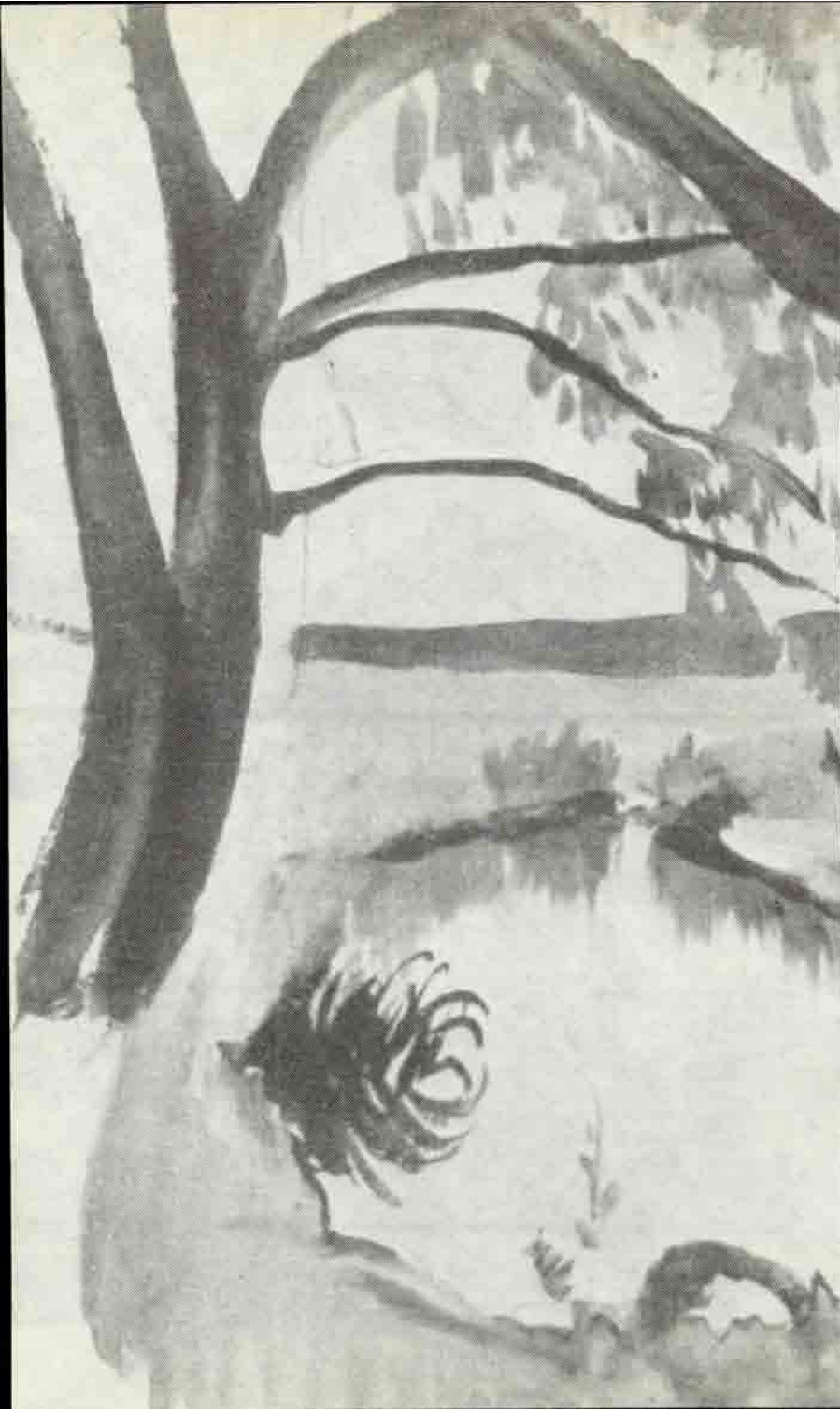
Уверившись в своих силах, Серебрякова продолжала писать портреты, решая все новые цветовые задачи, и постепенно подошла к главному в своем творчестве. А ведь то была пора «всеобщего мучительного шатания», по определению С. Маковского. Но Сереб-

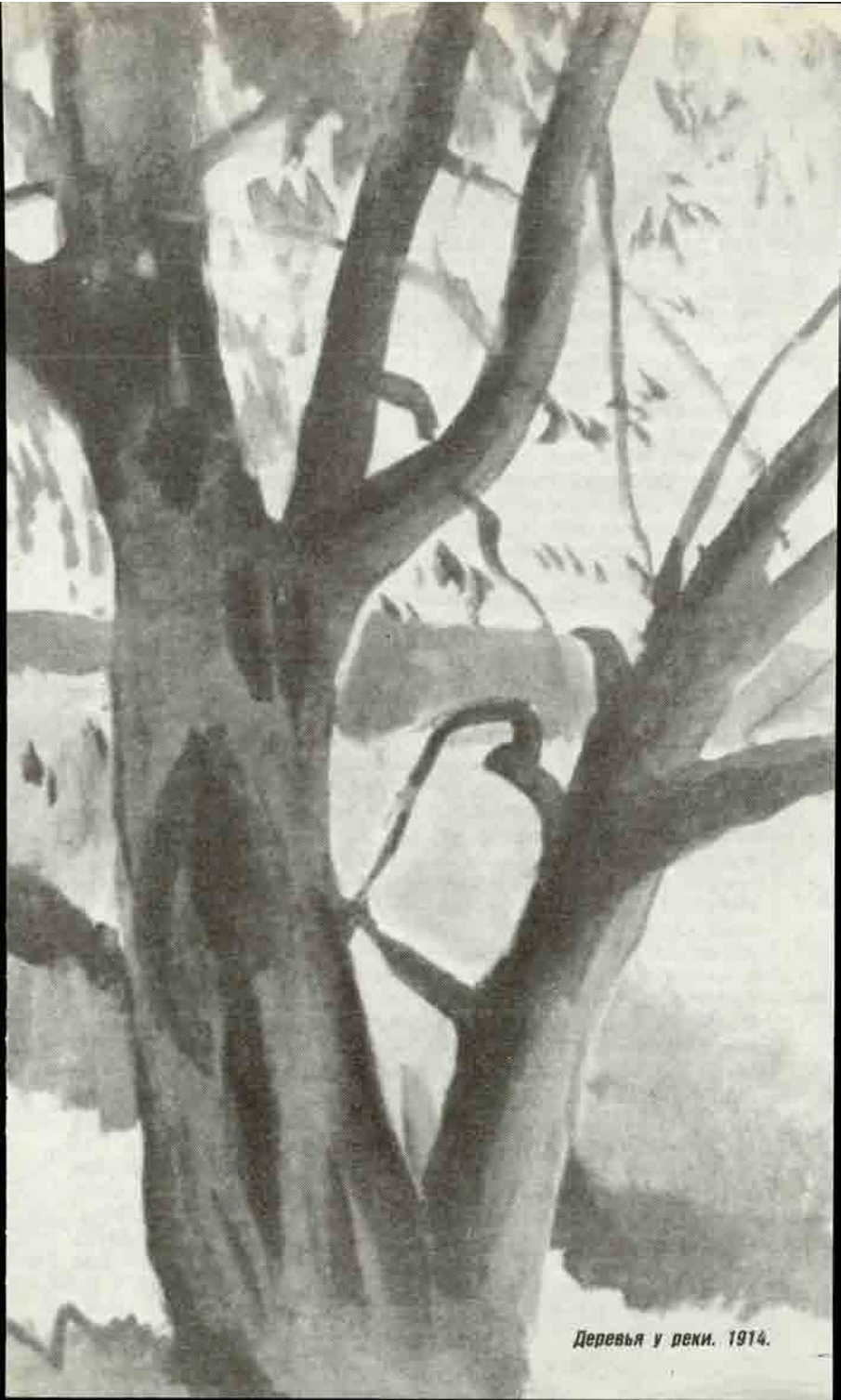

Портрет С. С. Прокофьева. 1926.

Катя с натюрмортом. 1923.

Деревья у реки. 1914.

рякову это не коснулось, она несла в себе накопленный с детства «бодрый реализм», как говорил А. Бенуа, пожелавший ей и в дальнейшем «такими же простыми глазами глядеть вокруг себя и передавать эту радующую видимость».

Серебрякову всегда интересовали крестьяне, их простой, неприязнательный быт. Картина «Баня» — это первая ее поэма о русской женщине-крестьянке. Как всегда, сотни натурных зарисовок, вариантов композиции, поиск поз. И вот они перед нами — русские Венеры. Величавым покоем, торжественностью, правдой красоты и правдой жизни веет от полотна. Немногочисленные бытовые детали — струи воды, ткань простыни — как бы врезаются в холст фрагментом.

Затем появились еще две работы, уже о крестьянском труде: «Жатва» и «Беление холста». В них — десятки, если не сотни, подробностей. Мужики жнут пшеницу, крестьянки вяжут снопы, работают граблями, пробуют еду деревянной ложкой, когда варят под открытым небом кондер (пшено) в огромных котлах, пьют воду из боклуха, несут огромные караваи хлеба... И вот золотисто-красно-синяя «Жатва». Краски приглушены, сглажены (впрямь, фреска по сырой штукатурке!). Всего-то четыре фигуры: две женщины стоят — одна с граблями на плече, другая с заплочной кожаной сумкой, и две сидят, готовя скромный полдник...

Но прежде чем все это написать, художница побывала в Италии и Швейцарии, где написала множество пейзажей, испытывая на прочность и тонкость свои возможности. Поздним летом 1914-го она вернулась домой, где ее встретили хмурые и растерянные мужские лица, причитающие солдатки и ревушие девки.

В 1918-м незаконченная «Жатва» сгорела в Нескучном, уцелела лишь часть подготовительного материала, натурные «вживе» этюды. И все же она восстановила ее.

В то время, когда, казалось, мир рушился — война, революция, — картина «Беление холста» со спокойной уверенностью славил труд и человека в его вечной связи с природой. Снова красное, синее, зеленое, многотонное белое.

В последний год жизни художницы советский академик Д. А. Шмаринов напишет: «У нас много говорят о монументальности, зачастую абстрагируя это понятие, противопоставляя его понятиям жизненности, эмоциональности, непосредственности. Серебрякова — подлинный монументалист, мастер большой пластической формы, композиционной построенности. Но все эти качества соединяются в ее творчестве с той поэзией правды, увлеченностью жизнью, которые преображают ее работы в подлинный гимн душевной красоте человека».

Да, найдено и осуществлено главное, теперь только работать и работать. Но... «вся жизнь в один день переломилась». В Харьков, куда семейство переехало после гибели Нескучного, возвращается Борис Анатольевич и, заразившись в дороге сыпным тифом, умирает.

Зинаида Евгеньевна после скудного житья в Харькове (там для заработка она рисовала педагогические пособия для Харьковского археологического музея при университете — красочные таблицы культур каменного века, скифов, хазар, славян) переезжает с матерью в Петербург. Поселились в пустовавшей квартире деда Н. Л. Бенуа. В этом же доме жили Александр Бенуа со своей семьей и Альберт Бенуа. Убитая горем

Беление холста. Наброски. 1916—1917.

Обнаженная. Семь набросков.

За обедом. 1914.

Портрет крестьянина И. Д. ГОЛУБЕВА. 1914.

Чижик (Пукьян из села Веселое). 1912.

Мальчик-музыкант. 1928.

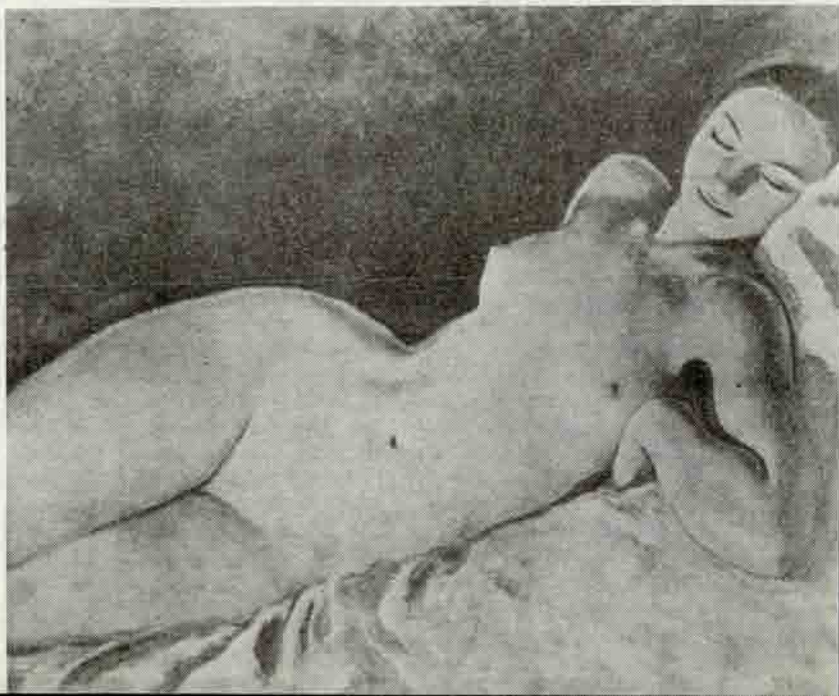
Баня. 1913.

Земиз пално для Казанского вокзала. 1915—1916.

Спящая натуращица. 1941.

вдова оказалась среди близких родных людей, которые поддерживали ее.

В Петербурге она получила телеграмму о назначении ее профессором Академии художеств. Но по состоянию здоровья о преподавании в Академии не могло быть и речи. В 1921 году Серебрякова поступила на службу в мастерскую наглядных пособий, а академический паек позволил хоть «как-то существовать и «продолжать заниматься искусством».

В эти годы в творчестве художницы появляется новая тема: праздничная серия пастелей — портреты танцовщиц и балетные жанровые сцены.

Но заработка все равно не хватало. Тянулась безрадостная жизнь, «где каждый день только острая забота о еде (всегда недостаточной и плохой) и где заработок такой ничтожный, что не хватает на самое необходимое». Александр Николаевич Бенуа, уже обосновавшийся с семьей в Париже, звал племянницу к себе.

Весной 1924 года в Америке открылась большая выставка художников СССР, в которой участвовала и З. Е. Серебрякова. На вырученные от продажи двух картин деньги художница решила ехать в Париж — найти заказы, устроить выставку, а уж затем вернуться на Родину. Но заказов оказалось скудно мало, с устройством выставки возникли непреодолимые финансовые проблемы, и, собственно, возвращаться домой было не с чем. Вскоре к Зинаиде Евгеньевне приехали двое ее детей. Сначала младшая Екатерина, затем Александр. Впоследствии они стали интересными художниками: Александр Борисович работал как художник-декоратор, акварелист, он мастер художественного архитектурного макета; Екатерина Борисовна — в жанре жи-

вописной миниатюры. Екатерина Борисовна взяла на себя все хозяйственные заботы, чтобы дать матери возможность творчески работать.

Если бы Зинаида Евгеньевна вела дневник, то о сорока годах, прожитых ею в Париже, мог бы сложиться печальный роман — о путях, державших художницу вдали от Отчизны и родных, о том, как одна за одною рушились творческие мечты и замыслы, достойные ее дара.

Скажем лишь об одной самой радостной странице. В мае 1928 года в Брюсселе была устроена художественная выставка, приуроченная к открытию Дворца искусств. Русский отдел представляли мастера старшего и молодого поколений. И русские не только понравились, — как писал С. Маковский, — но, по общему мнению, были намного «лучше всех»... О французах и швейцарцах никто не говорил, а говорили о Левицком, Брюллове, Александре Иванове, Бенуа, Сомове, Добужинском, Серебряковой, Яковлеве, Шильтиане, Бушене и многих других современниках.

Серебрякова обрела в Бельгии почитателей. Один из них, барон Броувер, не только заказал ей портреты жены и дочери, но и предложил поездку на месяц в марокканский город Мараккеш, близ которого у него были плантации. Таких поездок было две. «Теперь, — вспоминала художница, — и не верится, что я была там, в этой чудесной стране, где такая радость для глаз! Меня поразило все здесь до крайности — и костюмы разнообразных цветов, и все расы человеческие, перемешанные здесь. Жизнь в Мараккеше тоже фантастическая — все делается кустарным образом, как должно было быть тысячу лет тому назад... Ведь там все было,

как в «античном» мире,— ничто не изменилось: ни одежда, ни типы». Она работала с упоением. И когда сделанная ею многолистовая серия пастелей предстала на выставке в Париже, то успех был по тамошним меркам ошеломляющий, никогда художница не достигала такой виртуозности в технике пастели.

Александр Бенуа писал: «Пленительна серия марокканских этюдов, и просто изумляешься, как в этих беглых набросках, производящих впечатление полной законченности, художница могла так убедительно и точно передать самую душу Востока. Одинаково убедительны как всевозможные типы, так и виды... Люди такие живые, что кажется,ходишь с ними в непосредственный контакт, точно знакомишься с ними». Критик из «Фигаро» высказывает еще восторженнее: «Выставка г-жи Серебряковой доставила мне чрезвычайное удовольствие широтой тематики и мастерством исполнения... Это одна из самых замечательных художников. Она воспроизводит местный колорит Феса и Марракеша с подлинной достоверностью, просто и деликатно, сохраняя при этом всю силу обаяния изображаемого... В ее Востоке нет ничего общего с крикливыми рыночными куклами, которых Анри Матисс называет одалисками... У г-жи Серебряковой живописный темперамент подкреплен глубоким и упорным изучением природы. Никогда еще современное Марокко не было увидено и воспето лучше. И как мы должны быть довольны, что среди окружающих нас посредственностей можно встретить талант такой величины». В архиве еще хранится безымянная газетная вырезка, где говорится о нескольких выставках

Серебряковой: «Духовно чувствуется связь Серебряковой с истоками русской поэзии, и кажется, что муза Пушкина благоговяет ее прекрасные полотна. Особое внимание привлекают ее прекрасные портреты. Найти в человеческом лице отблеск его духовной сущности и связь с создавшим его по образу своему может только художник, любящий натуру такой любовью, какой любит ее Серебрякова. И в этом коренная связь ее с основами русского искусства и с духом русской культуры».

И тем не менее работы Серебряковой почти не покупались, торговая мода на абстракционизм поглощала все. А в годы войны и после заказов практически совсем не поступало.

И как награда за все страдания и мытарства в 1965 году состоялась встреча ее искусства с возлюбленным Отечеством, с которым душевные связи она никогда не могла оборвать. На Кузнецком мосту в Москве открылась первая послереволюционная выставка Зинаиды Серебряковой, продолженная затем в Киеве и Ленинграде. Но приехать на Родину художница уже не смогла...

19 сентября 1967 года пришла из Парижа печальная весть о ее кончине.

Человек большого и яркого дарования, высокой культуры, разносторонних познаний в области искусства, литературы, музыки, Зинаида Серебрякова по праву занимает достойное место среди младшего поколения художников «Мира искусства». Все ее творчество было связано с мыслями и мечтой о России, и именно России принадлежит все лучшее, что было ею создано.

Портрет О. Н. РЫБАКОВОЙ в детстве. 1923.

Саледка и лимон. 1923.

Париж. Люксембургский сад. 1930.

ЧАСТ ДЕ

**ОЛЬГА
ВЕРОВЕНКО**

**НАТАЛЬЯ
СТУПАКОВА**

**АЛЕКСАНДР
СМАГИН**

Когда полтора года назад «Смена» проводила первый «круглый стол» предпринимателей (№ 10 за 1991 год), бизнесмены еще были диковинкой, вроде человека с шестью пальцами. Нынче занятием коммерцией никого не удивишь: президент страны заявляет, что с этим связан каждый десятый россиянин, а судя по числу старушек, приторговывающих сигаретами и пивом, цифра кажется даже заниженной.

Участники нынешнего «круглого стола» не мультимиллионеры (но и не из тех, кто торгует в лавке), а обыкновенные, «средние» деловые люди. И проблемы, которые их волнуют, не намного, как вы убедитесь, отличны от проблем, что занимают всех нас...

Итак, в редакции «Смены» собрались:

ОЛЕГ АХМАЛЕТДИНОВ — президент АО «Созидатель»; ОЛЬГА ВЕ-

НОВОЕ ЛЮ

**СЕРГЕЙ
НОВОСЕЛЬЦЕВ**

**ОЛЕГ
АХМЕТДИНОВ**

**АЛЕКСАНДР
ГЕРАСИМЕНКО**

117

РОВЕНКО — председатель кооператива «Репетитор»; АЛЕКСАНДР ГЕРАСИМЕНКО — генеральный директор фирмы «Гера»; СЕРГЕЙ НОВОСЕЛЬЦЕВ — директор радиозавода «Форманта» (г. Качканар, Свердловская область); АЛЕКСАНДР СМАГИН — начальник юридического отдела СП «Русская Америка»; НАТАЛЬЯ СТУПАКОВА — менеджер АО «Созидатель»; СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ — корреспондент журнала «Смена», секретарь-

координатор КНП.

Ведет «круглый стол» член редколлегии журнала «Смена» ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ.

«КУПИ-ПРОДАЙ» ИЛИ «СДЕЛАЙ-ПРОДАЙ»?

Ведущий. Разговор наш давайте начнем вот с чего: товара в магазинах и ларьках заметно прибавилось. Разное качество, разные цены, но производство главным

образом «забугорное». Раздолье для посредников, продавцов... А отечественные заводы, фабрики — на грани остановки. Выходит, выгоднее купить и перепродать, чем сделать и продать?

Веровенко. «Сделай-продай» и «купи-продай» — процессы взаимосвязанные. Производитель, посредник и продавец — звенья одной экономической цепи, которую нельзя разорвать. Можете представить себе концерн «Мальборо», который, производя миллиарды сигарет, начнет сам торговать в розницу? Или «Эсти Лаудер» — духами? Это возврат к феодализму, кустарному производству, когда ремесленник сам делал горшок и сам нес его на рынок!..

Герасименко. У любой крупной товаропроизводящей фирмы есть фирма-посредник, занимающаяся только сбытом...

Ступакова. Да и невыгодно содержать на предприятии специальную службу для реализации товара. Тут необходимы совсем иные знания, опыт, деловые связи.

Новосельцев. Госпредприятия тоже организуют торговые фирмы, которые, наверное, со временем от них отделятся. У нашего завода есть такие, работающие самостоятельно, — около двадцати дилеров по России, пять небольших фирм реализуют нашу продукцию.

Ахметдинов. Я закупую в Азербайджане помидоры, продаю их в Москве. Это что, не работа? Купить, загрузить в вагоны, довезти, разгрузить, организовать торговые точки, продать — не работа?

Веровенко. Во всем мире на реализацию товара уходит больше сил, денег и времени, чем на производство. Как покупатель, я должна сказать спасибо тому, кто произвел товар, но вдвойне

спасибо — тому, кто его привез. Не разбазарил, не сгноил...

Ведущий. Выходит, выгоден посредник? Почему же государство выступает вроде бы против?

Ступакова. Да потому, что чиновники сами желают распределять, «посредничать»! Для них это власть! И фирмы-посредники пробивают в ней брешь... Госнаб кем был? Посредником. И базы торгово-закупочные — посредники. Без собственных вложений, без риска — только «чистая прибыль». Чем плохо? Обмисхурились, сгноили — ну, поругают. Но не выгонят. Не объявят банкротом.

Литвинов. Отечественному предпринимательству, если отсчитывать со времени принятия Закона о кооперации, уже пять лет. Ну и что? Мой костюм сшит на госпредприятии (по итальянским лекалам), башмаки — немецкие, авторучка — китайская... Российские бизнесмены один за другим становятся миллионерами. А мы, простые граждане, разве что-то от такого предпринимательства имеем?

Ахметдинов. Имеем. Вы могли десять лет назад купить в Москве к Новому году любые, какие только вам понравятся, цветы? Любые сигареты, фрукты, книги? Был бы у вас хоть миллион, вы бы ни за что не приобрели к Рождеству-1983 ананас, блок «Кэмела», салями или томик Мандельштама... На 70 процентов мой бизнес — это «купи-продай» и всего на 30 — производство и строительство. Соотношение могло бы быть совсем иным, если бы не политика государства. У меня цехи стоят законсервированными. В них все готово, чтобы производить. Но работать — невыгодно. Отменит государство хотя бы НДС — я их сразу открою. Ведь сегодня с каждого заработанного

рубля в налоги уходит минимум 65 копеек... Грабеж!

Герасименко. Я как-то читал про новоявленного бизнесмена, на которого «наехали» рэкетеры. Он показал им расчеты. Они согласились: да, пока, чтобы заплатить дань, доходов нет; договорились, что наведаются года через два... Наше государство менее понятно. Оно никак не возьмет в толк, что курочка должна подрасти, прежде чем начнет нестись.

Веровенко. Отечественных товаров нет потому, что нам, деловым людям, ничего не принадлежит. Я уверена: отдадут в собственность, например, вам, господин Ахмалетдинов, фабрику «Ява» — через два года она сможет конкурировать с «Мальборо». Как только мне дадут в собственность хотя бы двести квадратных метров, я сделаю школу с компьютерным обучением, с прекрасными интерьерами. Буду брать кредиты, покупать, обустраивать. Аренда, даже долгосрочная, мне не подходит. Этот договор как заключается в пять минут, так в пять минут и рвется. Напрягаться из-за всех сил, чтобы потом сказали: сдирай свои обои, забирай парты и убирайся?!

Литвинов. Так что же, стоит принять Закон о частной собственности — и сразу «запляшут лес и горы»?

Веровенко. Да. Сразу же. Вернее, через то время, которое нужно, чтобы созрел урожай. Если сейчас, зимой, примут закон, что можно владеть землей, передавать ее по наследству, продавать, — осенью мы будем и с хлебом, и с мясом. Чтобы отладить производство на частных фабриках, нужно времени больше, но не намного, и уже следующей весной появятся прекрасные отечественные платья и туфли.

Ведущий. Вашими бы устами...

Теперь послушаем юриста: преобладание «купи-продай» над «сделай-продай» — свидетельство того, что у нас предприниматели «плохие», или же это имеет объективное обоснование?

Смагин. Как минимум три фактора влияют на решения предпринимателя посредничать, а не производить — политический, экономический и моральный. В экономике делается попытка как-то регулировать процесс. Но полная неопределенность в том, что будет завтра, напрочь отбивает охоту производить. Предугадывать экономическую ситуацию можно только месяца на три вперед. Взять кредит, купить валюту, приобрести за рубежом сигареты, шмотки, вино — и продать с прибылью. Три месяца — вполне реальный для этого срок. Но чтобы распланировать на полтора года вперед производство, скажем, биноклей — это просто нелепо. Тем более для мелких предпринимателей, не имеющих государственной поддержки... С точки зрения политической — бизнесмен, чтобы производить, должен быть уверен в неизменности реформаторского курса. Сегодня такой уверенности нет.

Наконец, если говорить о морали: мы обращаем на посредников слишком пристальное внимание. Производственный капитал намного больше, чем торгово-посреднический, уверяю вас. Просто мелкие лоточники со своей жвачкой и водкой у нас как бельмо на глазу. Мы привыкли работать, что-то производить — пусть некачественные сапоги или ненужные ракеты, но стоять у станка, а не торговать. Поэтому корбейники так нас раздражают. Но отнюдь не они определяют лицо нашего бизнеса.

Литвинов. А как вы относитесь к словам нового премьера, что

Россия не должна быть страной лавочников?

Веровенко. Чем они ему мешали? Я понимаю, если бы он произнес это в том смысле, что каждому лоточнику надо дать магазин, — тогда и лавок не станет. Вот смотрите: у меня рядом с домом частный магазин, и цены там в полтора раза ниже, чем у корейчиков, и процентов на двадцать ниже, чем в госторговле. И это естественно: в магазине есть подсобные помещения — значит, можно закупить товар оптом, подешевле, не надо тратить бешеные деньги на обогрев уличной палатки...

Литвинов. На прошлом «круглом столе» прозвучали цифры, что у нас едва ли не в пятьдесят раз меньше предприятий, фирм, торговых точек, чем в США. За прошедшее время их число увеличилось, а станет еще больше. И это нормальный, естественный процесс...

КРЫЛАТЫЕ САНДАЛИИ

Ведущий. Мне хотелось бы вернуться к разговору двухгодичной давности. Мы говорили тогда о том, можно или нет верить честному слову партнера и об этике бизнеса в более широком смысле.

Новосельцев. Мне кажется, что мы излишне идеализируем этику буржуазного бизнеса. Они почестнее, конечно, чем мы, работают, но у них тоже есть и необязательность, и мелкое жульничество... Я считаю, объективные факторы формируют этику. Сейчас спрос на посредничество, розничную торговлю. Туда лезут кто попало и пытаются сорвать (и срывают!) приличный куш, не особо заботясь о порядочности. Но когда будет жесткая конкуренция среди посредников — повысится этика деловых отношений. Сейчас можно

обмануть и продолжать работать дальше. А завтра — вряд ли...

Смагин. Этику деловых отношений я бы связал с культурой общества. Маленький пример. Вы все бывали за границей и замечали, вероятно: где написано «частное владение», туда никто посторонний не зайдет. А у нас, наоборот, все стараются идти туда, где вход запрещен. Скажите, человек, который не соблюдает никаких правил на улице, в семье или в коллективе, может ли он вести нормально бизнес, вовремя обеспечить поставки, гарантировать сделку? Очень сомнительно...

Новосельцев. Я согласен. И в этом смысле крайне незитичными выглядят решения нашего правительства, Верховного Совета, которые так изменчивы и непредсказуемы...

Герасименко. А никто не задумывался, для чего нужны сандалии с крылышками Меркурию, богу торговли?

Веровенко. Чтобы быстрее до покупателя добраться?

Герасименко. Нет. Для того, чтобы грязь облетать...

Ведущий. Может быть, «антиэтика» бизнеса у нас от юридической безграмотности: люди, занимающиеся предпринимательством, зачастую не знают, как составлять деловые бумаги, просчитать сделку, грамотно оформить «ноухау»... Коммерческий разговор ведется на уровне «вань-вань».

Смагин. Я бы не сводил все к юридической безграмотности. Хотя весьма существенны в бизнесе и образованность партнеров, и их интеллигентность. Скажите, о чем говорить с предпринимателем, который удивленно открывает глаза на такие слова, как «аккредитив», «коммисонер», «дилер»?.. Это первое. Второе. Мы знаем множество порядочных бизнесменов, которым не нужно до-

скональное знание законов. У них есть классные юристы.

Ведущий. Много ли случайных людей в предпринимательстве?

Герасименко. Очень много, но они никому не мешают. Сорвать куш и смыться — не только неэтично, но и невыгодно. Так никогда не научишься по-настоящему работать в бизнесе. А значит, и не станешь богатым, свободным человеком.

Ступакова. «Облетать грязь» с точки зрения здравого предпринимательства — выгодно во всех отношениях...

БЛАГО ТВОРИТЬ

Ведущий. Когда речь заходит о наших социальных дырах, мы все чаще уповаем не на государственные структуры, а на коммерческие. Порой власти благотворительность чуть ли не клещами «вытаскивают»: откроешь столовую, тогда и мы тебе что-то сделаем... Как вы относитесь к такой ситуации? Не превращается ли подобное «творение блага» в иждивенчество?

Веровенко. Кооператив «Репетитор» (это дюжина преподавателей и я, автор методики) дает государству в месяц налога около миллиона рублей, при средней заработной плате преподавателя от десяти до двадцати тысяч. Каждый из нас, получается, кормит еще около ста человек... Должен же быть конец такой вот «благотворительности»?

Новосельцев. Платить налоги — это обязанность каждого гражданина, а не благотворительность...

Веровенко. Но куда идут эти налоги?! Посмотрите, сейчас паспортистка получает пятнадцать тысяч в месяц, а качество ее работы ничуть не изменилось. Откуда берутся эти деньги? В первую оче-

редь из наших налогов. И уходят они не на детей-инвалидов, не пенсионерам, которые копейки получают, а на чью-то зарплату. Правительство содержит огромный штат чиновников и подкармливает убыточные предприятия!

Герасименко. За рубежом это выглядит иначе: если ты вкладываешь деньги в благотворительность, то платишь другие, льготные налоги... У нас и во времена Рябушинского, Морозова существовали налоги. Правда, в разумных пределах...

Смагин. Как можно заниматься благотворительностью, если Закон о налоге на прибыль прямо говорит: вы можете вычесть из вашего дохода суммы, направленные на благотворительные цели, но не более двух процентов?! Абсурд!

Веровенко. У нас любой благотворительный фонд — кормушка для узкого круга людей — учредителей, их родственников и друзей. Я туда ни копейки никогда не давала и не дам. Предпочитаю благотворительность напрямую. Школе помогаем.

Смагин. Ни для кого уже не секрет, что фонды уставной деятельности занимаются процентами на десять... Главным для них становится коммерция, доходы от которой надежно прикрываются «благотворительностью». А вот приходили ко мне консультироваться предприниматели (очень богатые люди, сотнями миллионов ворочают!), хотим, говорят, больницу построить, а не можем. В два процента прибыли не уложиться. Как быть? Что ж, приходится «искать пути»...

Ведущий. Сергей Александрович, «Форманта» — крупнейшее предприятие в Качканаре. И к вам, вероятно, тоже частенько приходят с просьбами: дай это, дай то...

Новосельцев. Для госпредприя-

тий — обычное дело. То, что мы зовем нынче благотворительностью (прежде — шефская помощь), у нас на порядок лучше поставлено, чем у коммерсантов. Просто мы об этом не кричим на каждом углу. Весь соцкультбыт микрорайона, считай, на балансе предприятия. Благоустройство дорог, дворов — тоже из нашего кармана. Глава администрации приглашает и говорит: надо, мужики, скидывайтесь...

Ахмалетдинов. Недавно ко мне обратилась женщина. Она инвалид второй группы. Оказывается, в нашем районе семнадцать тысяч инвалидов. Из них три тысячи лежачих. Им нужно полтора миллиона рублей, чтобы наладить выпуск колясок. Государству, оказывается, взять неоткуда. Я им дал деньги.

Новосельцев. Под какой процент?

Ахмалетдинов. Без процентов...

-СПОНСОР- ДЛЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

Ахмалетдинов. Помните, в прошлый раз Наташа говорила, что хочет открыть свое косметическое дело. Пусть она расскажет, как ей это удалось...

Ступакова. Долго искала спонсора. Государственные структуры, а я туда обращалась не раз, никак не реагировали. Коммерческие — просто-напросто пытались купить идею, выделяя мне лишь десять процентов... Или закручивали такую процентную ставку, что я «горела» на корню... А в Государственный банк не могла идти — у меня ничего нет под залог, кроме идей.

Ахмалетдинов. В конце концов я ей сказал: «Не майся, дам денег...» Еще пример: академик Ганиев изобрел импульсатор. Экологически чистый, экономичный. На-

шему государству на изобретение, грубо говоря, плевать. Заинтересовались им дельцы из Саудовской Аравии. Я подумал: нет уж, изобретения наших академиков надо самим использовать... Меня спрашивают: зачем вам, коммерсанту, наука нужна? Так сегодня за тысячи долларов отечественные разработки продадим, а завтра миллиарды на этом потеряем. Может, кому-то такая «коммерция» по нраву. А по мне — выгоднее сейчас в науку деньги вложить, чем потом свое же у иностранцев выкупать...

Новосельцев. У нас в городе есть несколько фирм, которые были созданы с нашей помощью. Качканар — город небольшой, но инфраструктуру развивать необходимо. К тому же безработица грядет. Тут как раз создание малых предприятий к месту. Госбанк дает беспроцентный кредит — 200—500 тысяч. В остальном надежда на себя и на предприятие, которое МП поддерживает. Я думаю, что в становлении среднего предпринимательства должны быть особо заинтересованы муниципальные власти. Вы все читали, наверное, про Шохинский район, про Травкина. Не знаю, как там на самом деле, но по публикациям выходит — яркий пример единения частного и общественного интересов!

Веровенко. «Репетитор» — это обучение детей русскому языку. Отовсюду приезжают тысячи детей каждый год. Но до сих пор у нас нет своего помещения. Нас могут выгнать в любой момент из школы... Так дайте нам любую развалюху — школы пропадают! — не бесплатно, но по остаточной стоимости. На аукционе мы не можем купить никакого помещения — нет у нас таких денег... Пошла я с этой просьбой в Москомимущество. А мне говорят: идите на

аукцион. А где я возьму миллионы?

Литвинов. Наверное, необходима государственная программа поддержки частного предпринимательства. Но кто ее составит? И кто будет решать, что тот достоин поддержки, а другой нет? Ведь недавний указ Бориса Николаевича Ельцина об организационных мерах по развитию малого и среднего бизнеса фактически не подкреплен никаким исполнительным механизмом.

...ПЛЮС ВАУЧЕРИЗАЦИЯ ВСЕЙ СТРАНЫ

Герасименко. Какая может быть приватизация без Закона о частной собственности?! Разрешено было приватизировать небольшой группе людей по остаточной стоимости. За копейки! Прошло время, и это «приватизированное имущество» продается по более высокой цене. Обратите внимание — сейчас очень много зданий стоят вроде бы на ремонте. Они просто «ждут» новой цены.

Новосельцев. Обвальная приватизация... Тут очень много недоработок. Несовершенство законов, колоссальное количество злоупотреблений. Хотя у нас в городе внешне все выглядит вполне пристойно: сначала объявление — через месяц конкурс. Участие принимают все желающие. Какой там на самом деле расклад — вопрос другой... Госпредприятия после акционирования (не важно по какому варианту) превратятся в акционерные общества, которые будут безраздельно владеть землей под этими заводами, всеми основными фондами. Владельцами станут и трудовой коллектив (20—50 процентов акций), и государство (20 процентов). Остальное — в свободную продажу... Реальная возможность для кого-то стать хо-

зяином предприятия. Вот вам она, частная собственность.

Смагин. Сегодня существует четкий, определенный порядок приватизации. И слава Богу! Иное дело, что порядок этот не всем и не везде выгодно блюсти. Но это уже тема другого и долгого разговора... Я проработал в юридическом центре Госарбитража больше года. И мы буквально через день помогали решать дела по приватизации. Хотел бы добавить: согласен, что у нас нет плановой приватизации, многое делается впопыхах. Но было бы куда хуже, если бы вообще ничего не делалось.

Ведущий. Ну, а ваучеры — это что такое?

Герасименко. Не верю в эту авантюру, но все равно десять — двадцать ваучеров куплю. Это мне не накладно, но вдруг поможет. А такое объединение, как, допустим, «Менатеп», скупит их десятками тысяч. Мы сейчас видим только верхушку айсберга. Что там, под водой, не знаем...

Ахмалетдинов. Лучше, если бы сказали: на ваучер ты получишь пятьдесят квадратных метров земли. Было бы ясно, что этот кусок стоит 10 тысяч рублей. А на 800 ваучеров я бы купил четыре гектара, построил бы там завод. Вот он уже был бы моим.

ТАМ, ЗА ГОРИЗОНТОМ...

Ведущий. Теперь давайте «сыграем в блиц». Короткие вопросы, короткие ответы. Итак, первый вопрос: кому сегодня живется легче — частному предпринимателю или директору госпредприятия?

Ахмалетдинов. Предпринимателю проще...

Новосельцев. Вас-то никто не заталкивал в предприниматели и хотя вам бывает тяжело, и на стенку лезете, но это ваша личная проблема. Теперь возьмите дирек-

торов госпредприятий. Им нынче тяжело, а адаптироваться для большинства практически невозможно — сейчас нужны иные качества, чем те, которыми они обладают. Раньше ценилась исполнительность, теперь инициативность. Раньше — личная преданность, сейчас — нестандартность мышления...

Ведущий. А кому в бизнесе сложнее — мужчине или женщине?

Веровенко. Я не из тех женщин, что ворочают десятками миллионов, — перед такими я преклоняюсь. Мои заботы можно сравнить с заботами директрисы небольшой школы. И ей в несколько раз тяжелее, чем мне, потому что у меня-то «школа» частная. А вообще предпринимателем в нашей стране может быть только герой Джека Лондона...

Ведущий. Какие, на ваш взгляд, направления в отечественном предпринимательстве наиболее перспективны?

Герасименко. Посредничество, конечно.

Ахмалетдинов. Посредничество всегда остается лишь посредничеством. Я ратую за производство...

Ступакова. Например, выпуск стройматериалов для частного сектора будет весьма выгоден.

Новосельцев. Я считаю, что все производство, связанное с агропромышленным комплексом, прибыльно, и очень... Розничная торговля тоже будет развиваться.

Смагин. Убежден: каждый найдет свою нишу. То ли это будет посредничество, то ли производство.

Веровенко. Я считаю, что мой бизнес — обучение детей — всегда нацелен в будущее...

Записал

ВИТАЛИЙ СВЕТОВ.

Фото ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

*Когда весь жар, весь холод был изведен
и я не ждал, не помнил ничего,
лишь ты одна коснулась звонким светом
моих дорог и мрака моего.*

*В чужой огонь шагнула без опаски
и принесла мне пряные дары.
С тех пор иду за песнями запястий,
где все слова значимы и добры.*

*Моей пустыни холод соловьиный,
и вечный жар обветренных могил,
и небо пусть опустятся с повинной
к твоим ногам,*

прохладным и нагим.

*Побудь еще раз в россыпи сирени,
чтоб темный луч упал на сарафан,
и чтоб глаза от радости сырели,
и шмель звенел,*

и хмель озоровал.

На свете нет весны непереносимой:
в палящий зной поляжет, порыжев,
умрут стихи, осыплются осины,
а мы с тобой навеки в барыше.

Кто, как не ты, тоску мою утешит,
когда, листву мещая и шумя,
щемящий ветер борозды расчешет
и затрещит роса, как чешуя?

Я не замерзну в холоде декабрьском
и не состарюсь в темном терему,
всем гулом сердца, всем моим дикарством
влюбленно верю свету твоему.

Все деревья, все звезды
мне с детства тебя обещали.

Я их сам не узнал.
Я не думал, что это про то.
Полночища, умища, черная пчелка печали,
не сердись на меня.

Посмотри на меня с добротой.
Как чудесно и жутко

стать сразу такими родными.

Если только захочешь, всю душу тебе отворю.
Я твержу, как пароль,

каждым звуком хмелящее имя,
я тревожной порой опираюсь на нежность твою.
Не цветными коврами

твой путь устилала усталость,
окаянную голову северный ветер сечет.

Я не встречу с тобой. Я с тобой никогда
не расстанусь.

Отдохни в моем сердце, покуда стучится еще.
Задержишься хоть на миг — ты приходишь с таким
опозданием.

Пусть до смертного часа осветит слова и труды
каждый жест твоих рук,

обожженных моим обожаньем.
Чудо жизни моей, я в долгу у твоей доброты.

ВЕЧНАЯ МУЗЫКА МИРА — ЛЮБОВЬ

Вечная музыка мира — любовь,
вечное чудо любви...

Льющимся пламенем в люльке лесов
славят весну соловьи.

Молодость — злюка, молю, замолчи!
Люdiam к лицу доброта.

Весь шар земной, весь род людской,
шута и гения — вначале
колени матери качали
с надеждой, верой и тоской.

Природа женщины сама —
стыдливость, жертвенность и шалость —
в них упоительно смешалась,
сводя художников с ума.
Спасибо видящим очам!
Я в греховодниках не значусь,
но счастье мне дарила зрячесть,
и я о том не умолчал.

Не представляю слаще лон
и, как на чудо Божье, плююсь,
как соком плод, как ветром парус,
они наполнены теплом.
Досталось мне и стуж, и гроз,
но все сумел перетолочь их,
когда, голая сквозь чулочек,
лучило нежное зажглось.

Пусть хоть сейчас приходит смерть,
приму любое наказание,
а если выколют глаза мне,
я стану звездами смотреть.
Они мне рай, они мне Русь,
волчком добрым льну и лащусь,
уж сорок лет на них таращусь,
а все никак не насмотрюсь.

Не горюй, не радуйся —
дни пересолили:
тридцать с лишним градусов
в Иерусалиме.

Видимо, пристало мне
при таком варьянте
дуть с друзьями старыми
бренди на веранде.

Лица близких вижу я,
голосам их внемлю,
постигая рыжую,
каменную землю —

ублажаю душеньку.
Дай же Бог всем людям

так любить друг друженьку,
как мы ныне любим.

Чую болью сердца я:
розня и равняя,
Муза Царскосельская —
всем нам мать родная.

Все мы были ранее
русские, а ныне
ты живешь в Израиле,
я — на Украине.

Смысл сего, как марево,
никому не ведом.
Ничего нормального
я не вижу в этом.

Натянула вожжи и
гнет, не отпуская,
воля нас — не Божия,
да и не людская.

==

Во мне проснулось сердце эллина.
Я вижу сосны, жаб, ежа
и радуюсь, что роща зелена
и что вода в пруду свежа.
Не называйте неудачником.
Я всем удачам предпочел
сбежать с дорожным чемоданчиком
в страну травы, в отчизну пчел.
Люблю мальчишек, закопавшихся
в песок на теплом берегу
и — каюсь — каждую купальницу
в нескромных взорах берегу.
Благословенны дни безделия
с подругой доброй средь дубрав,
когда мы оба, как бестелье,
лежим, весь бор в себя вобрав.
Мы ездили на хутор Коробов,
на кручи солнца, в край лесов.
Он весь звенел от шурких шорохов
и соловьиных голосов.
Мы ничего с тобой не нажили,
привыкли к всяческой беде.
Но эти чащи были нашими,
мы в них стояли, обалдев.
Уху варили, чушь пороли,
ловили с лодки щук-раззяв
и ночевали на пароме,
травы на бревна набросав.

БОРИС ЛАСКОРИН:

Академик ЛАСКОРИН — один из старейших русских ученых, многие десятилетия занимающийся проблемами экологии, председатель комиссии РАН по охране природных вод, почетный член Международной инженерной академии, заслуженный изобретатель Российской Федерации.

**“ЕСЛИ ВМЕСТЕ-
ВЫЖИВОМ”**

— Борис Николаевич, в правительственной программе углубления экономических реформ есть маленький раздел, касающийся экологии. Его можно изложить несколькими словами: на первом этапе переходного периода экологическая ситуация ухудшится. Причины — недостаток средств на защиту природы, разрушение хозяйственных связей, рост аварийности производств, несовершенство законодательства... Сколько продлится этот «первый этап», в программе не уточняется. Но куда хуже? Вот уже от грибов люди умирают. Специалисты не советуют употреблять волжскую рыбу, астраханские помидоры. По улицам многих городов, в том числе и Москвы, в пору ходить в противогазе.

Неужто все так безнадежно? Почему обязательно должно быть хуже?

— Когда мы собирались на дискуссию с иностранными учеными, в частности с представителями Римского клуба (это международная организация, объединявшая прогрессивных деятелей мира — ученых, бизнесменов, политиков, которая пыталась влиять на экологическую судьбу планеты), то пришли к выводу, что плановое хозяйство — вот та основа, которая позволит улучшить экологию в мире. Стихийное, неплановое ведение хозяйства затрудняет использование отходов, отработавших агрегатов, машин и так далее. Такова точка зрения, которую отстаивали наши ученые, экономисты, в том числе и биологи, технологи. Представители Римского клуба согласились с тем, что плановость — в широком понимании этого слова — позволит решать вопросы экологии более эффективно.

— Рассказывают, что Токио,

где когда-то устанавливали на улицах кислородные аппараты, сейчас один из самых чистых городов мира, хотя у них нет плановой экономики.

— Но что понимать под плановостью? Если иметь в виду доведенные до абсурда формы планирования, что были приняты у нас, — это одно дело. Должен быть более гибкий план, позволяющий оперативно приспосабливаться к явлениям во внешнем мире. (Здесь уместно вспомнить южнокорейские «пятилетки», приведшие к процветанию страны. Но это отдельная тема...) Вероятно, в Японии свободный рынок не исключает разумное государственное планирование. Думается, мы не всегда правильно интерпретируем мир капитала. Недавно я был в ЮАР, обсуждал с тамошними учеными проблемы комплексного использования минерального сырья. И убедился: никакого «капитализма» в нашем стереотипном понимании в данных вопросах нет. Когда дело касается использования больших национальных ресурсов — это решается на государственном уровне. Можно назвать такую практику госкапитализмом? Но элементы госкапитализма есть в любой высокоразвитой стране! Иначе они не могли бы создавать наукоемкие производства, новые технологии, технику.

— В последние годы «зеленое» движение как-то затихло, вам не кажется?

— Я бы так не сказал. Движение начиналось как чисто бытовое...

— Когда по требованиям общест-венности закрывались заводы, останавливались стройки и никто не нес за это ответственности?

— Доля правды в ваших словах есть, тем не менее большинство заводов было остановлено

правильно. Но я хочу сказать о другом: «зеленое» движение перешло на более высокий уровень развития, от обывательского оно начало подниматься к научно-техническому. Взять ту же атомную энергетику. Огульная борьба с ней в значительной степени заблуждение «зеленых». Но мы хорошо помним, чем оно было вызвано... А сейчас и «зеленые» начинают понимать, что хорошо организованная и надежная атомная энергетика приносит меньше вреда, чем самые совершенные тепловые и в особенности гидравлические станции. Например, каскад ГЭС на Волге и Днепре принес максимальный ущерб окружающей среде. Кроме того, что водохранилища затопили плодородные земли, они стали крупными грязедепозитами, что приводит к вырождению всех гидробионтов. Недаром волжскую рыбу в ряде мест не рекомендуют есть... Потому что накопление токсичных примесей начинается с зоофитопланктона и идет дальше по всей цепочке гидробионтов. Многие энергетики вели себя как донкихоты. Они боролись с «ветряными мельницами», вместо того чтобы совершенствовать ветряные двигатели, создавать новые типы ветроэлектростанций, осваивать разные источники возобновляемой энергии.

— В Крыму, по соседству с закрытой АЭС, работает экспериментальная гелиостанция. Но уж очень дорога там энергия!

— В самой начальной стадии развития и атомная энергетика была очень дорогой. И эта высокая стоимость осталась бы, если б АЭС уделяли так же мало внимания, как теперь — ветро- и гелиостанциям.

— Не только внимания, но и средств!

— Конечно, нужны капитало-

вложения. Но они будут оправданы: нетрадиционные способы получения энергии имеют большое будущее. Мы же пока пользуемся самыми варварскими методами.

Сжигаем огромное количество органического топлива — ценнейшего сырья для получения важных материалов. Причем кпд этих станций очень низкий.

— Как у паровоза?

— Зачастую ниже.

— Еще вопрос относительно «зеленых». Возникший дефицит лекарств, бытовой химии, многих других видов продукции — это ведь результат их действий по закрытию производств?

— Несправедливо относить дефицит на счет «зеленых». Лекарства и мыло исчезли совсем по другим причинам — хозяйственным и хозяйственно-политическим.

Прежние структуры только на словах провозглашали заботу о человеке. В поле их внимания были производственные программы, а о защите природы забывали. Даже те средства, которые выделялись для этих целей, не использовались или использовались не по назначению. К сожалению, «зеленым» не всегда удавалось добиться успеха. Вопиющий пример — Байкальский ЦБК. По этому комбинату был принят ряд правительственных решений — об усовершенствовании технологии, переходе на замкнутую систему водоснабжения, переводе ТЭЦ с твердого топлива на газ. Наконец, по настоянию ученых и при содействии «зеленых» еще во времена Косыгина было принято постановление о перепрофилировании комбината. Ни одно решение не выполнено! Почему? Явное недопонимание общих глобальных проблем защиты окружающей среды. Хозяйственники смотрели на

комбинат с очень узких позиций. Мол, стране нужна кордная целлюлоза, и ее якобы больше нигде производить. Однако если взвесить все экономические факторы, то окажется, что байкальская целлюлоза дороже любой другой. Я уж не говорю о том, что не учитывалась уникальность самого Байкала.

— Борис Николаевич, я недавно был на Байкале. Закрытие комбината, как того требуют «зеленые», — это фактически закрытие города Байкальска. Это значит тысячи безработных, беженцев из мирного города. А так ли уж велика опасность? В Байкальске самые лучшие в мире очистные сооружения...

— Конечно, проблема острая. Но откалывать ее решение дальше нельзя.

Никакие самые совершенные очистные сооружения не защитят Байкала. Ведь в него сбрасываются высокотоксичные органические соединения, тяжелые металлы, в том числе ртуть, фенол, хлорфенол — комбинат пользуется каустиком, полученным ртутным методом. Комбинат и сейчас продолжает причинять ущерб уникальному озеру. Теперь говорят: если перейти на натронный способ варки целлюлозы, то все будет в порядке. Ничего подобного! Этим способом пользовались еще в начале века. Некоторое улучшение технологии, которое ни в коей мере не решает экологической проблемы.

— Если такая ситуация на уникальном озере, то что говорить о «рядовых» водоемах? Значит ли это, что мы идем к верной катастрофе?

— Я бы так не сказал. Сейчас стало модным в порядке самобичевания говорить о том, как у нас все плохо по сравнению с Европой, Америкой, в том числе и по

части экологии. Но как раз пример Запада должен послужить нам хорошим уроком, как нельзя развивать промышленность. При всех экологических бедах мы все-таки купаемся в Волге, Днепре, Москве-реке. В Рейне, Эльбе во многих районах купаться опасно. И наши реки могут дойти до такого состояния, если не принять мер.

— Каких именно?

— Главное — ликвидация сбросов неочищенных сточных вод, переход всех отраслей на замкнутое водоснабжение. Наша комиссия по охране природных вод работает над этой проблемой более двадцати лет. За это время в нашей стране удалось добиться увеличения замкнутого водооборота в промышленности с 55 до 85 процентов. Причем есть масса примеров, когда такое коренное изменение технологии дало солидный экономический эффект.

— Но вода-то у нас бесплатная.

— Это крупная экономическая ошибка, которую необходимо срочно исправлять. Вода считалась неким даром, который можно брать сколько угодно. Такое отношение — основная причина всех недостатков в технологических схемах и процессах. Но даже если считать воду бесплатной — это еще не повод уничтожать основу жизненных качеств природных вод. Почему я говорю именно о воде? Это самое распространенное вещество на планете. От его качества зависит качество жизни человека, всей флоры и фауны. Ведь и сама жизнь зародилась в воде... Самый крупный — как экономический, так и экологический — ущерб приносят сточные воды: стопроцентной очистки нигде в мире не существует. Если еще учесть, что химия поставляет все новые и новые вещества... Ча-

сто не успевают установить ПДК для всех новых появляющихся вредных веществ, для многих новых смесей. Кстати, в том, как устанавливались эти ПДК, существовал и произвол. Многие нормы не обосновывались научно, а диктовались хозяйственной обстановкой и другими далекими от науки обстоятельствами.

— Тут можно вспомнить закрытое письмо главного санврача бывшего Минздрава СССР, где он рекомендовал продавать астраханскую осетрину «населению», но не допускать ее в Кремль и на Старую площадь...

— Да, партию осетрины забраковали на внешнем рынке, и Минздрав сделал такое заключение... Обоснование: народ мало ест осетрины, большого вреда не будет. Если ставить вопрос шире, у нас вообще очень плохо обстоит дело с контролем продуктов питания. Едим тяжелые металлы, нитраты... По радиоактивности, правда, контроль налаживается, но не систематически и не везде.

— А что мы пьем?

— Из всех экологических проблем острейшая — качество питьевой воды, особенно в промышленных городах. Именно она «стимулирует» многие серьезные заболевания, в том числе сердечно-сосудистые. Давайте же разберемся в том, что происходит у нас с водой.

Норма потребления, например, в Москве — 550 литров в сутки на человека. Сколько идет непосредственно на питье, приготовление пищи? В сто раз меньше. А остальное — на мытье полов, окон, стирку белья и т. д. Необходимо уточнить само понятие «питьевая вода». Это для внутреннего потребления. Все остальное для наружного и других коммунальных целей. Соответственно должны

быть разные нормы. Кроме того, очистить столь большой объем — 550 литров — до идеального состояния экономически нецелесообразно и необязательно для хозяйственных нужд. Получать по-настоящему чистую воду для питья возможно будет только тогда, когда мы разделим коммунальное водоснабжение на воду питьевую и воду для хозяйственного потребления. Заодно мы сможем поставить в особые условия источники собственно питьевой воды, использовать новые технологические процессы ее подготовки. Разумеется, и нормы чистоты для них должны быть совершенно разными!

Я много раз выдвигал эту идею, но реальной поддержки почему-то не получал... А технически она легко разрешима. Небольшой приборчик возле крана для дополнительной очистки (вроде известного «Родника») — вот и все. Между прочим, в некоторых странах даже в гостиничных номерах стоят такие приборчики.

— Для защиты природы (а точнее сказать, человека) несколько лет назад был создан специальный орган — Госкомприроды. С его появлением связывалось немало надежд. Но они не оправдались. Сейчас на его базе создано министерство экологии и природных ресурсов. А что изменилось после смены вывески?

— К сожалению, Госкомитету не дали тех полномочий, которыми, как настаивала наша комиссия и другие организации, он должен был обладать. По нашему убеждению, его место — над всеми промышленными ведомствами. А он вошел в состав Совмина и играл роль подчиненную. Комитету приходилось приспосабливаться к решениям Совмина, выполнять его указания. То же самое можно отнести и к нынешнему министер-

ству экологии. Но у него вдобавок появился новый страшный враг — сепаратизм. Уже не только бывшие республики, но и области, отдельные регионы, крупные центры получают полную самостоятельность. Я не против самостоятельности, если за ней не стоит полный разрыв связей, в том числе и по части экологии. Например, Днепр оказался на территории трех государств — России, Беларуси, Украины. А кто должен нести ответственность за весь бассейн Днепра? Неясно... Во всяком случае, не одно же российское министерство. Эта проблема стала в разряд межгосударственных. Не грозит ли Днепру судьба Дуная, протекающего по территории нескольких государств? Или Балтийского моря? То, что я видел несколько лет назад на Дунае, внушает серьезную тревогу. А ведь те страны в отличие от наших сотрудничают более тесно.

— Кроме объединения усилий, нужно, по-видимому, и согласованное экологическое законодательство.

— Но у нас даже в одном отдельно взятом государстве очень мало внимания уделяется выработке законоположений по экологии. А в развитых странах экологию тесно увязывают с экономикой. Например, если японское предприятие усовершенствовало или построило новые очистные сооружения, оно получает налоговые льготы. Кредитование природоохранных объектов идет в первую очередь. Я уж не говорю о том, что при новом строительстве на экологическую экспертизу выделяется в десятки раз больше средств, чем у нас.

— Опять мы упираемся в средства...

— Распространенный ошибочный взгляд — будто защита природы стоит очень дорого. Наоборот, только там, где совершенствуются все технологические процессы, то есть активно защищается окружающая среда, может быть нормальная экономика. Допустим, речь идет об использовании минерального сырья. Можно хищнически «вырвать» самые богатые участки месторождений и получить одноразовый экономический эффект, решить частные хозяйственные задачи. Но если думать об экономической перспективе, есть только один путь — комплексное использование. А значит, экологически чистое. Я бы так сформулировал: здоровая экология — это здоровая экономика.

Вот живой пример из моей практики. На первом этапе развития урановой промышленности использовались методы производства, традиционные для цветной металлургии. При тех способах создание экологически чистого производства было невозможным либо действительно требовало колоссальных капиталовложений. А вот внедрение принципиально новой технологии (абсорбция из пульпы) позволило создать замкнутый процесс, полностью прекратить стоки и выбросы во внешнюю среду. Одновременно был решен ряд экономических проблем. Например, резко, в несколько раз, уменьшились энергетические затраты — расход пара, энергии, воды. Кроме того, благодаря новым принципам производства использование сырья стало комплексным: кроме урана, мы стали получать из руды ценные металлы — молибден, медь, вольфрам — и более полно использовать геологические запасы. Позже

этот метод нашел широкое применение в цветной и черной металлургии, других отраслях. Вместе с «урановым проектом» родился также общий принцип замкнутого водоснабжения. Конечно, какие-то первоначальные капиталовложения в новую технологию требовались, но они окупались очень быстро.

— Почему же в правительственной программе экономика и экология как бы противопоставляются?

— Мне это не совсем понятно. Нашу комиссию к ее разработке не привлекали. Вообще в последнее время крупных государственных программ мало — ограничиваются советами отдельных ученых и специалистов. Если раньше Академия была инициатором многих экологических программ, то нынче осталась как бы в стороне. Это — отражение общей ситуации в стране. Переход к новой системе хозяйствования сопровождается рядом ошибок, среди которых одна из серьезнейших — ослабление внимания к развитию науки. Хотя все здесь взаимосвязано: оздоровить экономику без науки невозможно. А попытка экономить средства за счет науки приведет к еще большему ухудшению экологической ситуации.

— Осенью прошлого года работники Пушинского научного центра провели митинг на Старой площади. Речь там шла не о зарплате (несмотря на то, что она мизерная), а об общем бедственном положении академических институтов. Уменьшается финансирование, свертываются важные разработки...

— В обращении к российским властям ученые совершенно спра-

ведливо отметили: ни Верховный Совет, ни правительство ни разу не ставили вопрос о состоянии науки — как фундаментальной, так и прикладной — в связи с реформами; не выработали программу, обеспечивающую нормальную работу ученых. Чего только там не обсуждалось! Кроме положения в науке. Не нашлось достойного места науке и в правительственной программе углубления экономических реформ... Хотя в самое последнее время наметились некоторые перемены.

— Но тут можно предъявить претензии к ученым-депутатам.

— Да, это была их прямая обязанность — подготовить вопрос о судьбе и развитии науки в новой ситуации.

— Среди срочных мер, направленных на нормализацию природопользования, в правительственной программе упомянута приватизация природных ресурсов. Но как можно приватизировать природу?

— Здесь необходимы уточнения — нельзя абсолютизировать этот принцип. На мой взгляд, не может идти речи о приватизации, скажем, тюменских нефтяных месторождений, якутских алмазных, крупных золотодобывающих предприятий и других, имеющих общегосударственное значение. Они не могут стать частной или даже региональной собственностью. Тем более что правильное, комплексное их использование связано с крупными капиталовложениями, сложными научными и техническими разработками. Такое под силу только государству. А вот отдельные мелкие и антропогенные месторождения было бы полезно приватизировать. Кстати, у государства до них все равно

«не доходят руки», а вот частных можно было бы заинтересовать в их разработке.

— Что такое антропогенные месторождения?

— Это огромные терриконы вокруг угольных шахт, горы отвалов у обогатительных фабрик и различных предприятий, свалки — источники для вторичной переработки. Вполне реально извлекать там ценные продукты с помощью артелей типа старательских. Если, конечно, заинтересовать людей.

Неизбежна ли экологическая катастрофа? Независимо от деятельности человека постоянно происходят изменения в биосфере. Но это очень длительный и естественный процесс. Поэтому экосистемы успевают приспособиться к новым условиям жизни.

Антропогенная же деятельность ускоряет процессы в сотни и тысячи раз. Причина известна: экономика — не только наша, но и мировая, — часто строится без учета природных закономерностей. Перед человечеством стоит глобальная задача — привести свою деятельность в полное соответствие с объективными законами развития биосферы. Надо создавать экологически чистые технологии, скольких бы усилий это ни потребовало. Иначе любая экономика лишена смысла: кому она будет нужна на вымершей планете?

Большинство экологических проблем не по плечу одной республике или государству. Например, Мировой океан — источник всего живого — можно сохранить только сообща. Еще Вернадский говорил: единственный путь уйти от катастрофы — объединить усилия всех стран мира.

— А что касается России?

— У нас улучшение экологии

тесно связано с нормализацией экономики. Одно без другого немыслимо.

Раньше роль объединяющего и координирующего центра играли Академия наук СССР и Госкомитет по науке и технике. С распадом Союза их должен был заменить, по идее, какой-то новый межгосударственный Центр (Российская Академия такие функции выполнять не может и не должна). Создать его не смогли или не захотели. А сепаратизм в науке, особенно при решении проблем защиты окружающей среды — страшная вещь. Он способен существенно повлиять на развитие каждой из бывших республик. Границ в науке быть не должно.

**Беседу вел
ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВ.**

ДАНИИЛ МОРДОВЦЕВ

ВОНЬКА

КАН

Рисунок ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

Каким только именам, каким лицам не дает судьба права на историческое бессмертие!.. Но как ни парадоксально, есть в этом историческая же справедливость, ибо они — неотъемлемая часть своего времени, а стало быть, и всего хода истории, каждое столетие которой можно уподобить огромному строению со своими «подвалами» и «верхними этажами», а одно без другого не живет.

Восемнадцатый век — это не только реформы Петра, блеск и пышность императорских дворов, открытия Ломоносова, походы Суворова. Восемнадцатый — это и век Пугачева, и век Ваньки Каина. «Емельки» и «Ваньки» — одна статья, одного поля ягоды, но если о первом за два столетия скопилась огромная библиотека, то о втором знаем мы до обидного мало, а из малого этого — больше по изустным преданиям да лубочным книжкам; и хотя в сознании нашем Ванька Каин утвердился скорее как имя нарицательное, но психологию, по «содержанию» своему фигура эта не менее, если не более, любопытная: он и вор, и сыщик, он и зверь, и охотник, он гуля кабацкая, он и щеголь записной. И везде артист! Даже по *живучести* собратцам своим Ванька Каин даст фору: «Пугачевых» в наше время, слава Богу, не видеть, а вот «Каинов», прости Господи, проклевываются, поднимаются, и, как в старину говаривали, укороту дать покуда, видно, некому. Вот и подумашь: в какую эпоху «Ваньку» ни сунь — жить будет. Но при всем при том не случайным кажется, что жизнь и, если позволено так выразиться, деятельность Ваньки Каина приходится на время дворцовых переворотов...

Так ли, иначе, но, публикуя сегодня забытый исторический очерк Даниила Лукича Мордовцева (1830—1905), мы предоставляем современному читателю возможность побольше узнать о том, как воровали, мошенничали, разбойничали, опутывая все круговую порукой, как гуляли и веселились ответные головушки, которыми Русь не бедня была во всякие времена.

И еще одно тут приходит в голову. Жизнь нашего Каина — сплошной детектив, приключения, фантастика (в том смысле, что трудно поверить), а местами и «крутой боевик». Но вот что обидно: в свое время с треском, с шумом, со свистом и гиканьем прокатился по нашим экранам французский разбойник Картуз... А про Ваньку своего забыли!.. Быть может, эта публикация послужит некоторым утешением?

По документам сыского приказа выходит, что Каин родился в 1718 году, в Ростовском уезде, в селе Иванове, в крестьянском семействе, принадлежавшем гостинной сотни купцу Филатьеву. Тринадцати лет привезен был Ванька в Москву на господский двор, где, по-видимому, вся обстановка его жизни сложилась так, чтобы выработать из крестьянского мальчика тип «удалого добра молодца», только не «понизового разбойничка», не «бурлаченку вольного Поволжья», а гражданина «матушки — каменной Москвы».

В жизнеописании Каина он сам рассказывает о причинах и начале своих воровских походов, рассказывает со собственными его оригинальной, чисто народной речи прибаутками, рифмованными пословицами и ловкими загадочными сравнениями:

«Чего ради вздумал встать поране и шагнуть от двора его (т. е. купца Филатьева) подале? В одно время, видя его спящего, отважился тронуть в той же спальне стоящего ларца его, из которого взял денег столь довольно, чтобы нести по силе моей было полно; а хотя прежде оно на одну только соль и промыш-

лял, а где увижу медь, то пальчиком лизал, и оное делал для предков, чтоб не забывал. Висящее же на стене его платье на себя надел, и из дому тот же час не мешкав пошел; а более затем поторопился, чтоб он от сна не пробудился и не учинил бы за то мне зла».

Это пролог к воровской, полной приключений жизни.

Был у Каина уже учитель будущего его ремесла — солдатский сын Петр Камчатка. Познакомился он с ним, как обыкновенно знакомились «удалые добрые молодцы», в «царевом кабаке», который всегда был неизбежною деталью в жизни каждого такого разбора героя. Камчатка и объяснил Каину, что жизнь дворового, жизнь подневольная, может быть заменена жизнью вольною, разгульною, хоть тоже подчас холодною и голодною, но по своей воле. Это жизнь бродяги, площадная, уличная.

Уходя с первой добычею из дома купца, Ванька написал у него на воротах: «Пей воду, как гусь, ешь хлеб, как свинья, а работай черт, а не я!»

(После первого воровства «подвиги» Каина пошли споро, кроме удивительной дерзости, обнаруживая недюжинную находчивость. Обокрав священника, Каин переоделся в его же кафтан, смекнув то обстоятельство, что по ночным московским улицам ходить не дозволялось никому, кроме полиции и духовенства. В этом одеянии и явился Каин в воровское гнездо, под Каменным мостом, где и признан был как «нашего сукна епанча», а так как ему не сиделось и душа, что называется, горела, едва дождавшись света, отправился на промысел. Дальше — собственный его рассказ. — А. К.)

«Пошел я в город Китай, где попал мне навстречу того же дома г. Филатьева человек и, ничего не говоря, схватя, привез меня обратно к помещику в дом. В то же время прикован был на дворе медведь, близ которого и меня помещик приковать велел, где я 2 дня не евши прикованный сидел, ибо помещик кормить меня не велел. Токмо, по счастью моему, к тому медведю девка ходила, которая его кормила, а по просьбе моей и ко мне тихонько приносила; между тем сказала, что помещик наш состоит в беде: ландмилицией солдат в гостях в холодной избе, т. е. мертвым брошен в колодезь. Потом помещик мой взял меня в покой к себе и, скинув все платье, сечь меня приказал; тогда я ему сказал: «Хотя я тебя ночью, немножко окрашив, попугал, и то для того, чтоб подолы ты спал», и, не дожидаясь более, тотчас старую песню запел: сказал «слово и дело», отчего он в немалый ужас пришел. В то же время случился там полковник Иван Иванович Пашков, который говорил ему, чтоб более меня не страдал, а куда подлежит отослал; причем я ему и еще то же песню подтверждал, чтоб, не продолжая времени, в «Стуколов монастырь», сиречь в «тайную», где тихонько говорят, отослал».

«По прошествии ночи, поутру, в полицию меня представил, где к той песне еще голосу я прибавил, ибо она для ночи не вся была допета, потому что дожидался света. В тот час драгуны ко мне подбежали и в тот монастырь, куда хотел, помчали, где по приказу секретаря меня спрашивал: «По которому пункту ты за

собой сказывал?», коему я говорил: «Что ни пунктов, ни фунтов, ни весу, ни походу не знаю, а о деле моем тому скажу, кто на том стуле сидит, на котором собачки вырезаны (т. е. на судейских креслах). За что этот секретарь бил меня той дощечкой, которую на бумагу кладут (т. е. линейкой). На другой день, поутру, граф Семен Андреевич Салтыков, приехав, приказал отвезти меня в замшону баню (т. е. в застенок, где людей весят, сколько потянет), в которую сам взошел, где спрашивал меня: «Для чего-де я к секретарю в допрос не пошел и что за собой знаю?» Я, ухватя его ноги руками, стал ему говорить: «Что помещик мой подчивал ландмилицких солдат деревянными кнутами, т. е. цепями, что рожь брющжат, из которых солдат один на землю упал. То помещик мой, видя, что оный солдат по-прежнему ногами не встал, дождавшись вечера, завернул его в персидский ковер, что соль весят (т. е. куль), и снес в сухой колодезь, в который сорсыпают, а секретарю для того не объявил, чтобы он левой рукой Филатьеву не написал, ибо и в доме у своего помещика его часто видал». Граф приказал дать мне, для взятъя помещика, пристойное число конвою, с которым я к помещику своему приехал. Пришли к тому колодезю, из которого мертвого ландмилицкого солдата вытащили; почему взяли г. Филатьева и привезли в Стуколов монастырь. Граф спросил меня: «Был ли при том убийстве господин твой?» Я сказал: «Какой на господине мундир, такой и на холопе один. Сидор да Карп в Коломне живет, а грех да беда на кого не живет? Вода чего не поймет, а огонь и попа сожжет».

Неизвестно, чем кончилось пребывание Каина в тайной канцелярии и долго ли он там сидел. В автобиографии его скромно сказано: «После, в скором времени, дано мне было от оной тайной канцелярии для житья вольное письмо, которое получа, я в Немецкую слободу пошел».

Явившись в Немецкой слободе, Каин идет туда, куда тянет его инстинкт, в народный клуб — в кабак. Там он находит друга своего Камчатку и еще четырех молодцов. Сочиняется новый план воровской экскурсии. С товарищами вместе идет Каин на Язу, к придворному доктору Елвиху, к самому дворцу. Воры тайно входят в сад, пробираются в беседку. Сторож, заметивший их и спросивший, что они за люди, делается их пленником; его связывают и допрашивают, как им удобнее войти в дом доктора. Сторож указывает окна. Воры вырезают из рамы стекла, отворяют окно и входят прямо в спальню доктора, которого видят спящего рядом с женою. Коноводит всем Каин. Он взбирается на подоконник и скидает с себя сапоги, чтобы не разбудить спящих, и при этом с эпическим спокойствием прибавляет: «Видя их разметающихся неопратно, закрыл одеялом, которое сбито было ими в ноги». Это уже удайство мастера, своего рода, артистическая дерзость.

Из спальни Каин идет в другие комнаты, пробирается в детскую и, найдя там спящую девку, на вопрос ее, зачем они пришли, отвечает: «Пришли в дом купцы для пропалых вещей». За Каином входят в дом товарищи его, вяжут эту девку и кладут на кровать — «в средину того доктора и докторши», а сами

между тем приговаривают: «Бей во все, колоти во все и того не забудь, что и в кашу кладут».

И действительно, воры ничего не оставляют, забирают с собой всю серебряную посуду несчастного доктора.

Со своей шайкой Каин снова выходит на Язу, переправляется через нее на плоту, но, увидев за собою погоню, обрубает канат, на котором ходил плот, и ведет банду к Данилову монастырю, где у них уже есть заручка — дворник монастырский, который и принимает от них краденые вещи.

Затем готовится новая экспедиция. Каин ведет товарищей в Немецкую слободу, к дворцовому закройщику Рексу — как видно, Каин знает, где лучше пожива: все практикуется около придворных, и притом немцев. Воры подготовили это нападение заранее: один из товарищей Каина, Жаров, с вечера забрался в дом Рекса, проскользнул в спальню и засел у него под кроватью.

Экспедиция удается как нельзя лучше: Рекса обирают тысячи на три и уходят. За ними погоня. Воры хватают бегущего за ними человека, ведут к Язуе, связывают, бросают в лодку и читают наставление: «Если станешь много говорить, мы заставим тебя рыбку ловить». Отталкивают лодку от берега и уходят в безопасное место.

Через несколько дней новая экспедиция, еще более удавшаяся. Шатаясь по Красной площади, Каин встречает давнишнюю свою знакомую, дворовую девку своего помещика, Авдотью, которая когда-то кормила его и медведя, когда они были привязаны близко один от другого. Авдотья говорит ему, что у нее на руках барские комнаты с деньгами и пожитками. Спустя несколько дней Каин приходит на двор какого-то Татищева, который стоял рядом с домом его помещика, и, перекинув через забор нарочно принесенную с собой курицу в огород, стучится в ворота. На вопрос, зачем он стучится, Каин отвечает, что его курица залетела в их огород и просит пустить его туда для поимки. Его пускают. Ловя курицу, он высматривает местность, откуда удобнее пробраться в комнаты своего помещика, и потом идет к своим товарищам. Ночью они забираются в дом, «трогают обухами сундуки», выбирают из них серебро, деньги, шкатулки и ухарски при этом приговаривают: «Тяп да ляп — клетка, в угол сел — и печка». Делается в доме тревога — «мелкая раструска», как выражается Каин. Воры бегут и около Чернышева моста, где была «великая тина», бросают покраденные вещи в грязь и пробираются к дому генерала Шубина, схватывают из этого дома человека, «что по ночам в доску гремит», т. е. сторожа; говорят ему, что около их дома пьяный лежит, и, когда сторож хочет идти к указанному месту, хватают его, заворачивают ему на голову тулуп и завязывают ему рот. Затем входят в двор Шубина, выводят из конюшни лошадей, закладывают их в «берлин» и едут на фабрику Милютина, где берут знакомую им бабу, сажают ее в «берлин», едут к Чистым прудам к одному купцу, пробираются на чердак, достают оттуда женский барский убор, наряжают бабу барыней и снова едут к Чернышеву мосту, где брошены ими в грязь деньги и столовое серебро. Въехали в грязь,

скидывают у «берлина» колеса, велят мнимой барыне выйти из «берлина» и кричать на них, как на слуг. Барыня кричит, а они таскают в «берлин» из грязи краденые вещи, надевают колесо, снова едут далее и, бросив «берлин» с лошадьми у денежного двора, берут барыню под руки, ведут ее на квартиру к Каину, который жил в то время у «запечного мастера», и, наградив деньгами, отпускают домой.

Полиция, узнавши о пропаже у Филатьева, хватает возлюбленную Каина, Авдотью, допрашивают ее «под битьем кошками», не имела ли она с ворами «подвоху» или какого разговору, но она запирается во всем и получает свободу.

Проходит время. Каин встречается ее уже замужем и отпущенною на волю. Она замужем за рейтаром Нелидовым. Каин ведет ее в питейный дом, приносит туда шкатулку с драгоценными вещами, украденными у Филатьева, и, предупредив ее, чтобы она берегла тайну, идет с нею в ее квартиру знакомиться с ее мужем, говорит ему, что он «не вор, не тать, только на ту же стать», гуляет с ним допьяна, потом снова идет на промысел, обирает дом какого-то шорника, возвращается к рейтару, делится с ним деньгами, говоря своей бывшей возлюбленной: «Вот тебе луковка попова, облуплена, готова, знай почитай, а умру — поминай», затем идет домой и задумывает далекое путешествие.

Москва, видимо, надоела Каину. Надо попытать силы подальше — изведать волюшки на Волге, с понизовой вольницей.

В шайке Каина всего только шесть человек. Они идут из Москвы к Макарьеву, надеясь на богатую пожизну во время ярмарочного съезда.

И вот шайка в Макарьеве, на ярмарке. Каин ведет ее к так называемому «армянскому амбару», где были товарные склады. Утром хозяин уходит на базар, а Каин велит одному из своих товарищей следить за ним и при проходе мимо гауптвахты закричать «караул!». Услыхав крик, караульные солдаты берут на гауптвахту и армянского купца, и Каинова товарища. Каин и остальные товарищи бегут вновь к амбару, извещают о задержании под стражею армянина его товарища, который оставался при амбаре. Этот последний, заперев амбар, спешит на гауптвахту. Остается только вломиться в амбар и взять армянскую кассу. Деньги зарывают в песок тут же, подле амбара. Находчивость Каина поразительна: он спешит на пристань, покупает лес, лубья, ставит на том месте, где зарыты деньги, шалаш; покупает затем тесемок, мошенок и прочей мелочи, развешивает все это в шалаше и изображает из себя купца. Но коммерция его продолжается только до ночи: ночью деньги перетаскиваются на квартиру к товарищам, которые уже успели освободить арестованного на гауптвахте своего соумышленника, а построенная наскоро лавочка бросается на произвол судьбы.

Дерзость Каина не знает пределов. Не довольствуясь армянскою кассою, он забирается в гостинный двор. В колокольном ряду Каин подсматривает, как купцы считают деньги и потом оставляют их в лавке, покрыв циновкой. Он прячется под прилавком и, выбрав удобную минуту, вскакивает в лавку, схватывает из-под циновки кулек, воображая, что в нем деньги. Оказывается,

что в кулке был серебряный оклад. Сидевшая неподалеку торговка пряниками видит Каина с кулком, кричит хозяевам, и Каина захватывают с поличным.

Начинается домашняя расправа. У Каина берут паспорт, самого его раздевают и бьют «железной сутугой». Затем, по выражению самого Каина, накладывают ему на шею «монастырские четки» — стул, заменявший иногда и кандалы, и орудие пытки.

Каин чувствует, что попал крепко и, при всей его находчивости, «не может более сыскать себе к избавлению способу».

Тогда он прибегает к испытанному способу — кричит страшное «слово и дело». Его тотчас же отправляют в контору полковника Редькина, командированного в Макарьев с особым отрядом по сыскным делам. Каина сажают в «каменный мешок», и участь его должна решиться трагически. Но у него есть верный друг Камчатка. Он и выводит его из острога.

Для этого Камчатка покупает калачи, несет их в острог под видом раздачи милостыни, оделяет калачами колодников, а Каину дает два и шепчет в ухо на воровском своем языке: «Триока калач ела, стромык сверлюк страктирила», т. е. в калаче, мол, ключи для отпираания цепи.

Каин достает ключи; план побега готов. Он посылает часового драгуна «купить товару из безумного ряду», иными словами — в кабак за водкой. Выпивает потом «для храбрости красулю», идет в «заход», поднимает там доску, отпирает цепной замок и немедленно скрывается из острога. За ним погоня. «Токмо, — поясняет Каин, — за случившимся тогда кулачным боем, от той погони я спасаю».

Но и тут ему не удается. Преследуемый другой погоней, он бежит в татарский табун и находит там мурзу, спящего в своей кибитке. У того под головою стоит «подголовок». Каин миглом смекает, в чем дело и как действовать. Он привязывает ногу спящего мурзы к аркану стоящей при кибитке лошади и бьет ее колом; испуганная, во всю прыть лошадь скачет с привязанным за ногу татаринном. Каин хватает «подголовок» и находит, что он полон денег. И тут Каин не забывает «спутить шуточку», спрашивая себя: «Неужели татарских денег в Руси брать не станут?» Берет деньги, отыскивает товарищей и, найдя, каламбурирует на воровском своем языке: «На одной неделе — четверга четыре, а деревенский месяц — с неделей десять». Это значило, что разбойников везде ищет погоня.

Как настигаемая собаками стая волков, шайка уходит в поле, на простор. Разбойники переправляются через Волгу, входят в Лысково, переменяют на себе платье и неожиданно натываются на партию драгун. Драгуны бросаются ловить разбойников. Шайка рассыпается, но Камчатка успевает перекинуться со своим другом рифмованною фразою: «Я увижусь с тобой на последнем ночлеге, как буду ехать в телеге».

Каин бежит на Макарьевскую пристань, переезжает вместе с народом за Волгу, спешит в торговую баню, раздевается, выходит на двор и снова натывается на драгун. Он обратно вскакивает в баню, связывает свое платье, бросает его под полук, оставляя на себе только одни портки, и в костюме прародителя

бежит на гауптвахту, где и заявляет караульному офицеру, что в бане у него украли платье, деньги и паспорт. Офицер, видя перед собою нагую фигуру, приказывает прикрыть Каина солдатским плащом и посылает в сыскную канцелярию Редькина. На вопрос Редькина, кто он такой, Каин отвечает, что он московский купец, что в бане он ограблен и потерял свой паспорт, выданный ему из московского магистрата. Каина велют допрашивать формально. «Тебе, друг, муки фунта два с походом (т. е. кафтан с камзолом), — шепчет Каин допроснику-подьячему и приобретает в нем друга.

Но Каину грозит новая опасность. В сыскную канцелярию является тот солдат, у которого из-под часов он уже раз бежал. «Я согнулся дугой и стал как другой», — рассказывает Каин. Солдат не узнает его. Не доверяя, однако, Каину, Редькин приказывает спросить торгующих на ярмарке московских купцов — действительно ли Каин принадлежит к их сословию, но и тут подьячий спасает Каина, отыскав между купцами своего приятеля, который и удостоверяет, что знает Каина как московского купца.

Каин опять на свободе. Мало того, у него в кармане двухгодичной купеческий билет, выданный ему в сыскной канцелярии. Он едет в Нижний, где ожидает встретить своих товарищей, но... встречается со своими врагами — драгунами. Те хватают его «за ворот», называют беглым, несмотря на паспорт сыскной канцелярии, и ведут с собою. Но воровской находчивости Каину не занимать: проходя мимо одного двора и заметив стоящую у ворот кадку с водой, он вырывается из рук драгун, вскакивает на кадку, с кадки на забор, оттуда на двор, в сад, из сада бежит на Сокол-гору, где и находит своих товарищей. «Спасибо Петру, что сберег сестру», каламбурит он, здороваясь с ними и тотчас велит шайке собираться в путь.

Каин снова в Москве. Снова начинается ряд воровских походов. В Нижних Садовниках шайка Каина отыскивает пустую избу, поселяется в ней и в первую же ночь устраивает в своем импровизированном помещении нечто вроде калашного заведения.

Для этого делается «из бумаги оконница», а внутри избы, как только настало утро, удалые молодцы начинают тереть камень о камень, чтобы прохожие думали, что в калашной муку мелют. Камчатка посыпает себе голову мукой, чтобы быть больше похожим на калашника, и высовывается в окно. Увидав проходящего мимо избы мужика с мясом, он подзывает его к себе, покупает мясо и, сказав продавцу, что сейчас отдаст ему деньги, передает мясо товарищам, и тотчас же все уходит из избы другим ходом. Соскучившись ждать, мясник входит в избу и никого в ней не находит. Собирается толпа, мужик сообщает прохожим свое горе, но никто не может ему объяснить: «Люди ль то были или дьяволы с ним говорили и говядины лишили».

Ясно, что такие проделки делали имя Каина все более и более популярным, потому что народ не могла не поражать эта неистощимая изобретательность бесшабашного мошенника.

После проказы с мясником шайка идет в греческий монастырь

и является в келью грека Зефира. Зефир в это время был в церкви, а в келье оставался только работник, к которому воры обратились как бы от имени его хозяина. Они объявляют работнику, что Зефир приказал ему принести в церковь восковых свечей, и едва лишь он собрался уходить, воры хватают его и допрашивают: «Не украл ли он те свечи, а ежели пошутил, чтоб откинул от сундуков ключи».

Каин почти везде объясняется рифмованными каламбурами — в этом его сила, его влияние на товарищей и на массу: гипербола и парабола — самые сильные оружия в руках народных коноводов и пророков, и Каин этим пользуется...

Ограбив келью грека Зефира, Каин взял в числе прочих вещей два маленьких пистолета; они-то и выдали его.

После грабежа шайка отправилась в свой временный притон, находившийся в то время у суконщика Нагибина, и отдала ему награбленное для хранения. На другой день жившая у Нагибина работница отправляется с пистолетами на Красную площадь, чтобы продать их там, и прямо попадает в руки грека Зефира. Тот торгует у нее пистолеты, ведет ее в греческий монастырь, связывает ее там и представляет в полицию. По ее указанию полиция окружает дом Нагибина и арестовывает Каина и товарища его Жарова.

Каин снова под арестом. Снова идут допросы, запырательства, очные ставки. На одной из них Каин говорит Жарову на воровском жаргоне: «Овин горит, а молотильщики обеда просят». Содельник его Жаров понимает: надо подкупить секретаря и по-вытчика.

Между тем Каина кладут и секут плетьюми. Жарова выводят на крыльцо. Таинственные слова, брошенные Каином на допросе, спасают Жарова: в конечном счете он бежит.

Три недели сидит Каин под стражей. Три недели друг его Камчатка ищет средств спасти своего атамана и наконец находит.

К Каину является какая-то старуха и говорит ему: «У Ивана в лавке по два гроша лапти». — «Чай примечай, куды чайки летят», — отвечает Каин. Его снова берут к допросу. Допрос «пристрастный», под плетьюми. Каин и под плетьюми объясняется с начальником полиции метафорически: «Здесь, в полиции, баня дешева, стойка по грошу, лежанка по копейке», — говорит он, намекая на то, что плети — слишком легкая баня и признания не вызовет. Каина ведут в тюрьму. Но верный товарищ его, бесшабашный Камчатка, не дремлет: он подкупает караульного вахмистра; бабу-доносчицу отпускают в баню, она переодевается и исчезает, а вместе с нею исчезает и возможность уличить Каина в грабеже. Его освобождают и отдают на поруки рейтару Нелидову, мужу уже известной нам Дуняши.

Каин снова на свободе, и его вновь тянет на Волгу, к «широкому раздолью». В этот поход он берет с собой шесть товарищей, а у Макарья сталкивается с настоящей понизовой вольницей, с шайкой молодцов в семьдесят человек, предводительствуемой атаманом Михаилом Зарей. Шайка Каина сливается с шайкой Зари — и с этой минуты Каин из горожанина превращается

в поволжского разбойника. Он меняет ремесло вора на ремесло вольного казака и даже называет себя — «донской казак».

Волга, с ее раздольем, с идущими по ней караванами манит к себе разбойников. Они идут в село Работки. Село это, с которым соединено имя Ваньки Каина, около того времени получило историческое значение.

Всем известна любовь императрицы Елизаветы Петровны к Шубину, который пользовался ее расположением, когда она была великой княгиней. По воцарении Елизаветы Шубину пожалованы были разные вотчины, в том числе село Работки, где бывший любимец императрицы и проживал до самой смерти.

В это-то историческое село и является шайка Каина. Управитель села спрашивает их, что они за люди? Каин отвечает в своей манере: «Мы донские казаки, а как увидим деньги, то не подержут их никакие замки».

Уезжая из Работок, разбойники спрашивают случившегося там калмыка, кому принадлежит это село? Получив ответ, что село принадлежит генералу Шубину, разбойники своею воровскою речью дают понять, что они еще навестят вотчину Шубина:

— Неужели у него летней одежды нет, а все ходит в шубе? Ужо будут к вам портные для шитья летних кафтанов.

И шайка направляется снова в Москву, делится там на две партии и располагается по постоянным дворам в Ямской Переславской слободе, живут здесь более полугода и постоянно спрашивают всех приезжающих, не окажется ли кто принадлежащим генералу Шубину. Наконец таковой находится; он называет себя служителем генерала и объявляет, что Шубин наезжает в свою вотчину каждое лето. Это-то и нужно добрым молодцам. Дождавшись весны, они опять предпринимают экспедицию на Волгу. Атаман отправляет Ваньку Каина вперед с двумя товарищами, чтобы они ехали в село Избылец на рекогносцировку — осмотрели всю местность и выбрали убежище для притона.

В Избыльце Каин находит одного знакомого мужика, с его помощью изготавливает четыре лодки и ожидает прибытия остальной артели, по прибытии которой все вместе плывут по Волге к Работкам. Там застают они «торг», но самого Шубина не застают — он на охоте. Разбойники ставят караулы у домов управляющего и приказчика, входят в дом Шубина, берут деньги и пожитки и, взяв с собою управляющего и приказчика, да захватив, кстати, уже знакомого им калмыка, снова садятся в лодки и выезжают из Работок. За ними — погоня. Каин приказывает управляющему и приказчику остановить погоню. Заложники его выполняют приказ — кричат, и погоня останавливается. Разбойники плывут дальше, потом выбрасывают своих пленников на берег, предварительно связав их.

По всему берегу, по обоим сторонам Волги, распространяется тревога. По селам бьют в набат. За Каином посылается команда из отряда Редькина. Разбойники бросают лодки, забирают с собою часть пожитков и скрываются в лесах. Лесами добираются они до Муромы и дают там себе двухдневный роздых. Но весть о них доходит и до Муромы. Тогда они садятся на лошадей и едут к Гороховцу. Местом нового роздыха избирают село Языково на

Суре, где шайка и живет — «в смирном образе»; да недолго.

На Суре стоит торговое армянское судно. Надо его «пощупать». Вся орава кидается к судну. Хозяин приказывает стрелять по разбойникам из ружей; «только тем спасения себе никакого не получил», поясняет в своем рассказе Каин. Разбойники взбираются на судно. Хозяин прячется и велит заложить себя товарами; но водолив указывает место, где спрятался хозяин; того вытаскивают, обыскивают и допрашивают.

Не найдя у своей жертвы денег, разбойники перевязывают купца поперек тонкой бечевкой и, схватив за руки и за ноги, бросают в Суру, придерживая за бечевку, чтобы не утонул. Помучив в воде, несчастного снова втаскивают на судно и начинают пытать. Вдувают «виногор» (огонь), чтобы «сушить» купца. Пытка развязывает язык пленнику, и он отдает разбойникам деньги, пожитки и часть товаров.

С этого «места действия» шайка идет в село Барятино. Там разбойники узнают, что за ними выслана погоня, и потому поворачивают к реке Пьяной, в татарские и мордовские селения, в одном из которых берут лошадей и едут к монастырю Боголюбову, что около Владимира. В монастыре разбойники живут с неделю, на «знакомом дворе» — у Каина везде знакомые, везде и приют...

Из Боголюбова Каина командируют в Москву для приискания квартиры. Он едет с Камчаткой. В Москве они останавливаются в Кожевниках. Камчатка идет на парусную фабрику, так как он на службе был матрос, а Каин едет в Ямскую Рогожскую, где и живет у знакомого ямщика до осени.

В это время и совершается крутой перелом в жизни Каина — перелом, по-видимому, необъяснимый, но, по нашему мнению, совершенно естественный с исторической точки зрения.

Сам Каин так рассказывает об этом:

«Тогда (осенью 1741 года) я ходил по Москве и проводывал воров и разбойников, где кто пристанище имеет, потому что в то время для покупки ружей, пороху и других снарядов в Москву многие партии приезжают, а как о многих сведал, то вздумал о себе где надлежало объявить, а помянутых воров переловить. Идучи по дороге из Рогожской в город, спросил идущих: кто в Москве наибольший командир, коего искать мне велели в сенате. Почему я к сенату пришел, в который в то же время приехал князь Кропоткин, коему подал я приготовленную мною записку, и в ней было написано, что я имею до сената некоторое дело, и хотя от меня та записка и взята была, однако резолюции по ней никакой не получил. По случаю пришел я на двор того князя и, оставаясь у крыльца, ожидал его. Тогда вышел из покоев его адъютант, которого я просил объявления о себе князю; но адъютант столкнул меня со двора. Однако, не хотя я так оставить, пошел поблизости того двора в кабак, в коем для смелости выпил вина и обратно в тот же князя Кропоткина дом пришел. Взошел в сени, где тот же адъютант попал мне навстречу, и я объявил за собою важность, почему приведен был перед того князя, который спрашивал о причине моей важности, и я сказал, что я вор и притом знаю других воров и разбойников не только в Москве.

но и в других городах. Тогда князь приказал дать мне чарку водки и в тот же час надет на меня был солдатский плащ, в коем отвезли меня в сыскной приказ, из которого, как настала ночь, при конвое, для сыску тех людей отправлен я был...

К челобитной (поданной тогда же Каином) приложен был реестр, в котором поименовано 32 мошенника, и в том числе верный друг Каина — Петр Камчатка!..

В тот же день, 27 декабря, сыскной приказ дает Каину 14 человек солдат и подъячего Петра Донского. Каин теперь — лицо официальное! Он становится грозой для своих прежних товарищей.

В первую же ночь он ведет команду в Зарядье, в темный и грязный угол в Китай-городе. Здесь, у Москворецких ворот, в доме протопопа (вот в каких домах были притоны!) забирают до 20 человек воров, вместе с головою их Яковом Зуевым. В Зарядье же, в доме ружейного мастера, берут Николая Пиву с 15-тью товарищами. Близ порохового цейхгауза, в доме дякона, забирают воров и мошенников до 45 человек. За Москвою-рекой хватают 16 беглых солдат и при них ружья и порох; эта шайка собиралась идти в Сыромятники — грабить надсмотрщика Абрама Худякова. Против устья Яузы, на стругу, забирают 7 человек бурлаков с воровскими паспортами... И всюду вместе с ворами и разбойниками забирают и их хозяев, мужчин и женщин, таковых набирается до 20 человек.

На этом, однако, не кончается первая ночная экспедиция. Возвращаясь с поиска, Каин у самых Москворецких ворот велит подъячему и солдатам идти к отверстию в берегу или, как тогда называли, к «печуре». Это было тоже воровское гнездо. В «печуре» находят какого-то человека в лохмотьях, бледного, худого. На плечах у неизвестного накинута нагольный тулуп. Он сидит на земле, а перед ним на скамье лежит какая-то бумага: нищий что-то пишет при свете лучины.

— Берите его! — кричит Каин солдатам.

— Эх, Ванька, грех тебе! — говорит обитатель «печуры». Этот нищий — старый товарищ Каина, беглый солдат Алексей Соловьев. У него страсть вести ежедневно журнал своей воровской деятельности — вот странная жажда бессмертия! Если Цезарь вел свой журнал «*de bello gallico*» или о походах в Германию, то отчего бы товарищу Ваньки Каина не вести своего журнала? Ведь ремесло того и другого — борьба за права человеческие, различно понимаемые людьми. В записках нового московского Цезаря значилось: «В понедельник взято в Всесвятской бане в вечеру 7 гривен... в четверг 50 коп., штаны васильковые; в кузнечной бане взял в четверг рубаху тафтяную, штаны, камзол китайчатый, крест серебряный, на Кожаном мосту 16 алтын...» Таковы «комментарии» московского Цезаря, беглого солдата Алексея Соловьева. В «комментариях» же этих находят список мошенников, и между ними значатся — Ванька Каин и Камчатка!.. Кто знает, может быть, этот список был подготовлен Соловьевым для доноса, может быть, Ванька, проведая об этом и спасая себя, поспешил выдать своих товарищей...

Но в «печуре» еще кто-то шевелится на полатах.

— Берите уж и Степана, кстати! — кричит Каин солдатам. С полатей стаскивают человека лет сорока, в одной рубаше, и присоединяют к остальным пленникам.

И вот невообразимый кортеж перевязанного разнокалиберного народа, человек до полутораста, окруженный солдатами и предводительствуемый Каином, направляется к сыскному приказу...

Сенат прощает Каину его прежние преступления, назначает официальным сыщиком и в бумагах называет «доносителем Иваном Каином». Ему выдается открытый лист для ловли преступников; в помощь дается особая команда. Во все административные учреждения, в военную и полицейскую канцелярии, в сыскной приказ и в подлежащие команды посылаются «для ведома и вспоможения указы».

Каин нанимает себе дом в Зарядье, близ мытного двора. Там же, в особом флигеле, он устраивает покой для отдыха — бильярд, «зернь и прочие разные игры»...

Каждый день Каин со своею командою ходит по московским площадям и церквям, по торговым рядам и ловит крупную и мелкую вороватую птицу. Он забирается во все трущобы, не дает вора покоя и в окрестностях Москвы.

В 40 верстах от Москвы, в дворцовом селе, разбойники грабят старосту, и дворцовая канцелярия предписывает Каину найти грабителей. Через несколько дней Каин берет у Яузских ворот пьяного человека, находит у него 4 фальшивых паспорта и несколько денег и ведет в свой дом. Проспавшийся незнакомец, обманутый словами и обещаниями Каина, объявляет, что принадлежит к шайке, ограбившей дворцовое село, и что товарищи его живут около Покровского монастыря. Каин отправляется туда с командой и захватывает огромную шайку разбойников — в 49 человек, с двумя атаманами, Камазаевым и Медведем. Разбойники винятся во многих воровствах и смертных убийствах; один из них, Савелий Вьюшкин, показывает, что «он бывал во многих партиях, за ним до 70 разбоев, а смертных убийств учинил, сколько числом — того по множеству не упомнит...».

Захватывает Каин и разбойничью шайку атамана Михаила Бухтея и с ним товарищей 72 человека. Те винятся, что разбили Колотсков монастырь, чинили во многих местах воровства, разбой и смертные убийства. В Покровском селе, в банях, Каин берет 35 разбойников. Эти винятся в «разбитии» кашинского помещика Мелистина. Около Васильевского сада Каин захватывает фабричного Андрея Скоробогатова с 17 товарищами. Эти — фальшивые монетки. В Тверской ямской слободе берет вора с образом; тот винится, что обокрал церковь в Старице. В ямской дорогомилловской команда Каина арестовывает 57 разбойников с атаманом Алексеем Лукояновым. На Ордынке берут атамана Лебеда с шайкою, знаменитого вора Замчалку со товарищи — те винятся в краже у компанейщика Демидова 5000 рублей. Потом берут 18, затем 40 человек; эти последние оговаривают еще 170. Лихо хватает Каин и тех из прежних своих соумышленников, которые «из разных мест из-под караула в утечках»...

Но трудовая жизнь сыщика не приносит Каину никаких мате-

риальных выгод. Правда, сыскной приказ ценит таланты своего сотрудника; в поощрение выдают ему 5 рублей награды. Но ничтожная эта сумма могла только раздражить бывшего разбойника, который захватывал сотни и тысячи рублей.

Два года терпит Каин это положение и, наконец, решается напомнить начальству о своих заслугах. Он обращается в сыскной приказ (в ноябре 1743 года) с просьбой, в которой, между прочим, говорит, что поймал он разбойника Якова Иванова, что «Иванов дал ему 15 рублей, чтобы он его выпустил, но он, Каин, не хотя корыстоваться, привел его и деньги, 15 рублей, отдал в сыском приказе, и что теперь он, Каин, для пропитания забрал по разным харчевням всякого харча и хлеба на 12 руб. 40 коп. и потому просит сыскной приказ, чтобы ему дали денег на расплату долгов и вперед на пропитание».

Но, к удивлению, сыскной приказ отказывает Каину.

Отказ этот заставляет Ваньку задуматься. Пройдя через огонь и воду, с головою свежей, с знанием народного быта, сметливый, молодой (ему было тогда 25 лет!), он обдумал свое положение и принялся вырабатывать его так, чтобы оно было и почетно, и выгодно.

Эту новую эпоху своей богатой приключениями жизни Каин начинает с того, что женится. Женитьба совершается так же разбойным образом, как и все, что ни делал Ванька Каин.

Близ его квартиры, когда он еще не был сыщиком, жил отставной сержант, у которого была дочка Арина, по батюшке Ивановна. Каин был знаком с отцом девушки, а с нею, как он сам выражается, «захотел жити еще поближе». Начинается ухаживание. Каин дарит ее подарками, и за эти подарки «попросил у ней нечево, токмо одного от нее получить не мог, кроме как обходились на одних разговорах». Девушка, вероятно, не решается связать свою судьбу с человеком, о ремесле которого она, конечно, догадывалась. Поэтому она и спрашивает своего любезного: «Какой он человек?» Каин, по обыкновению, отвечает прибаутками: «Я купец, где что ни увижу, то куплю, а ежели увижу дешевое, то и ночь не сплю».

Сделавшись сыщиком, Каин возобновляет ухаживание за Ариной. Узнав, что она «имеет охоту идти замуж», Каин приходит к ней и говорит, чтобы она, кроме него, ни за кого не выходила. Но девушка и тут отказала наотрез: о замужестве с Каином она «и слышать не хотела и думать ему о том не велела».

Каин отправляется в сыскной приказ и подговаривает содержащегося там фальшивого монетчика Андрея Скоробогатова, того самого, которого он же и поймал, на допросе оговорить гордую невесту, будто и она знала прежде о делании фальшивых денег, но не донесла о том. Арину берут в приказ, допрашивают «под жестоким битьем плетью», но девушка ничего показать все-таки не может, потому что ничего не знает. Тогда Каин подсылает к ней одну женщину и велит сказать, что, если она пойдет за него замуж, ее тотчас отпустят на волю. Арина и тут остается непреклонной. И вот Каин пугает ее пыткой. Девушка не выдерживает и соглашается. Каин просит начальство не

пытать его невесту, а только наказать кнутом и выпустить на волю. Девушку отдают Каину на поруки, он вручает ее знакомой просвирие «для излечения», а по излечении назначает день свадьбы.

Но и брачное торжество не может совершиться без разбоя.

Жених и невеста в церкви. Приходит священник. Каин подает ему «вечную память». Оказывается, что «память» фальшивая — Каин сам написал ее! Священник отказывается венчать вора и уходит из церкви. Первый раз в жизни Каину становится «стыдно», потому что в церкви много народу — всем хочется посмотреть свадьбу знаменитого Каина, начальника сыскальной команды. Но Каин всегда отличался находчивостью — находчивость не покидает его и тут. Он тотчас же из церкви посылает свою команду «для сыска какого-нибудь священника». Священника ловят, приводят в церковь — и обряд венчания совершен!

Пирует Ванька Каин на своей свадьбе — и опять-таки пирует, как удалой добрый молодец. Он высылает на улицу свою команду и велит хватать всех мимоидущих купцов. Таких невольных гостей набирается сорок человек, и ставят их на дворе. Каин приказывает молодой своей жене насыпать мешок гороху, и с этим свадебным угощением новобрачные выходят к гостям. Купцам подносят на тарелке гороху, и бедные гости должны откупаться от слишком жесткого угощения.

Ясно, что такая личность не могла ограничить свое брачное торжество одним кормлением купцов горохом. Каин ищет популярности, шума, народного говора. После свадьбы он устраивает около мытного двора масляничные горы, которые обессмертили имя Каина в народе и с этой стороны: урочище, где было устроено им народное торжество, до сих пор называется Каиновой горой.

Слава Каина растет. Имя его гремит по Москве. В то же время и экономически он устраивается очень ловко: он знает, что за деньги покупается не только уважение, но даже и любовь, конечно, особого сорта — и он приобретает и то и другое. Каин снова сводит дружбу со своими прежними товарищами — помощниками; сходитя и с секретарями, и с подьячими полицмейстерской канцелярии и сыскального приказа. Он снова становится «удалым добрым молодцем», только под официальной эгидой «доносителя» сыскального приказа.

Накопив денег, Каин покупает себе дом в Китай-городе. В доме этом — две светлицы, которые выходят на улицу. В одной светлице — печь с уступом, украшенная зелеными изразцами; потолок оштукатурен, пол выстлан каменной лещадью. В светлице четыре окна — это помещение для гостей. В другой светлице печь кирпичная, потолок и пол дощатые. Это — семейное помещение, терем. Есть и особая спальня — «коморка». Между светлицами сени бревенчатые с двумя чуланами. На дворе особая блинная изба и конюшня; на улице — лавка. В светлице образа в серебряных и золоченых окладах. В коморке, в ките, образ св. Иоанна Милостивого, с серебряными грифенниками, с убрисом, низанным жемчугом и дорогими камнями. На стенах, обитых травчатой клеенкой, — зеркала в золоче-

ных рамах, печатные картинки с портретом Петра I, к которому Каин питал особое уважение. Вдоль стен стулья, обитые черным трипом. Два дубовых стола покрыты персидскими коврами, один — шелковым, другой — триповым. По отношению к хозяйству, дом у Каина — «полная чаша»: в кладовых посуда оловянная, бывшая в то время в большом употреблении, и фарфоровая; одних тарелок 18 дюжин; в кладовых же запасы сахара «канарского и чаю жулярского». У жены юбки, балахоны тафтяные и обьяринные; душегрейки гарнитуровые с серебряными городками и с золотым позументом. В сундуках хранятся золотые и серебряные вещи — стопы, подносы, чайники, серьги, карманные часы и проч.

Сам Ваня дома щеголяет в суконных сюртуках то макового цвета, то зеленого, в туфлях зеленых, гризетовых, шитых серебром. Есть и портрет Ванькин, перешедший потом в печатные издания: это мужчина средних лет, с густою курчавою бородой, на голове длинные, мягкие, русо-рыжеватые волосы, как гласит предание; лицо худощавое, умное и хитрое, но вообще очень приличное; на лбу морщины — следы дум, страстей и тревог.

У Каина много работы — и он работает неустанно, потому что недюжинная природа этого человека требует дела, требует практического применения богатых сил, к сожалению, злонаправленных.

Каждый день гуляет Каин со своею командой по обширной Москве. То он на Красной площади, то на Крестцах, то на стругах на Москве-реке, то около кабаков. Ваньку окружают его старые друзья, люди разгульные, решительные, на все готовые. Они знают Москву вдоль и поперек; они знают, где ловить и крупного, и мелкого зверя — они сами были этим зверем, и по следу выслеживают добычу. Добыча ловится каждый день — и Каин не ведет ее в приказ, а прежде к себе в дом. Дома у него свой суд, своя пыточная, своя расправа с палачами. Если пойманный идет на предложенные условия, откупается от Каина, его отпускают. Упрямого и бедного преступника, которому нечем задобрить Каина, ведут в приказ. Словно неперемный член приказа и полиции, Каин шныряет там между подьячими почти каждый день. Оттуда он идет в харчевню, угощает подьячих, ложных свидетелей и всех нужных людей. Вечером или гуляет у знакомых, или собирает у себя гостей на вечеринки и попойки. Вечеринки идут в блинной избе. Пускаются в ход карты и нередко — фальшивые деньги. Проигравшимся оказывается помощь залогом вещей и платья. Жена помогает Каину во всем.

Вот главные похождения Каина из этой эпохи. Каин ловит беглого солдата и находит у него выкраденные из сенатской типографии бланки паспортов. Оказывается, что солдат раздает эти билеты «разного звания людям», а сам принимает их от одного помещика. Каин берет и этого помещика, и от него узнает, что тот выдал уже разным лицам до 300 таких паспортов, сам же получил бланки от сенатского сторожа...

После того, на Сретенке, Каин берет пьяного беглого матроса и узнает, как этот матрос и его товарищи грабили купца Горско-

го, одну из его дворовых девок посадили в погреб, а другую убили. Каин ловит и эту шайку.

После беглого матроса берет беглого рекрута и узнает от него, что он отдан был в рекруты «подложно» и что подлог этот сделан был помещиком Милюковым. Каин отыскивает Милюкова, и тот признается, что так же «подложно» им сдано в рекруты до 300 человек!

Из Петербурга бегут в Москву двое служителей компанейщика Замятнина, обворовавшие своего господина. Одного ловят и сажают под караул в корчемную контору, а другой является к знаменитому Каину и просит освободить из-под стражи товарища, обещая за это 300 рублей. Каин берет часть своей команды, едет в корчемную контору, застаёт там спящего подьячего и сечёт его за это плетью («напугал» подьячего, как выражается Каин). Затем берет из-под стражи арестанта и вместе с ним часового, везет их на Царицын луг, на Конную площадь, приказывает кузнецу сбить с арестанта кандалы и, заковав вместо него караульного солдата, отправляет его под стражу в корчемную контору. Обещанные деньги получает сполна.

Заходит Каин в питейный дом и встречает там знакомого ему военного писаря Советова, а с ним какую-то старицу. Советов и старица «напитки пьют»; подносят и Каину, и Советов просит Каина «не осудить его за эту вольность». Ловкий Каин отвечает:

— Живите помирнее... А ты, госпожа монахиня, пошла по матерю, из чего видно, что из тебя будет путь.

Но беглую старицу вскоре ловят и привозят в консисторию. Старица показывает, что она монахиня Страстного монастыря по имени Кинофонтия, что ее сманил из монастыря Советов и в селе Черкизове обвенчался с ней. После допроса ее отправляют «под начал» в Вознесенский монастырь, а Советова требуют в консисторию для ответа. Советов является к Каину и просит помочь ему в этом деле, обещая за помощь 100 рублей. Каин задумывается — дело трудное, но на другой же день надевает офицерское платье, берет с собой несколько человек из своей команды, захватывает также на всякий случай сержанта Ноговицына, который играл в его доме, и все едут к Вознесенскому монастырю. Здесь находят, что проезд в монастырь весь заставлен «господскими колясками». Каин приказывает своему сержанту отогнать от ворот экипажи, говоря, что в монастырь должен скоро приехать граф П. И. Шувалов. Разогнав экипажи, Каин вводит свою команду в монастырь, часть ее из предосторожности оставляет в потаенном месте, а с остальными входит к игуменье в келью и говорит:

— Госпожа игуменья! Что ты долго спишь? У тебя в головах холст, токмо не очень толст! — И объявляет игуменье, что прислан из тайной канцелярии за тем, чтобы взять старицу Кинофонтию. Старицу тотчас же отдают Каину. Он сажает ее в сани и привозит к Советову, говоря на прощание: «Ежели и впредь в другой старице случится тебе нужда, то я служить буду».

Приходит к Каину купец из кружевного ряда и говорит, что отправил из Москвы в Калугу «неявленные товары» (неоплаченные пошлиной), что товары эти на таможенной заставе аресто-

ваны. Каин собирает часть неутомимой своей команды, скачет на заставу, вяжет караульных солдат и возвращается в Москву за наградой.

Через несколько дней является к Каину другой купец из кружевного ряда и объявляет, что близ Немецкой слободы немцы «тянут заповедное серебро и золото». Каин скачет в указанное место с командой и приказывает Волку влезть через слуховое окно на чердак того дома, где тянули золото. Один немец, увидав Волка, хватает его за волосы и откусывает ухо. Каин велит вышибить дверь бревном, входит в дом, берет все золото и серебро, не забыв захватить с собой и инструменты для делания монеты. Живущий по соседству господин, услышав шум, зовет своих служителей, но ловкий Каин предупреждает его: господина стаскивают с галереи, кладут в сани и, сняв с одной ноги сапог, бросают босого в снег на Гороховом поле. Несчастный остается на морозе, поджав под себя босую ногу, а шайка Каина скачет к купцу и получает за инструменты 300 рублей.

В Троицын день, во время народного гулянья, молодцы из партии Каина «пошевелевают в кармане компанейщика Колосова на 20 000 рублей протестованных векселей». Колосов является к Каину и просит помочь ему в его горе. Каин легко отыскивает векселя у своих молодцов, ночью приносит их в дом Колосова, тихонько запирается на чердаке и кладет там векселя за прибитую к стене картину. На другой день Колосов встречается с Каином и спрашивает его о векселях. Каин отвечает, что векселя уже у него в доме. Идут к Колосову. Каин велит маленькому сыну Колосова пойти на чердак и взять векселя за картиной. Понятно, что Колосов смотрит на ловкие штуки Каина как на какое-то чудо, и выносит ему мешок с деньгами. Каин спрашивает, сколько у него людей, и, получив в ответ, что человек до 16, отсчитывает из мешка 16 рублей, на каждого по рублю, а остальные берет себе.

Купец Бабкин просит Каина разыскать украденные у него 4700 рублей. Каин находит вора и возвращает деньги хозяину. Скупой Бабкин дает Каину за труд 50 рублей; Каин отказывается и заявляет об этом в сыскном приказе. Бабкина берут в приказ, где несчастному пришлось, как выражается Каин, «поговорить с присутствующими и секретарями помирнее и со мною против прежнего получше»...

Со второй половины 1744 года Каин становится личностью всесильною на Москве. Если бы он захотел, то силу его почувствовала бы и вся Россия. Каин знает эту Россию до костей. И в умной голове этого чада своего века создается гениальный, с точки зрения вседоносящего и всеворующего общества, план.

В сентябре этого года Каин является в сенат и предъявляет сенаторам следующее:

— Я, Каин, в поимке воров и разбойников крайнее всегда старание прилагаю и впредь питать буду, и о таковых злодеях, где они жительство и пристань в Москве и в других местах имеют, проводываю через таковых же воров и с ними знакомство имею, и для того я с ними принужден знаться, дабы они в том от меня потаёны не были, а не имея с ними такого обхожденья,

таких злодеев сыскивать невозможно. Притом я, Каин, такое опасение имею, что когда каковые злодеи по поимке где будут на меня о чем показывать, не приведен бы я был по оговорам их к какому истязанию.

Сенат поддается на уловку Каина — и простой вор превращается в общественную силу.

Сенат торжественно объявляет вору и мошеннику, чтоб он продолжал отыскивать воров и мошенников без всякого опасения.

Этим распоряжением сената Каин покупает себе нечто равносильное папской непогрешимости: доносы на него товарищеворов становятся не опасными для Каина; он может теперь действовать очертя голову — и сенат никому не поверит, потому что сам решил не верить никому, на Каина доносящему.

Но и этого уже мало. Он становится ненасытным — обаяние силы толкает его еще дальше, словно Цезаря через Рубикон. И Каин переходит через подъяческий Рубикон. Через месяц он является в сенат и напоминает, что поймал более 500 воров и мошенников, что в Москве их еще много, но что, по неимению инструкции о сыске и поимке воров, ему чинится немалое препятствие из тех мест, где оные злодеи имеют свои воровские пристани, а от командующих вспоможения не имеется. Ловкий Каин просит сенат дать ему инструкцию и объявить о том в Москве по командам, «чтобы в сыске и поимке воров ему препятствия не чинили».

И сенат снова попадает на такую грубую уловку — Каину вручают буквально диктатуру над всей Москвой! Никакая власть теперь не вправе ослушаться Каина: всякое ослушание становится государственным преступлением, и ослушники должны быть «жестoko истязаны без всякого упущения».

Но именно тут, в зените своего могущества, Каин и теряет все, что успел приобрести его воровской гений.

Он столкнулся с другою силою, которая и погубила его. Это та сила, с которою не могли сладить и такой гений, как Никон, и такие сильные цари, как Алексей Михайлович и Петр Великий. Сила эта — раскол.

Каин, обезумевший от власти над бедным народом, над подъячими, над ворами и разбойниками, вздумал пойти против раскола.

В 1745 году издан был указ о сыске лжеучителей и еретиков с назначением в Москве особой «раскольниковей комиссии». Каин находит это обстоятельство очень удобным для расширения своей деятельности и, кроме воров и мошенников, открывает поход против раскольников. Сначала дела идут удачно. Каин в своих поисках по городу начинает заходить не только в кабаки и трупщобы, но и в дома богатых раскольников, силою отбирает у них детей и отводит к себе на дом. Отцам и матерям арестованных детей приходится выкупать их у Каина. Не довольствуясь целой командой молодцов, которые по знаку Каина идут в огонь и в воду, он входит в стачку еще с двумя ловкими дельцами, собственно по раскольниковым делам — с крестьянами Федором Парыгиным и Тарасом Федоровым. Вместе с ними он неутомимо

рыскает по городу, забирается в дома богатых людей, объявляет о себе, что он сыщик тайной канцелярии и молодцы его — сыщики. При этом обыкновенно требуются деньги, и если получается отказ — то страшает ночным посещением «гостей» из тайной конторы.

Эти рыскания едва не доводят Каина до Сибири; но, как видно, час его еще не пробил.

Каин узнает, что у богатого крестьянина Еремея Иванова племянница состоит в расколе. Надеясь сорвать с раскольников взятку, он является к Иванову. Иванов денег не дает. Тогда Каин и товарищи начинают его бить, разбивают лавочный ящик, вынимают из него деньги, берут всякую рухлядь и уводят с собою племянницу, а к дому Иванова ставят караул.

Девку отводят не в раскольниковую комиссию, а к Каину на дом. Там ее истязают плетью, добиваясь признания в том, что она раскольница и что дядя ее тоже придерживается раскола. При этой экзекуции присутствует и супруга Каина Арина, приговаривая: «Бейте ее гораздо!» Мало того, она советует несчастной повиниться или хоть что-нибудь показать на дядю. «Скажешь — легче будет и бить не станут»... Но истязуемая только кричала и ни в чем не созналась. На другой день Каин со своими молодцами опять является в дом Иванова.

— Молись Богу — я племянницу твою Афросинью освобожу.

Иванов сунул Каину 20 рублей. Афросинья освобождается. Иванова же Каин ведет рассчитывать в харчевню и получает от него деньги при харчевнике.

— Молись Богу! — снова успокаивает Каин свою жертву, — А то бы я твою племянницу и тебя свел в тайную контору.

В опьянении от сознания своей власти Каин совершенно теряет голову и уже не хоронит концов своих проделок.

Иванов и харчевник доносят об этих проделках тайной конторе, и Каина с Парыгиным и Федоровым арестовывают. Последние сознаются во всем, Каин — ни в чем. У Парыгина вырезают ноздри и ссылают в Сибирь, Федорова — в Оренбург в работы. Каин и тут выскочил! Тайная контора делает о нем такое постановление: «Хотя бы он подлежал жесточайшему наказанию кнутом и дальней ссылке, однако же, дабы впредь в сыске разбойников и воров и прочих подозрительных людей имел он крепкое старание, того для, оное ему ныне оставить; а дабы те его воровства вовсе ему упущены не были и впредь бы от такого его воровства и от прочих тому подобных продерзостей имел он воздержание и предосторожность, учинить ему, Каину, в тайной конторе наказание: бить плетью нещадно и, по учинении того наказания, объявить ему под страхом смертной казни с подпискою, ежели впредь сверх должности своей явится в каких-либо хотя наималейших воровствах и взятках, то уже поступлено с ним будет по силе указов ее императорского величества без всякого упущения, а чтобы впредь к воздержанию его от всякого воровства и в сыске подозрительных людей невинным разорения не имело быть, иметь над ним, Каином, наблюдательство».

Как же подействовали на него «внушения» тайной Конторы? А как с гуся вода! Он отлежался, полегчился и взялся за прежнее:

в сыскай приказ водил ежедневно пойманных мелких воров и мошенников, а сам между тем со своими товарищами занимался воровством.

Неудивительно, что Каин, захватив в свои сильные руки гегемонию воровского дела в первопрестольной столице России, становится как бы родоначальником нового разбойного цикла. Вместо уменьшения воров и разбойников, он, напротив, начинает страшно плодить их.

С весны 1748 года, помимо повальных грабежей и разбоев, Москва начинает гореть со всех концов. Горят сотни, тысячи домов; горят церкви, монастыри, народ горит сотнями... Москва выбирается из домов и живет за городом лагерями. Загораются сами собой нежилые дома, сарай, даже заборы. Являются подметные письма. Полиция ловит поджигателей...

Паника переходит в Петербург. Петербург оцепляют пикетами из гвардейских полков. В Москву командируют генерал-майора и премьер-майора лейб-гвардии Преображенского полка Ушакова. В Москву вводят войска... Вот до чего довела воровская гегемония безграмотного Ваньки Каина!

А Ванька между тем продолжает свое дело. Он по-прежнему мошенничает и грабит. Но в корне силы его подорваны... Он уже не командует Москвой и всеми ее воинскими командами, как командовал в течение трех-четырёх лет. Команды Ушакова его не слушаются и таскают всех разбойников и подозрительных людей не к Каину, а к Ушакову. На сцену являются новые деятели — и они даже не знают в лицо Каина. Мало того, новые команды начинают бить Каина.

10 июня, часов в 10 утра, Каин идет мимо мытного двора, где находится царев кабак («фортина»). Поравнявшись с окнами «фортины», Каин слышит голос целовальника: «Караул! Караул! Казну грабят!» Каин вбегает в кабак и видит, что солдаты ломают стойку, где хранится выручка. Он начинает унимать солдат, а солдаты бросаются на него и бьют. Он выхватывает у одного из них пшагу, защищается ею и убегает в дверь. Из кабака Каин бежит в караульную и заявляет о происшествии караульному офицеру Головину. Тот выхватывает из рук Каина пшагу, велит своим солдатам наклонить его за волосы — и бьет Каина пшагою по спине. Потом ему связывают назад руки, прикрепляют веревкою за ноги к приказному крыльцу и велят бить батогами в продолжение часа!

Вырвавшись от Головина, он подает на него жалобу в сыскай приказ. Там осматривают пострадавшего Каина: «Оказалось — избит был порядочно, спина вся синяя и багровая, плечи и руки все в синих пятнах».

Наконец, Каин сам себя губит — он глубоко падает в общественном мнении удалых добрых молодцев. Через месяц после битья его Головиным Каин выдает своего лучшего друга и учителя — Петра Камчатку.

Что заставило Каина предать Камчатку — остается неразъяснимым, тем более что тот в последние годы значительно остепенился и добывал себе хлеб работой сначала на железных заводах Демидова в Калужской губернии, а потом в Москве, «на береж-

ках» и на Балчуге; кормился он также и тем, что скупал в лавках медные кресты и иглы и продавал по деревням.

Каин встретил друга на Балчуге — когда тот шел к празднику в Новоспасский монастырь — и представил в сыскай приказ. Камчатку допрашивали и пытали. Но он ничего не показал на Каина, его погубившего. В декабре 1748 года Камчатка наказан был кнутом и сослан в Оренбург в вечную работу.

С этого времени Каин теряет доверие и в начальстве, и в кругу своих товарищей. Отшатнулись от него и чиновники сыскай приказа и полиции, которых он мог предать так же, как предал верного друга.

Но такую народную силу, как Каин, выросшую на благодатной почве истории, нелегко было сломить сразу.

...За Никитскими воротами, в собственном доме, жил солдат Коломенского полка Федор Тарасов Зевакин. У него была хорошенькая 15-летняя дочка. Девочка ходила иногда на вечеринки к знакомой солдатке Федосье Савельевой, где ее и увидел Каин. Девочка ему понравилась. Он носил ей лакомства, а чаще всего старался угостить пивом или вином. Но девочка отказывалась от всех предложений Каина, а отец ее начал что-то замечать.

Но вот 17 января 1749 года в доме возлюбленной Каина является знакомая им женка Авдотья Степанова. Это была та Дуняша, которая, когда в доме первого господина своего Ванька привязан был подле медведя, кормила потихоньку и медведя, и Ваньку... Теперь Дуняша шепчется о чем-то с дочерью Зевакина — и в тот же день девочка пропадает из дому. Отец бросается к знакомым — никакого слуху. Старик вспоминает ухаживания за девушкой Каина — и кинулся искать его. Он посылает к жене Каина двух женщин; те, по знакомству, стараются выпытать от нее, где Каин был накануне, что делал, куда ездил; и как ни осторожна была жена Каина, однако проговорила, что слышала, будто муж ее увез какую-то солдатскую дочь от Никитских ворот, но куда — неведомо. Ловкие бабы расспросили и прислугу: работница Каина рассказала, что солдатскую дочь Каин да банщик Иван Готовцев увезли в село Павилено... Там, по словам народной песни, «девица и обесславилась».

Мы сказали, что сила Каина была надломлена другою, уже более неподатливою историческою силой — раскольниками. Это были скопцы, которые не раз показывали, какой это могучий, хотя невидимый рычаг в общественном строе русской жизни.

Вот что рассказывает сам Каин о своем столкновении со скопцами.

В один из дней попадаетея ему на улице бесчувственно-пьяная женщина. Баба, под влиянием винных паров, рассказывает за собою «важное дело», и Каин ее арестовывает. Протрезвившись, женщина объявляет о себе, что она купеческая жена, Федосья Яковлева и что ей известны некоторые раскольники, «которые собираются на богомерзкое сборище». Каин берет от купчихи письменную об этом записку, своеручно ею составленную и запечатанную, и в тот же день относит к советнику тайной канцелярии Казаринову. Прочитав записку, Казаринов велит взять Каина под караул. Но Каин не только не позволяет

арестовать себя, но и напускает на Казаринова своих молодцов. «Мои товарищи, — говорит он, — пошевелились в его покоях так, что в окнах стекол мало осталось». Напуганный Казаринов после этого говорит с Каином уже «посмирнее» и спрашивает его — кто писал эту записку. Каин отвечал: «Я писать не умею, а кто писал, тот в доме у меня остался».

Казаринов берет с собою Каина и едет к генерал-аншефу и сенатору Василию Яковлевичу Левашову, который управлял тогда Москвой. Поговорив с Левашовым, Казаринов отсылает Каина домой. Но ночью является к нему полковник Ушаков, тайной канцелярии секретарь и два офицера с командой в 120 человек. Каин рассказывает, что он «пришел в ужас» и принужден был «свою команду потревожить». В один момент у Каина явилось 45 человек солдат, да сержант, «да черного народу хорошего сукна тридцать».

Отпирают ворота. Ушаков и секретарь входят к Каину. Секретарь берет Федосью Яковлеву в особливую каморку, «дует ей на ухо» и, посадив с собою в «берлин», едет с ней на Покровку, где команда тайной канцелярии арестовывает купца Григория Сапожникова и отправляет в тайную канцелярию. Там говорят с Сапожниковым «против шерсти», и в ту же ночь, по показанию Федосьи Яковлевой, ставят караулы еще в 20 домах. На другой день берут в Таганке купца Якова Фролова и его малолетнего сына. Последнего Каин везет к себе в дом, а прочих отправляет в тайную канцелярию.

Каин, по своим соображениям, начинает допрашивать малолетнего Фролова: «Где живет Андреюшка немой и с кем он говорит?» (раскольник этот выдавал себя за немого). Юный Фролов признается, что Андреюшка с теми говорит, «кто их сборищу согласен», а жительство имеет за Сухаревой башней. Посланные арестовывать Андреюшку узнают, что он, вероятно, почуяв грозу, ускакал в Петербург, куда и отправляют за ним нарочного. Андреюшку привозят в Москву, отправляют в «не мшоную баню» (так называлась иногда «дыба» или пыточная изба, иногда виселица: «палаты не мшоны и не вершоны»). В «не мшонной бане» его «взвешивают», «а сколько весу в нем оказалось, того знать мне было не можно», заключает свой рассказ Каин.

Это-то и было столкновение Каина со скопцами, которое и погубило его.

При императрице Анне Иоанновне впервые слишком явно обнаружилась и привлекла внимание государства давнишняя скопческая секта: знаменитое дело сборищ Ивановского монастыря вывело на сцену некую Акулину Иванову, родоначальницу раскольников «богородиц». Сметливый ум Каина тотчас догадался, что для его ловкости здесь открывается новое, обширнейшее поле деятельности; не зная хорошенько всей серьезности этого дела, он поторопился ускорить подозрения властей, начал делать захваты самые наглые, брать со своих жертв выручки самые щедрые, не предчувствуя, что это самое прикосновение к делам раскольниковым, а тем более к скопческим — всего скорее могло и должно было его погубить.

«Немой Андреюшка», о котором говорит Каин, — это и есть знаменитый Андрей Селиванов, тогда только еще «немой убогой», кривой, а вслед за тем — родоначальник нововоскресшего в России скопчества, а потом он же «государь Петр III Федорович», один из первых самозванцев с именем Петра III, и следовательно — предшественник Пугачева.

Во время Каина Андрей Селиванов днем ходил по Москве в образе кривого, а ночью собирал около себя «сборища людей Божиих» и действительно жил за Сухаревой башней, действительно в доме той Федосьи Яковлевой, которую Каин поднял на улице в пьяном виде и которая прятала у себя «Андреюшку».

Сам Андрей Селиванов в сочинении своем «Страды» рассказывает об этом так: «И жил я в доме у жены мирской, у Федосьи Яковлевой грешницы (она, как мы видели, запивала). У ней в подполье там и жил: она меня приняла, а свои не приняли. И они же и привели к ней в дом команду солдат». Они — это Сапожников и Фролов. «Андреюшку» сослали в Сибирь, и он по дороге принял «большое оскотление», а из Сибири с торжеством возвратился в Петербург... Но это уже другая история.

Итак, столкновение с расколом, и особенно со скопчеством, богатым средствами мщения, и столкнуло Каина в пропасть: тут он затрагивал уже не воров только и не мошенников, не гол кабацкую, а «граждан», богатых и приличных по всей видимости. Те же, которых он не успел захватить — а таких было больше, чем захваченных, и они были сильнее пострадавших, — не могли простить ему и повели под Каина верный подкоп.

Раскольники, конечно, сделали то, что сначала раскольников комиссия, за нею сыскной приказ и тайная канцелярия, а наконец и полиция с воинскими командами, словом, все представители государственной власти постепенно переходят от недоверия к Каину к ожесточению против него, а потом к преследованию. Припомнились тут, конечно, и страшные пожары, истребившие тысячи домов в Москве, припомнились и поджигатели, бывшие друзья Каина. И вот в сознании легко поддающихся масс «Каин» превращается в «окаянного», в проклятого. Припоминается и то, что был «страстен до женщин».

К довершению всех зол из Петербурга в Москву присылается новый генерал-полицмейстер Татищев. Кто знает, не проведена ли была и сюда тонкая нить мщения скопцов? Полагают, что Федор Тарасов Зевакин, у которого Каин увез дочь, был брат того Тарасова, который ездил за «Андреюшкой» в Сибирь, чтобы освободить его... Как бы то ни было, но едва Татищев явился в Москву, как тотчас же приказал арестовать Каина по делу о похищении дочери Тарасова и тотчас же донес об этом самой императрице.

Арестованный Каин, все еще не потерявший веры в свою силу, на первом допросе отвечает всякий вздор, думая отделаться по-прежнему. Но Татищев приказывает посадить его в погреб, кормить очень мало и никого к нему не допускать.

В первый раз в жизни Каин не выносит такой муки, особенно когда Татищев приказал подать «кошек». Он кричит ужасное «слово и дело»!

Это было 1 февраля 1749 года. На этом дне Каин кончает рассказ о своей богатой впечатлениями жизни. Но Каин умалчивает о многом горьком в ней, особенно о том ее периоде, когда он уже потерял все свое обаяние и сидел в тюрьме. Об этом досказывают за него архивные дела.

Едва произнесено было «слово и дело», как Каина тотчас отправляют в контору тайной канцелярии. Там его допрашивают. Каин объявляет, что «слова и дела» за ним нет, что он закричал его из страха умереть от изнурения в сыром и холодном погребу, в который посадил его Татищев. Тогда канцелярия, по принятому порядку, определяет: «За ложное сказывание «слова и дела» Каина бить нещадно плетью; по учинении наказания, для следования и решения в показанных на него из полицмейстерской канцелярии воровствах, отослать опять туда же».

И вот Каин опять в ненавистных руках Татищева. Татищев снова сажает его под строгий караул. Со всех сторон к Татищеву идут доносы на Каина.

Выхода больше нет — спасения ждать неоткуда: надо было давать последний ответ за свою так рано погубленную жизнь. Каину было всего тридцать лет.

И он обещает Татищеву рассказать всю истину.

Ему дают немного отдохнуть и полечиться после плетей в тайной канцелярии. 24 февраля Каин является к допросу.

Он не щадит никого — ни полиции, ни сыского приказа, ни раскольниковой комиссии; мелкие, громкие и даже очень громкие имена пестрят в длинном списке участников дел и походов Каина. В числе взяточников стоят советник Боейков, сенатский прокурор Щербинин и граф Сергей Алексеевич Шереметев. Татищев считает необходимым донести об этом императрице.

Ясно, что вся московская администрация замешана в сообщничестве с Каином; он всех опутал одной петлей; всю Москву, начиная от крупных и мелких властей и кончая голью кабацкой, как бы заставил признать его своим атаманом. Все это так и сквозит в донесении Татищева Елизавете Петровне. Исповедь Каина представляют на усмотрение императрицы и вновь забирают целые массы лиц, на которых указывал Каин в своем покаянном списке.

25 июня 1749 года состоялся именной указ за собственноручным подписанием императрицы. На основании этого указа отрешаются от должностей все прежние заподозренные чины сыского приказа, а на их места назначаются другие, именно: Богданов, князь Горчаков, Алексей Еропкин, князь Вадбольский. Им велено исследовать дело «розыском», т. е. пыткой.

Более шести лет сидел Каин в «темной темнице» без окон. В железной двери для света прорубили окошко... К этому времени относят «Последнюю песню Ивана Осиповича, по прозвищу Ваньки Каина». Без старинного названия ее помнят все:

*Не шуми, мати, зеленая дубравушка,
Не мешай мне, добру молодцу, думу думати!
Что завтра мне, добру молодцу, в допрос идти,
Перед грозного судью — самого царя...*

Суд приговорил Каина к смертной казни: колесовать, отрубить голову.

По представлению юстиц-коллегии сенат смягчил постановление суда. Вор Каин и товарищ его Алексей Шинкарка наказаны кнутом, вырезаны им ноздри, и со знаками на лбу и на щеках «ВОР» сосланы они «в тяжкую работу». В этой-то «тяжкой работе», конечно, в минуты роздыха, рассказана им и досужими слушателями записана повесть о богатой событиями жизни этого странного человека.

ЧИТАТЕЛЬ-«СМЕНА»-ЧИТАТЕЛЬ

Мне очень нужен совет, потому что жизнь моя, с виду вполне благополучная, с годами все больше становится невыносимой. Замуж вышла по любви. Родила двух сыновей: старший ходит в первый класс, младшему — четыре года. У меня интересная работа, приличная зарплата, к тому же нам родители помогают. Дети все лето на даче, болеют — старики вырывают, посидят. Словом, жизнь лучше и спокойнее, чем у многих. Но вот беда — мой муж безумно ревнив. И ладно, были бы поводы, а то ведь ревнует без малейшей причины. Сам — ни в кино, ни в театр, ни на выставку и меня не отпускает. На все одни слова: «У тебя дети». Будто я не заботливая мать! Но нельзя жить по заведенному кругу: детсад, школа, работа, магазины, снова детсад, стирка, кухня.

Ведь дети растут, многое хотят знать, а что же могут им рассказать родители, которые нигде не были, ничего не видели? Я очень переживаю по этому поводу, пытаюсь мужу втолковать все это — бесполезно. Вот говорят: ревнует — значит, любит. Неправда это. Во всяком случае, меня муж ревнует просто потому, что он собственник и относится ко мне как к личной собственности. Терплю, терплю, но уж надоело — того и гляди сорвусь. Что делать? Психологи, колдуны, люди добрые — скажите...

А. МИШИНА,
Псков

Приехала я осенью в Москву ну и, конечно, по старой памяти зашла в ГУМ. Как оказалось, делать мне там теперь нечего — не для нас, провинциальных россиян, столичные магазины: там заграничные фирмы обосновались, витрины — как в сказке, куда уж нам... Но все же любопытно, встала в очередь, думаю: как в музей побываю, на красивые вещи полюбуюсь. Да, есть на что посмотреть: и фасончики, и расцветочки, а уж изобилие — что душе угодно, мечта. На цены я внимания не обращала, мне с моими рублишками там и булавки не купить, но, оказывается, не все, — как я, по наивности вначале решила — посмотреть пришли: молодежь с корзинками на колесиках по залу прогуливается, товары в корзинки складывает, да и в кассы очереди — еле мимо пробралась бочком.

Вышла, подняла голову, а недалеко у стеночки стоят мальчик с девочкой, подростки, с большими плакатами на шее, с коробочкой у ног. На плакате — не прочла до конца: слезы помешали — написано, что отец у них за справедливую критику начальства под арест подведен, семью преследуют, жить им не на что. Словом, милостыню просят. А сами издавека, сибирские. И не стала я по ГУМу ходить, так тошно сделалось, сердце заныло. Не впервой, конечно, нищих увидела, но тут так вдруг ясно стало, как раскололи наш народ. По радио слышала: говорят, что три года лететь России над пропастью, но тем улучшение начнется, да не все, видно, перелетят эту пропасть, многие разобьются.

А. НИКОЛАЕВА,
Калуга

ПЕТР КАТЕРИНИЧЕВ

ВЕДУНЬЯ

Рисунок ОЛЬГИ МОЧАЛОВОЙ

— Ва-а-нь, опять собака соседская воет.— Ленка сидела на кровати, испуганно глядя в светлую лунность маленького оконца.— Вань, стра-а-шно.

— Да ляг ты, чего, ночь луная, вот и воет.

— Вань, собаки так к покойнику... Боюсь я.— Ленка зашмыгала носом.

— Да чего ты, какие покойники.— Иван плюнул в сердцах, хриплый, высокий, с подвывами стон собачий изводил душу.

— Вот тварь нечистая... Изведу кобеля этого вредного, как пить дать.— Да тут же застыдился своей злобы, бранных слов, перекрестился тайком, притянул за плечи дрожащую Аленку, погладил ласково мягкие волосы:

— Аленушка моя, ладушка...

Жена смотрела неотрывно в оконце да шептала что-то неслышное. Вой оборвался, как обрезало.

— А тебя бабка Кривендиha и колдовать, никак, выучила.

— Не колдует она, Вань, ведунья, добрая.

— А шут вас разберет.

— Ты чего шута к ночи-то поминаешь?

— Так он же добрый. Хохотун.

— Ой, Вань, дитенок у меня шевелится.

— Ну-ка...

— Слышишь? Еще, еще...

— Парень. Пацан будет. Ишь, боевой...

— А может, и девочка.

— Пусть и девочка. Спи.

Ветер вздохнул, прошел волной, мягким выдохом по древним дубравам, по болотным камышам диковой, милой земли. Аленушка ровно, ладно дышала, и, засыпая, чувствовал Иван мятлый запах ее волос...

... А дождь срывался и срывался с низких курчавых туч, и неслись они по холодному небу, подрезая вогнутые черепичные крыши домов, верхушки деревьев. Все здесь было чужое: и темная обмякшая листва канадских кленов, и стрелчатые окна-бойницы, и коричнево-серый колер построек, и черепица, и пригнанная брусчатка... Холодная земля, неласковая, и не прижиться здесь русскому сердцу... Одно слово — форпост. Восточная Пруссия. База Краснознаменного Балтийского.

Иван вспоминал Россию теплую, рыжую, сосновую, с мелким привязчивым дождичком вдруг среди июля, с непестрым разнотравьем, с веселыми сыроежками по кустам, с тайными чащами и сомовыми омутами, с волчьей ягодой и с лешими, с непроезжей глушью проселков и открывающимися взгляду вдруг, сразу, легкими церквами, только и оставшимися от некогда песенных работных деревень.

... И вдруг он прыгнул, полетел с дикого крутого обрыва, невесть как здесь оказавшегося, туда, к воде, к тихой речке, к песчаной отмели, где стояла, расчесывая волосы, гибкая нагая девочка. Она перебирала ступнями по песку, напевала что-то неслышное, улыбалась, нежась в солнечном тепле, а с реки,

с черной глубины веяло уже холодом, поднималось, приближалось что-то страшное, неотвратимое... Иван летел вниз по обрыву, увязал в песке, дыхание срывалось, и сумасшедший крик его был немым, неслышимым...

Сердце бешено билось, а физическая радость существования искрила током, словно каждая клеточка пела, пульсировала, мерцала ярко. Смерти, гибели не было, а был робкий свет начинающегося утра. Аленушка спала еще, Иван ласково погладил худенькую спину жены, перевел дыхание в полвздоха, — не разбудить бы. Привстал тихонько, тенью скользнул за порог, присел на ступеньки, закурил.

Надо же, сон окаинный, привязчивый, вернулся, мят душу. Часто видел его Калугин в краях северных, полных, где зима, да мороз, да работа жестокая, да законы волчьих... То ли вой этот разбередил, то ли страх давний мутью топил сердце. Уж очень долгой и тоскливой была его жизненная зима, уж очень недавно улыбнулось счастье июньским солнышком, хоть и с горем горьким, как с дымом можжевеловым помешанное.

Ванька Калугин женился поздно. Уже двадцать седьмой год минул, а все — бобыль-бобылем. И соседей совестно, и самому муторно. Жениться — дело нехитрое, мало ли девок невестится, да то ли сызмальства ходила за ним слава шепутная, цыганистая, то ли душа еще на семью не лежала. А может, закрутили смолоду шалавы, давалки покладистые — сам он девкам не верил, и они его сторонились. Вернулся из армии — на балтийской десантной базе служил, вот бы и жениться. А тут с городскими драка выпшла, хулиганка пьяная — статья двести шестая, — и отъехал Иван на три годика в края полные, северные. Вернулся с тремя железными фиксами во рту, с кулаками, сбитыми до округлости, да с тяжким шрамом вдоль лба, к переносью. Да еще шалав обзывать стал «марухами» да «биксами», а участкового тезку Шаповаленку — «мусором». Но не озлобился, не запил, вкалывал себе на лесопилке и в мастерских, за матушкой-страдалицей ухаживал — ногами, бедная, маялась да сердцем, пока Бог не взял.

И тоже верно — кто на него, меченого, позарится?

А Ванька к книжкам приохотился, к чтиву. Злые языки брехали, что не книжки его в клуб-то сманивали, а учителька молодая Светлана Игоревна, что после института приехала, городская вся из себя, кудрявая — она, стало быть, и книжки выдавала. А хоть бы и так — грех разве? Ну и похаживал к ней Иван, и ночью его привечала... Что говорить, к тридцати годам заматерел Калугин, силой налился, волосы ото лба чуть назад отошли, без гребня лежали вольно, на солнце медью отливали. А глаза синие-пресиние, в изморозь. Куда там Светке устоять, если на сенокосе бабы замужние как веретена перед ним крутились, стыд всякий растеряв!

Так все и думали: оженятся они с учителькой, но, видно, не судьба была, не пришлась Светланке деревня — побывала, отработала положенное и хвостом вильнула. Калугин в город за ней не поехал — может, не звала, а может, и сам не захотел — что за

радость в примаках-то жить, под тестя с тещей подлаживаться, когда сам мужик самостоятельный? За ту квартирку в городе, чай, накланяешься, нагоришься, известное дело.

Диво сказать, а в библиотеку Калугин ходить продолжал, книжек читал много.

Заприметили деревенские: Иван попервоначально осунулся, замурил, как Светлана-то Игоревна отъехала. Слово у него новое ругательское появилось, материл он им бригадира Пахомыча, когда тот наряды в угоду начальству закроет да работника, стало быть, обсчитает: «Куртизанка, — говорил, — ты сучья!»

А потом угрюмость Иванову как рукой сняло. В библиотеке той и выглядел, зная, свою Аленушку, она еще подросточкой была — известное дело, детишки в библиотеку часто ходят.

И надо же — ухватист Калугин был с девками, пуще некуда, а тут — сидит сиднем истукан, глаз не подымет, пальцами-железяками переплеты картонные, что фантики, мнет...

Заприметила все Кривендиха, она в ту пору за библиотекой числилась, не то чтобы книжки стеречь, да и кто их в деревне поворует, а печку хоть раз на неделю протопить. К книжкам Кривендиха особое уважение имела — в избе у нее и Библия была старинная, с застешками, и травники, и всякие церковные «Уложения». За то даже, старики сказывали, пострадала, еще в тридцатые, когда уполномоченный из города приезжал церковь рушить да иконы палить. Кривендиха тогда Богородицу, Спаса да Угодника Николая спрятала тайно и книжки церковные многие уберегла. Власти как дознались, в холодную ее было посадили, да потом и выпустили: что с дуры-бабы возмешь. А может, и чародейством каким, наваждением запоры отперла, глаза конвоирам отвела; с первой германской, когда еще девкой была, поговаривали, что колдует, потому как по лугам все ходила, травы ведала. Теперь уж не проверишь — волшебством ее отпустили или вольною волею. Батюшку-то, отца Кирилла, так и увезли в Сибирь, на муки.

Кривендихе давно за восемьдесят, а топит исправно — даром согнутая да с клюшкой. Председатель сельсовета Петр Шохов пособил ей — тридцатник в месяц за истопку платил, прибавка к двадцати семи рублям пенсии знатная. Еще и людей Кривендиха пользовала — это уж у кого что прихватит, то ли к фельдшеру бежали, то ли к ней. Денег вовек не брала, да не всех привечала — за то иные деревенские злобу на нее таили, ворожей да колдуньей кликали.

На тот год как раз завмаг Гришка Игнатов пошел к Кривендихе кланяться — прихватило ему спину, ни мочи, ни силушки. А все село знало, мазь умела готовить бабка да с заговором ею спину мазала.

Пришел Гришка к бабке, пожаловался, а она глянула строго, зорко: «Пошто не велел крупу продавать? Пошто водкой по ночам промышляешь? Пошто Люську молодую пугаешь, в полюбовницы требуешь?»

— Да какую крупу? — растерялся Гришка. — То ветеранская крупа гречка, продавать не положено...

— Врешь! Ветеранам ты уж выдал, а остальное людям бы

продал, хоть по килу. Ан нет, по три рубли в город свез, в палатку рыночную! Неправда-то?

— Да я...

— Люську-продавицу расправой застращал судейской, а бумаги сам запутал. Жизнь девке погубить хочешь? Люди знают, и я ведаю.

Озлился тут Гришка, зыркнул глазом недобрый, хмельным:

— Что ж ты, бабка, со злобою на меня? Или не велит Бог твой болящему помочь?

— Тому пособить можно, кто совестью чист да душою не злобен. Хворь заводится, коль злоба да зависть человека жрут, плотью его питаются... А ты, Гришка, ой, завистлив, да до денег охоч без меры...

Обидны были Гришке слова те, да скрепил душу — боль доняла.

— Искуплю, бабушка, свечку поставлю... А то ты поставь за меня, твое слово верное, а я денег не пожалею...

Молчит бабка, хитро щурится Гришка, чувствуя приливчатую радость — вот так вас, грешных, учат-покупают:

— Хочешь, хоть полтыщи дам — вылечи только.

— Глуп ты, Григорий. Не понял ничего.

— Ну, тыщу. Или уж и тыщи мало, за мазь-то?!

— Не послобонит тебе спину мазь моя. Нутряная в тебе болезнь, подлая, не ведаю от нее мазей.

— Ты что же каркаешь-то, ты дело говори, — похолодел Гришка. — Как лечить?

— Душой очистись да Богу молись. Не в моей ты власти — в Его.

Осерчал тогда Игнатов без меры.

— Ах ты карга нечесаная, ворона чертова! Все сплетни по деревне собираешь, а силы в тебе никакой нету, брехня то! Да я себе любых докторов куплю, хошь профессоров! А тебе, ведьме ржавой, кол осиновый вколочу, уж попомни!

Грохнул дверью Гришка да ушел домой. А Кривендиха не толенилась в церкви на Николу свечу на свои копейки за его дравие поставить. Это уж бабки верно прознали. Ан, не помогла Гришке ее молитва — он то к докторам кидался, то пил запойно, то с девками безобразил окаянно, отчаянно. А боль вступала да наступала в спину, по костям-суставам, высох весь, а весною и преставился.

Потому и побаивались Кривендиху. Но чаще кланялись да добром поминали — окромя спины, многие хвори целила. От запоев заговаривала, от пьянки, лишаи да коросту кожную выводила, бледную немочь травой прогоняла. А мужу Любки Селиверстовой, Николаю, травкой тайной силу мужчинскую вернула — баба нарадоваться не могла да хвастала, а Кривендихе к празднику всегда лучший кусок таскала. Денег старая не брала, а полакомиться, когда и настойки рюмку выпить, чего греха таить, любила.

Так вот, заприметила Кривендиха ласку Иванову затаенную, увидела, как глаза его васильковые нежностью да кротостью цветут, на Аленку глядячи, да и объявила раз бабкам:

— Ведаю, быть Аленке за Иваном. Пара они.

И тем мать Аленкину, Варьку, пуще переполоха всполошила! Да и где то видано, чтоб мужик меченый, непутевый, такую кралю писаную брал. Нет, не того желала Варька в гордыне: без мужика жила и думку свою имела — через дочь в первые люди на селе выйти. И мнила Ленку за Борькою, сыном Игнатовых; хоть и помер хозяин, а все говорили: денег у них несчетно, и дочь будет барыней, и сама Варька в боярынях.

А тем временем и лето подошло, июнь-сенокосец. И хоть и злбилась Варька да козни строила, Аленку на замки-запоры запирала, всем как высветилось — пара она с Иваном.

Аленка — длинноногая, загорелая, ямочки смешливые на щеках, русые волосы шелковятся по плечам... Зубчатыми грабелями траву сгребала, шутками с девчонками перебрасывалась, ребятишек-погодков глазами зелеными в краску вгоняла, а взглянет на Ивана — затемнеет, зардеется. Хорош был Ванечка, не по-здешнему хорош. Талию, кажется, бусами девичьими подпоясал бы, под загорелой кожей мышцы рыбами-белугами играют, плечи широкие, литые, ноги длинные, бегуны... Что и говорить — в селе такой пары от веку не выдывали.

Вот тогда беда и упала ночью черною. Калугина и еще трех мужиков поспоровистей отослал председатель за болота — травы там сочные, духмяные, только литовкой и возмешь. А школьники близ деревни, у реки, за косилкой подбирали.

Рыжим шаром сбежало солнышко в речку Нежень, ребята с девчонками купались да в деревню подались, в клуб — фильм новый привезли, любовный, эротический.

А Алена с подружкой Светланкой Князевой у речки остались. Вовсе уже смерклось, звезды высыпали.

— Искусаемся, — предложила Светка.

— Ты что, ночь уже, страшно.

— Чего, или русалок забоялась? Да и на что мы им? Их пусть Ванечка твой боится — приманят, защекочут.

Светка вошла в воду, подобрав края платица.

— Ой, вода-то, вода кака-а-я! Глебова, ну давай окунемся, ну по разику, — просительно тянула девушка.

— Купальники мокрые еще с вечера — бррр. И надевать не хочется.

— Давай голышом!

— Ты что!

— А что? Нет же никого.

Светлана подобрала подол, выскользнула из платица, прогнувшись гибко, мелькнули белые трусики вниз, к ступням. Побежала по берегу.

Алена тоже одежду сбросила, с места сорвалась, только волосы заструились за спиной, прыгнула в речку, вытянувшись в струнку по-мальчишески...

А вверх по-над берегом мотоциклетные моторы протарахтели, две фары прочертили небо лучами... Девчонки и не заметили, заигрались, заплывались, задурманила головы вечерняя ласка речная. Выходили из воды усталые, отжимали волосы, переговаривались тихо.

Тут и вспыхнули ярко фары, наготу девичью осветив, ахнули девчонки, Светка в реку бросилась, Аленка в кустах схоронилась.

Четверо парней в черных комбинезонах, со шлемами, скользя спускались по песчаному обрыву.

— Ого, девочки!..

— Да они голышом купаются!

— Вылазьте, мы не страшные, га-га-га!

— Да чего говорить, тащи обеих сюда! — скомандовал один.

Парни бросились к берегу, забухали бутсами по воде. Светка вглубь нырнула, как в бездну, руками заработала, Аленка распрямилась, метнулась к воде стремглав, да поздно — сбили, к земле притиснули.

— Веди, ведем к свету!

— Вторая, вторая где?

— Эй, слышала, не накупалась еще? А ну, плыви сюда, а то подружке твоей плохо будет!

— Это точно, она одна — нас четверо, как бы ей многовато не показалось, га-га-га...

Аленку отпустили, стояла, прикрывшись ладошками, а парни обступили плотно, не вырваться.

Черноволосый, худющий верзила с серьгой в ухе блестел металлическим зубом, слюнявыми губами причмокивал.

— Ты ручки, ручки убери, — напряженно, севшим голосом произнес он, потянулся к Аленушке. Та — наотмашь рукою, как копка лапой.

— Ах, стерва! — парень схватился за разодранную щеку. — А ну, вали ее... Ноги, ноги держи...

— Светка! Беги!.. Ваня... Ванечка... Ваня-я!!!

Иван вскочил в сторожбей избушке, головой мотая, отгоняя давний сон свой злосчастный. Но тоска не уходила, сердце ныло, падало. Или дурмана болотного надыхался?

— Ты что, Вань? — привстал Серега, бригадир.

— Худо мне. В деревню надо.

— Не дури, через болото ночью — стинешь.

— Плохо, Серега, худо.

— Может, на солнце башку нажарило?

— Может. Пойду.

— А, придурок! Ладно, пошли, летние ночи короткие.

И пошлепали по болоту.

Аленушка лежала на холодном песке калачиком, ноги подобрав, — ни слез в глазах выплывавших, ни стонов на губах, в кровь искусанных. Холодный ветер набирал силу, небо тучами заволжало. А река Нежень манила покоем — приди ко мне, русалкою станешь...

— Лена, Аленушка, прости. — Светка неслышно выскользнула из реки, набросила платьице, подругу прикрыла... — Прости, прости...

Треснуло небо, полыхнуло, и ливень ухнул на иссохшую землю. Тысячами капель взбурлило Нежень, закурчавило ветром осоки да ивы.

— Вставай, Аленушка! Гроза! У воды пропадем,— уговаривала Светка подругу, кое-как натянув на нее липкое мокрое платье.

— Вода... Мы теперь русалки, да? В омут, в омут надо...

— Пошли быстрее! Але-енушка... Да у тебя жар!

— Ой, какие коники белые по небу! Зарезвились, гривы курчавятся, ладные какие...

— Пойдем, пойдем отсюда,— плакала, обессилев, Светка, но тянула подругу по взгорку наверх.

Двумя черными теньями, без света, промчались мотоциклы по деревне, стигнули в ночи.

Проснулась Кривендиха — беспокойная ночь, тревожная. Кости крутит-ломит, как в войну на лесоповале,— четырнадцать кубов, бабья норма. Гнут к земле годы, да чует бабка, не все сделала, не пора душе к Господу. С воем пронеслись мимо окон мотоциклы, задрезжала посуда в столешнице, смертной тоской захолонуло сердце бабкино...

— Господи Иисусе, Пресвятая Богородица, спаси и сохрани люди твои... — перекрестилась на образа бабка, платок-полушалок накинула да мешок дерюжный поверху, кляукою подперлась — и прочь с избы...

— Ваня, Иван, помоги! — слетел с тропы бригадир Серега, по пояс в ледяную болотную жижу угодив, и думка холодная заязвила: бросит вдруг, хоть и свой брат, а чужая душа, меченый... И чего в темень полезли?

— Держи! — Иван распластался на тропе, ремень бросил. — На руку намотай, мертво! — перевернулся на спину, обперся о кочку литым телом плотно, как сроднился, потянул могучую руку с ремнем к груди.

Серега упал на тропу, обляпал Калугина черным торфом и разрыдался, размазывая по лицу грязь и слезы.

— И куда... куда... в ночь...

— Ну чего теперь-то? Чего? — успокаивал Калугин.

— Прости, Ваня, прости... Напугался я, боялся... бросишь...

— Дурак ты. И когда это мы своих бросали? Пойдем, теперь недалеко.

Мотоциклы, крадучись, выбрались с проселка на большак и понеслись резво, двумя волками палеными.

Увидела Светланка бабку на взгорке, обмерла вроде, а потом как прорвало — зашлась слезами-рыданиями.

— Бабушка, миленькая... Их четверо... На мотоциклах... Черные... Аленку они... Я... я в речке схоронилась...

А Кривендиха и без того поняла все, на девчонок глянув. Сбросила с головы мешковину, покрыла Аленушку...

— Кони, бабушка, лошадки белые, кудрявые,— смеялась счастливо Аленушка, на небо указывая,— гроза проходила над селом.

— Нелюдь, — прошептала бабка, властно ударила клюкой оземь, взяла Аленушку за запястье, повлекла к дому. Пропустила девчонок в избу, на крыльце задержалась, да тихо-тихо произнесла одними губами:

— Коники... Лошадки белые...

Мчались в ночи мотоциклы, сгорбились седоки.

— У-у-и-и-и, — дико верещал вожак, криком себя бодря.

— У-у-у-и-и-и-и, — отзывался коренастый его дружок, подвывал с тоской и страхом.

— У-у-и-а-а!!!

Ахнуло небо, полыхнуло ярче яркого, ослепило...

Вильнул рулем мотоцикл вожака, распластался ничком, и второй влетел в него скользким вихрем...

— У-у-а-а-а...

Волокло, драло, корежило тела по щербатой бетонке, пока не осталось мокрое месиво грязи, железа...

Кривендихин дом от леса крайний, его не миновать. На Ваньке Калугине и Сереге — ни нитки сухой.

— Глянь, окно светится, зайдем, согреемся, — прохрипел Ванька.

— Да жутковато в такую ночь... Никак колдует бабка.

— Пойдем! — Первым взошел на крыльцо Иван, тронул дверь.

Керосиновая лампа горит, лампадка перед образами. Ванька так и застыл на пороге — бабка у кровати, губами шепчет-причитает, а на кровати под простынкой Аленка.

— Входи, Иван, давно ожидаюсь, — велела Кривендиха, — силы мои не те, твоя нужна. — Подошла к мужикам, на Серегу глянула.

— Ты никак Сережка, Матрены Головиной сын? Что, холодна жиж-а-смертушка показалась? Да не пужайся, от тебя тиной болотной да страхом-погребом за версту тянет. Светку Князеву до дому доведешь, потом к Варьке Глебовой забеги, скажешь, дочь ее у меня, грозой перепугана, вымокла до простуды. До утра останется, сил наберется. Да еще Варьке скажи, чтоб сюда не спешила — утро вечера мудренее.

Бабка достала четвертинку, отлила в лафетник, подала Светке.

— Выпей-ка. Горька настойка, да травная, целебная.

Светка проглотила снадобье, зарумянилась.

Улыбнулась бабка:

— Спать будешь сладко, забывчиво. — Передала четвертинку Сереге. — Тоже перед сном выпьешь, не то захвораешь.

— Спасибо, бабушка. Так пошли мы?

— С Богом.

А Иван так и стоял столбом, на Аленку глядячи, в лице ни кровинки, кулаки судорогой сцепило.

— Говори, бабка, — с угрозой потянул он.

— Да сам все понял, чай, тебя, крученого, проведешь...

— Кто? — прохрипел Иван.

Глянула бабка на него тепло:

— Про то Господь ведает... — Горячей сухой рукой по лбу провела. — Не яришь, Ваня, Аленушке ты надобен, не справишься мне одной...

— Коники, лошадки белые... — Бредила девочка, щеки пламенили, на губах улыбка, только нездешняя уже...

— Подойди, Иван, — велела Кривендиха строго. — Жар у ней горячий, нервный... Не хочет оставаться Аленушка, убегаёт, не удержать мне. Помогли.

— Как, бабушка?

— Любишь ее?

— Больше света.

— Подойди, присядь. Возьми за руку. Всю силу отдай, до капельки. А я заговор творить буду. С Богом.

Крепко держит Иван жаркую ладошку Аленкину, дыхание ее ровнее, покойнее. Не отпускает.

Творит бабка молитву. Лампа керосиновая желто горит, да лампадка перед образами.

Утро высветилось, омыла гроза землю. По деревне только и разговоров пересудных — тракторист Костыка Рябой сам видел, на большаке мотоциклисты побились...

Светка Князева проснулась вечером, о парнях городских покручинилась — вот родителям горе-то... Вечером мать ее в клуб не пустила, да и сама Светка не рвалась особо, как после болезни была, — вроде помнила, как с Аленкой на реке оставалась, как гроза их напугала, как у Кривендихи укрывались да грелись... А более не помнила ничего. Не иначе, лихорадка простудная приключилась, сетовала мать, а про себя решила, особой воли впредь Светке не давать, потому как дите еще бестолковое.

Аленкина мать Варька прибежала к Кривендихе с ранними петухами — хоть тоской и страхом заходило сердце материнское, а бабку не слушалась. Бабка встретила ее в белом платочке, румяная и вроде навеселе.

— Ты, Варвара, переполох не разводи... Простыла Аленка враз, под грозою-то... А сейчас — ничего, Бог миловал.

— Ей-богу, не врешь? — улыбнулась Варька, а с души отлегло.

Аленка спала. Волосы по подушке разметались, румянец ровный.

Всплакнула Варвара:

— Уж как Серега ночью зашел — я уж и не легла. Так боязно было, так боязно...

— А девчонка-то выросла. Скоро бы и замуж...

Мать зажглась ревностно, строго:

— Молода еще...

— Ты мне про то не рассказывай... Сама за Генку своего беспутного в семнадцать выскочила, а Ленку когда родила? Уж стерегла тебя Катерина, не устерегла...

Погрустнела Варвара:

— Чего уж теперь? Да и Ленка другая, как не моя.

Зорко посмотрела бабка:

— Вот что, Варька, бросай с Мишкой Пахомовым хороводиться да от семьи мужика оттаивать. Замуж тебе надо...

Сидит Варька, краснее солнышка закатного:

— Неужто бабы признали...

— Бабы дуры, да я вещунья, — улыбнулась Кривендиha заговорщицки, — не стыдись, бабье дело — завсегда правое. Только брандахлыст Мишка, и сама знаешь, не в коня корм. А вот что на Сашку Дерюгина посматриваешь, то дело. Добрый мужик, ладный. И сам измаялся, и Славик его без материнской ласки тоскует, хоть и малый. Да и ты ему глянешься...

Пуще краснеет Варя — все знает бабка, и стыдное, и тайное, и под сердцем схороненное...

— Неужто сладится, бабушка? — шепчет Варька с надеждой.

— Бог даст — сладится.

Страшно Варьке, и любопытно:

— Баб, а вправду ли колдуешь? Оттуда все и ведаешь?

— Наговоры то. Жизнь прожила.

А солнышко уже светом дарит, ласкает. Аленушка проспит до вечера, а с вечера до утра — так бабка наказала.

Идет Варвара домой упруго, легко, молодо, ноги сами несут.

Уже к полудню солнце повернуло, а Иван в мороке сонной метался, летел вниз с обрыва, увязая в песке. Сильное тело струной-судорогой вытягивалось на жестком лежаке, звериная тоска драла душу, обжигая горло беспомощным хрипом...

Очнулся Иван уже часу в шестом. И вспомнил все, и скрутило стоном и болью — Иван плакал, терзая зубами подушку...

Леночка-Аленушка, лучик светлый, девчонка белоголовая... Не поспел он ко времени, не поспел...

А на душу пал злой ледяной покой. Он понял, что найдет их, раздерет рты, в месиво изломает ребра, вырвет сердца, если есть они у этой нелюди...

Калугин встал, пошатываясь, подошел к ведру, выхлебал ковш воды, на голову полил. Пора. Всю правду у бабки визнает, добром ли, силой.

Скоро шел Калугин по деревне, сапогами теплую пыль взбивая. Под курткой у него финарь схоронен, из рессоры сработанный, медвежий...

— Ванюха, че-то тебя не видать было! — Длинный, что верста, Костька Рябой дорогу заступил, руку тянет: — Здорово, что ли!

— Здоров. Недосуг мне, — попытался Иван обойти Костика, да где тут — уже хмельной тракторист, оттого упорный.

— Да че ты смурной, с бухала, что ли?

— Да вроде того, — подтвердил Иван, отвязаться бы.

— И не знаешь ничего? — Костька уже смаковал, подумывал, как повыигрышней поднести историю. — Тут такое вышло — жуть одна! Да и вся деревня уж знает...

Занемело Иваново сердце — неужто про Аденку дознались, ославили? Сгреб за грудки Рябого — рубаха по шву треснула, пуговки посыпались.

— Говори, гнида.

— Ты што, Вань, пусти! — перепуганно твякнул Костька.

— Говори!

— Дак мотоциклисты на большаке побились, километрах в семи... В месиво! Соскребать нечего!

Хватка Калугина ослабла, пот покатился по лицу, а нутро дрожало еще гневом шальным...

— Да ты чего взбесился-то? Может, похмелишься? — Рябой доставал из кармана штанов початую поллитровку.

Калугин глотнул из горла, сплюнул.

— Закуси вот, огурчиком.

— Так чего там, с мотоциклистами?

— Так я и говорю, в месиво. Не наши ребята, городские. Пацанва сказывала, они вечером еще у клуба крутились, подда-тые, в куртках кожаных, в клепках. Наши уже решили им рыльники прочистить — вели себя не по-людски, к девкам цеплялись, да они по мотоциклам и слиняли. В аккурат перед грозой было. Вроде к реке подались. Наши и хотели было догнать, да плюнули, колес ни у кого под рукой. А эти, видать, добавили, ну и с глазами налитыми покатили — это в грозу-то!

— А куда к реке? На мостики? — напряженно спросил Калугин.

— Да не, по старой дороге. Так ты слушай, я ночью как раз из Георгиевского на «Беларуси» от Клавки своей ехал, ночь, ни души, глядь — впереди темное что-то. Подъехал, фарой высветил — веришь, аж на спине волос дыбом встал.

Иван слушал молча, стиснув зубы, играл желваками — не плакать же на людях. И здесь не поспел...

— Да ты как чумной седни, — взгляделся Костька. — Никак брагу гороховую пил?

— Угу.

— То-то, с нее дурной — хуже пьяного. Слушай, — глаза Костькины зажглись надеждой, — может, поправимся, открыто еще, успеваем.

— Дело у меня.

— Тебе виднее, — огорчился Рябой. — А может, дашь червонца взаймы? — бросил он так, для порядка.

Иван вынул десятку — все деньги, что были с собой.

— Держи.

Костька схватил деньги, ошарашенный неожиданной удачей.

— Ну ты челове-е-к. С зарплаты — железно. — И скорей трус-цей в проулок.

К дому Кривендихи Калугин подошел, когда уже свечере-ло. А как подходил — язык занемел. Ленка-Аленушка, коло-сочек ржаной... Цветов ромашек набрал, как — и сам не за-метил.

— Что, мил-голубь, чай, не отошла кручина? — Иван вздрог-нул, услышав бабкин голос за спиной. — Спит Ленка и до утра проспит. Просыпалась, я ее отваром поила, проснется здоровень-кая...

Как сон помнится Калугину ночь прошлая у постели Аленки-ной — желтый зрачок керосиновой лампы, лампадка перед обра-зами да шепот бабкин. Тронула его за плечо тогда старушка,

радостная: «Вернулась Аленка, с нами останется». Потом взяла Ивана, что дите малое, за руку, домой повела — шел покорным телком, словно и не он. Снадобье дала, строго велела выпить — выпил и к вечеру отошел.

— Верно ль говорят, побились они? — тихо спросил Кривендику.

— Вчера ввечеру поздно мимо проехали, аки тати ночные, прости Господи... Знать, не судьба тебе согрешить смертно — ишь, какой тесак воровской замастырил. Заберу, пожалуй, такой мне надобен — лучину щепить.

— Дак разве ножи дарят?

— А ты не дари, сама возьму.

— Взглянуть-то можно?

— Взгляни, кавалер. Сапожищи-то скинь!

Ваня на цыпочках прошел в горенку, глядел безотрывно на Алену. А тревога томила сердце:

— Бабушка, а ну как проснется, вспомнит все — снова в горячке зайдет... Да и как жить-то ей...

— Ишь ты, умник, умнее умного умник, — съязвила бабка. — Травку ей дала целебную, забывную, все сном-небылью подернется. Ты знаешь да я ведаю. А коли проговоришься, попрекнешь когда — Бог тебе судья!

— Да что ты...

— Помолчь пока. Пойдешь щас домой, душой остынь, сердцем укротись. На все воля Божья. Прими наливки, молодящая она, целебная.

Иван, не перечая, выпил поданное бабкой зелье.

— На кагор похоже.

— Он и есть. Только с травкой особенной, да с ягодой малиновой. Спать теперь.

— Не уснуть мне.

— А ты домой иди, приляг, там оно и видно будет.

Деревня засыпала. Звенели цикады, пахло скошенным сеном, теплой пылью да парным березовым духом, а от клуба, где кино индийское крутили, струилась изысканно-грустная мелодия о нездешней, такой желанной любви.

Так и минуло лето. Аленка к бабке Кривендихе неожиданно привязалась — по дому, по хозяйству ходила, в травах помогала, полегоньку осваивая тайную премудрость, людьми позабытую, — какую траву собирать, когда и как пользоваться. Отсмеялось паутинками бабье лето, опала осень тягучими дождями и жухлыми листьями, отошла серым снегом чахлая, простудная зима, весна двинула в рост зелень озимую. В заботах да тяготах пролетают лета человечьи...

А по другой осени, под Покров, Иван с Аленкой свадьбу сыграли. Свадьба была людная, но не пьяная, и дивились люди невесте да жениху, и песни они пели, и в пляс срывались лихой, с притопом и гиканьем, с едреной частушкой и шалой шуткой. От веку в деревне не видывали такой красивой пары, да что в деревне, может, и по всей России поискать — не сыскали бы.

Весь день крепилась Аленушка, а к вечеру совсем худо стало. Схватывало, и сердце словно падало вниз.

- Ленка, может, машиной в город поедем?
— Ничего, Ванечка. Ты уж лучше бабушку позови да докторшу, Светлану Васильевну.
— Так я побегу. Маму бы позвать, чтоб уж не одной.
— Ой, не нужно.

Подослал-таки Иван соседку, сам — бегом к докторше. Та собралась быстро, словно ждала. А Иван уже на край деревни подался, к Кривендихе. Да опаска брала — встанет ли. Сдала бабушка Евдокия Кривендина, и не то что прибалывала, а ослабла как-то, высохла, лицом просветлела. Навещали ее с Аленушкой как-то, старая радовалась да повторяла:

— Зажилась я, внучики, и ножки уже не ходят. Душа к Богу просится, на покой. Дак не берет пока Господь, видать, не все сделала.

Подбежал к дому, глядь — бабушка на крылечке сидит, прибранная. На клюшку опирается. Поглядела на Ивана:

— Пора, стало быть. Там в сенцах сумка, прихвати. — И бодро так засемила по улице.

В избе уже врачиха распорядилась: булькала, кипятилась вода в казанах и коробочки — малая со шприцами, большая — с инструментами. Две бабульки-соседки сновали скоро, не суетясь, — повитухи опытные, дело знали.

Кривендиха как пришла, руки с тщанием вымыла, велела Ивану склянки и бутылочки из сумки достать, а самого — прочь с избы погнала.

— Шел бы, мужик, послунялся. Да не изводишь понапрасну, дело то не скорое.

И потекло время — час прошел, другой минул, ночь теплая, летняя, июнь-сенокосец. Мужики-соседи подходили к Ивану на лавочку, молча солидарно папироску выкуривали.

Луна высветлилась ясная, что чуточку песком надраенный, да тут сорвалась, зашлась воем собака.

— Да чтоб тебя! — выругался Иван, тревогой защемило сердце... Кинул окурочек, к дому заспешил, распахнул дверь.

— У-а-а, у-а-а, — громко, высоко кричал младенец.

— Радуйся, Ванюша, сын у тебя, да какой крепенький, — встретила его повитуха.

— Аленушка как? — выдохнул Иван.

— Да слава Богу! Помучилась, не без того, на то бабья доля.

— Посмотреть-то можно?

Двумя пальцами, остороженько занавеску отодвинул, дыхание попридержал... Аленушка лежала на постели, волосы по подушке разметались, круги черные под глазами, а губы алые улыбались.

— Как сына-то назовешь, отец? — спросила докторша.

Глянул Иван на жену, та кивнула, веки опустила.

— Андрюшей пусть будет. Защитником.

Всплакнула бабушка Кривендиха — поздний был сыночек ее любимый, так даже оженить не успела — немцы убили в сорок пятом. Андрюшенькой звали...

Луна заливала деревню светом, а дурная собака все подвывала, скуля. Докторша с Аленкой оставалась присмотреть, а ста-

рушки повитухи выпили на радостях да запели стройно, тихо, ладненько что-то старинное, давно позабытое, ими лишь и хранимое, — все, что осталось от людных, работных, песенных русских деревень:

*Как во ночь, ночь темную
Выезжал да светлый месяц,
Выезжал да свет Иванович.
Выезжал да на бе-е-лом коне...*

Уже под утро провожал Иван бабулек домой. Кривендиха шла веселая, ножкой притопывая, клюкой приударяя.

— Как во ночь, ночь темную... Коники, лошадки белые, гривы курчавятся... А должник ты мой, Ванюшка...

— Знамо дело, отплачусь.

— Вот избу мне и справишь новую — сосновую со слезкой смолистой... Чего мне в старой маяться... Лады?

— Лады. Да где ж материалу сыскать?

— Не твоя забота, найдется. А еще, Ванюшка, на Петра и Павла сладь крестики дубовые на церковные маковки — чай, полвека сиротами стоят, смотреть совестно. Как мужу Пашеньке обскажу про то — душа христианская порадуется... Сладить?

— Сделаю.

— То-то ж. Ну вот и пришли. Совсем слабая стала, усталая. Навести уж меня завтра, Ванечка.

Стружка струилась тонкой змейкой-медянкой — отточен, отлажен инструмент у Калугина. Дух от золотисто-рыжих досок легкий, сосновый, и работает Иван с тщанием — как обещал бабушке Евдокии. Для нее домовина. Пришел Иван на другой день навестить ее, а в светлице уже старушки, чистенькие, торжественные.

— Позвала нас покойница загодя, а как собрались, прощения у всех попросила, поклонилась поясно, на образа перекрестилась...

— Легко ушла Евдокиюшка, как выдохнула, ручки на груди сложила да глаза зажмурила... Знать, приветил ее Боженька... Добром жила... Царство ей Небесное...

Сладил ей Иван домовину, сладил и крест православный. Схоронили в теплый июньский день, по мелкому дождичку.

Петров день — веселый праздник на деревне. Одна жатва кончилась, другая не начиналась. Славное время, летнее. Вышло солнышко, распогодилось, и — вот диво! — церковь старая, на взгорке, — примелькалась, что и замечать перестали, — золотилась в небо чисто струганными крестами...

Иван спал в горенке, улыбаясь, спал и Андрюшка, Аленушка по хозяйству хлопотала.

Крестились старушки на рыжие купола, пошепывали тихо, с Верою:

— Господи Иисусе Христе, не оставь землю и люди Твоя!

ЧИТАТЕЛЬ-«СМЕНА»-ЧИТАТЕЛЬ

В конце прошедшего лета побывала я в деревне у знакомых — лет пять назад купили они развалюшку, впрочем, говорят, бывшую когда-то лучшим каменным домом зажиточного крестьянина в большой — в триста дворов — деревне. Место волшебное — извилистая речушка, дали с полями и перелесками и несколько стареньких домишек.

Ну, судьбы нашего крестьянства известны, тут нечему удивляться. Повыкосило из деревень миллионы. Теперь, что называется, «новое время — новые песни». Весь световой день стучат кругом топоры — те, кто в разное время и по разным причинам покинули деревни (стали их называть лимитчиками), возвращаются и, получив участки, строятся. Землю, правда, дают лишь тем, у кого есть хоть малая зацепочка именно за эту деревню: родители тут жили, сами детство здесь провели, и даже если ни бревнышка от тех дворов не осталось, землю выделяют. Конечно, это для русской, российской деревни начало возрождения. Коли государство народ прокормить не умеет, то пускай какая-то часть населения своим трудом

сыта будет. И картошка у всех замечательная выросла, и овощи разные. Но вот о чем мне, городскому человеку, подумалось: землю, слава Богу, возрождают в прямом смысле — годами заброшенная, она теперь родит, кормит. Но возрождение земли это еще далеко не возрождение деревни: строятся-то дачники. Коренных, живущих круглый год и работающих в местном совхозе как было двое горьких пьянчужек (не в осуждение говорю, а с болью, но их судьбы — особый рассказ) — пастух да тракторист, так и осталось, да еще пара пенсионеров. Остальные осенью урожаем собирали, детишек да бабушек — в машины или в электрички, и по городским квартирам. Значит, не скоро еще земля сытно кормить будет не отдельные семьи, а весь народ. Земле нужны не столько дачники, сколько крестьяне, которые к каждой няди, к каждому дереву, к каждой луговине по-хозяйски, по-человечески относятся станут. А сейчас как? Стал совхоз от шоссе строить дорогу — через две деревушки до главной усадьбы, большого поселка. Как положено, за песок, гравий, трубы. Но осталась эта дорога недостроенной, и теперь уж, видно,

не будет ее, по-прежнему сажают машины в чернозем так, что только трактором вытаскишь. Матерятся частники, «Жигули» свои жаль, и бутылок не напишешься. А что у каждого во дворе кучи песка и гравия с той стройки, никто не вспоминает. Говорят, за бутылку можно было купить машину целую, потом же когда все запаслись, то и за стакан. Понятно, что одним выпивки негде взять, другим — стройматериалов. Такие сделки привыкли у нас считать нормальным делом, только пора уже понять: как ни изворачивайся, у себя ворует. Привезли тебе песок, цемент за бутылку, обустроился ты, так ведь каждый раз вязнешь по уши на черноземной дороге, и машину ломаешь, и нервы треплешь, и снова платишь. Что мы за люди? Живем прямо-таки по анекдоту: если б бутылки не сдавали, на хлеб денег бы не было. Вроде теперь-то все стали в политике и в экономике разбираться, пора уж понять — не у государства нелюбимого, не у колхоза непамятного, не у завода чужого — у себя, у детей своих тащишь. Асфальт на сельскую дорогу не уложили, значит, половина зерна в колдобинах останется — не плачьте, что хлеб дорогой, да мясо до города не довезут, да молоко скиснет. Извините за резкость, но никакие реформы нам не помогут, если хапать не перестанем и думать будем лишь о себе.

ВЕРА ИВАНОВА,
Рязань.

ПИТЕР БРАД
СТИВЕН ГЕРРАРД

ня бобо,

которую ты

отдаешь

В конце концов любви берешь лишь
столько, сколько отдаешь.

(Последний куплет последней песни
последнего альбома «Битлз».)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Питер Браун познакомил меня с Джоном Ленноном осенью 1974 года. Я тогда работал в еженедельнике «Нью-Йорк Санди Ньюс», а Питер был президентом «Роберт Стигвуд Органайзейшн», выпускавшей шоу под названием «Сарджент Пеппер'з Лоунли Хартс Клуб Бэнд он Бродвей». Почтенный гость на свадьбе Джона и Йоко, он являлся также их близким и преданным другом. Только ради Питера Джон Леннон согласился поддержать «Сарджент Пеппер'з Лоунли Хартс Клуб Бэнд он Бродвей», приняв участие в пресс-конференции в Бикон Театр и дав несколько интервью. Я был в числе тех журналистов, которым повезло.

После моего интервью с лаконичным и наводящим ужас Джоном Ленноном мы с Питером поехали посмотреть, как проходит репетиция шоу. По дороге я попытался выудить у Питера несколько анекдотов о днях, проведенных с «Битлз», но он объяснил, что никто из тех, кто был тесно связан с «Битлз», никогда не давал о них интервью. Даже Бриан Эпштейн, знаменитый менеджер «Битлз», брал со своих работников письменное обязательство никогда не давать о них интервью и не рассказывать об их работе.

В 1979 году Питер Браун ставил фильмы в Лос-Анджелесе, и к тому времени его завалили самыми различными предложениями, связанными с «Битлз». Это были всевозможные пьесы и мюзиклы, книги и сценарии для фильмов, ему предлагалось быть «специальным консультантом» по фильмам и хронике. Поступило несколько предложений с телевидения. За исключением редких интервью с известными журналистами, Питер все эти предложения отклонял. За несколько лет он прочитал множество книг, просмотрел все кинокартины и телешоу, а также прослушал всех экспертов, подробно объяснявших, что же произошло. Некоторые из них допускали неточности, а большинство полностью искажали действительность. Даже грандиозный, основанный на документах, фильм Филипа Нормана «Кричи!» рассказывал лишь об официальной версии, а не об истинных причинах случившегося. Отчасти это произошло из-за печати молчания, а отчасти потому, что в живых осталось очень мало людей из тех, кто мог бы рассказать правду, если бы захотел: этими людьми были Джон, Пол, Джордж, Ринго, «пятый битл» дорожный менеджер Нил Аспинол и сам Питер Браун.

Поэтому я был очень обрадован, когда в октябре 1979 года Питер Браун попросил меня написать с ним книгу. Мы решили, что это не будет ни скучной хроникой, ни биографией каждого отдельного музыканта с описанием внешности каждого, ни музыкальным анализом, а трагическим повествованием человека, посвященного в тайну, сагой о жизни «Битлз». В течение последующих трех лет Питер открывал запертые двери, устраивал встречи и интервью, добывал для меня личные письма, документы и дневники, которые до этого никогда не предавались гласности. Благодаря ему я не только узнал их секреты, но и постепенно

* Орывки из книги.

вошел в их избранный круг. С Синтией Леннон мы особенно подружились, так же как и с Нилом Аспиолом, проводившим со мной долгие часы в откровенных беседах. Я надеюсь, что на страницах этой книги мне удалось воздать им должное.

Мы с Питером Брауном хотели бы поблагодарить многих людей, пожертвовавших своим временем для того, чтобы рассказать правду. Джон Леннон благословил нас, Йоко Оно была любезна и помогала в течение того долгого времени, что готовилась книга, включая и многочасовые интервью. Трагическая смерть Джона — когда книга была написана лишь наполовину — только укрепила ее готовность помогать, она даже предоставила Питеру свое имение на Палм Бич для работы над книгой. Пол и Линда Маккартни также были искренни и не жалели времени. Пол приглашал нас к себе домой и провел с нами несколько дней в Сассексе и Лондоне, помогая готовить наиболее щекотливые материалы. Джордж Харрисон, возможно, самый скрытный из всех битлов, пригласил нас в свое имение Приар Парк в Хенли на Темзе, где дал потрясающее и очень откровенное интервью. Мы также благодарим Ринго Старра, Нила Аспиола, ближайшего друга «Битлз», Маурин Старки, первую жену Ринго, Патти Харрисон Кэптон, первую жену Джорджа, Алексиса («Волшебного Алекса») Мардаса.

Особенно хочется поблагодарить Синтию Леннон, которая поведала нам историю своей любви и замужества, и Куини Эпштейн, которая с болью рассказала нам о жизни Брайана, что явилось проявлением ее расположения к Питеру Брауну.

И, наконец, мне бы хотелось поблагодарить своего агента Джона Хокинса за его самоотверженность и защиту, Джозефа Омиана за его издательские предложения и постоянную помощь и моего мудрого редактора Глэдис Юстин Карр, которая смогла сохранить дух этой книги и живого автора на страницах.

СТИВЕН ГЕЙНЗ

Уэйнскотт, Нью-Йорк

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Мне довелось наблюдать водоворот событий и не потонуть в них...

Синтия Леннон Бассанини Твист

1

У нее перехватило дух, когда она их так застала. О, она ждала этого долгие годы, почти надеясь, что это случится, но все же, когда Синтия Леннон вернулась домой после двухнедельного путешествия по Греции теплым солнечным майским днем 1968 года и увидела, как ее муж и маленькая японка-художница по имени Йоко Оно в банном халате завтракают, она лишилась дара речи. Она попыталась сказать что-нибудь остроумное, не теряя присутствия духа, но как только открыла рот, то поняла, что не может даже дышать. И не потому, что удивилась при виде Йоко Оно, просто это было так ужасно, так жестоко.

Около 4 часов дня Синтия Леннон и ее спутники прибыли в Кенвуд, дом в стиле псевдотюдор стоимостью 70 000 фунтов,

который Джон приобрел 4 года назад в Уэйбридже — пригороде, где жили банкиры, находящемся в 40 минутах езды от Лондона. Синтия ненадолго уезжала вместе с Дженни Бойд, сестрой Патти, жены Джорджа Харрисона, и одним из ближайших друзей Джона, «электронным чародеем» Волшебным Алексом.

Когда они втроем прибыли на такси из аэропорта, ворота не были заперты, при входе горел свет, и Синтии не пришлось воспользоваться карточкой с кодом, чтобы открыть дверь.

В прихожей драпировки были опущены, свет выключен. Синтия и ее друзья остановились на минуту и прислушались. В доме было необычно тихо. Не слышно было ни Джулиана, 5-летнего сына Синтии, ни миссис Джарлет, экономки, ни самого Джона. Синтия подошла к лестнице, ведущей в спальню, и крикнула: «Эй! Где вы? Есть кто-нибудь дома?» — но ответа не последовало. Взглянув на Дженни и Волшебного Алекса, она пожалала плечами и, спустившись по четырем ступенькам, вошла в ярко освещенную гостиную. Комната выглядела не как гостиная поп-звезды в зените славы, а как комната отдыха обладающего вкусом прeusпевающего маклера. Полы покрывал толстый черный шерстяной ковер, обстановка состояла из двух диванов лимонного цвета и двух таких же кресел. Диваны стояли друг против друга, между ними — кофейный столик из итальянского мрамора, похожий на огромное пирожное, покрытое глазурью. На полках и на столе были расставлены всякие антикварные вещицы, которые покупала мать Синтии Лилиан Пауэл, проживавшая поблизости и часто навещавшаяся к дочери и зятю. Джон так не любил свою тещу, что ежедневно давал ей по 100 фунтов на поиски антиквариата, лишь бы избавиться от нее.

И все же, несмотря на все усилия, комната выглядела неудобно и была похожа на мебельный магазин. Синтия и Джон никогда не любили ее. Большую часть времени они находились в другой части дома, в маленькой уютной солнечной комнате, очень милой, с огромными окнами, из которых открывался вид на кирпичную террасу, ведущую к бассейну. Дно бассейна украшал огромный мозаичный зеленый глаз, вззирающий на дом. Солнечная комната была заставлена мебелью и аксессуарами рок-звезды. Вдоль одной стены располагались белая стенка и секретер со стереоаппаратурой, журналами и книгами по спиритизму и искусству. На одной дверце секретера Джон прикрепил рекламную вывеску «Молоко полезно». На верхней полке были расставлены черные кубические, таинственно мерцающие светильники, стены украшали постеры и карикатуры Джона в рамках и наиболее значительные цитаты из написанных им двух книг и одной пьесы. Диванчик канapé с коричневыми подушками был слишком коротким для Джона, и он не мог на нем удобно вытянуться, но именно там его и можно было обычно найти с книгой или журналом, обычно, но не сегодня.

«Джон! Ты здесь?» — позвала Синтия из пустой солнечной комнаты. Ей показалось, что из кухни раздался сдержанный смех. Встревоженная, она прошла через обшитую дубом дверь взглянуть, кто там.

Джон в халате стоял перед ней, в левой руке он держал чашку

с горячим чаем, а в правой зажженную сигарету «Ларк». Йоко Оно сидела за кухонным столом спиной к двери. Она даже не потрудилась обернуться, но Синтия узнала ее по гриве черных волос, спадающих на плечи. Белая современная, хорошо оборудованная кухня была завалена грязной посудой и объедками и выглядела так, словно хозяева долго в нее не заходили. Шторы опущены, свет приглушен.

«А, привет», — сказал Джон, нарушая молчание. Он спокойно отхлебнул чай, в то время как Синтия всматривалась в его глаза, пытаясь найти ответ. Он выглядел таким усталым, будто всю ночь пьянствовал и совсем не спал. Его долговязая фигура была заплывшей (результат употребления наркотиков), волосы спутанны и тусклы, и весь он казался каким-то недомытым. Под тонкой круглой оправой очков черные круги, под глазами появились мешки.

Наступила долгая пауза. Наконец Йоко Оно повернулась к Синтии. На ее лице не было и следа замешательства, не было даже намека на желание извиниться или объяснить происходящее. Невероятно, чтобы любовь Джона завоевала эта мрачная, не улыбающаяся тридцатипятилетняя женщина с бледным продолговатым лицом и, мягко говоря, небезупречной фигурой, далекой от того, что можно назвать секс-символом. В довершение ко всему она была замужем, и у нее была шестилетняя дочь. Глядя на Йоко, Синтия вдруг заметила, что на ней не просто халат, а ее, Синтии, халат. «А, привет», — произнесла холодно Йоко. И снова наступило молчание, лишь на лице Джона медленно проступила сардоническая усмешка. Казалось, он ждет, чтобы Синтия заговорила первой. И в этот сюрреалистический момент она решила вести себя так, как вела всегда, оказываясь в диких ситуациях, в которые попадала с битлами все эти годы, — как будто ничего необычного не происходит. Будто со стороны она услышала, как произносит маленькую речь, приготовленную в самолете: «Мы бы хотели поехать куда-нибудь пообедать. Завтрак у нас был в Греции, ланч в Риме, и мы подумали, что здорово будет пообедать всем вместе в Лондоне. Вы с нами?»

Когда слова слетели с ее губ, она пожалела о сказанном. Джон пристально смотрел на нее недобрый взглядом. На секунду она испугалась, что он может сказать что-нибудь грубое, как делал всегда, не задумываясь. Она молилась, чтобы он не унизил ее еще больше перед Йоко. Но он только буркнул: «Нет, спасибо».

Она развернулась и выбежала из кухни. Проплослась по комнатам, собирая вещи, чтобы упаковать их, бесполезные вещи, напоминавшие о замужестве. Это были фотографии, на которые она никогда не захочет смотреть, приглашение на вечеринку, о которой она хотела бы забыть. Пока Джени и Волшебный Алекс ждали ее в холле, она быстро поднялась по центральной лестнице на второй этаж и спустилась в холл, а оттуда в спальню размером с половину теннисного корта, с полками от пола до потолка и стенными шкафами с ее и его вещами. Там стояла широкая кровать, на которой бесконечно долгими ночами она ждала возвращения Джона и в конце концов засыпала одна. По пути в холл Синтия споткнулась о тапочки Йоко Оно, аккуратно

выставленные за дверь гостиной, и впервые за все время расплакалась.

Слава Богу, подумала она, что они хоть не спали в ее постели.

2

В глубине души, не признаваясь в этом даже себе, она знала, что их брак был обречен с самого начала. С того самого дня, как они познакомились, Джон сражался со своими демонами и чудовищами, и она мало чем могла ему в этом помочь. Слава и успех обернулись иронией. Мать и отец предали его, Пол предал его, Махариши предал его, и она сама отчасти давным-давно предала его. Она видела, как эти ненасытные пиявки напивались его энергией и деньгами, как высасывали из него все, без остатка. Последние несколько лет она стояла в стороне, а он барахтался в штормовом море наркотиков. В свои двадцать восемь лет Джон был уже сложившимся наркоманом, за исключением очень коротких и редких периодов жизни. С того дня, как они встретились, он постоянно находился в состоянии алкогольного опьянения или наркотического транса. В Кенвуде на полке в солнечной комнате стояли белая фармацевтическая ступка и пестик, с помощью которых он смешивал различные комбинации наркотических средств, барбитураты и психоделики. С помощью некоторых препаратов он на несколько недель погружал себя в состояние такого глубокого транса, что переставал видеть какие-либо краски, лишь черный и белый цвет. «Что касается меня, — писала Синтия, — все началось с того момента, когда в нашу жизнь пришли гашиш и ЛСД». Но не наркотики отняли у нее Джона, а другая женщина.

То, что этой женщиной оказалась чокнутая японка, явилось для Синтии ошеломляющим открытием. Насколько она помнила, женщины всегда гонялись за Джоном, или его кошельком, или его славой. Женщины были разными — от примитивных шлюх до кинозвезд и писательниц. Несколько недель назад Джон признался в дюжинах измен за восемь лет женитьбы, ни об одной из которых она не подозревала. В этот список побед, по его словам, входила исполнительница фольклорных песен Джоан Бааз, английская актриса Элеонора Брон, журналистка «Ивнинг Стэндард» Маурин Клив, американская поп-певица Джеки Де Шеннон, а также, по его подсчету, было еще около трехсот других девушек в различных маленьких и больших городах мира, и казалось, что никто не сможет надолго задержать его внимание. Пока не появилась Йоко.

В Йоко Оно было что-то такое, чего не было в других: ее настойчивость граничила с навязчивостью. В ней совмещались упорство и нахальство, она постоянно бродила поблизости, как привидение. К этому времени уже все в доме ее опасались.

После того, как они с Джоном встретились на художественной выставке, от нее невозможно было избавиться. Синтия всегда полагала, что первой ошибкой Джона было то, что он материально поддержал Йоко. Получив деньги для своей выставки, она

появилась снова, требуя еще. Охранники студии И-Эм-Ай на Эбби Роуд, где ребята записывали свои альбомы, шутили, что она является частью ограды. Однажды Йоко пригрозила, что прикует себя цепью к воротам, если ее не пустят к Джону. Затем началась продолжительная осада Кенвуда. Сначала шли непрекращающиеся телефонные звонки, а после того, как Джон три или четыре раза менял номер телефона, она стала посылать ему дюжины писем. Синтия перехватывала многие из них и, когда они приобрели оттенок горечи и отчаяния, стала прятать, на случай, если Йоко когда-нибудь выполнит угрозу покончить с собой. Однажды она уже пыталась это сделать в Японии, и письма казались искренними. Как рассказывает Синтия, Йоко писала: «Я больше не могу. Ты — моя последняя надежда. Если ты меня не поддержишь, тогда все, я убью себя».

Очень даже живая, Йоко стала лично являться в Кенвуд и поджидать возле дома, пока Джон приедет или уедет. Она простаивала там с раннего утра до поздней ночи, независимо от погоды, всегда в одном и том же старом черном свитере и стоптанных туфлях, такая злобная, что Дороти Джарлетт, экономка, боялась проходить мимо.

Вопиющая бестактность Йоко проявилась однажды в Лондоне, когда она заявила на лекцию о трансцендентальной медитации, куда пришли Джон с Синтией. После лекции она вышла вслед за ними, проследовала к «роллс-ройсу» Джона и уселась на заднее сиденье между супругами. Синтия и Джон обменивались смущенными улыбками через ее голову, пока шофер не довез ее до Парк Роу, где она жила вместе с мужем. К тому времени, как Йоко доехала до места, Синтия погрузилась в глубокое уныние из-за того, что этой женщине, очевидно, удалось увлечь Джона своими дикими планами. «Может быть, Йоко — это то, что тебе нужно?» — с тревогой спросила она Джона. Джон рассмеялся своим коротким ядовитым смешком: «Она? Да она слабушная. Это не для меня. Она больная. Мне она не нравится».

И вот теперь, шесть месяцев спустя, она была в Кенвуде, пила чай и выглядела так, словно она хозяйка дома. Пока Дженни и Волшебный Алекс ждали в такси, Синтия сложила все, что могла, в один чемодан и бросилась вниз по ступенькам, забросила вещи в багажник такси, где лежали ее сумки, с которыми она путешествовала. Дженни и Волшебный Алекс уселись рядом с ней на заднее сиденье. Все трое молчали, пока такси отъезжало от Кенвуда. Синтия чувствовала, что она здесь в последний раз. У главных ворот закурила сигарету, а потом прикрыла глаза дрожащей рукой и молча заплакала. Синтия курила и плакала, снова и снова удивляясь, как же мог Джон быть так жесток с ней. И все же она продолжала любить его и пыталась оправдать, веря, что они с Джоном связаны судьбой на всю жизнь, что они всегда будут вместе — до смерти и после нее. Она и теперь верит в это.

Но в тот вечер, когда Синтия застала его с Йоко, вера почти иссякла. Она просидела большую часть ночи с Волшебным Алексом, они пили вино и разговаривали в его комнате за столиком с зажженными свечами. К рассвету было выпито много бутылок вина, и тогда она легла в постель с Алексом и занялась любовью

с лучшим другом Джона. Так символично закончились навсегда ее отношения с Джоном.

3

На грани любви и ненависти — именно такими были отношения с Джоном с самого начала. Синтия боялась даже находиться рядом с ним, когда увидела его в ливерпульском художественном колледже. Ей тогда было девятнадцать, а ему восемнадцать. Он был новичком, и за год все в колледже узнали, какой он испорченный. В художественном училище 1958 года, когда всем хотелось выглядеть «богемно» и подражать американским «битникам» в черных свитерах-водолазках и двубортных пиджаках, Джон Леннон играл роль крутого неуправляемого тедди боя*. Синтия наблюдала за ним украдкой, когда по вечерам он влетал в литературный класс в своем длинном твидовом пальто, с обшарпанной гитарой за спиной, близоруко щурясь на мир из-за очков в черной оправе с толстыми стеклами, — высокий, длинноногий, немного нескладный. Из волос он делал кок на лбу — безуспешная попытка походить на Элвиса Пресли, его идола. У него был быстрый и острый, но очень гадкий язык. Он мог беспощадно высмеять кого угодно, и никто — ни учителя, ни студенты — не был застрахован от его убийственных шуток. К несчастью для Синтии, он сидел прямо за ней на литературных занятиях, и от него не было спасения. Он не делал никаких заданий, через слово неприлично выражался, убивал время, рисуя отвратительных детей-уродов и карликов, а пальцы его загрубели от гитары и пожелтели от никотина. Он обращался к Синтии только тогда, когда ему нужна была линейка или ручка, которые он никогда не возвращал, а она его слишком боялась, чтобы спросить. Почти всегда от него пахло перегаром, и, хотя он постоянно курил сигареты, своих у него почти никогда не было.

Синтия Пауэл выросла в Хойлейке, довольно шикарном предместье Ливерпуля напротив Мерсей, в домике с террасой у моря.

Она и два ее старших брата получили строгое воспитание, но в семье были сердечные отношения и дети всегда чувствовали защиту. Синтия была хорошей девочкой с красивой бледной кожей, светлыми волосами, яркими голубыми глазами, с приветливой улыбкой и тихим голосом. Она носила строгую юбку и джемпер в тон и встречалась по уик-эндам с одним и тем же мальчиком в течение трех лет, не отваживаясь пойти дальше невинных поцелуев на лестничной клетке. Когда он оставил ее и стал встречаться с другой девушкой, она потратила шесть месяцев, чтобы вернуть его обратно; с этой целью она выгуливала свою собаку по вечерам около его дома и с надеждой смотрела

* — Тедди бой — разг. — стиляга, пижон (50-е годы). Тедди — уменьш. от Эдуард; часть молодежи подражала моде короля Эдуарда VII (1901—1910); правление короля Эдуарда VII характеризовалось отходом от строгой викторианской морали.

на его окна. Ее отец умер от рака, когда ей было семнадцать лет, а на следующий год она поступила в ливерпульский художественный колледж.

Первые шесть месяцев знакомства Синтия держала Джона Леннона на расстоянии, относясь к нему с большой опаской.

Возможно, она и вообще не захотела бы с ним ближе познакомиться, если бы не его гитара. Однажды в столовой на первом этаже художественного училища, доедая ленч, приготовленный для нее матерью, Синтия заметила небольшую группу студентов, столпившуюся у стойки буфета. Вместе с подругами она подошла посмотреть, что происходит, и увидела Джона. Он сидел на ступеньке, играл на гитаре и с блаженным видом пел. Очки он снял, и она впервые увидела его глаза. Голос у него был приятный, немного специфический, чуть-чуть в нос, с явным ливерпульским акцентом. В нем звучала скорее мука, чем нежность. Синтия не могла оторваться, она стояла в увеличивающейся толпе и слушала песню за песней, пораженная тем, как Джон Леннон вылезает из своей твердой раковины.

Ее отношение к нему резко изменилось в одно утро, несколько недель спустя, когда, сидя в аудитории через несколько рядов за ним, она увидела, как Хелен Андерсон положила руку Джону на голову и нежно погладила его по волосам. Синтию охватила такая безумная ревность, что она чуть не вскочила со своего места. Уж не потеряла ли она голову? Конечно же, она не могла влюбиться в этого вульгарного грубияна. Но позже, когда после литературных занятий Джон вновь взял гитару и запел, она поняла, что любит его.

На одном из литературных занятий студентов разделили на пары и велели проверить друг у друга зрение. Синтия села так, чтобы оказаться рядом с Джоном. К ее восторгу, результаты проверки показали, что оба без очков почти одинаково слепые. Джон признался, что стесняется носить очки и даже иногда снимает их в кино. К концу лекции они настолько подружились, что стали друг другу кивать при встрече.

Когда Синтия случайно узнала, что Джону очень нравится Брижит Бардо, она решила изменить свою внешность, чтобы понравиться ему. Волосы приобрели бронзовый оттенок и взбились в высокую пышную прическу. Она сменила скромный свитер и прикрывающую колени юбку на черные бархатные брюки и джемпер с большим вырезом, купила накладные ресницы и чулки в сеточку. Через несколько месяцев Синтия уже сама удивлялась, что пьяные в автобусе предлагали деньги, принимая ее за проститутку. И все же Джон совсем не обращал на нее внимания, пока в конце семестра на Рождество не устроили вечеринку. Синтия пришла рано в надежде, что Джон будет там. Она спрятала очки в сумочку и осталась в стороне, стараясь разглядеть его в толпе. Но Джон появился, когда вечер уже подходил к концу. Он медленно прошел через всю комнату, заговаривая со всеми девушками и перебрасываясь шутками с друзьями. Синтия надеялась, что он подойдет и к ней. От напряженного ожидания ей даже стало плохо. Джон пригласил Синтию на танец. К своему собственному удивлению, она держа-

лась холодно и спокойно. Когда Джон непринужденно предложил пойти вместе на очередную вечеринку, Синтия выпалила: «Мне страшно жаль, но я помолвлена с парнем из Хойлейка». Она и сама не могла поверить, что сказала это, и готова была поколотить себя.

У Джона перекошилось лицо. «А я и не предлагал тебе выходить за меня замуж!» — бросил он зло и ушел, оставив ее на танцплощадке.

Однако в тот же день, только позднее, он предложил Синтии пойти с ним и его друзьями в студенческое кафе «Йе Крейк». Синтия взяла ближайшую подругу Филлис Маккензи для «поддержки». Крохотное кафе было заполнено студентами, отмечавшими окончание семестра, и, придя в прекрасное расположение духа, Синтия неожиданно для себя купила Джону и остальным ребятам по несколько кружек пива. Очень скоро она тоже слегка опьянела, смеялась и болтала, а Джон занимался тем, что поддразнивал Синтию. «Не выражайтесь и не отпускайте пошлых шуток в присутствии мисс Пауэл, пожалуйста, — предупреждал он с наигранной строгостью. — Разве вы не знаете, что мисс Пауэл монахиня?»

В тот же вечер в однокомнатной квартире друга Джона из художественного колледжа после ужина, состоявшего из рыбы с картошкой, она отдалась Джону на грязном матрасе, брошенном среди банок с краской и сохнувших полотен. Эта квартира на Гамбьер Террас, где Джон жил время от времени, стала их приютом, они встречались там при любой возможности.

Очень скоро Синтия поняла, что любить Джона Леннона нелегко. Он был сердитым молодым человеком, и настроение у него постоянно менялось, как правило, в сторону плохого. Он без причины ревновал Синтию к любому мужчине, на которого она просто смотрела, а сам, не задумываясь, флиртовал с другими девушками прямо в ее присутствии. Друзья предупреждали Синтию: «Ты, должно быть, рехнулась. Ведь он псих. От него нечего ждать, кроме неприятностей, ты сама на них напрашиваешься». Но она отвечала, что за его злость и этой пугающей позой видит другое — легкоранимого, незащитного маленького мальчика, только бы он поверил, что она пройдет вместе с ним через все — и плохое, и хорошее. Синтия поклялась никогда не покидать его. «Я отчаянно хотела видеть его в мире с собой, ради его блага и моего».

4

Ливерпуль 1958 года не походил на романтическую сказку. Это был хмурый серый город, население которого пережило осаду в годы войны. Поскольку это был один из четырех самых оживленных портов мира с большим наплывом эмигрантов из Уэльса, Ирландии и Китая, шестьсот акров глубоких доков сделали его основной линией военных поставок через Северную Атлантику и, таким образом, главной мишенью для гитлеровских бомб. По вечерам на город обрушивался настоящий огневой ураган, превративший его в груду щебня.

Джон Уинстон Леннон родился во время одной из таких воздушных бомбардировок 9 октября 1940 года в доме своей матери на Оксфорд-стрит. Его рождение явилось результатом продолжительного, но лишь наполовину серьезного романтического приключения. Джулия Стэнли, мать Джона, встретила его отца Фреда Леннона в Сефтон Парке, одном из немногих зеленых оазисов Ливерпуля. Фред был шестнадцатилетним щеголем, за несколько недель до этого покинувшим стены сиротского приюта, в котором вырос. Родители и четыре сестры Джулии очень неодобрительно отнеслись к Фреду Леннону, но Джулия считала, что они хорошая пара. Третья дочь в семье, она была упрямой, жизнерадостной девушкой, с высокими скулами и чертовщинкой в темных глазах. Фред же считал себя пайнкой и играл любовные песни на банджо в кафе. Их свадьба отсрочилась больше чем на десять лет, во многом из-за работы Фреда — он был стюардом на океанском лайнере, а также из-за несогласия родных Джулии. Однажды, в декабре 1938 года, отчасти чтобы досадить семье Джулии, они пошли в мэрию и поженились. Вечер провели в кинотеатре в ознаменование события, а потом Джулия отправилась к себе домой, а Фред к себе.

Через два года родился Джон. Фред тогда был в море и к Джулии так и не вернулся. Раз в месяц она ходила в контору пароходства за деньгами, которые он присылал для нее и маленького Джона. Деньги перестали поступать, когда Джону было восемнадцать месяцев. Через некоторое время Джулия отправила Фреду письмо, надеясь на ответ. До нее дошли слухи, что он покинул корабль, но никто не знал, что с ним случилось.

Маленькому Джону было пять лет, когда отец вновь появился, его карманы были набиты деньгами, и он хвастался необычайными приключениями. Фредди заявил, что вовсе не дезертировал, а напился во время стоянки в Нью-Йорке и не успел вернуться на корабль. Его арестовали и посадили в тюрьму на Эллис Айленде, а оттуда отправили на корабль «Либерти», отплывавший в Северную Африку. Удача не улыбнулась ему и на «Либерти», где его обвинили в краже спиртного со склада. Когда корабль наконец причалил в Африке, Фредди бросили в тюрьму на три месяца. Затем он проделал долгое путешествие домой, по пути окунаясь во всякие послевоенные аферы: торговал контрабандными чулками, занимался рэккетом и даже совершил убийство.

Джулию не впечатлили нажитые спекуляцией деньги, она хотела развестись с мужем, подумывая о новом замужестве. Фред обещал дать ответ после того, как съездит с сыном на праздники к морю в Блэкпул. Хотя Джулии эта затея не понравилась, она понимала, что не может отказать Фреду в просьбе побыть с собственным сыном, и отпустила Джона с отцом.

У Фреда Леннона и в мыслях не было возвращаться в семью. Его дружок в Блэкпуле уже все подготовил для того, чтобы они втроем эмигрировали в Новую Зеландию, о которой Фреду говорили, что она бурно развивается после войны и это как раз то, что нужно хорошему человеку для того, чтобы заново начать

жизнь. Фред намеревался сесть на первое грузовое судно вместе с Джоном и навсегда покинуть Англию. Но Джулия разыскала их и потребовала вернуть ребенка.

«Теперь я тоже привязался к Джону, — сказал Фред, — и возьму его с собой».

«Нет, не возьмешь, — твердо ответила Джулия. — Где он?»

После бурной сцены они решили, что Джон выберет сам, с кем оставаться. Фредди позвал мальчика, и обрадованный Джон вбежал в комнату.

«Ты приехала, мама? — умоляюще спросил он. — Приехала наконец?»

«Нет, — ответил отец. — Я уезжаю в Новую Зеландию, а твоя мать едет обратно в Ливерпуль. С кем ты поедешь? С мамой или со мной?»

Детское личико нахмурилось. Он посмотрел на Джулию, помолчал, затем взглянул на отца и произнес: «С тобой».

Фредди просиял от гордости, а Джулия поцеловала сына на прощание и вышла. Вдруг малыш завопил: «Мама! Мама! Я передумал!» — опрометью выбежал из дома и побежал за ней...

Отец и сын не виделись до тех пор, пока кто-то не сообщил Фреду, что Джон стал чем-то, что называется «Битлз».

5

На самом деле не Джулия хотела вернуть Джона, а ее старшая сестра Мими Смит. Именно Мими настояла на том, чтобы она поехала в Блэкпул за малышом, и именно Мими собралась забрать его к себе, чтобы вырастить как родного сына. Замужняя, но бездетная, Мими любила своего племянника. Она так над ним охала и ахала, что Джулия даже ревновала. Но материнство не отбило у Джулии вкуса к ночной жизни, и вскоре после исчезновения Фреда Мими стала заботиться о мальчике.

Мэри Элизабет Смит и ее муж Джордж, владевшие небольшой сыроварней, жили в маленьком, безупречно чистом особнячке на Менлав Авеню, 251. Мими была худой, но сильной женщиной, с темными волосами и доброй, но редко появляющейся улыбкой, которая открывала прекрасные белые зубы. Она нежно любила Джона, но считала, что баловать ребенка — значит, портить его, и она честно старалась быть с ним строгой, разрешала ходить в кино только два раза в год, а на расходы выдавала пять шиллингов в неделю, пока ему не исполнилось четырнадцать. По воскресеньям Мими следила, чтобы он посещал уроки закона божьего и пел в церковном хоре. В пятнадцать лет Джон прошел конфирмацию. Если кто-то и относился к нему, как к ребенку, то это дядя Джордж, к которому Джон обращался с просьбой дать лишний шиллинг или отпустить на поздний сеанс в кинотеатр посмотреть мультфильмы Уолта Диснея. Его любимым развлечением стал карнавал, устраиваемый каждое лето на Строберри Филдз в общежитии девушек из Армии спасения.

Золотоволосый малыш походил на родню Джулии, и многие принимали Джона за сына Мими. Когда же Джон спрашивал о своих настоящих родителях, Мими говорила, что они разлюби-

ли друг друга и его отец так убит горем, что не может вернуться обратно. Вскоре мальчик забыл о Фреде. «Он словно умер», — говорил Джон. Но не Джулия. Джулия была жива и появлялась в жизни Джона. Она появлялась неожиданно и требовала от него тепла и ласки. Затем так же неожиданно исчезала и не показывалась месяцами. Эти визиты врывались в жизнь Джона и ввергали его в водоворот эмоций. Когда он понял, что невозможно постоянно находиться в напряжении, он перестал на нее реагировать. Джон чувствовал себя в безопасности с Мими и Джорджем, и только время от времени Джулия возникала из небытия, чтобы снова вывести его из равновесия.

Однажды она прибыла в дом на Менлав Авеню в черном пальто с поднятым воротником, закрывающим лицо в синяках и кровоподтеках. Перед мальчиком она притворилась, что попала в катастрофу, но Джон знал, что это неправда, и спрятался в саду, чтобы ее не видеть. Когда он подрос и у него появились друзья и школьные дела, Джулия перестала приходить. Однажды он спросил у Мими, куда она делась, где живет, но Мими только ответила: «Далеко-далеко отсюда».

Джон пошел в начальную школу Давдейл и оказался способным учеником, но ему быстро все наскучивало. И еще в нем проснулось своеобразное, почти гадкое, чувство юмора. Занятия в школе его совершенно не интересовали, зато он часами, склонясь над партой, мог рисовать карикатуры на учителей и одноклассников и писать стихи и рассказы, полные каламбуров. Мими поощряла чтение и стала приносить ему кипы книг из местной библиотеки. Он очень любил поэзию, а стихотворение Льюиса Кэрролла «Бармаглот» из «Зазеркалья» стало его любимым.

И все же, несмотря на христианское воспитание, любовь и тепло, царившие в семье, Джон рос злым и непокорным. К двенадцати годам он был уже хорошо известен в окрестностях как заводила и уличный террорист.

На третьем году учебы в средней школе он оказался самым последним по успеваемости. Учительница написала в своем рапорте: «Он просто отнимает время у других учеников».

Мими ничего не могла понять. Она ругала Джона, угрожала всякого рода наказаниями, но на него ничего не действовало. Больше всего ее беспокоили постоянные кражи, а когда он стащил из ее кошелька особенно большую сумму, она его побила.

Однажды, в июне 1953 года, Джон вернулся после каникул, которые он проводил в доме другой тетки, и увидел, что Мими всхлипывает на кухне, нарезаая кубиками морковь. «Мими, что случилось?» — удивился Джон.

«Твой дядя Джордж умер», — сказала она. Джорджа забрали в больницу за день до этого с подозрением на цирроз печени, и там он неожиданно скончался от кровоизлияния в мозг. Джон оцепенел; еще один родитель уходил из его жизни. По мере того, как дом быстро наполнялся родственниками Мими и Джорджа, он чувствовал себя все более несчастным. Не желая проявить свое горе на людях, Джон спрятался в своей спальне наверху, но так и не смог заплакать. Он уже начинал привыкать к потерям.

Через несколько месяцев после смерти дяди Джорджа в доме неожиданно появилась Джулия. Но не та, в черном пальто, со следами побоев на лице, которую он помнил. Это была молодая привлекательная женщина с огоньком и чувством юмора, удивительно напоминающим его собственное. Оказалось, что живет она не «далеко-далеко», как утверждала Мими, а всего лишь в нескольких милях, в Спринг Вуде, с официантом Джоном по прозвищу «Тик», из-за нервного тика, сводившего лицо. Джулия родила от Тика двух дочерей, но официально все еще считалась женой Фреда.

Чем больше Джон узнавал Джулию, тем больше она ему нравилась. Он с восторгом рассказывал о ней своим друзьям и не мог дождаться, когда она зайдет на Менлав Авеню. Влияние Джулии отразилось и на школьных отношениях. Джон стал еще более вызывающим и презрительным к учителям, и Мими звонили из школы почти каждый день. Частые наказания не оказывали на него никакого действия. Он был худым, но высоким и сильным, и сила его подкреплялась взрывным темпераментом. Однажды стычка с преподавателем переросла в драку. Джон так быстро одержал победу, что учитель не рискнул доложить об этом случае школьным властям. Как-то Джоону запретили посещать занятия в течение недели. Это считалось самым суровым и позорным наказанием, хуже было только исключение. Но когда он вернулся в школу, ничего не изменилось. В шестнадцать лет он завалил все экзамены, которые сдавали студенты, решившие продолжить образование, а к последнему классу был самым плохим учеником среди двадцатилетних.

Казалось, его академическая карьера закончена, но Мими удалось уговорить мистера Побджоя, директора школы, написать почти сердечное рекомендательное письмо, где говорилось, что Джон «не безнадёжен и может оказаться весьма ответственным и далеко пойти». Побджой даже договорился о том, что Джона примут на собеседование в ливерпульский художественный колледж. Казалось, что Джона ничто, кроме рисования, не увлекало, хотя м-р Побджой не собирался информировать администрацию художественного колледжа о том, что Джон завалил выпускной экзамен, нарисовав гротескного горбуна с кровотоками мозолями для того, чтобы проиллюстрировать тему «путешествие».

К большой досаде Джона, Мими настояла на том, чтобы проводить его на собеседование в художественный колледж, не то он заблудится и не вернется. Она почувствовала громадное облегчение, когда в 1957 году Джона приняли в колледж.

К лету стало ясно, что Джона не интересуют ни учеба, ни живопись, ни его будущее вообще. Похоже, что интерес его сосредоточился на американском безумии под названием «рок-н-ролл», производном от черных ритмов и блюзов с громким ритмичным сопровождением ударных инструментов. В Англии

по радио рок-н-ролл не передавали. Там не было коммерческого радио в той форме, в какой его знали американцы. Британская радиовещательная корпорация Би-би-си контролировала три существующие радиостанции и их репертуар. Внутренняя станция передавала новости и пьесы с музыкальными вставками. Развлекательная станция передавала музыкальные программы, произведения для которых отбирались по письмам на передачи типа «Семейные фавориты». Однако время для музыки строго ограничивалось, музыка для передач записывалась заранее, а музыканты, которых приглашали для выступлений в прямом эфире, должны были играть в соответствии с существующими стандартами. Третья станция, Классическая, передавала только серьезные радиопостановки и классическую музыку.

У Джона Леннона в Ливерпуле было только две возможности слушать рок-н-ролл. Во-первых, пластинки, которые привозили из Америки молодые люди, работавшие на судах, во-вторых, по Радио-Люксембург, частной коммерческой радиостанции, которая вещала достаточно громко, чтобы ее услышали в Центральной Европе и Великобритании. Кроме того, каждый вечер в восемь часов начиналась передача «Инглиш Сервис» — английские фирмы звукозаписи закупали время для демонстрации своей продукции. Джон слушал «Инглиш Сервис» в своей спальне по дешевому транзистору, приходя в экстаз от плохо прослушиваемых скрипучих звуков рок-н-ролла.

Затем произошли три важнейших музыкальных события. Сначала возникло увлечение, охватившее в 1956 году всю Англию, называлось оно «вокально-инструментальные ансамбли» — форма американской игры на гладильной доске и на жестянках. Затем вышел фильм об американских юных преступниках «Джунгли школьной доски». Фильм романтизировал бунт подростков, а песня «Рок вокруг часов» не была похожа ни на что прежде звучавшее в Великобритании. Ее исполнял полный лысеющий певец средних лет Билли Хэли, и в этой мелодии звучало такое захватывающее неистовство, что она действовала на Джона, как наркотик. И, наконец, появилась первая рок-звезда — юноша, соединявший в себе молодость и вызов. Его песня называлась «Отель разбитых сердец». А звали его Элвис Пресли.

Элвис. Элвис. Элвис. Элвис! Прическа Элвиса, его костюм, его походка и особенно его гитара. Через несколько недель Мими уже не могла о нем слышать. «Элвис Пресли — очень хорошо, Джон, но я не хочу его иметь на завтрак, обед и к чаю».

Самой большой мечтой Джона была гитара. Мими повела его в магазин музыкальных инструментов и купила первую гитару за 17 фунтов. Маленький испанский инструмент с дешевыми металлическими струнами. Он играл на ней до тех пор, пока не стер пальцы до крови. Мими смотрела, как он теряет час за часом, день за днем с этой проклятой штукой, и жалела, что купила ее. «Гитара — очень хорошо, Джон, — предостерегала она, — но этим не заработаешь на жизнь».

Первая группа Джона называлась «Кварримен». В нее вошли приятели Джона, жившие по соседству, — Пит Шоттон, Ниджел

Волли и Иван Воган, и другие ребята из школы. Они участвовали в многочисленных конкурсах, проводившихся в округе, играли на танцах в школах, на уличных распродажах, на церковных праздниках. На один из таких церковных праздников жарким субботним днем 6 июля 1957 года в Церковь Святого Петра в Вултоне Иван Воган пригласил своего школьного друга Пола Маккартни. Юный Маккартни — ему тогда было всего четырнадцать лет — пришел не потому, что заинтересовался музыкой «Кварримен», просто Иван Воган убедил его в том, что на этом празднике очень легко подцепить девчонок.

Джеймс Пол Маккартни в свои четырнадцать лет уже встречался с девушками. К пятнадцати годам из пухлого ребенка он превратился в красивый, с оленьими глазами и сложившимся стилем, секс-символ. Девушки были его главной заботой, и именно об этом он думал в тот день, когда ехал на велосипеде к большому полю в верхней части дороги, ведущей к церкви, где уже начинался праздник. На нем была белая спортивная куртка с широкими отворотами и черные брюки-дудочки. Набриоленные волосы были зачесаны вверх красивой волной.

Праздник начался шествием по улице, затем были карнавал, продажа домашних пирожных и пирогов и демонстрация полицейских дрессированных собак из ливерпульского полицейского управления. Ответственность за музыкальное сопровождение праздника лежала на группе «Кварримен».

Позднее, вечером, в прохладном зале церкви, Пол попросил гитару у одного из парней и начал играть. В глазах спонтанно собравшихся слушателей он явно был виртуозом. Ребят особенно потрясло то, что он умеет настраивать гитару: таким талантом пока никто из них не мог похвастаться. Слушая радио, Пол выучил все мелодии и стихи наиболее популярных песен, в том числе «Рок двадцати полетов» — новую, полюболившуюся всем песню, которая была слишком сложной для исполнения. Он пел чистым приятным голосом, без напряжения, и мог брать высокие ноты так же легко, как мальчик из церковного хора.

На Джона игра Пола произвела сильное впечатление, но он был слишком горд, чтобы признаться в этом. Про себя Джон думал: «Он неплохо играет, но я, конечно, раза в два лучше». Пол, великодушный, как всегда, предложил переписать слова песни «Рок двадцати полетов» и песню Жана Винсента «Be Wor a Lucia» чтобы Джон их выучил. Когда Пол возвращался после праздника домой, его догнал Пит Шоттон: «Эй! Они говорят, что возьмут тебя в группу, если ты захочешь».

Для музыкальных способностей Маккартни, равно как и для его любовных увлечений, были предпосылки. Отец Пола Джеймс Маккартни, любвеобильный холостяк и музыкант, женился только в тридцать девять лет. Хотя Джим зарабатывал себе на жизнь, работая на хлопковой бирже, по вечерам и в уик-энды он руководил популярным ливерпульским оркестром под названием «Джим Мак Джаз Бэнд». Он бросил это занятие только

потому, что вставные зубы стали мешать ему играть на трубе. В 1941 году Джим женился на Мэри Патрисии Мохин, и она сразу же забеременела. 18 июня 1942 года в больнице Уолтон Дженерал родился Джеймс Пол Маккартни. Мэри, работавшая прежде сиделкой в родильном отделении, получила отдельную палату и лечение. Когда Джиму разрешили зайти в палату взглянуть на новорожденного, он увидел красного, визжащего ребенка и подумал: «Как кусок сырого мяса». В 1944 году в семье Маккартни родился второй ребенок, Мишель.

Сначала семья жила в Анфилде, в меблированных комнатах, затем в муниципальном доме в поместье Ноуси, Уолласи, а потом переехала в Спик, в шести милях от центра Ливерпуля, где жили бесплатно, в обмен на работу Мэри в местном медицинском пункте управления жилым фондом. Именно из этого дома на Ардвик Роуд Пол пошел учиться в начальную школу на Стоктон Вуд Роуд, а позднее вместе с младшим братом Мишелем стал ходить в школу Джозефа Уильяма. В конце концов, когда Полу исполнилось тринадцать лет, они переехали в третий раз, на Фортглин Роуд, 20.

Пол был хорошим учеником, послушно себя вел и не стеснялся выглядеть изысканно. Он рано узнал ценность добрых отношений с людьми и стал оттачивать в себе дипломатичность. Когда ему было выгодно, он легко притворялся. В 1953 году его приняли в ливерпульский институт, лучшее высшее учебное заведение в городе.

202

Летом 1955 года Пол и Мишель отдыхали в бойскаутском лагере. Дождь лил, не переставая, целую неделю, и Мэри с Джимом, беспокоясь, что мальчики промокнули в своих палатках, поехали навестить их, взяв с собой сухую одежду и брезент для пола. По дороге домой в машине Мэри почувствовала сильнейшую боль. Вечером, когда к ним зашел Олив Джонсон, близкий друг Джима по работе, и помог уложить ее в постель, Мэри прошептала: «Я не хочу пока оставлять мальчиков». Через несколько дней ее прооперировали в старой городской больнице Нозерн, но слишком поздно. Через несколько часов после операции она умерла от рака груди.

В ту ночь мальчики не могли уснуть, пока не выплакались. Еще несколько месяцев после смерти матери Пол молил Бога, чтобы тот передумал и вернул ее обратно.

Но жизнь продолжалась. Так же, как и многие ливерпульские мальчики, Пол увлекся гитарой и попросил отца купить ее. Элвис Пресли и братья Иверли стали его идолами, он выучил все их песни, мимику и стиль. Его имитация «Мальпиа Ричарда» была абсолютно точна, и однажды в Бутлинском летнем лагере он уговорил брата Мишеля участвовать с ним в самодельном конкурсе. Они не победили, но Пол понял, как ему нравится выступать перед публикой, как сладок звук аплодисментов...

Пол с Джоном подружились, несмотря на то, что двухлетняя разница в возрасте казалась им вначале огромной. Но постепен-

но она стала незаметной, благодаря общности интересов и схожести, хотя внешне трудно себе представить двух более разных людей. Детское лицо Пола выражало достоинство, совесть и почтение к старшим. Джон не признавал никаких авторитетов и был безнравственен.

К обоюдному удовольствию ребят, здание ливерпульского института, в котором учился Пол, находилось в непосредственной близости к зданию художественного колледжа, где учился Джон. Они проводили долгие вечера в доме Пола на Фортлин Роуд, разучивая песни, показывая друг другу аккорды и совершая налеты на буфет с вареньем. Иногда они играли, стоя в выложенной кафелем ванной комнате, чтобы получить лучший резонанс. Их голоса в совершенстве дополняли друг друга, нежные округлые звуки голоса Пола смягчали напряженные носовые ноты Джона. Началось состязание в сочинении песен о любви, которое подогревало их творчество в последующие годы. Однажды Пол сыграл Джону песню своего собственного сочинения, а Джон с ходу симпровизировал что-то свое, чтобы не быть побежденным. Хотя вместе они сочиняли только в течение года или двух, в тот первый год они написали более ста песен (к сожалению, они пропали, когда Джейн Ашер делала весеннюю уборку в лондонском доме Пола). Джону легко удавалось придумать начало мелодии к песне, но у него не получались переходы и паузы. А у Пола открылась особая способность сочинять «средние восемь» тактов. Лирические красивые мелодии Пола сменялись резкими роковыми ритмами Джона.

Как только Пол стал членом группы «Кварримен», он начал указывать остальным ребятам, как им играть и когда. Даже Пит Шоттон, один из самых давних и близких друзей Джона, почувствовал себя несколько забытым из-за того, что Джон молча принимал все требования Пола. Он покинул группу вслед за Иваном Воганом. Их места заняли другие, постоянно сменяющиеся музыканты, которые подыгрывали дуэту Леннона — Маккартни.

Тетя Мими считала, что Пол Маккартни разжигает тот костер, в котором Джон будет гореть в аду. Обаяние Пола и его безукоризненное умение ладить с людьми не могли ее провести. Обычно Пол подъезжал к дому на велосипеде и спрашивал Джона: «Привет, Мими! Можно войти?»

«Конечно, нет», — обычно отвечала Мими.

К лету 1958 года, в конце первого года учебы Джона в художественном колледже, борьба с Мими стала тягостной. Поскольку она оплатила его первый год учебы из собственных сбережений, то чувствовала, что у нее есть все права говорить о том, как он одевается, с кем общается и куда ходит. На «Кварримен» она смотрела с неодобрением. Когда брюзжание Мими слишком надоедало Джону, он уходил в дом Джулии в Спринг Вуд. Джулии очень нравились ребята из «Кварримен», и она даже знала все слова песен из их репертуара. Когда у Джона с Мими особенно портились отношения, он вихрем уносился из дома и ночевал у Джулии на диване. Это очень обижало и сердило Мими. Хотя она и предполагала, что Джулия покрывает Джона,

сестры продолжали тесно общаться, и Джулия стала частой гостьей в доме на Менлав Авеню. Жаркими летними вечерами она часто заходила выпить чаю в саду и оставалась на обед, рассказывая анекдоты и болтая с соседями. Однажды вечером, после очередного визита к Мими, Джулия возвращалась домой. Она была всего в 200 ярдах от ворот дома, и тут тихий летний вечер прорезал жуткий скрип тормозов и звук сильного удара. Тело Джулии высоко взлетело в воздух и упало на другой стороне улицы. Когда Мими подбежала к трамвайным рельсам, Джулия была мертва.

10

За несколько месяцев до несчастья Джон спросил Пола: «Как ты можешь тут сидеть и вести себя, как обычно, если твоя мать мертва? Если бы со мной такое случилось, я бы рехнулся».

Верный своему слову, он действительно рехнулся. Казалось, он всех считал виновными в смерти матери и намеревался мстить. Его злость и горе были беспредельны. Когда шесть недель спустя Джон вернулся в колледж, то стал еще хуже, чем был. Однокашники вспоминают, что видели, как он сидит в одиночестве, не отрываясь, смотрит в окно и плачет. Он держал себя в алкогольном ступоре, убивающем боль, и почти всегда был слегка пьян. Его стали избегать все, кроме ребят из группы. Ни одна девушка не хотела с ним встречаться. Именно тогда, в 1958 году, он и познакомился с Синтией Пауэл, вознамерившей спасти его от самого себя.

ГЛАВА ВТОРАЯ

... и я знаю, что когда-нибудь где-то мы с Джоном всегда будем вместе.

Синтия Леннон Твист, 1982

1

Синтия Пауэл посвятила себя Джону со страстью религиозной фанатички. Человеку, более уверенному в себе, такое внимание могло бы быть в тягость, но Джон наслаждался. Синтия убегала из школы и из дома для того, чтобы побыть с ним. Они встречались даже в короткие интервалы между занятиями в колледже и обнимались за шкафами в подвале. Она платила за его сигареты и кофе и без усталости просиживала на жесткой скамейке на его любимых вечеринках в «Якаранде», сжимая его руку под столом, часами глядя ему в глаза и слушая его рассказы о жизни.

«Якаранда», или так называемый «Як», стал любимым местом сборищ многочисленных бит-групп города. «Як» находился на самой окраине шумного Чайна-тауна. Его месторасположение и политика невмешательства городских властей создали очаровательный уголок, где студенты, художники, бит-музыканты,

западные индейцы, белые, черные, китайцы и просто прохожие с улицы собирались по вечерам. Владельцем «Яка» был Аллан Уильямс, словоохотливый джентльмен небольшого роста, обладающий незаурядным северным шармом. Этот своеобразный предприниматель в свое время продал все — от электрических пишущих машинок до домашней библиотеки. Уильямс стал любимцем мальчишек после того, как оборудовал свой подвал под маленький клуб. Бит-музыканты города проводили время до рассвета за маленькими столиками, пили кофе и принесенное с собой спиртное и слушали «крутую» музыку.

Именно в «Яке» Синтия познакомилась с друзьями Джона. Особенно ей нравился один студент-художник, маленький, бледный, немного не от мира сего молодой человек по имени Сту Сутклифф. Синтия уже слышала о девятнадцатилетнем художнике в школе, где его чрезвычайно уважали, как самого талантливого и подающего надежды студента. Девочки считали его неотразимым, и все говорили, что он — точная копия Джеймса Дина, в особенности благодаря своему мрачноватому романтическому облику и темным очкам, которые он никогда не снимал. Если дружба с Полом ограничивалась музыкой и совместными развлечениями, со Сту Джон ощущал глубокую духовную связь. Он не только восхищался талантом и творчеством Сту, но и ценил его за страстную любовь к искусству Джона.

В то время группа искала нового бас-гитариста. Джона не волновало, что у Сту нет ни малейшего представления о том, как играть на инструменте, и ни малейшего желания стать членом рок-группы. Он так загорелся этой идеей, что Сту наконец сломался, и независимо от того, нравилось это другим членам группы или нет, он неожиданно стал играть с ней.

Меньше всего Синтии нравился надоедливый малыш Джордж Харрисон. Он был почти на пять лет моложе Синтии и по-мальчишески развлекал ее. Тонкий и бледный, он был к тому же прыщав. Скорее скрытный, чем застенчивый, он откровенно идеализировал Джона и во всем ему подражал. Одевался Джордж крикливо, а волосы носил гораздо длиннее, чем у его сверстников. В остроносых ботинках, розовой рубашке с торчащим воротником, канареечном жилете, Джордж таскался за Джоном и Синтией всюду, куда бы они ни шли. Еще слишком маленький для того, чтобы всерьез встречаться с девушками, он и представить себе не мог, что молодая пара хотела бы побыть наедине. Джордж вечно болтался поблизости, стараясь привлечь внимание Джона, и устраивался рядом с Джоном, когда они ходили в кино. В те редкие минуты, когда Джону и Синтии казалось, что им удалось избавиться от Джорджа, он неожиданно появлялся из-за угла и бежал за ними, возвещая о своем появлении пронзительным свистом. К Синтии Джордж относился намного благосклоннее, чем она к нему. «По-моему, она замечательная, Джон, — разоткровенничался он однажды. — Одно лишь плохо. У нее зубы, как у лошади».

Если для Мими Пол Маккартни был несчастьем, то Джордж Харрисон просто проклятием. Мать Джорджа, Луиза Харрисон, поддерживала ребят в их увлечении музыкой, предоставляла им

место для репетиций и кормила, когда они были голодны. Это выводило Мими из себя.

Джордж Харрисон родился 25 февраля 1943 года в семье, где уже было три сына и одна дочь. Его отец Гарольд, худощавый тихий человек, работал шофером городского автобуса, а мать была счастливой домохозяйкой, которую знали все дети в округе. В течение восемнадцати лет семья жила в одном и том же скромном доме с террасой на Прюльд Гроув, Уэйвертри, а затем переехала в маленький дом на Аптон Грин в Спике. Джордж росмышленным самостоятельным ребенком, который мог перехватить вместо обеда кусок колбасы в мясной лавке по соседству. Как и Джон, он ходил в частную школу Доувдэйл напротив Пенни Лэйн, где они жили.

Сначала Джордж подружился с Полом Маккартни, это произошло сразу после того, как семья переехала в Спик. Каждое утро мальчики встречались на автобусной остановке, садились в один и тот же автобус, который шел в Ливерпульский институт. Однажды утром у Пола не хватило нескольких пенни, чтобы оплатить проезд, и Луиза Харрисон дала ему недостающие деньги и еще немного мелочи, чтобы он мог вернуться домой. Хотя Джордж был на класс младше Пола, у мальчиков нашлось достаточно общих тем для разговора в автобусе: самодеятельность, рок-н-ролл, гитары.

К тому времени, когда Джорджу исполнилось четырнадцать лет, он уже фанатично полюбил гитару, и Луиза Харрисон находила в его карманах обрывки бумаг, на которых он рисовал гитары, как другие мальчишки рисуют самолетики. Его первым инструментом стала подержанная гитара, которую он купил у другого мальчика из своей школы, деньги на нее — 3 доллара — дала ему мать. А следующей стала роскошная гитара, на которую он заработал сам, выступая в мясной лавке по воскресеньям. Луиза постоянно подбадривала его, когда он падал духом, и говорила, что он может играть лучше. Но до встречи с Джоном Ленноном ему не предоставлялось такой возможности. Зимой 1959 года Пол познакомил Джорджа с ребятами из группы «Джонни энд Мундогз». Харрисон исполнил свой самый лучший номер, мелодию на бас-гитаре из восемнадцати нот под названием «Ранчи», но его выступление ни на кого не произвело впечатления. Тем не менее он таскался за ребятами повсюду в надежде, что когда-нибудь они попросят его выступить с ними. Несколько раз, когда кто-то из постоянных гитаристов не мог выступать, Джорджу разрешали присутствовать на сцене вместе с группой, а изредка он даже исполнял собственное, захватывающее дух соло. Прежде чем кто-либо успел заметить, как это произошло, Джордж стал членом группы. Кроме того, Луиза Харрисон давала им приют и еду.

Джон, Пол, Джордж, Сту и Синтия виделись почти ежедневно в «Яке» или в школьном кафе. Синтия обычно сидела на скамейке и слушала, как ребята играют. Они не слишком отличались от других школьников, и никто не обращал на них особого внимания.

Весной Элвис Пресли был призван в вооруженные силы США. Молодые люди во всем мире стремились занять его место. По всей Англии образовались сотни рок-групп, не было недостатка и в площадках для выступлений. Любая церковь, танцевальный зал, каток могли быть переоборудованы в сцену, и по выходным дням там устраивались танцы. В Ливерпуле появилось так много групп, что студент художественного колледжа в Ливерпуле Билл Харри, который, кстати, познакомил Сту Сутклиффа с Джоном Ленноном, начал вести записи, в которых отмечал, кто, в какой группе и где играл, и издал собственную газету о музыкальной жизни под названием «Мерси Бит». Некоторые группы просуществовали не более двух недель, другие завоевали известность в своих округах и имели верных поклонников.

Поскольку «Як» стал основной сценой для вечерних выступлений, Аллан Уильямс ознакомился с диапазоном групп, входящих в его двери, понял, что «поп» — золотая жила, и стал организовывать платные концерты. Для того, чтобы оснастить здание всем необходимым, он находил для музыкантов работу с оплатой 10 долларов за вечер. Из них 1 доллар получал Уильямс, а 1 доллар — местный посредник. «Джонни энд Мундогз» быстро согласилась на эти условия. Уильямс познакомился с известным лондонским менеджером и предпринимателем Лэрри Парнзом и заверил его в том, что в Ливерпуле несметное количество поп-групп, страстно желающих за умеренную плату отправиться в турне туда, где известно имя Парнза.

Уильямс выиграл в споре за отбор лучших групп Ливерпуля, среди них были и его фавориты — «Джонни энд Мундогз». По совету друзей группа заменила свое название на «Сильвер Битлз». Слово «beetles» (жуки) предложил Сту Сутклифф по аналогии с названием группы Бадди Холлиз «Крикетс» (сверчки). Джон не удержался от каламбура и предложил слово «beatles», имея в виду то, что исполняют бит-музыканты. Слово «сильвер» (серебряные) добавили для блеска.

Ребятам предложили двухнедельное турне по Шотландии с группой Джонни Джентла. Оно оказалось для ребят гораздо менее увлекательным событием, чем они предполагали. Отчаявшись найти ударника, они наняли 25-летнего Томми Мура, грузчика с завода по производству бутылок Гарстона. Музыкальный опыт Мура ограничивался игрой с большими группами на танцах. Джонни Джентл, грубоватый человек, работавший моряком на торговом судне до того, как его нашел Парнз, не слишком интересовался ни группой «Сильвер Битлз», ни их музыкой. Турне обернулось удручающей чередой выступлений в старых, обшарпанных танцевальных залах маленьких городишек, каждый вечер в разных городах. Лэрри Парнзу жаловались по телефону на игру «Сильвер Битлз», а «Сильвер Битлз» звонила ему с жалобами на холодные и сырые номера, где им приходилось останавливаться. Они питались одной похлебкой, вдобавок ко всему Томми Мур не выносил Джона Леннона. Как-то вече-

ром вагон, в котором ехали музыканты, здорово трянуло, и Томми Муру на голову свалился чемодан. Ему выбило два передних зуба, и его отправили в больницу. Когда Джон увидел его вечером на выступлении, то от души расхохотался. По возвращении в Ливерпуль Мур уволился.

3

В то лето на «Якаранду» обрушилось страшное несчастье. «Зе Роял Карибиан Бэнд» со своими оглушительными ударными инструментами, создававшими по вечерам в клубе назлектризованную атмосферу, вдруг исчезли. Аллан Уильямс узнал, что они уехали в Гамбург на заработки. Казалось, что район Сент-Поли с сотнями баров, танцевальными залами и ночными клубами превратился в огромный рынок, жаждущий заморских развлечений. Владельцы клубов платили огромные деньги, спрос на зрелища был настолько велик, что даже такая экзотическая группа, как «Вест Индиан Стил Бэнд», пользовалась популярностью. Уильямс записал ливерпульские группы на магнитофон, который Джон украл в художественном колледже, в чем впоследствии обвинил Сту. Он не разочаровался в том, что увидел в Гамбурге. Сент-Поли оказался районом, расчерченным неоновыми линиями ночного мира, полным клубов, публичных домов, притонов и магазинов, торгующих порнопродукцией и оружием. Все это служило колоритным фоном для разворачивающейся яростной борьбы между многочисленными поставщиками наркотиков и оружия.

208

В клубе на Гросс Фрайхайд Аллан Уильямс познакомился с Бруно Кошмидером. У Кошмидера была запоминающаяся внешность: приземистый, похожий на карлика, с большой головой, приплюснутым носом, копной тщательно завитых белокурых волос. Когда-то иллюзионист и цирковой клоун, он завел собственное дело. Уильямс с воодушевлением объяснял через переводчика, что Ливерпуль — это огромные, просто неограниченные возможности, тот самый источник, который нужен для создания клуба. Он говорил, что «звуки бита» разнесутся по всему Гамбургу, и в доказательство достал магнитофонную запись, сделанную перед выездом из Ливерпуля. На пленке оказался сплошной скрип и жужжание...

Уильямс вернулся в Ливерпуль без заказов, но вдохновленный. Он продолжал поставлять группы для гастролей, и сам часто навещался в Лондон. В одну из таких поездок несколько месяцев спустя он вновь встретился с Кошмидером, искавшим в Лондоне группы, которые могли бы выступать в клубе, и уже через несколько минут уговорил его подписать контракт с теми, кого он откомендовал как самую замечательную музыкальную продукцию Ливерпуля — «Дерри энд зе Синиорз».

«Дерри энд зе Синиорз», к зависти местных групп, направились в Гамбург, где, как они предполагали, их ожидало великолепное времяпрепровождение. Удовлетворенный Кошмидер написал Уильямсу письмо, в котором просил направить в Гамбург еще одну группу, теперь очередь была за «Сильвер Битлз».

В восторге от того, что им предстоит поехать на гастроли в романтический город Гамбург, группа отбросила слово «сильвер» и стала называться просто «Битлз».

У «Битлз» была только одна небольшая проблема перед поездкой: они так и не нашли постоянного ударника. Больше от отчаяния, чем из желания, они предложили девятнадцатилетнему Питу Бесту поехать с ними. Битлы знали Пита Беста много лет; Джордж Харрисон когда-то познакомил его с Полом и Джоном, но он только недавно стал играть на ударных. Его мать Мона владела популярным молодежным клубом «Касбах». Это было грубое помещение на первом этаже с деревянными скамейками и нарисованными на потолке драконами. Когда до битлов дошли слухи об открытии «Касбаха», они решили, что это как раз самое подходящее место для выступлений, и всей толпой вместе с Синтией ринулись туда. То, что они увидели, так им понравилось, что они помогли убрать помещение, а Синтия разрисовала стены паутиной.

Именно в «Касбахе» они приобрели друга, который впоследствии стал неотъемлемой частью группы. Звали его Нил Аспинол, это был восемнадцатилетний юноша, высокий и красивый. Он обладал грубоватым чувством юмора и северным обаянием. Нил только что закончил институт в Ливерпуле, где учился на бухгалтера, но по мере того, как возрастал его интерес к музыке, ослабевало внимание к занятиям... К весне Нил уже помогал битлам грузить аппаратуру и возил их на концерты в красном фургончике с подтекающим радиатором. Тогда его еще не называли «дорожным менеджером», это слово придумали через много лет. Своей неповторимой индивидуальностью он повлиял на жизнь «Битлз» так же глубоко, как и каждый из четверых.

К тому времени Пит приобрел новенький сверкающий комплект ударных инструментов. Он бросил школу и занимался только «Касбахом», когда Пол позвонил ему и попросил принять участие в прослушивании в «Якаранде». В тот вечер, только позднее, они отметили его присоединение к группе «Битлз» в качестве ударника.

4

Поездка в Гамбург отнюдь не обрадовала Синтию Пауэл. Она уже научилась давать отпор ливерпульским девицам, пытающимся флиртовать с Джоном, но у нее не было уверенности, что их отношения с Джоном вынесут долгую разлуку. Синтия изо всех сил старалась не падать духом, уговаривая себя, что гастроли продлятся всего шесть недель, но, как оказалось, они затянулись на пять месяцев.

Педантичный Джон присылал письма ежедневно. На конверте были следы поцелуев и стихи о любви типа «Почталъон, не зевай, я люблю Синтию, скорее к ней езжай». Далее на двадцати — тридцати страницах эпическим слогом излагались его приключения, и все это завершалось рисунками на картоне.

Судя по письмам, Джону не приходилось напрягать свою бурную фантазию, чтобы приукрасить горькую реальность. Они

выступали не в «Кайсеркеллере», а в гнусной дыре под названием «Индра Клаб», с неоновым слоном на входной двери. Обычно на крошечной сцене «Индра Клаб» показывали стриптиз и порнографические сценки. Постоянные посетители без всякого удовольствия приняли обычно одетых молодых англичан, сменивших на сцене голых потных мускулистых бесстыдниц. Битлы должны были развлекать публику с семи вечера до двух или трех часов утра, иногда семь раз в неделю. Владелец клуба Бруно Кошмидер поселил их в подвале кинотеатра «Бамби Кино», который также был его собственностью, и выделил три грязных клетушки прямо за экраном. В кинотеатре порнофильмы чередовались с боевиками, и нередко ребята по утрам просыпались от звуков сладострастного пыхтения. Пролетели пять месяцев, в течение которых им вряд ли удалось хоть раз помыться. Вся пища состояла из кукурузных хлопьев с молоком по утрам и редких обедов в «Сименз мишн», владелец которого, англичанин, кормил их по низким ценам, установленным для моряков.

Все, кроме Пита Беста, который, казалось, отгородился от окружающей дикости, быстро обнаружили, что виски «Преллис» помогут им выдержать бесконечные ночные концерты. Посетители довольно часто присылали им выпивку прямо на сцену и кричали: «Пей! Пей!» Нервы битлов были настолько распяты постоянным употреблением дешевой выпивки, что они способны были выкинуть на сцену все, что угодно. Джон, например, приносил домик с быстро передвигающимися уродливыми фигурками, а сам прыгал, ползал и орал, иногда оскорбляя публику выкриками типа «Нацисты трахнутые! Зиг Хайль!». Обычно публика была такой же пьяной и только хохотала, провоцируя его на другие, еще более смелые выходки. Джон настолько терял над собой контроль, что однажды вечером, когда один из возбужденных посетителей подошел к сцене, дважды пнул его ногой в голову, а затем схватил со стола нож и швырнул в него.

Любимым районом битлов (кроме Пита Беста, не участвовавшего в таких мероприятиях) был Сент Поли — удивительный район, залитый красными огнями, что-то вроде Диснейленда с сексуальной окраской. Здесь часами и днем, и ночью проститутки всех размеров, форм и мастей сидели в витринах каждого дома, читали, ссорились, сплетничали.

Кошмидер продлил гастроли «Битлз» и, после того, как измощенные и все промотавшие «Дерри энд зе Синиорз» отбыли в Ливерпуль, перевел битлов в большой клуб «Кайсеркеллер». Нравы в «Кайсеркеллере» были еще более суровыми, чем в «Индре», в клубе проводили время гангстеры.

Лето сменилось осенью, а гастроли продолжались. Синтия терпеливо ждала в Ливерпуле. В своих письмах Джон упоминал о красивой девушке по имени Астрид Кирхнер и ее приятеле Клаусе Вурмане. Постепенно Астрид и Клаус приобрели колоссальное влияние на ребят. Клаус, сын врача, уроженец Берлина, учился в художественном колледже в Гамбурге. Как-то вечером, поссорившись с Астрид, он забрел в «Кайсеркеллер». Его потрясли битлы в смешных клетчатых пиджаках и пышных париках.

Особенно поразил Сту Сутклифф в таинственных темных очках, игравший с мрачным видом на бас-гитаре. Два вечера спустя Клаус привел Астрид посмотреть на них, затем они приходили снова и снова.

Астрид была красивой девушкой экзотического типа, с белокурыми локонами и большими темными грустными глазами. Ее очаровали молодые англичане, а те были рады познакомиться со своими сверстниками из местных жителей. Астрид часто фотографировала битлов и приводила в клуб других студентов-художников. Как и Астрид, они носили черные кожаные брюки и в этих костюмах были похожи то ли на поэтов, то ли на шпионов. Вскоре и битлы стали носить кожаные брюки и свободные куртки.

Джон настолько боготворил Астрид, что у Синтии не было сомнения в том, что эта фрейлейн похитит его сердце. Но через два месяца после того, как имя Астрид впервые появилось в письмах Джона, он сообщил, что Астрид помолвлена со Сту! Несмотря на то, что в их распоряжении было не более двадцати пяти слов, чтобы объясняться друг с другом, они скопили деньги для покупки обручальных колец. Сту намеревался остаться в Германии после свадьбы. Он совершенно переменился. Астрид теперь сама шила для него одежду, подобную той, что рекламировал в Париже Пьер Карден. Она уговорила Сту расчесать волосы от макушки на лоб и постричь их в кружок. Остальные ребята, один за одним, кроме Пита Беста, вскоре надели такие же костюмы и так же постриглись. Появилась легендарная прическа «Битлз».

По мере того как подходил к концу пятый месяц пребывания битлов в Гамбурге, Синтия начала сомневаться, вернутся ли они домой вообще. Джон писал, что они могут там остаться на весь следующий год, если их не выдворит полиция. Несчастья начались с открытия нового клуба «Топ Тэн», на сцене которого появились битлы. Новость эта быстро долетела до Кошмидера. На следующий день ребят разбудили несколько весьма нелюбезных полисменов из Рипербана, искавших Джорджа Харрисона. Некто — несомненно, это был Бруно Кошмидер — сообщил в полицию, что Джорджу Харрисону нет восемнадцати лет и по закону он не имеет права находиться вечером ни в одном клубе. К тому же у него не было необходимых документов. Полиция выяснила, что ни у одного из музыкантов группы нет законного разрешения работать в Гамбурге. Джорджу велели упаковать чемодан и покинуть страну в течение двадцати четырех часов. В тот же вечер Сту и Астрид отвезли его на вокзал. Он крепко обнял их на платформе и всхлипнул — замечательное приключение для него закончилось.

Через несколько дней Пол и Пит Бест вернулись в «Бамби Кино», где у них оставались кое-какие вещи. Они предполагали, что Кошмидер их выбросил, но все оказалось на месте. Пол достал гильзу, купленную за два пфеннига, и поднес к ней спичку. Сухие декорации на стенах вспыхнули, и театр быстро загорелся. Пол и Пит выскочили из театра, беспрерывно повторяя, что все может стореть. Огонь обнаружили и потушили, но

администрация стала искать источник возгорания. Вскоре была обнаружена достаточно веская улика — на потолке комнаты, в которой начался пожар, пламенем свечи было написано «Битлз».

На следующее утро вновь прибыла полиция, на сей раз вместе со следователями. Пита и Пола доставили в полицейский участок Рипербана, где продержали несколько часов и допрашивали по подозрению в попытке поджечь «Бамби Кино». Благодаря вмешательству Кошмидера дело обошлось без санкций, но ребятам пришлось покинуть страну незамедлительно. Пол и Пит вылетели в Англию ближайшим рейсом, оставив ударные инструменты и большую часть багажа.

Джон и Сту оказались одни, и у них не было причин задерживаться в Гамбурге. Джон вернулся домой на поезде, униженный и подавленный, тоскуя по Синтии, горячей ванне и даже по тетушке Мими. Сту, у которого начиналась простуда и лихорадка, отправился домой на самолете, билет они купили вместе с несчастной невестой. Он должен был вернуться в Гамбург через несколько месяцев для того, чтобы жениться на ней.

Джон приехал домой ночью, и ему пришлось бросать камешки в окно спальни Мими, чтобы разбудить ее. Когда она открыла дверь, Джон буквально сбил ее с ног, ворвавшись в дом, и сказал: «Заплати за такси, Мими».

«Где же твои сто фунтов в неделю, Джон?» — крикнула она ему вслед.

Он обернулся и устало вздохнул: «Как это похоже на тебя, Мими, говорить о каких-то ста фунтах в неделю, когда ты знаешь, что я устал».

5

Пятеро молодых людей, вернувшихся в Ливерпуль к Рождеству, были до такой степени расстроены, что даже не разговаривали друг с другом несколько недель. Пол устроился на работу водителем грузовика за семь долларов в неделю, чтобы заработать денег к Рождеству, а Джон целыми днями спал, лишь бы не видеть суровой реальности возвращения в Мендисс. Синтия приносила ему еду и все необходимое.

За несколько дней до Рождества в «Касбахе» они впервые после возвращения выступили вместе. Публика «Касбаха» была потрясена — произошла удивительная перемена. Бесконечные часы безумной игры обернулись совершенно неожиданной метаморфозой — профессионализмом. Хотя они появлялись на сцене лишь иногда, они уже не были той любительской группой, которая покидала Ливерпуль пять месяцев назад. Теперь это было увлекательное представление, которым группа уверенно заявила о себе.

И внешне они не походили ни на кого, их костюмы представляли собой неопишемое смешение кожаных штанов, ковбойских ботинок, курток, а женственные локоны спадали на лоб. «Это сделал Гамбург, — сказал Джон, — и только в Ливерпуле мы

осознали разницу и увидели, что произошло». Внезапно их популярность стала расти. Через месяц их рекомендовали для выступлений днем в клубе «Пещера» на Мэтью-стрит, в котором музыкальная политика переключалась с джаза на бит-группы. Это считалось «хлебной» работой — двадцать пять шиллингов в день. С января 1961 года битлы начали выступать в «Пещере» по вечерам, не прекращая выступлений и в обеденное время.

Синтия Пауэл ежедневно уходила из художественной школы для того, чтобы послушать Джона и ребят в «Пещере», а иногда там бывал кое-кто из родственников или друзей. В клубе хорошо знали Джима Маккартни, а Луиза Харрисон стала частой и желанной гостьей, вместе с ребятами в зале она подбадривала музыкантов, хотя от самого клуба была в ужасе. Однажды в зал вошла Мими, тетушка Джона; она приходила не часто и не столько затем, чтобы приободрить Джона, сколько для того, чтобы проверить, где он проводит все свое время. Мими вихрем промчалась мимо владельца клуба Рэя Мак-Фолла, отказываясь заплатить за вход и говоря, что пришла «за Джоном Ленином». Ее потрясло то, что она увидела. Сотни визжащих детей пели и танцевали в вонючем зале.

Луиза Харрисон, довольная тем, что видит Мими, крикнула ей: «Ну, разве они не молодцы?» «Я рада, что хоть кто-то так считает, — закричала Мими в ответ. — Дрянь! Мы бы все прекрасно и спокойно жили, если бы ты их не поддерживала».

К этому времени ребята уже перестали делать вид, что ходят в школу, и музыка стала их постоянным занятием, занимавшим все время. Джорджу Харрисону исполнилось восемнадцать лет, и группа вновь отправилась в Рипербан. Аллан Уильямс уладил дело с властями, написав письмо в германский суд, и ему удалось получить официальные визы. Питер Экхорн из клуба «Топ Тэн» предлагал сорок долларов в неделю, вдвое больше, чем они зарабатывали в «Кайсеркеллере». Джон пообещал Синтии, что на этот раз гастроли будут непродолжительными, и смягчил боль разлуки, пригласив ее приехать в Гамбург на каникулы.

В путешествие Синтия отправилась вместе с Доротой Роун, бойкой блондинкой с кудряшками, студенткой художественного колледжа. Пол встречался с ней в Ливерпуле, и у него были «серьезные намерения» в отношении Дороты, он даже собирался жениться. Девушек проводили на вокзал отец Пола и мать Синтии, а в Гамбурге их встречали Джон и Пол. Они прыгали и носились как сумасшедшие. Синтия прежде не видела их в таком состоянии, они болтали без умолку и спотыкались на пустынных утренних улицах. Ребята заверили девушек, что в Гамбурге все, кроме Пита Беста, поют «Преллис». «Это единственная возможность выжить», — уверял Джон, и на следующий день Синтия присоединилась к ним.

Синтию официально устроили в доме родителей Астрид в при-

городе, поскольку комнаты, в которых жили ребята в клубе «Топ-Тэн», были не самым подходящим местом для молодой английской леди. Дот, девушка Пола, поселилась у Розы, дамы, обслуживавшей туалет клуба. К громадному облегчению Синтии, Астрид оказалась не только приветливой и радушной хозяйкой, но и хорошей подругой. Она давала Синтии свои наряды, изменила ее прическу и научила пользоваться косметикой. Синтия была очарована экзотическим вкусом Астрид. Ее комната в родительском доме была черного цвета с серебряными дополнениями из фольги, кровать была покрыта черным бархатом. Скрытые лампы освещали всю комнату, создавая эффект, далеко опережающий свое время. Каждый вечер после обеда Синтия и Астрид часами подбирали перед зеркалом наряды и косметику перед тем, как отправиться в «Топ-Тэн» послушать ребят. В клубе девушки долго просиживали в стороне от сцены, вынужденные наблюдать драки и слушать вопли вокруг. Иногда по ночам Синтия отваживалась приходить к Джону. На нижней полке двухъярусной кровати они занимались любовью, в то время как Джордж Харрисон похрапывал в нескольких футах над ними. Синтия считала отношения Астрид со Сту Сутклиффом вполне нормальными, но остальные ребята из Ливерпуля в отличие от нее не находили в них никакого очарования. Сту и Астрид даже внешне стали похожи: одинаковые прически, одинаковые черные кожаные костюмы, даже еду в ресторане они заказывали одинаковую. Было очевидно, что Сту без нее не уедет из Гамбурга и что дни его работы с ребятами сочтены. Чем больше сближался Сту с Астрид, тем сильнее не любили его ребята. Между Сту и остальными битлами возникла огромная неприязнь. Особенно критично в отношении Сту был настроен Пол. Он высмеивал его манеру игры, манеру одеваться, даже то, как он разговаривает. Все было на взводе, отчасти так проявился побочный эффект постоянно сдерживаемых эмоций. Но теперь даже Джон, кумир Сту, начал срывать на нем свое раздражение. Однажды вечером во время выступления в «Топ-Тэн» ребята немилосердно издевались над Сту, а Пол так разошелся, что даже наговорил гадостей в адрес Астрид. Сту разбил гитару и бросился на Пола. Пол был выше и сильнее, он легко повалил Сту на землю и успел здорово избить, пока остальные не оттащили его.

Сту страдал от частных головных болей, которые иногда выплескивались в приступы раздражительности и ревности по отношению к Астрид. Она относилась к этому очень спокойно. Иногда у Сту были такие боли, что он готов был в отчаянии разбить голову об стенку. Учитывая все это, битлы решили, что Сту надо официально покинуть ансамбль по окончании гастролей в «Топ-Тэн». Сту собирался жениться на Астрид и остаться с ней в Гамбурге, где намеревался взять ссуду в муниципальном совете и заняться живописью в государственном художественном колледже.

Однако он считал себя обязанным сделать на прощание последнюю пакость. Он написал Аллану Уильямсу в Ливерпуль и сообщил, что «Битлз» не считают его в дальнейшем ответственным за их трудоустройство в Гамбурге, поскольку они познакомились с Питером Экхорном и теперь у них есть работа. Поэтому они оставят себе его долю — 10% прибыли. Единственный контракт, подписанный Уильямсом с группой, сгорел при пожаре, и официально он не мог взыскать с них деньги. Уильямс надолго стал их врагом, а когда к группе пришел успех, он написал грустную книгу под названием «Человек, который отказался от «Битлз», где детально описал всю гамбургскую эпопею. Некоторым утешением для него может служить то, что часть доходов он все еще получает от рассказов о гастролях «Битлз» и своих собственных приключениях с ними.

7

Когда Синтия вернулась в Ливерпуль, мать преподнесла ей сюрприз: она уезжала в Канаду к замужним кузинам нянчить их детей. Дом в Хойлейке был сдан чужим людям, и Синтии пришлось искать себе жилье. Единственным вариантом для нее было переехать к престарелой тетушке, которая жила в другой части Ливерпуля. Затем ей пришла в голову замечательная, как ей показалось, идея: Мими, тетушка Джона, сдавала студентам жилье за небольшую плату, и одна комната оставалась свободной. Синтия даже нашла себе работу по субботам в магазине шерстяных изделий в соседнем районе. Переехав к Мими, она стала помогать ей по хозяйству в надежде, что та примет ее как дочь. А когда в июле Джон вернулся домой, Синтия решила, что теперь они будут жить с ним под одной крышей. Далеко ли до свадьбы?

Прошло совсем немного времени, и Синтия поняла, что проживание в одном доме с Мими Смит не было самым лучшим решением. Мими педантично следила за тем, чтобы в доме все шло только так, как хочет она, и, что еще хуже, считала Джона своей собственностью. Мими вела себя так, словно они соперницы, и ясно давала понять Синтии, что она для нее совершенно чужая, просто еще одна квартирантка. Атмосфера в доме накалилась. И месяца не прошло, как Синтия съехала и поселилась у своей тетушки Тэсс на другом конце города. Был разработан новый смелый план: она снимет квартиру рядом с художественным колледжем, а Джон переедет к ней, как только вернется.

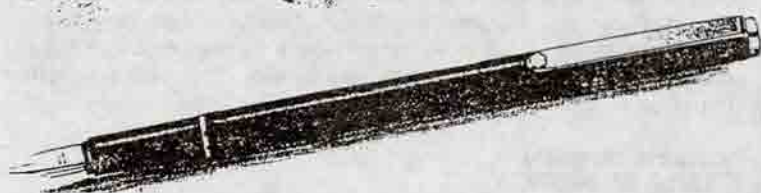
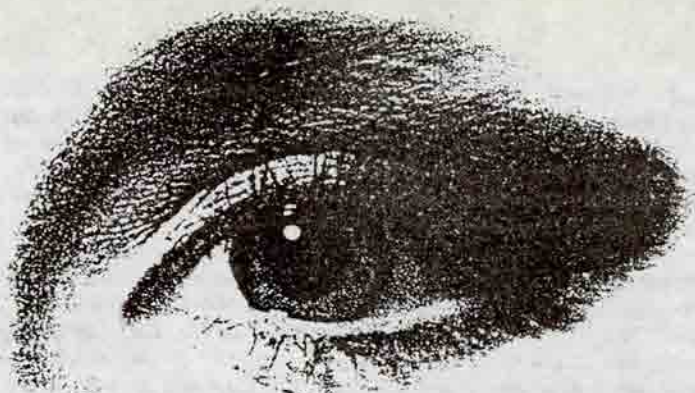
Через несколько недель Синтия наконец нашла квартиру, устраивавшую ее по цене. Не о таком гнездышке для влюбленных она мечтала. Эта была убогая квартира с кранами, из которых текла ржавая вода, электрокамин горел вполнакала, окна дребезжали всю зиму. Вспоминая комнату Астрид, Синтия вдохновенно старалась, насколько это возможно, сделать и свою уютной к приезду Джона. Она купила жесткую щетку и ведро,

дезинфицирующие средства, белую краску и розовые занавески. Когда Джон наконец вернулся, его взору предстала чистая, но нелепая квартира, и Синтия, спящая на продавленном матрасе с одним комплектом постельного белья. Как она и надеялась, Джон переехал к ней. Битлы снова стали выступать в «Пещере», и какое-то время все шло безмятежно.

Однажды вечером, осенью 1961 года, Джон пришел домой чрезвычайно возбужденным. «Борьба закончена», — провозгласил он. Сын богатого еврейского торговца пришел в «Пещеру» и предложил стать их менеджером. Он сказал, что знает менеджера Элвиса Пресли, полковника Тома Паркера и что слава «Битлз» будет выше славы Элвиса! У Джона, как обычно, появилась «идея фикс». Казалось, этот человек полностью завладел его мыслями. Всю неделю повторялось: Бриан Эпштейн то, Бриан Эпштейн се...

**Перевод с английского
ТАТЬЯНЫ ШАШКОВОЙ.**

Продолжение следует.

Дорогие читатели!

218 Все, о чем вы сейчас прочтаете на этой странице, поверьте, выстрадано нами и продумано до мельчайших деталей. Суть дела вот в чем. Только мы успели встретить Новый год и вышли на работу, как из издательства «Пресса», где печатается журнал, пришла подробнейше расписанная смета типографских расходов и стоимости бумаги, необходимой для нашего издания в 1993 году. Сюрпризик это был поистине новогодний! Выходило, что уже первый номер, за который вы по подписке на I полугодие платили 39 рублей, оказывается убыточным, ибо себестоимость его равняется почти 45 рублям. Ежемесячный рост цен стремительно съедает все подписные деньги, и все-таки мы выполним свои обязательства перед теми читателями, которые выписали наш журнал на первое полугодие.

Но вот уже объявлена подписка на II полугодие, и мы вынуждены вновь поднимать подписную цену на «Смену». Пусть не пугает вас стоимость одного номера — теперь она 225 рублей. (Заметим, что это даже меньше, чем полкило обычной колбасы или злополучная бутылка водки!) В ней учтены — поверьте, с минимальными допусками! — и фантастическая цена бумаги, и возросшие с нового года транспортные расходы, и многократно увеличившиеся расценки типографских услуг, и еще многое-многое другое, что перечислять можно очень долго. В конце концов 225 рублей — это всего лишь одна маленькая шоколадка «Марс», реклама которой не сходит с экрана телевизора. Но разве не слаще и приятнее потратить эти деньги — по нынешним временам не такие уж и большие — на любимый журнал, в котором вы, как всегда, найдете самые замечательные произведения отечественных и зарубежных авторов?!

А подписаться на журнал «Смена» можно и на 3 месяца — это будет стоить 675 рублей, и на полугодие — 1350 рублей (цифры по каталогу без учета доставки и почтовых сборов).

Индекс журнала «Смена» прежний — 70820. Подписная кампания продлится до 15 мая.

«СМЕНА»-93

это — произведения лучших мастеров классического детектива,
 это — шедевры мистической и фантастической литературы,
 это — романы Джона Фэрриса «Когда звонит Майкл», Пола Рига
 «На третий день», Эрла Стенли Гарднера «Секрет падчерицы»,
 Трегори Макдональда «Флети», Элен Макклой «Удар наносят
 из Зазеркалья» и другие.

СП-I

Министерство связи СССР
 „Союзпечать“

АБОНЕМЕНТ на 70820
 журнал (индекс издания)

«СМЕНА» I
 Количество комплектов

на 1993 год

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда
 (почтовый индекс) (адрес)

Кому
 (фамилия, инициалы)

	ДОСТАВочная КАРТОЧКА										
	ПВ	место	ли-тер								
	на журнал 70820 (индекс издания)										
«СМЕНА»											
Стои-мость	подписки пере-адресовки	руб. руб.	коп. коп.	Количество комплек-тов	I						
на 1993 год											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
уда											
(почтовый индекс)			(адрес)								
ому (фамилия, инициалы)											

«СМЕНА»-93

Это 225 рублей за один номер, 675 рублей — за три. Полугодовая подписка — 1350 рублей (без стоимости доставки). Принимается она без ограничений всеми отделениями связи, но, если Вы хотите получить журнал с июля, постарайтесь оформить подписку до 10 мая.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен отпечаток кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется отпечаток календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Союзпечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ — МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Союзпечати».

ЧИТАТЕЛЬ-«СМЕНА»-ЧИТАТЕЛЬ

С 15 марта в России объявлено подписка на газеты и журналы на второе полугодие, и цены, указанные в каталоге, меня буквально довели. Понятно, что бумага, краски, работа, перевозка изданий дорожают так же, как и все остальные товары и продукты. Но неужели нашему правительству не ясно, что пресса — часть культуры и, если люди перестанут читать (а «толстые» журналы печатают новые литературные произведения), народ наш одичает окончательно. А молодежь? Ей какое будущее готовится? Быть новыми «шариковыми»? Знакомая жалуется, что очень боится за сына-первоклассника: в школе запросто курят «травки» — какой-нибудь Петя из шестого класса по доброте сердечной даст курнуть. Как же воспитывать молодых? Журналы не купишь, в кинотеатрах фильмы с американским помоек, в киосках — сияние бутылок со спиртным, наркотики достать легко и в разных вариантах. Невольно в голову приходит страшная мысль: так, может, это все и запланировано? Может, это и есть суть нашей перестройки — уничтожение народов, населявших СССР, уничтожение генофонда, культуры, будущего? Богатая ресурсами колония с тупыми рабами нужна миру. Такая вот в мозгу цепочка выстраивается, когда семья не может уже выписать любимые газеты и журналы. Я считаю, что правительство должно под-

держат самые популярные издания (не знаю — в какой форме), но надо, чтобы они оставались доступными для народа. Иначе нам грозит духовная гибель.

Л. РЫБИНА,
Тула

Чуть ли не по всем телепрограммам сейчас ежевечерне дают астрологические прогнозы, и, я уверена, большинство зрителей прислушиваются к ним: во-первых, жизнь так сложна и непредсказуема, что хочется узнать хоть что-то, конечно же, утешительное хотя бы на день вперед; во-вторых, раньше мы даже ничего и не знали об астрологии и связи нашей жизни с космосом. Но часто прогнозы нам предлагают совершенно разные для одного знака зодиака, и не знаешь: то ли бизнесом утром заняться, то ли уборкой квартиры, потому что убираться хорошо лишь до двенадцати дня. Да и на работу надо.

Я в Москве видела много книг на эту тему, но уж очень они дороги. Нельзя ли опубликовать в журнале статью какого-нибудь специалиста, который не заузно, а доступно разъяснил бы, как относиться к этим прогнозам, верить ли им?

А. МАКАРОВА,
Углич

МОСКВА-НЬЮ-ДЖЕРСИ

С бывшим капитаном хоккейной команды ЦСКА и сборной СССР ВЯЧЕСЛАВОМ ФЕТИСОВЫМ, ныне игроком американского клуба НХЛ «Нью-Джерси дэвилз», беседовал на базе в подмосковном Новогорске журналист СЕРГЕЙ ШАЧИН

— Слава, скажи, пожалуйста, что снова привело тебя в Новогорск? Разве ты не мог подготовиться к сезону там, у себя, в Нью-Джерси?

— Где-то в середине лета * мне и другим ребятам, играющим в Америке, позвонил Владимир Борисович Ясенов. Он возглавляет российский профсоюз хоккеистов — ту самую организацию, которую мы мечтали создать для за-

* Беседа состоялась в ноябре 1992 г. — Ред.

щиты наших прав еще когда я играл в Союзе, но, к сожалению, так и не создали. Нам просто не позволили ее создать... Так вот, Ясенев позвонил и сказал: с появлением у российской федерации хоккея нового президента — Владимира Петрова — старые счета и обиды забыты. Двери сборной России теперь действительно открыты для всех, кто обладает должным мастерством. Поэтому мы приглашаем вас на сбор. Ребята с удовольствием откликнулись. И я не исключаю, что на чемпионате мира-93 любители хоккея смогут увидеть под флагом сборной России такую, к примеру, тройку нападающих, как Федоров — Могильный — Буре. Так сказать, тройку хоккейных «диссидентов».

— Но ведь Могильного, насколько я помню, после того, как он остался в Буффало, обвинили в дезертирстве из Советской Армии, а это проступок уголовный. Разве теперь он сможет появиться в России?

— Не так давно Саша получил от мамы копию документа: уголовное дело против него прекращено за отсутствием состава преступления. Так что теперь он может прилететь в Россию, как только захочет.

— Ну, а сможем ли мы снова увидеть под российским флагом некогда легендарную ударную пятерку: Фетисов — Касатонов — Макаров — Ларионов — Крутов?

— Я думаю, в последний раз мы могли выступить в таком составе — и в нормальную силу — в розыгрыше Кубка Канады-91. Но тренер той команды посчитал, что обойдется без нас...

— Это Тихонов?

— Да. Он заявил, что обкатывает к Олимпийским играм молодежь и ветераны ему ни к чему.

Сборная СССР тогда проиграла. Я не хочу сказать, что мы непременно добыли бы ей победу, но что смотрелись бы получше тех, кто в ней играл, — точно! А теперь уже вряд ли нас соберешь. Крутов где-то в Европе... Как дела у Ларионова — не знаю...

— Наверное, имеет смысл напомнить читателям, особенно молодым, каким скандалом сопровождался твой отъезд за океан. Чтобы ему воспрепятствовать, тебя, капитана ЦСКА и сборной СССР, коммуниста, майора Советской Армии, наконец, кавалера ордена Ленина, представили предателем национальных интересов, злым хулиганом, даже уголовное дело грозились завести... И в довершение почти целую зиму не пускали в ЦСКА тренироваться. Признаться: тогдашние обиды уже улеглись? Или по-прежнему берегут душу?

— Ну, крови много выпили — это точно. Я ведь выкладывался полностью и, главное, долго, очень долго верил в то, что нам говорили: «Вы играете для народа!» И мы действительно играли для народа. Потом, после победы на Олимпиаде в Калгари, сказали: «Вы сполна выполнили долг перед Родиной и теперь можете распоряжаться собой по собственному усмотрению». И мы снова поверили. Стали подписывать контракты с НХЛ — хотелось под конец подзаработать, что называется, на всю оставшуюся жизнь, — и тут вдруг такое началось... Сперва уговоры: повремените годик-другой... А потом пошли прямые провокации, угрозы. Меня, к примеру, обещали или в тюрьму посадить за подстроенную кем-то драку, или упечь куда-нибудь на Крайний Север «капитаном льдины»...

— Но ведь уже и после твоего отъезда точно так же ославили

Могильного, потом Федорова, потом Буре пытались ослабить...

— То были звенья одной цепи. Просто Тихонов до самого конца не мог примириться с тем, что кто-то распоряжается собой помимо его воли. Ну, не укладывалось у него такое в голове, и все тут. А потом сам же Тихонов пригласил Федорова в сборную СССР — напроць «позабыв», как кричал, что тот предатель...

— Но, Слава, ты не ответил: так все же обиды улеглись или нет?

— В общем-то улеглись. Жаль только, что это стоило столько нервов.

— Ты тогда тоже не стеснялся в выражениях и отвечал ударом на удар. Говорил, к примеру, что советский хоккей бесчеловечен. Что Тихонов сделал из вас рабов и держит на коротком поводке: кого — посулами квартиры и машины, кого — папками с «компроматом». Почитаешь твои тогдашние выступления в печати — и получается, что все вы, «ледовые рыцари», жили в постоянном унижении...

— Я и сейчас не отказываюсь от своих слов. Нас действительно за людей не считали. Мы это ощущали постоянно...

— Но тем не менее долго мирились с этим и молчали. Не потому ли — скажи честно, — что в материальном плане любой из вас жил куда как лучше, нежели средний советский человек?

— Словом, боялись за свое благополучие?.. Да нет, дело было все-таки не в этом. Понимаешь, пока ты молодой, полон амбиций, зарабатываешь себе имя — ты многого не замечаешь, о многом не задумываешься. Просто полностью замкнут на игре. Да и потом, любое слово старшего для тебя,

салаги, — закон, и это нормально. А потом взрослеешь, набираешься мастерства, начинаешь за это сам себя уважать и соответственно требуешь, чтобы другие тебя тоже уважали. Мы потребовали — и в ответ нас тут же решили осадить... Теперь я знаю, что в то время так делалось не только в спорте. Что это был классический прием: в науке, в искусстве — где угодно. В общем, хорошо, что мы из этой мясорубки все же вырвались — нашлись люди, которые открыли нам глаза.

— И что же это были за люди?

— Перво-наперво Гарри Каспаров, который гораздо раньше нас начал борьбу с советской спортивной системой. Потом актер Саша Фатюшин. Журналисты некоторые...

— Но, пожалуй, хватит о прошлом. Давай перейдем к твоей теперешней, американской жизни. Начнем по порядку. Как тебя там встретили?

— Очень хорошо. Почти во всех больших газетах про нас писали, показывали по телевизору. А самый крупный спортивный журнал — «Спортс иллюстриред» — чуть не полномера посвятил нашему приезду. И потом... Отсюда я уезжал опустошенный, озлобленный. А когда уезжаешь в таком настроении, то на новом месте ничего плохого не замечаешь. Все прекрасно!

— А с новой командой, с «Нью-Джерси», сразу контакт установился?

— Вот с этим были сложности. Во-первых, я прилетел в Америку совсем «без языка» — в школе учил немецкий... Пришлось нанимать преподавателя. Но в основном учил английский на ходу — на улице, в общении, на тренировках... И уже через годик стал сносно объясняться. А во-вторых...

Здесь, в Москве, несмотря на отдельные сложности, у нас была команда друзей. Мы играли друг на дружку, и по большому счету было все равно, кто забрасывал шайбы, главное, чтобы команда победила. А там каждый играет на себя, на свой рейтинг. И в этом плане найти общий язык с партнерами оказалось куда труднее, нежели выучить язык. Поначалу я действовал по-старому, «по-цзэсковски»: отдашь пас и бежишь открываться — в расчете, что партнер вернет тебе шайбу. А он вместо этого сам пытается прорваться к воротам, делает вид, что в упор тебя не видит. Пришлось вносить коррективы... На это ушел почти весь первый сезон в «Нью-Джерси».

— Этот индивидуализм, конкуренция между партнерами — они как-то проявляются и потом, вне площадки? Хоккеисты там дружат между собой или нет?

— Конкуренция особенно сильна перед сезоном, на последнем сборе, когда на двадцать два места в составе претендуют человек семьдесят, а то и семьдесят пять. Правда, судьба примерно пятнадцати мест обычно определяется заранее, а вот за остальные семь идет борьба. Кстати, к сезону ты готовишься самостоятельно, где и как — никому не интересно. Можешь лес пилить у себя на ранчо, а можешь с девочками на Багамах кувираться — дело твое. Но если ты за лето наберешь лишний вес или, положим, утратишь скорость — пеняй на себя. Останешься без работы или заплатишь крупный штраф. Ну, а к началу сезона, когда двадцать два счастливчика уже отобраны, конкуренция не так заметна. Хотя... Там все же много непривычного для нас. Ну вот, например, ты не выспался но-

чью — скажем, малость переулял — и пришел на тренировку не в порядке. С кем не бывает... У нас ребята постарались бы тебя как-то прикрыть, чтобы тренер ничего не заметил. А там, наоборот, каждый, даже твой ближайший партнер, не упустит такого случая, чтобы показать: ты сегодня слабее его... Или вот такое еще: каждый год состав команды обновляется процентов на сорок, и если менеджер решит по каким-то своим резонам избавиться от игрока, который еще вчера был всеобщим любимцем, душой команды, никто и не подумает за него вступить. Каждый заботится только о себе и ни за что на свете не станет портить отношения с хозяином.

Ну, а чисто внешне все друзья-приятели. После матчей, особенно в чужих городах, обычно всем составом заваливаемся в бар, в ресторан. Бывает, кто-то приглашает всю команду в гости. Обычно тот, у кого большой дом и еще нет детей. Многие игроки приходят с женами, с подругами, так что собирается человек по пятьдесят, а то и больше. Но только по душам на таких вечеринках, как бывало у нас в Москве, не поболтаешь. Веселимся, соблюдая дистанцию, будто на официальном приеме.

— А как там со спортивным режимом?

— Ты про выпивку? Ну, скажем, пиво — обычное явление. У нас в ЦСКА за бутылку «Жигулевского» тебя могли лишит премияльных на год вперед. (Хотя все равно почти все пили — и в багажниках бутылки прятали...) А там пиво стоит везде, вплоть до раздевалки. Пей сколько влезет. Иногда, особенно после крупного поражения, менеджер сам выдает капитану деньги: дескать, своди-ка ребят в ближай-

ший бар, вам нужно сбросить стресс, расслабиться. Но выпивают все строго в меру и обычно крепкими напитками не балуются. Встречаются, конечно, и в Америке любители погулять, но с ними долго не церемонятся: продают из команды в команду, пока из этого игрока еще можно выжать какую-то пользу, а потом он исчезает с горизонта.

— Слава, ты по американским меркам уже богатый человек?

— Сложно сказать... В принципе я мог бы безбедно жить на то, что зарабатываю своей игрой. Но в Америке никто не считает, что у него уже достаточно денег. Потому что на всякие доходы — свои расходы. Надо поддерживать определенный уровень жизни, престиж. Да и потребности все время растут... Возьмем, к примеру, хозяина «Нью-Джерси». Ему уже за семьдесят. У него корабельная компания, две профессиональные команды — хоккейная и бейсбольная — и еще много разных занятий. Казалось бы, зачем все это человеку столь преклонных лет? Оставь дела и отдыхай на свои миллионы. Но он каждое утро в восемь ноль-ноль уже в офисе и уходит лишь поздним вечером. Потому что человек там ценится не столько даже по своим деньгам, сколько по делам, по размаху. Сама жизнь приучает все время думать и работать. По инерции, как здесь, когда тебя ничего, кроме хоккея, по большому счету не трогало, там не проживешь.

— На чем же еще, кроме хоккея, зарабатывают хоккеисты?

— Кто-то на рекламе. Кто-то скупает недвижимость, играют на бирже. В общем, у каждого свой бизнес. Делаем деньги помаленьку.

— Если не секрет, то на чем ты?

— Это коммерческая тайна. Но вот о новых планах готов рассказать. Вместе с американскими партнерами хочу открыть летнюю хоккейную школу в Нью-Джерси. В Америке множество таких школ. Ими руководят Гретцки, Лемье, другие «суперзвезды». Родители прилично платят за то, чтобы их детишки могли месяц-другой потренироваться под присмотром знаменитостей. А я хочу в свою школу приглашать вместе с американскими и российских мальчишек. А также лучших российских детских тренеров. Наши детские тренеры, на мой взгляд, во многом превосходят американских и канадских. Просто у нас они всегда недооценивались. Если все сложится как задумано, то следующим летом в российских газетах появятся приглашения в мою школу.

— У тебя много времени отнимает деловая жизнь?

— Лето почти полностью посвящаю бизнесу.

— А почему бы тебе не нанять агента, который вел бы твои дела? Я слышал, такие агенты есть у всех хоккеистов НХЛ.

— И у меня такой агент есть. Но, каким бы умным он ни был, какие бы ценные советы ни давал, окончательные решения ты должен принимать сам. В бизнесе никто гарантий не дает. А речь идет о благополучии семьи. Поэтому на агента надейся, а сам не плошай.

— А где ты сейчас живешь?

— Два года назад купил хороший дом...

— В Нью-Джерси?

— Нью-Джерси — это штат. И города в этом штате маленькие, одноэтажные. Люди там только отдыхают, а работают, как правило, в других местах. Мой городок называется Вест Ориндж — «За-

падный апельсин». Это в двадцати пяти минутах езды на машине от Манхэттена, от центра Нью-Йорка.

— Тебя в этом городке узнают на улицах?

— В нашей местности хоккей не очень популярен. И вообще люди живут в основном своими проблемами, рано утром уезжают, поздно вечером возвращаются. Поэтому кто я такой — знают только ближайшие соседи.

— И не задает отсутствие всеобщего внимания? Ведь здесь, в Москве, ты к нему, наверное, привык...

— Да нет... В мои годы это уже не должно сильно трогать.

— И еще один вопрос касательно самолета. Тебе не завидно, что молодые российские хоккеисты из «новой волны», которая недавно захлестнула НХЛ, устроились там куда как лучше вас, ветеранов, — и в смысле заработка, и в смысле популярности?

— Молодежь и должна была устроиться лучше нас. Этим ребятам куда как проще приноровиться к особенностям игры в НХЛ и, главное, к «энхээловским» нравам, ведь они приезжают не такими зашоренными, какими мы когда-то приехали. А уже одно это дает огромное преимущество. Потом, сейчас во многих клубах НХЛ играют сразу по два хоккеиста из России, и они, конечно же, поддерживают друг друга, тогда как нам пришлось утверждаться в новых командах в одиночку. Завидую ли я им? Если чуточку и завидую, так только их молодости. И хочу, чтобы они не забыли, кто все-таки принял на себя первый удар, кто пробивал им дорогу в НХЛ. А что до нашей собственной репутации... Минувшей весной у меня истек первый контракт с «Нью-Джерси». И я тут же получил приглашение подписать еще

один — опять на три года, причем от нескольких клубов сразу. А мне, напомню, уже стукнуло тридцать четыре... И Сережа Макаров продлил свой контракт, хотя ему уже тридцать пять. Так что сам суди, оправдываем ли мы надежды наших менеджеров.

— Ты только что упомянул о взаимной поддержке, взаимовыручке, которые так важны на чужбине. А я, когда ехал в Новогорск, перелистал записи многих наших с тобой прошлых бесед. И вот какую деталь подметил. Ты очень тепло рассказывал о том, как Леша Касатонов, когда только перебрался из провинции в Москву, долгое время жил в твоём доме, в доме твоих родителей. А вот теперь, вместе очутившись в Нью-Джерси, вы, как пишут американские журналисты, совсем не общаетесь друг с другом. Что же случилось? Что за кошка между вами пробежала?

— Опять Касатонов, опять Фетисов... Ну прямо ни одна встреча с прессой не обходится без этого! Ладно, придется еще раз прояснить ситуацию.

Ты сам хорошо помнишь, как меня перед отъездом травили в ЦСКА. На партсобраниях и так далее. Хотели, чтобы получилось единодушное осуждение Фетисова. Но ребята молчали. А Касатонов выступал. Против меня выступал. Потом ребята решили напечатать письмо в мою защиту. Его подписали, ясное дело, Макаров, Ларионов, Крутов и молодые совсем Быков с Каменским. Ты представляешь, чем они, Бычок с Каменной, рисковали?! А подписи «лучшего друга» под письмом не оказалось... Он, кстати, и сейчас считает, что вел себя тогда правильно. Это его право. А мое право — общаться с ним или нет.

— А сейчас, в «Нью-Джерси»

вы играете в паре или же вас разводят?

— Нет, мы постоянно играем в паре. И пара эта далеко не последняя в НХЛ.

— Выходит, разрыв дружеских отношений не повлек за собой разрыва отношений профессиональных?

— Как говорится, дружба дружбой, а служба службой. Конечно, что-то изменилось: уже не так переживаешь за другого, не всегда спину ему прикроешь, плечо подставишь... Но в вопросах сугубо профессиональных у нас, по-моему, все в порядке.

— После столь громких проводов у тебя наверняка остались не лучшие воспоминания о ЦСКА. Скажи, а мундир свой офицерский ты сохранил? И партбилет? И прочие регалии?

— Ну а как же! Ты знаешь, мне противно видеть людей, которые продают мундиры и партбилеты на толкучках. Это, по-моему, не от финансовой, а от совсем другой нищеты происходит. Уж не говорю о тех, кто торгует орденами. Мне так кажется: если ты был такой уж прозорливый и принципиальный, так должен был загодя отказаться и от мундира, и от партбилета, и от сопутствовавших им житейских благ. И орденов от «этой страны», как теперь некоторые называют СССР, не принимать. А если ты все это имел, принимал — теперь не отрешивайся. И не торгуй кусками своей жизни. Проторгуешься... Поэтому все мои регалии бережно сохраняются здесь, в Москве. Я обязательно передам их детям и внукам и честно расскажу, каким я был и как здесь все когда-то было.

— А родители твои, Слава, остались в Москве?

— Да. Но мы общаемся мини-

мум раз в неделю — по телефону. Однажды они приезжали ко мне в гости на три месяца — понанчить внучку.

— Мама за тебя, наверное, очень переживает...

— Мама всегда за меня боялась. В детской школе ЦСКА играл — из-за каждой шишки переживала. Потом, когда стал выступать по мастерам, она во время хоккея всегда выключала телевизор. «Не могу, — говорила, — глядеть, как Славика лупят». Она вообще была категорически против спорта. Ведь я в школе учился хорошо, и ей хотелось, чтобы я поступил в институт, стал солидным человеком, например, инженером. Сама-то она всю жизнь разнорабочей в «Правде» горбатилась... Но сейчас мама, кажется, немножко успокоилась: увидела, что я и впрямь вдруг стал солидным человеком — там, в Америке.

— А отец?

— Отец у меня строитель, и всю жизнь он и его бригада были первыми моими болельщиками. Правда, сейчас и отец, и мать давно на пенсии.

— Концы с концами сводят?

— С моей помощью сводят. Я им постоянно посылки шлю и деньги перевожу. Так что на старости лет родители впервые стали кормиться с рынка.

— Ну, а сам-то ты часто бываешь в Москве?

— Стараюсь каждое лето...

— И каковы твои впечатления — после Америки?

— В первый приезд главное, что бросилось в глаза, — лица у людей очень помрачнели. Даже в сравнении с «периодом застоя». Но отметил еще и такое: несмотря на мрачные лица и разговоры, гулять в Москве не разучились. Застолья устраивались на высшем

уровне, от души — не чета американским.

А в этот приезд мне показалось, что жизнь как-то оживает, что-то стало меняться к лучшему. На дорогах появилось много дорогих иномарок. Это тоже, кстати, очень по-русски: американец, случись ему малость разбогатеть, обязательно пустит деньги в дело, а русский сразу же ударяется в форс...

— Слава, признайся честно: твои дальнейшие планы больше связаны с жизнью здесь или же с жизнью в Америке?

— Это будет зависеть от того, какое дело я найду себе после хоккея. И от того, где будет выгоднее вкладывать силы и капиталы.

Пока мне кажется, что в России...

HOTEL POKLADK

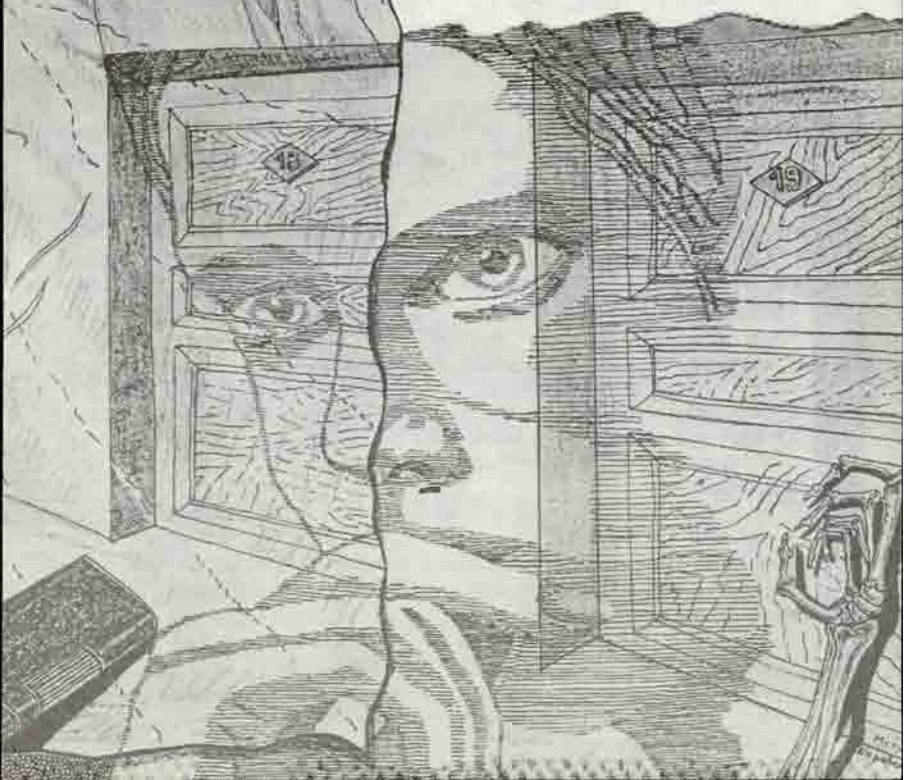
ВЛАСТИМИЛ ШУБРТ

НОМЕР

ВАШОЙ

Рисунки МСТИСЛАВА БОРОВСКИХ

Я подошел к конторке дежурного администратора и спросил у мужчины в темно-голубом костюме с позолоченными пуговицами:

— Нельзя ли поговорить с паном заведующим?

— С паном управляющим, — деликатно уточнил он и осведомился: — А по какому вопросу, уважаемый?

— Мы забронировали два одноместных номера.

— Не будете ли так любезны сообщить, на какое имя? — все так же вежливо поинтересовался мужчина, окидывая меня с головы до ног оценивающим взглядом.

— Кабеш, — представился я.

Администратор слегка прищурился, наклонился над толстой книгой и стал аккуратно ее перелистывать. Вид у него был безразличный, и это окончательно выбило меня из колеи. Я оглянулся на свою спутницу, устроившуюся в глубоком кресле неподалеку, и беспомощно пожал плечами. Она встала и тоже подошла к конторке.

— В чем дело? Какие-то осложнения? Номера я заказала по телефону на прошлой неделе. У пани Богачковой. Она обещала, что вы их обязательно забронироваете.

— Два одноместных номера... На сегодня... На имя Крамперовой?

— Верно! — подтвердила девушка и повернулась ко мне. — Извини, я забыла тебе сказать, что сделала заказ на свое имя. Дело в том, что я разговаривала с супругой пана управляющего. Мы немного знакомы.

Администратор тем временем взял ручку и принялся легонько постукивать по стеклу, прикрывающему конторку. Вежливое безразличие исчезло, он нахмурился, пару раз покрутил головой, почесал подбородок и решительно заявил:

— Очень сожалею, но свободных одноместных номеров у нас нет.

Слева от меня щелкнул патентованный замок женской сумочки, чуть погодя я ощутил в ладони какую-то бумажку, а немного выше локтя крепкое пожатие пальцев. Я положил бумажку на стол. Это оказалась... четвертная.

Дежурный мигом убрал ее и продолжал:

— Одноместные номера... Это всегда проблема, большая проблема... Но мы сделаем вот что. Пана Кабеша я поселю с паном доктором Баудышом, а барышню Крамперову — с его невестой. Апартаменты с двухместными комнатами, с общей прихожей и ванной.

Не успел я возмущенно заявить, что никакие доктора мне в номере не нужны, а в ванной я спать не собираюсь, как мужчина в отутюженной куртке с морскими пуговицами положил передо мною ключ с резиновой грушей, потребовал удостоверение личности и добавил:

— Пан доктор Баудыш тоже просил два одноместных номера. Он поселился у нас около часа назад.

— Спасибо, вы очень добры... — произнесла барышня Крампе-

рова, завлекательно встряхнула своей тициановской шевелюрой и одарила пана администратора ослепительной улыбкой. До меня наконец дошло, что пан доктор Баудыш будет как бы в одной комнате со мной, а наши дамы — тоже как бы вместе, так что в регистрационной книге все будет в полном порядке.

2

Доктору Баудышу было на вид около сорока пяти, он походил на киноактера, который, чувствуя, как прибавляются годы и убавляются волосы, все чаще задумывался о последней большой роли героя-любовника. Он носил белые фланелевые брюки в серую полоску, ярко-зеленую рубашку и курил трубку, набитую голландским табаком. Мы встретились на балконе, который, как и прихожая с ванной, был общим для наших комнат, уважительно названных администратором «апартаментами».

Нам предстояло пробыть здесь десять дней, состоящих из одного отгула, субботы, воскресенья и недели очередного отпуска работающей женщины. Сведения, которые я получил от своей спутницы, были точны: чудесный «отелик» в самом лесу, люксовая обстановка, великолепный пруд и песчаный пляж, — словом, красотища.

Я смотрел на зеленовато-голубую гладь огромного пруда, на золотисто-желтый пляж с десятками подстилок, лежаков, пестрых зонтиков и соответствующим количеством более или менее загорелых тел и в душе проклинал то роковое мгновение, когда на одном из чистых конвертов с приглашением на торжество по случаю получения мною диплома написал имя барышни Крамперовой и почти забытый, неизвестно как сохранившийся в памяти адрес. Я немного перестарался, заказав полсотни таких приглашений, и уже после тридцатого отчаянно ломал голову, кому бы еще их послать, и прикидывал, не обрадовать ли своим успехом министра образования или бургомистра стольного города Праги. Вдруг я вспомнил про барышню К., тут же черкнул адрес и через пять минут позабыл об этом.

А потом было торжественное вручение дипломов, в ушах у меня звучали величественные звуки органа и еще более величественные слова напутствий, в вестибюле актового зала пражской Каролины¹ царил веселая толчея, раздавались и принимались поздравления, обливались слезами от радости: вот тут-то я и увидел ее. Она держалась в сторонке, вызывая яркая, завлекательная, в элегантно-модельных костюмчиках и модельных туфельках, в руке — букет гвоздик, на губах — смущенная улыбка, и я, точно лунатик, оторвался от кучки своих друзей и родичей и через секунду уже держал ее за руку, не отрываясь, смотрел в ее большие серо-зеленые глаза и слушал тихий, глуховатый голос.

— Я пришла тебя поздравить, Гонза. Ты не сердишься?

Покрутив головой и произнеся: «Мирка, ты все хорошеешь»

¹Карлов университет в Праге. (Здесь и далее — примечания переводчика.)

и хорошеешь», я взял букет и, не долго думая, наклонился и поцеловал ее прямо в губы. Тут нас обступили родичи, мама вытирала мокрые глаза, младший братишка глуповато ухмылялся и бесстыдно разглядывал Миркины ноги, а отец крепко обхватил ее за плечи и фамильярно признался:

— Вот ведь паршивец! Представьте себе, он даже словом о вас не обмолвился...

В дальнейший ход событий я не вмешивался. Только когда во время торжественного ужина в ресторане «У пеликана» на столе появилась четвертая бутылка «рислинга», когда мама доверительно сообщила Мирке, что до восьми лет я почти не выговаривал «к», отец раскурил настоящую «гавану», а брат откровенно заскучал, я впервые отважился представить себе, как изменились бы лица моих близких, если бы они вдруг узнали, при каких обстоятельствах я познакомился с этой милой, привлекательной, но скромной и сдержанной дамой с великолепными манерами и интеллигентной речью...

И вот теперь в двух шагах от меня она разгружала свой объемистый чемодан, деловито расхаживая по комнате, вешая на плечики свои платья, юбки и блузки и складывая весь свой гардероб, которого не постыдилась бы и кинозвезда, в светлый и просторный встроенный шкаф.

Я закурил сигарету, и как раз в этот момент позади скрипнула дверь, кто-то произнес: «Добрый день». Обернувшись, я увидел перед собой мужчину в полосатых брюках и зеленой рубашке. Не успел я ответить на приветствие, как он продолжил:

— Видимо, пару дней будем с вами соседями. Разрешите представиться — доктор Баудыш.

— Очень рад, меня зовут Кабеш.

Доктор благожелательно улыбнулся и заметил:

— Де-юре мы с вами живем вместе, пан Кабеш.

Я кивнул и, не желая говорить о погоде, ляпнул:

— Отчего бы нам, женихам, и не пожить вместе?

Доктор немного смутился и принялся объяснять, что очень сожалеет, если нам помешал, что сам он, как это ни печально, пока еще не оформил развод, так что...

Я великодушно махнул рукой, заверил его, что он нам нисколько не мешает, а потом дошла очередь и до погоды. Мы сошлись на том, что она чудесная, и оба выразили надежду, что она не ухудшится. Доктор рассчитывал пробыть здесь четырнадцать дней, я — немного меньше. Я как раз прикидывал, как отнесется Мирка к сокращению своего отпуска, когда на балкон вышла девушка, которую с полным основанием можно было принять за законную дочь доктора Баудыша. Ей было не больше двадцати двух, этакая кошечка, из тех, ради которых солидные, благополучные папаши готовы бросить семью, — хрупкая, миниатюрная, очень привлекательная. Я окинул ее беглым взглядом, от выкрашенных в красный цвет ногтей на ногах и белой летней мини-юбочки до романтично уложенных светло-каштановых волос, и подумал, сколько же на этом свете красивых женщин.

Она одарила меня светской улыбкой, робкой и нежной, как

черешневый цвет, а доктор завершил обряд знакомства:

— Алиса, позволю представить тебе нашего соседа пана Кабеша... Пан Кабеш — Алиса Гайска.

— Очень рада, — сказала она и подала мне руку таким грациозным и возвышенным жестом, точно ожидала, что я приложусь к ней губами. Но я ограничился энергичным встряхиванием, да к тому же нарочно стиснул ее лапку чуть покрепче. Она быстро отдернула ее, помахала в воздухе и мигом уцепилась за мужественную руку своего будто сошедшего с экрана доктора.

— Кажется, пора собираться к обеду, Мир, — пискнула она, но не успел доктор что-то сказать в ответ, как с нашей половины апартаментов появилась Мирка. Она тоже переоделась, сменив дорожный костюмчик на эффектное, просвечивающееся насквозь платье.

— Барышня Крамперова, — лаконично представил я.

Доктор прямо-таки переломился в пояснице, а его хрупкая спутница, раздвинув подведенные розовой помадой губы и обнажив ровные перламутровые зубки, радостно защебетала:

— Очень рада с вами познакомиться, барышня Крамперова. Меня зовут Алиса Гайска. Вы знакомы с доктором Баудышом?

— Нет, — коротко ответила Мирка и чуть заметно усмехнулась, как бы намекая, что даме полагается ждать, пока ее представят другие. И уж, во всяком случае, не следует представлять своего спутника.

Доктор Баудыш поторопился загладить неловкость и пригласил нас на обед.

— Вы любезно пошли нам навстречу, пан Кабеш, так что я — ваш должник, — заметил он. — Сегодня вы — наши гости. Будем ждать вас через четверть часа внизу, в ресторане...

— Да, разумеется, — подтвердил я и направился в комнату, чтобы хоть немного ополоснуться и сменить рубашку.

— Послушай, какое одолжение ты успел ему сделать? — зайдя следом за мною, спросила Мирка.

Я пожал плечами.

— Де-юре я живу в одной комнате с ним. Перед отъездом в отпуск у него не хватило времени на развод.

— Ах, вот как! — произнесла Мирка и загадочно улыбнулась.

Я тем временем подсчитывал про себя, сколько денег сегодня сэкономлю.

3

А сэкономил вполне прилично. Обед состоял из аперитива, зернистой икры на закуску, черепашого супа, татарского бифштекса или ростбифа с шампиньонами, пирожных, кофе по-венски и бутылки «бадаксона». Встреча прошла чинно, без шероховатостей. Меня заинтересовало только, что девушка по имени Алиса, несмотря на деликатное телосложение, легко одолела полный комплект съестного, в то время как Мирка отказалась от супа и пирожного, а кофе выпила без сливок. Заботу своей спутницы о сохранении стройной фигуры я, с учетом своего финансового положения, воспринял с одобрением, так же как и тот факт, что

кроме шикарного ресторана, очевидно, относящегося по уровню цен к первой категории, в гостинице «Поклад» существовало и что-то вроде общедоступной столовой, гораздо менее изысканной, но зато более дешевой.

Доктор самоотверженно вел беседу, я время от времени ему поддакивал, зато обе наши дамы, как ни странно, помалкивали. Меня особенно удивляло молчание Мирки, казалось, она чувствует себя не в своей тарелке. Алиса доброжелательно улыбалась, вертела в руках серебряный карандаш и что-то черкала на листке бумаги, Миркино лицо я определил бы как задумчивое и непроницаемое. Когда доктор сосредоточился на расчете, а я внимательно уставился на официанта, с интересом наблюдая за его профессиональными ухватками, клочок бумаги очутился уже в руках у Мирки. Она повертела его, скомкала и бросила в пепельницу. Доктор между тем щедро отказался от сдачи и, когда официант наконец удалился, обратился к нам:

— Надеюсь, вы будете на пляже ближе к вечеру?

Я машинально кивнул, потому что ничего другого, кроме купания, не планировал, но Мирка неожиданно остановила меня.

— Разве что ближе к вечеру, — заявила она. — Сейчас немного отдохнем, а потом пойдем погуляем по лесу.

Доктор Баудыш принял это к сведению, отодвинул стул и встал. Алиса тем временем тщательно давила в пепельнице горящий окурок. Вернее, не столько давила, сколько старалась упорно и целенаправленно уничтожить обгоревший уже клочок бумаги. Наконец доктор предложил ей руку, и мы вчетвером покинули ресторан. Я шел последним, причем «случайно» забыл на столе зажигалку.

— Ах, ты, черт, — пробормотал я. — Извините, я оставил на столе свой огонек.

Доктор засмеялся.

— Ну так поскорее возвращайтесь! В вашем возрасте, дорогой друг, без огонька не прожить!

— Это точно, — согласился я, вернулся к столу, схватил подгоревший бумажный шарик и вместе с зажигалкой сунул его в карман пиджака.

Дождавшись, когда Мирка отправилась в ванну, я вынул шарик и разгладил его на колене. Бумага была сильно потерта и кое-где прожжена, но мне все же удалось прочесть две фразы, написанные прямым женским почерком: «Мируш надеюсь ты не крыса я тоже тебя не выдам».

4

Во второй половине дня мы вышли прогуляться. В лесу было чудесно: мир, покой и тишина. Побродив около часа, мы уселись наконец на поросшей густой травой поляне, укрытой от нескромных взглядов с одной стороны молодыми елочками, а со всех остальных — кустами малины и ежевики. Я положил голову Мирке на колени, обхватил правой рукой ее ноги и закрыл глаза. Она легонько прикоснулась к моим волосам и взъерошила их.

Я втянул в ноздри запах ее духов, смешанный с запахом вереска, хвои и еще чего-то, что не сразу сумел определить, и только потом осознал, что так, дразняще и возбуждающе, побеждая даже благоухание изысканных духов, пахнет Миркино тело.левой рукой я обнял ее за шею и притянул вплотную к себе, надеясь, что в награду за такую смелость она поцелует меня, но Мирка только прислонилась подбородком к моему лбу. Я открыл глаза. Она рассеянно смотрела куда-то вдаль.

— В чем дело? — прошептал я. — Что-нибудь случилось?

— Нет, просто я немного устала. Ты недоволен, что мы не пошли купаться?

— Нет, с какой стати? Здесь тоже хорошо.

— А мне хорошо там, где ты, — выпалила она. — Как бы я хотела быть с тобой рядом! Только с тобой, понимаешь?

Вместо ответа я улыбнулся.

— Конечно, я болтаю чушь, но... каждый человек имеет право на хотя бы одно большое, пусть даже несбыточное желание.

— Не вижу в твоём желании ничего несбыточного.

— Все тут несбыточное. — Мирка принужденно улыбнулась, обхватила ладонями мою голову и наконец-то поцеловала меня. — Я совершила большую глупость, когда пошла на твой выпуск. Надо было отправить поздравление, и все. Вот только... Я должна была тебя увидеть на минутку. Только увидеть, ей-Богу. А потом собиралась удрать...

Я не дал ей договорить.

— И хорошо, что не удрала. Кому бы я тогда положил голову на колени?

— Если ты сейчас меня прогонишь, молча уйду, и ты обо мне больше никогда в жизни не услышишь. Но если сумеешь, Гонза, потерпи немного, хотя бы недельку. Очень тебя прошу...

Две вещи пришли мне в голову одновременно: что с учетом расценок в гостинице «Поклад» и моих финансовых возможностей нам придется уносить ноги гораздо раньше и что Мирка становится опасно сентиментальной. Вслух я произнес:

— Будь так добра, не расстраивайся заранее. Лучше скажи, как тебе нравятся наши соседи. Пан доктор и его красотулька.

Такой поворот застал ее врасплох. Она только заморгала и недоуменно передернула плечами.

— Меня интересует твое впечатление, — не унимался я. — Очень интересует.

— Ну, что я могу сказать? Ничего определенного. Доктор, на мой вкус, староват, да к тому же, кажется, и сноб. А барышня бойка, очень миленькая девчонка.

Я понял, что больше ничего об Алисе она говорить не станет. Врать ей не хотелось, но и признаваться в знакомстве тоже. Впрочем, мне и так все стало ясно. Алиса, как видно, «бывалая тузексовка»¹, а влюбленный доктор даже понятия об этом не имеет. Отсюда и комедия на балконе, когда Алиса поторопилась представить своего спутника, и сдержанное «выканье», и глухое

¹ «Тузексовка» — чехословацкий аналог нашей «интердевочки». (От «Тузекс» — сеть валютных и боновых магазинов типа нашей «Березки».)

молчание во время обеда, и, наконец, торопливо нацарапанная и совершенно недвусмысленная записка без знаков препинания. И все же, что затевает Мирка, отчего она темнит? Ведь в отличие от Баудыша я все знаю...

5

В гостиницу мы вернулись около пяти, я отправился на пруд, чтобы искупаться, а Мирка решила вздремнуть. Часов в семь я собирался ее разбудить, чтобы вместе пойти поужинать.

Вода была отличная, чистая и теплая, я переплыл пруд туда и обратно, метров семьсот, не меньше, а потом растянулся на песке, под еще горячими лучами солнца, и углубился в не слишком радостный пересмотр своего финансового положения.

Вечером придется сообщить Мирке, что у меня с собою всего лишь несколько сотен — для студента огромная сумма, но для гостя международного отеля «Поклад» суцая мелочишка, — так что не позднее понедельника надо отсюда уезжать. Это, так сказать, оптимальное решение. Самое разумное — считать нашу поездку ни к чему не обязывающим эпилогом студенческого жия...

Из задумчивости меня вывел мужской голос. Его обладатель старался говорить тихо, но то и дело забывался.

— Я тебя не понимаю, Власта, — услышал я. — И ты не постесняешься иметь дело с таким мерзавцем?

238

— Не сердись, Петр, — устало откликнулся женский голос. Дальше мне удалось схватить лишь обрывки слов, не имеющие никакого смысла, так как женщина говорила гораздо тише, чем ее рассерженный собеседник.

Я незаметно покосился в ту сторону, откуда долетали голоса. Власта и Петр сидели в двух шагах от меня, оба в купальных костюмах, оба лет тридцати пяти.

— Если я тебя правильно понял, мне надо пойти за ним, а ты тем временем поговоришь с той стервой.

Женщина слегка кивнула и растянулась на оранжевом купальном халате.

— Пойми, что это унижение, — проговорил мужчина, но Власта схватила его за руку и что-то забормотала. Как я ни напрягал слух, смог уловить только несколько бессвязных слов:

— Ну, пожалуйста... Я готова... За любую цену... а Мирек...

Петр ответил, что умнее всего набить дорогому зятю морду и что он-таки это сделает. Потом улегся на песке и замолчал.

Я рассмеялся про себя. Едва ли можно было сомневаться, о какой стерве и каком Миреке идет речь и за что ему следует набить морду. Рядом со мной, несомненно, обсуждали свои планы жена доктора Баудыша и ее брат. Кстати, они были очень похожи. Типичные южане: черноволосые, с темно-кариими глазами, густыми бровями и резкими чертами лица. У меня мелькнула мысль, что вскорости моего соседа ожидают крупные неприятности.

Когда через час я вернулся в гостиницу, Мирки в комнате не оказалось. Я выглянул на балкон, там ее тоже не было. Потом сообразил, что еще в прихожей услышал шум воды в ванной, и почти тут же объявилась Мирка в купальном халате. Она улыбнулась и пошлепала меня по щеке.

— Наплавалась?

— Отлично! — ответил я. — А как ты? Отоспалась?

— Люкс! Пойдем сегодня танцевать? Если ты не очень проголодался, там же перехватим чего-нибудь, они открывают в двадцать ноль-ноль.

Я посмотрел на часы. Было без двух минут семь.

— От голода, конечно, не умру, но...

— Но? — подхватила она.

— Садись-ка, — попросил я и кивнул на кресла у курительного столика в углу комнаты. — Надо кое о чем поговорить. Буду краток. Имей в виду: самое позднее в понедельник собираем чемоданы и едем домой.

— Да ты что! — выкрикнула Мирка. — Тебе здесь не нравится?

— Да нет, здесь великолепно. Но, к сожалению, не по моему карману. Ты ведь что говорила? Загородный отелик, лес, вода и покой. Ну, я, дурак, и представлял себе хижину с соломенной крышей, толстого управляющего и его еще более толстую жену в качестве прислуги и кухарки. А тут гостиница категории «А», номер с ванной, кафе, ресторан, цены по высшему разряду. Так что все очень просто: по моим подсчетам, в воскресенье вечером я терплю финансовый крах.

Мирка облегченно рассмеялась.

— А другого повода для отъезда у тебя нет?

— Нет. Допускаю, что тебе это кажется слишком низким и жалким, но факт остается фактом.

— Хорошенько послушай меня, Гонза. Я не вчера родилась и прекрасно знаю, что ты только неделю назад получил диплом. И если память мне не изменяет, — в глазах у нее заиграли огоньки, — ты поклялся однажды, что на спортлото не потратишь больше ни единой кроны.

Я ухмыльнулся.

— Ну и память у тебя!

— Память как память. Но почти все наши разговоры с тобой могла бы тебе сейчас повторить слово в слово.

Мы помолчали, глядя друг на друга. Потом заговорил я:

— Вот и прекрасно, Мирка, значит, ты знаешь один мой маленький недостаток. Пойми, я не могу жить у тебя на содержании.

— Ну так имей в виду, мой милый, — заявила она, — что все деньги, которые я взяла с собой, заработаны честным трудом, и, ей-Богу, я не знаю лучшего способа их истратить... — Она прижалась ко мне и поцеловала в щеку. Потом отстранилась и направилась к шкафу. — Посоветуй-ка лучше, что сегодня вечером надеть...

Я выбрал светло-зеленое платье для коктейль-партни.

В кафе меня подстерегала новая неожиданность. Мы должны были провести вечер не одни, а в обществе управляющего гостиницей Богачека и его супруги. Пани Гана Богачкова, элегантная дама лет двадцати семи в броском серебристом одеянии, была знакомой или даже дальней родственницей Мирки, и только благодаря ее помощи нам удалось устроиться в «Покладе» в самый разгар сезона. Карлу Богачеку я бы дал около сорока, Мирка позднее просветила меня, что они с Ганой поженились меньше года назад. Короче говоря, молодожены, — что в общем-то сразу было заметно. В основном по его поведению. Он то и дело брал свою подругу за руку, потом вдруг по-хозяйски клал ей ладонь на бедро, обнимал за плечи, а она строила ему глазки... Словом, и так все ясно.

— Ревнивец ужасный, — сообщила мне Мирка, когда мы в первый раз отправились потанцевать. — Стоит ей только на кого-то посмотреть, как он тут же устраивает скандал. Понимаешь, он женат во второй раз. Первая жена ему изменяла, так что это неудивительно.

— Да уж, от женщин ничего хорошего ожидать не приходится, — засмеялся я.

Мирка щелкнула меня пальцем по носу и с притворной строгостью заявила:

— Не хулигань!

240

Часам к девяти в кафе собралось уже довольно много народу. Помещение было не очень большое, наверное, столиков на пятнадцать, причем у каждого столика стояло по шесть удобных кресел. Посредине — квадратная танцплощадка, в одном углу — со вкусом оборудованный бар с ярко раскрашенной белокурой барменшей, в другом — эстрада, где сидели четыре музыканта, обычная для забегаловок шарашка, которая по первому требованию преподнесет вам все что угодно, на любой вкус.

Мирка что-то еще выкладывала про пани Гану, но тут танцевальная серия закончилась, и мы направились к своему столику. Я отодвинул кресло и огляделся, разыскивая Богачковых, которые остановились в дальнем углу танцплощадки. В этот момент кто-то тронул меня за локоть. Разумеется, это был доктор Баудыш, а рядом с ним воздушная Алиса. Я обратил внимание на изящный светло-серый костюм доктора, потом взглянул на сверкающий наряд Алисы, и мне бросились в глаза сразу три вещи: лаковые туфельки, кожаная сумочка и — волосы. Все это, как ни странно, было черное. Выпил я к тому времени всего ничего — каких-то две рюмочки «бикавера», так что оснований не верить своим глазам у меня не было, тем не менее в обед волосы у нее были гладко причесанные и светло-каштановые, а сейчас — сплошь в локонах и черные, как вороново крыло. Когда они подсаживались к нашему столу, вернулись Богачковы, и мне ничего не оставалось, как представить обе пары друг другу.

— Пан доктор Баудыш и барышня Алиса — наши соседи, — пояснил я. — Де-юре мы с паном доктором живем вместе. А де-факто — только в регистрационной книге.

Управляющий пожал плечами.

— Инструкция есть инструкция.

Вид у него был не слишком довольный, как и у его спутницы. Пани Богачкова окинула доктора безразличным взглядом, на Алису же посмотрела откровенно неприязненно. Возможно, из-за парика, который был сейчас в моде и которого у нее пока еще не было.

Алиса протянула ей руку и произнесла свое неперемное: «Рада с вами познакомиться». Гана руку взяла, покровительственно кивнула, неопределенно усмехнулась и ничего не ответила. Пока доктор договаривался с официантом насчет напитков, я незаметно взглянул на Мирку. Вид у нее был непроницаемый, она теребила в руках только что снятые длинные черные перчатки, как бы давая понять, что все окружающее мало ее занимает, но присутствие бывшей «сослуживицы» явно испортило ей настроение.

Чтобы сгладить неловкость, я спросил Богачека, много ли народу здесь бывает зимой.

— У нас тут круглый год хватает работы. Только кончается летний сезон, как начинаются всякие курсы, семинары и тому подобные мероприятия, здесь же встречаются и обмывают сделки с зарубежными партнерами, в ноябре, например, состоялся международный математический симпозиум.

Примерно через час управляющего вызвали к дежурному, это заметно расстроило его супругу, которая последовала за ним с ультимативным заявлением: если он собирается «управлять», то она отправится в постель. Баудыш принялся развивать какую-то теорию о вечном конфликте личного и общественного, и я поторопился пригласить на танец Алису, оставив Мирку ему на растерзание. Доктор повел себя как джентльмен и пригласил ее к бару. Я наблюдал, как он галантно помогает Мирке сесть на высокую табуретку. Вдруг его лицо окаменело, а в глазах появились гнев и удивление. Он выглядел ошарашенным и растерянным. Вряд ли Мирка получит свою водку, улыбнулся я, заметив у входа в кафе то, что так ошеломило Баудыша. Разумеется, Петра и Власту. Петр выглядел, точно благородный мститель Зорро, сестра что-то ему говорила, потом их взоры обратились в нашу сторону. Не помню, чтобы когда-нибудь еще на меня обрушивалось столько откровенной ненависти, две пары черных глаз буквально пронзали Алису насквозь: Петр где-то в области мозжечка, Власта — приблизительно между пятым и шестым позвонками. Я плавно развернулся, чтобы поставить свою партнершу лицом к новоприбывшим и одновременно проверить, знает ли она родичей доктора. Знала. По крайней мере одного из них. В следующую секунду вдруг зашаталась, как после сильного удара, побелела, простите за штамп, как стена, и почти что припала к моей груди, пытаясь спрятаться за мною. Я сделал еще пол-оборота и повернул ее к входу профилем. Под таким углом она наверняка выглядела весьма даже привлекательно, но Власте и Петру явно не доставало объективности, их взгляды стали, если это возможно, еще более грозными. Между тем Алиса украдкой взглянула на своего возлюбленного. Водку он все-таки

заказал, лица его я видеть не мог, но даже на затылке легко читались страх и растерянность.

Наконец Петр ринулся в атаку. Мимо площадки прямо к бару. Власта же повернулась и вышла из кафе. Наверное, не выносит драк, подумал я и невозмутимо обратился к Алисе:

— Здесь чудесно, не правда ли?

Она кивнула.

— Да, конечно. Хотя...

Ее заклонило, как испорченную «молнию».

— Хотя? — повторил я заботливо.

— Знаете, что-то мне стало нехорошо. Тут такая духота... И накурено.

Сидя за столиком, она сама курила одну сигарету за другой, насчет духоты тоже было сильно преувеличено. Широкий выход на террасу был открыт настежь, и в кафе задувал свежий ветерок, несущий ароматы июльской ночи и влажный холодок близкого пруда.

Тем не менее я согласился:

— Да, пожалуй.

Она подняла на меня свои незабудковые глазки:

— Будьте так добры... Я оставила на столе сумочку. Мне надо выйти.

— Да, да, конечно, — галантно произнес я и, обходя танцующие пары, провел ее к столику. В это время черноволосый и чернобровый Петр остановился за спиной Баудыша, который как бы случайно повернулся к нему.

Алиса взяла со стола сумочку, мигом ее открыла, сунула туда руку, снова закрыла и кинула взгляд в сторону бара. Ее любовник как раз доставал из внутреннего кармана кошелек и что-то пояснял Мирке. Тут же я заметил и Гану Богачкову. Она болтала с барменшей и смотрела в нашу сторону. Наши взгляды встретились, и она чуть заметно улыбнулась.

— Вы меня проводите, пан Кабеш? — жалобно спросила Алиса.

— Ну, конечно, — успокоил я ее. — Выйдем на свежий воздух?

— Да, — пролепетала она и взяла меня под руку. — Если вас не затруднит...

Она благодарно сжала мне локоть, и мы направились к выходу.

Вот сейчас мы и познакомимся с пани Властой, мелькнуло у меня в голове, когда я отворял дверь, соединяющую кафе с вестибюлем. Но опасения оказались напрасными. Законную соперницу Алисы заметить я, правда, успел, но в безопасном отдалении от маршрута нашего побега. Она сидела в кресле возле конторки дежурного и нас даже не заметила.

Посередине вестибюля я повернул к выходу, но Алиса шепнула:

— Пожалуйста, не туда... Прямо...

Что ж, я двинулся к лестнице, ведущей в гостиничные номера.

— Немного отдышусь в комнате или на балконе, — пояснила моя спутница.

Вслух я не произнес ни слова, но мысленно посоветовал: «Главное — записаться как следует, крошка, а не то еще случайно покалечишься...» По мраморным ступеням, покрытым красной

плюшевой дорожкой, мы направились к нашим апартаментам с общими прихожей, ванной и балконом.

— Пан доктор, наверное, будет вас искать, — заметил я, хотя сам этому не особенно верил.

— Правда, — кивнула она. — Вряд ли я вернусь. Уже поздно, передайте ему, пожалуйста, что я жду его наверху.

— Передам, — пообещал я.

Мы подошли к двери с номером 19, и Алиса полезла в сумочку за ключом. Сунула его в замок, потом подала мне ладошку. Я коротко и осторожно пожал ее, однако Алиса удержала мою руку и тихо попросила:

— Пожалуйста, о том, что я ушла, скажите Миро по секрету. Так неудобно портить компанию... Но мне в самом деле плохо...

— Никто ничего не заметит, — пообещал я. Она выдернула из моей ладони свою хрупкую лапку, одарила любезной улыбкой и еле слышно добавила:

— Пускай постучит негромко три раза, ладно?

Я кивнул, и она скрылась за дверью нашего общего номера. Замок изнутри щелкнул раньше, чем я успел повернуться и отправиться в обратную дорогу.

В кафе никого из нашей компании не оказалось. Я поглядел на часы. До полуночи оставалось еще двадцать пять минут. Мужчины по имени Петр поблизости не замечалось, пани Баудышова сидела на прежнем месте, в кресле возле конторки.

Я закурил сигарету, устроился за столом и налил себе рюмку. Так, в одиночестве, я провел минут двадцать, а может, и полчаса; во всяком случае, успел выкурить две сигареты.

Первой вернулась Мирка.

— Где ты была? — спросил я, едва она уселась рядом.

— Немного прогулялась. А ты? Я везде тебя высматривала, а ты как сквозь землю провалился. Да еще с барышней Алисой. Надеюсь, не станешь отпираться.

Я завертел головой и, словно бы не поняв намека, произнес:

— Нет, конечно, с какой стати? А по-твоему, надо?

От неожиданности она растерялась. Подыскивая подходящий ответ, пригубила вина и, стараясь говорить шутливым тоном, заметила:

— А вдруг она стала бы тебя соблазнять?

— Послушай, — прервал я ее, — давай-ка поговорим серьезно. Боюсь, что пока Алиса не встретила Баудыша, то толком и не знала, для чего существуют мужчины. Этакая невинная душа...

Мирка исподлобья взглянула на меня и произнесла:

— А потом вдруг проснулась, да?

— Типичная дурочка, — продолжал я. — Баловница из так называемой хорошей семьи. Если бы матушка пронюхала, что ее деточка отпрашивается отдыхать с женатым мужчиной, ее бы точно хватила кондрашка.

— Эх, ты, знаток женской души! — уже не скрывая иронии, отозвалась Мирка. Но тут же посерьезнела и рассеянно погладила мне руку: — Прости, я выпила две рюмки водки и болтаю чепуху.

Я пожал плечами.

— А я и не утверждаю, что разбираюсь в женщинах. Я просто проводил ее наверх. Ей стало плохо, и она попросила послать к ней Миро. Куда он, кстати, подевался?

— От бара его отозвал какой-то мужчина.

— Отозвал? А зачем?

— Хотел с ним поговорить. Они вместе вышли туда. — Она показала в сторону террасы.

Неужели все-таки дело дошло до кулаков, да еще в темноте и без свидетелей? Бедный доктор! Туговато ему придется. Ну что ж, получит, что заслужил, всем Ромео всегда доставалось на орехи.

— Пойдешь танцевать? — спросил я у Мирки.

— С удовольствием, — ответила она и встала. Мы присоединились к танцующим парам.

Между тем к нашему столу вернулась пани Гана. Она опустилась в кресло и закурила сигарету. Подчеркнуто вызывающе, словно хотела продемонстрировать, что красит ногти исключительно французским лаком.

— Куда пропал твой муж? — спросила ее Мирка.

— Понятия не имею, — ответила она и сердито изогнула брови. — Я раздумала идти за ним. Понимаешь, я себя знаю, со злости ляпнула бы что-нибудь такое, чего сама бы потом стыдилась, так что решила вернуться в кафе. Уже у бара заметила, что ухитрилась порвать чулки, и поехала заменить их.

— Поехала? — непонимающе переспросил я.

— На лифте, — улыбнулась она. — Мы живем на пятом этаже... А куда подевались Алиса и доктор?

— Пан доктор принимает гостей, а барышня Гайска отправилась баиньки, — ответил я. — Что-то ей стало плохо. От духоты и табачного дыма.

— Да, молодежь пошла хлипкая, — констатировала пани Гана, стряхнула пепел и с досадой произнесла: — О господи, куда же подевался мой супруг? Все дела, дела, без сна и отдыха. Нет, Мирка, не выходи замуж.

Ответить Мирка не успела, потому что к столу подошли пан Богачек, а следом за ним и Баудыш. Кроме спущенного галстука, никаких следов насилия у доктора я не заметил. Управляющий Богачек устроился возле супруги, одной рукой нежно погладил ей колено, другой разлил вино по рюмкам и поклялся, что больше не отойдет от своей Ганички ни на шаг, а задержал его дежурный, которому потребовались какие-то отчеты.

Я тем временем наклонился к Баудышу и сообщил ему, что Алиса ушла к себе и в кафе больше не вернется.

Он рассеянно кивнул, поблагодарил и завертел головой, отыскивая официанта. Заплатив за две бутылки, он извинился, что вынужден так рано покинуть нашу милую компанию, и отправился восвояси. Только после его ухода я сообразил, что забыл передать ему, чтобы он негромко и троекратно постучался. Но особо расстраиваться не стал, решив, что Баудыш как-нибудь договорится с Алисой и без этих конспиративных штучек.

Не договорился. Примерно через час мы обнаружили его в коридоре перед нашим общим номером. Он прохаживался туда-сюда и изволнованно курил. Едва заметив нас, поспешил навстречу с нескрываемой радостью.

— Слава Богу, друзья, а я уже думал, что мне придется спускаться за вами в кафе.

— Что случилось, доктор? — сдержанно спросил я, опасаясь, как бы и нам не попасть в передрыгу из-за его супружеских неприятностей. Дело в том, что едва он покинул кафе, как у нашего столика появился официант, передав, что дежурный очень извиняется и просит пана управляющего снова явиться к нему. Дело очень важное и безотлагательное. Богачек сперва украдкой взглянул на пани Гану, а потом принял непреклонный вид и заявил, пускай, мол, старина Гермох идет куда подалее и не дергает своего шефа из-за всякой глупости. Его супруга раздраженно произнесла:

— Вот идиот! За что ему только деньги платят?

На этот вопрос официант ничего не ответил, только многозначительно пожал плечами, а Богачек дал ему задание принести еще бутылку и передать дежурному, что управляющего не нашел. Официант обернулся мигом и, открывая «бикавер», сообщил, что, в общем, согласен с мнением уважаемой пани насчет дежурного, такого недотепу надо поискать, но все же осмелится посоветовать пану управляющему заглянуть хотя бы на минуту в вестибюль, потому что какой-то гость угрожает подать жалобу на руководство отеля.

Пан Богачек с молчаливого согласия супруги покинул свое кресло. Через пару минут он вернулся.

— Что случилось? — скорее с раздражением, чем с любопытством, спросила Гана.

Богачек махнул рукой:

— Представьте себе, там жена и зять вашего соседа. Пришли устроить ему скандал. Вернее, приехали. А теперь не могут завести машину. Требовали от дежурного, чтобы обеспечил им автомеханика. Посреди ночи! Он им спокойно объяснил, что это немыслимо, тогда они решили переночевать. Представляете такую наивность? Ну и тут мужчина начал грозиться: мол, если они немедленно не будут устроены, он заявит куда следует, что мы заносим фальшивые записи в книгу регистрации гостей. Потому что он, дескать, точно знает, что его женатый свояк поселился вместе с какой-то девицей. Так что, пан Кабеш, имейте в виду, конечно, только для проформы: с доктором Баудышом живете вы. Лучше всего, если дамы тоже договорятся. Барышня Мирка, вы не против?

Мирка кивнула, а меня разобрала злость. В первую очередь на Баудыша. Какого черта от такой милой жены лезть на тузексовку! А потом я разозлился и на Мирку. За то, что затащила меня в это общество, проникнутое духом снобизма и, честно говоря, довольно скучное. А в конце концов я обругал и самого себя. За то, что позволил доктору заплатить за обед, а значит, был у него

в какой-то мере в долгу и вынужден прикрывать его связи с Алисой.

— Надеюсь, пан зять не собирается подглядывать в замочную скважину, кто с кем находится в комнате. И не приставит к балкону лестницу, чтобы проверить, кто с кем лежит в постели, — заметил я.

— Для верности опустите шторы и никому не открывайте, — засмеялась Гана. — Обманутые жены могут быть опасны... А как ты все же от них избавился, Карел?

— Посоветовал устроиться в автомобиле и даже предложил на ночь одеяла. Пообещал, что рано утром вызовем автосервис. Ну и сказал, что к их услугам все остальные службы нашего заведения. Например, кафе, где они могут сидеть до трех утра.

Услугами кафе они не воспользовались. Во всяком случае до часа с четвертью, когда мы расплатились и вместе с Богачковыми направились к лифту. Наверх мы поехали вдвоем с Миркой, пан управляющий пожелал еще заглянуть в канцелярию, а его супруга — на кухню.

— Вот еще не было печали! — сказал я Мирке, едва нажав на кнопку с цифрой «1».

— Не расстраивайся, — успокаивающе произнесла она, — прямо с утра договоримся с барышней Гайской...

— Да разве дело в Баудыше и его куклке? — прервал я ее.

— Просто я иначе представляю себе отпуск, понимаешь?

Она грустно кивнула. Лифт уже давно стоял.

— Пошли? — тихо спросила она.

— Пошли! — согласился я. — Но если родичи Баудыша устроили засаду у номера, торжественно провозглашаю, что ручаться за себя не могу.

Власти с Петром в засаде не оказалось. Зато был доктор.

В следующую минуту мы узнали, что он никак не может попасть в номер. Мирка вынула из сумочки ключ и отперла наши апартаменты. Едва ступив на порог нашей общей прихожей, Баудыш поклонился, пожелал нам доброй ночи и двинулся направо. Сквозь отворенную дверь я услышал слабый шум текущей воды. О господи, вот почему она не открывала! Сидит в ванне...

— Пойду испорчу еще одну сигарету, — сообщил я Мирке и вышел на балкон. Закурил и загляделся на пруд. Он простирался за слабо освещенным пляжем, широкий, тихий, и по его спокойной чернильной глади плыл крупный серп растущего месяца — картина идиллическая, успокаивающая. Я поглядел назад, в спальню. Мирка как раз снимала платье. Она перебросила его через спинку кровати, а потом села в кресло и стянула чулки. Когда же она освободилась от комбинации и расстегнула бюстгальтер, в комнату вдруг ворвался доктор Баудыш. Я видел, как он отчаянно жестикулирует и как у Мирки вдруг опускаются руки, которыми она инстинктивно прикрыла грудь.

Я мигом очутился рядом с нею.

— Что там у вас стряслось, пан доктор? Даже забыли постучаться...

— Алиса... — выдавил он, в глазах у него смешались ужас и удивление. — В ванне... Надо срочно вызвать врача...

— Врача? — повторил я и почувствовал, как у меня сдавило желудок.

— Алиса мертва... — глухо произнес Баудыш.

Я выскочил в прихожую и заглянул в ванную. Небольшое, почти до самого потолка выложенное кафелем помещение с умывальником, высоким настенным зеркалом и ванной казалось пустым. На вешалке висели снежно-белый купальный халат и мохнатое полотенце, на серо-белом плиточном полу лежал темно-красный синтетический коврик, а на нем — кокетливые тапочки, промокшие насквозь, потому что через край ванны переливалась вода. Она струилась вдоль боковой стены и уходила в сточное отверстие посреди ванной комнаты.

Алиса лежала в ванне. Голова со спутанными каштановыми волосами и закрытыми глазами, туловище, руки и узкие ступни — все это было под водой, на поверхности торчали только колени согнутых ног, острые, задубевшие, похожие на два забытых Богом, полных отчаяния и безнадежности островка.

Я осторожно приблизился к ванне, прикоснулся к одному колену — оно было холодное, почти ледяное, такое же, как и вода, в которой покоилось неподвижное тело. Машинально потянулся повыше, чтобы остановить воду, но кран с красной пометкой на фаянсовой головке был закрыт до отказа. Открыт был второй, с синей пометкой. Я покрутил его, и вода остановилась. Потом я повернулся к дверям. Доктор Баудыш стоял, прислонясь к косяку. Он был явно в полубморочном состоянии. Мирки не было видно, наверное, она осталась в нашей комнате.

Я вышел в прихожую и заглянул в ту часть апартаментов, которую занимал доктор. Размерами и меблировкой она полностью походила на соседнюю. На постели у окна лежали вечернее платье Алисы и беспорядочно разбросанное белье; казалось, она так торопилась в ванну, что срывала его с себя и швыряла, как попало. На ночном столике я увидел черный завитой парик, на одном из кресел у письменного стола — сумочку, а на самом столе — полупустую пачку «Старт», элегантную газовую зажигалку и патентованную авторучку. В замке торчал ключ. Окно на балкон и балконные двери были открыты. Влажный летний ветерок легонько шевелил кремовую штору. Убийца проник в ванную либо через балкон, либо через нашу с Миркой комнату.

— Никому ничего не трогать, ни к чему не прикасаться, — сказал я наконец. — Спуститесь к дежурному. Пускай звонит в отделение ОБ¹. И еще — пусть вызовет управляющего. Ему, наверно, придется закрыть отель.

Доктор механически кивнул и деревянной походкой прошествовал из комнаты. Я взглянул на Мирку. Она сидела на самом краешке постели, напряженно выпрямившись и прижав ладони к бедрам.

— Нам с тобой везет, — заметил я, когда она подняла на меня

¹ ОБ — общественная безопасность.

перепуганный взгляд. И, так как она молчала, пояснил: — Я имею в виду — на убийства...

А про себя закончил: «На убийства проституток».

8

Баудыш вернулся вместе с Богачеком примерно минут через десять.

— Ужас... — с трудом выговорил управляющий, выходя из ванной. — Уж-жас...

— Выдали распоряжение закрыть отель?

— Мне приказали... из криминалки, никто не имеет права покинуть здание... — Он немного помолчал, потом добавил: — Те двое... Ну, вы знаете, о ком я... Они в кафе.

Я повернулся к Баудышу.

— Вы разговаривали со своей женой, доктор?

Он вздрогнул всем телом и стиснул подлокотники кресла так сильно, что даже пальцы побелели.

— С женой?.. Вы про Власту?..

— Разумеется. И с Петром. Вашим зятем. Они тут немного побушевали после вашего ухода из кафе. Пану управляющему пришлось их успокаивать.

— Пану управляющему?

— Вы ведь знали об их приезде, верно? — Я усилил напор на него потому, что пока еще не мог сообразить, то ли он действительно так потрясен смертью Алисы, что не способен привести свои мысли в порядок, то ли успел прикинуть все возможные последствия и валяет дурака, пытаясь заодно одурачить и меня.

Я склонился к первой версии.

— Да, я знаю, что они здесь, — признался он и испуганно спросил:

— Вы думаете?..

— Нет, я вообще ничего не думаю.

Хотя, конечно же, это было не так. Я думал о многих вещах. О записке, которую Алиса передала Мирке, о загадочном молчании Мирки, о разговоре, случайно подслушанном на пляже, а главное, о просьбе Алисы, чтобы ее любовник три раза негромко постучал в дверь. О просьбе, которую я не выполнил... Так нет ли в ее гибели и моей вины?

Из раздумья меня вывел неуверенный голос Богачека:

— Извините, уважаемые. Хотел бы попросить вас об одной любезности... Могу я рассчитывать, что вы удостоверите полиции правильность записи в книге гостей? Что вы тут... сами договорились между собой?.. Иначе у меня могут быть крупные неприятности.

— Мне бы ваши заботы, пан управляющий, — с горькой иронией ответил я, но, поглядев на его несчастное лицо, добавил: — Дежурный меня предупредил, что поселяет меня с паном Баудышом. Так что не волнуйтесь, вы тут ни при чем. Сделку с доктором мы заключили сами, по взаимному согласию.

— Вы полагаете, что их будут интересовать и такие... деликатные вещи? — ужаснулся Баудыш.

— Если судить по опыту — несомненно, — заявил я. — Кто с кем спит, кто живет по соседству — все это очень важно при расследовании убийства. Если не верите мне, спросите у барышни Мирки. Она, как и я, имеет опыт...

— Так вы... — почти выкрикнул Богачек.

— Да-да, — сухо сообщил я. — Однажды нам уже пришлось разбираться с одним убийством. Как свидетелям, разумеется. Кстати, тогда тоже была убита молодая женщина¹.

Мирка закрыла лицо руками и заплакала.

9

Любовник Алисы Гайской обнаружил ее мертвой около половины второго ночи, представители органов безопасности приехали в гостиницу примерно в половине третьего. Было их пятеро — двое в форме и трое в штатском. Они всей толпой ввалились в прихожую и ванную, но двое в штатском уже через пару минут появились в нашей комнате. Старшему я дал бы лет сорок, за стеклами квадратных очков в массивной черной оправе прятались умные, выразительные карие глаза. Он носил серый костюм и зеленую водолазку, причем, как видно, очень заботился об элегантности, так как торчавший из кармашка пиджака платочек и носки были того же цвета и даже оттенка, что и водолазка. Другой мужчина был на голову выше и лет на десять моложе. Особенно бросался в глаза его утиный нос, и, чтобы не казаться смешным, ему все время приходилось напускать на себя профессиональную суровость.

Старший из криминалистов сообщил, что его зовут Адам, он капитан, а его спутник — это поручик Сохор, затем потребовал, чтобы все, кто в отеле соприкасался с барышней Гайской, были в его распоряжении.

— Насколько мне известно, пан капитан, она поселилась здесь вчера до обеда, — произнес Богачек. Доктор Баудыш меланхолично подтвердил эту информацию.

— Верно, — вздохнул он. — Мы приехали около одиннадцати. На моей машине.

— Значит, никто, кроме доктора Баудыша, ее здесь не знал? — поинтересовался капитан.

— Я знал, — сказал я. — Вчера, как раз перед самым обедом, доктор нас с нею познакомил. — Помолчав, уточнил. — Меня и барышню Крамперову.

— Барышню Крамперову?

— Это я, — пояснила Мирка.

Капитан легонько кивнул ей, мне даже показалось, что он едва не сказал «очень рад», однако ограничился только кивком. Потом спросил:

— Раньше вы никогда не встречались?

Хотя он и задал этот вопрос наугад, просто для ориентировки, у меня вдруг защемило на душе: померещилось, что он все знает

¹ События, о которых упоминается здесь и далее, описаны в повести В. Шубрта «Конец королев» («Смена» № 4, 1991).

и даже читал записку Алисы. Я стоял прямо напротив Миркиного кресла и ждал, что она скажет, но она уставилась куда-то в угол и упорно молчала. С трудом отведя от нее взгляд, я посмотрел в глаза капитану и медленно покачал головой.

— Вчера я видел ее впервые. Мы вместе обедали в ресторане, а вечером вместе сидели в кафе, кстати, там были еще пан управляющий и его супруга.

Управляющий с готовностью закивал головой.

— Они подсели к нашему столу. Барышня Гайска и пан доктор. Около девяти. А ушли около полуночи.

— Доктор Баудыш и барышня Гайска? — переспросил капитан.

— Нет, — вмешался я. — Барышня Гайска и я. Я проводил ее наверх. В коридоре попрощался с нею и вернулся в кафе.

— Почему именно вас она попросила проводить ее?

— Мы ушли прямо с танцплощадки. Пана доктора как раз не было в кафе, а мы с ней танцевали. Она сказала, что ей стало плохо, но на самом деле испугалась одной дамы.

Я виновато взглянул на Баудыша. Он все еще находился как бы в полуобморочном состоянии, но тут вздрогнул, поднатужился и решительно заявил:

— Очевидно... моей жены. Пожалуй, придется вам кое-что пояснить. Дело в том, что здесь сейчас моя жена и ее брат, мой зять. Понимаете, я уже подал заявление на развод... — Последнюю фразу он произнес мрачно и глухо. — Они приехали во второй половине дня. На машине зятя. Но встретились мы только около полуночи в кафе. Я как раз сидел у стойки бара вместе с барышней Крамперовой и...

— Минуточку, пан доктор, — прервал его старший из криминалистов, — ваша жена и зять все еще здесь? В отеле?

— Скорее всего они сейчас в кафе, — быстро вмешался управляющий и пояснил, как с ними познакомился. Ограничился, правда, только упоминанием об испортившемся автомобиле и тщетной попытке получить номер.

— Скажите, пожалуйста, как зовут вашего зятя, — обратился капитан к Баудышу.

— Петр Кавалир, — ответил доктор, вытирая ладонью мокрый от пота лоб и расстегивая воротничок рубашки.

— Милан, — обратился капитан к поручику Сохору, — будь добр, приведи их сюда. Пан управляющий пойдет с тобой.

— Да, конечно, с радостью, — торопливо закивал Богачек и в сопровождении верзилы-поручика покинул помещение. На пороге он чуть не столкнулся с еще одним полицейским, на этот раз в форме, и мужчиной с кожаной медицинской сумкой, который оказался врачом.

— Здравствуйте, доктор, — протянул ему руку капитан Адам. — Пошли прямо туда.

Доктор молча кивнул, капитан что-то шепнул полицейскому, а потом обратился к нам: мне, Баудышу и Мирке следовало быть все время под рукой и никуда не отлучаться из комнаты, а товарищ подпоручик, парень примерно моих лет, составит нам компанию.

Подпрапорщик занял пост, напустив на себя грозный вид, доктор Баудыш спрятал лицо в ладонях и скорее всего собирался с силами перед неизбежной встречей с родней, а Мирка совсем впала в апатию, окончательно потеряв интерес к происходящему. Я предложил ей сигарету, но она отказалась. Только прошептала: «Спасибо» — и посмотрела мне в глаза, но только на секунду, и тут же снова уставилась в пол. Я закурил и обратился к Баудышу:

— Значит, вы считаете, доктор, что Алиса утонула в результате несчастного случая? Может, у нее что-то было с сердцем?

Он взглянул на меня с такой тоской, с таким отчаянием, что мне захотелось дать самому себе по шее за этот вопрос, и я почти с облегчением и благодарностью услышал, как подпрапорщик прерывает наш разговор:

— Происшествие не обсуждать!

— Простите? Вы это нам? — посчитал я необходимым изобразить обиду.

— Я сказал: не обсуждать... — Он помолчал, подбирая подходящий юридический термин, но ничего более удачного не придумал, повел подбородком в ту сторону, куда направились врач с его начальником, откашлялся и закончил ледяным тоном: — ...это происшествие.

Тут в комнату вернулись поручик Сохор и управляющий Богачек, а вместе с ними Власта и Петр. Едва они появились, Баудыш молча встал с кресла, подошел к окну и уставился куда-то в темноту.

Петр Кавалир окинул взглядом комнату и с презрительным видом уперся взглядом в горбленную спину Баудыша. Пани Власта легким движением головы отклонила предложение сесть, которое сделал ей поручик, и прислонилась плечом к шкафу, Мирка пристроилась на краешке постели, Богачек остался стоять возле криминалиста, а я переместился в угол, откуда было очень удобно наблюдать за происходящим, и бросил взгляд на часы. Было ровно три. За окном светлело, ночь переходила в рассвет.

За спиной у поручика опять открылась дверь, и вошла Гана Богачкова. В отличие от всех остальных она успела переодеться, сменив короткое вечернее платье, в котором была в кафе, на светлые брюки и черный свитер.

— Так что же здесь происходит, Карел?

— Барышня Гайска умерла. Утонула в ванне, — проинформировал ее Богачек. И тут же добавил: — Только, пожалуйста, постарайся держать себя в руках.

— О господи! — выдохнула Гана и обхватила горло руками. — О господи... — повторила она, и у нее сильно задрожал подбородок.

— Садитесь, прошу вас, — предложил ей поручик и снова кивнул на кресло, но и на этот раз безрезультатно. Пани Богачкова крепко ухватила за локоть своего мужа.

— Самоубийство? — спросила она, но никто ей не ответил.

С минуту стояла тишина. Душная, тягостная, мертвая тишина, исполненная напряжения и ожидания. Наконец из прихожей

послышались приглушенные голоса. Что-то неразборчивое. Мне вниз, в кафе.

Я предполагал, что первым пойдет исповедоваться доктор Баудыш, но капитан выбрал меня. Богачек проводил нас в свою резиденцию, вынул три коньячных рюмки и бутылку «Наполеона» и неприятным лакейским голосом, который вдруг прорезался у него после приезда следственной группы, предложил:

— Рюмочка не повредит, а, товарищ капитан?

— Нет, спасибо, — произнес тот с неожиданной строгостью. — Но, если можно, не возражал бы против кофе. Впрочем, — он окинул меня оценивающим взглядом и добавил: — Два кофе...

— К вашим услугам, — поклонился Богачек и направился к дверям, но коньяк при этом демонстративно оставил на столе.

Капитан вынул из кармашка пиджака блокнот и авторучку и небрежно задал мне первый вопрос:

— Откуда вы знаете доктора Баудыша?

— Мы познакомились здесь, в отеле. Вчера перед обедом.

— Только вчера перед обедом? — удивился капитан. — Но ведь вы поселились в одном номере.

— Не специально. Я просил два одиночных, он тоже. Но свободных не было, а приехали мы почти одновременно, так что общие апартаменты решили нашу проблему.

— Ага. — Капитан сделал пометку в блокноте. — Продолжайте, пожалуйста.

— Может, лучше вы будете спрашивать? Я не знаю, что вас интересует.

— Все, — усмехнулся он. — Меня интересует, что вы делали после приезда в отель. Где вчера были, с кем, о чем разговаривали, словом, все, что имеет отношение к Алисе Гайской. В деталях. Она умерла около полуночи, а вы провожали ее в номер примерно в 23.30.

— Верно, — согласился я. — Но тут же вернулся в кафе, это заняло минуты три, не больше.

— Кто это может подтвердить?

— Кто? — повторил я и вдруг понял, что из нашей застольной компании никто. Так получилось, что все куда-то отлучились. Мирка отправилась погулять на свежий воздух, Богачковы тоже исчезли, Баудыш вышел с зятем на террасу. — Пожалуй, только пани Баудышова. Правда, если она меня заметила. Когда я провожал Алису Гайску наверх, она сидела у конторки дежурного, а когда возвращался, она все еще оставалась там. Вскоре после этого к нашему столику подошел официант и сменил пепельницу. Ну, а потом уже появилась... — Я сделал паузу и сдержанно добавил: — ...моя невеста, барышня Крамперова.

— Когда?

— Точно не помню, но вскоре после меня. Примерно без четверти двенадцать. — Тут я сообразил, что заметно сократил период ее отсутствия в кафе, и после некоторого колебания уточнил: — А может, немного позднее. Но что до полуночи, это точно. Приблизительно в 0.10 появились Гана Богачкова и Петр Кавалир, в 0.15 — управляющий Богачек, и сразу же за ним — доктор Баудыш.

Капитан все мои признания записал, а потом подробно расспросил обо всем, что происходило за столом до того момента, когда мы с Богачковыми вышли из кафе, нашли Баудыша в коридоре, позволили ему пройти через нашу комнату на его половину, откуда он ворвался к нам и сообщил, что Алиса мертва.

— Сколько раз вы танцевали вечером с барышней Гайской? — спросил капитан.

— Два раза, — ответил я. — Во второй раз — только до половины танца. А потом она попросила, чтобы я проводил ее в номер.

— Из-за того, что увидела жену своего любовника?

— Она сказала, что ей плохо. Из-за духоты и табачного дыма.

— А в кафе действительно было душно и накурено?

— Нет. Дыма почти не было. Весь вечер дверь на террасу стояла открытая. А лучшего кондиционера не придумаешь.

— Ваша невеста видела, как вы ушли вместе с барышней Гайской?

— Нет. Но позже она сказала, что поняла, с кем я ушел.

— Когда позже?

— Сразу же, как вернулась с улицы. А когда мы с Алисой уходили, она сидела у стойки бара вместе с Баудышом.

— Значит, с Алисой?

— Да, с барышней Гайской.

— О чем вы говорили с вашей невестой, когда она вернулась с улицы?

— О барышне Гайской. Я сказал Мирке, что ей стало плохо и она попросила меня, чтобы я проводил ее наверх.

— А барышня Крамперова?

— Она меня немного подколола из-за этого.

— Вы ей сообщили о подслушанном на пляже разговоре?

— Нет, не сообщил.

— Почему?

— А зачем?

— Значит, ваша невеста... — Он упрямо продолжал так именовать Мирку, хотя я ляпнул не подумавши и уже начинал об этом жалеть. — Ваша невеста понятия не имела, что в кафе зашли жена Баудыша и ее брат?

— Вероятно, нет, — ответил я. — Когда пан Кавалир отвел доктора от стойки, она назвала его «каким-то мужчиной». О том, что это зять доктора, она узнала только от управляющего Богачека.

— После того как он вернулся от дежурного?

— Да. Но в то время Алиса Гайска была уже час как мертва.

— Откуда вы знаете? — накинудся он на меня, но я не дрогнул.

— От вас. Вы сказали, что смерть наступила около полуночи.

Он слегка усмехнулся.

— Ладно. Скажите-ка мне еще одну вещь: кто побывал в ванной до нашего прихода?

— Сначала доктор Баудыш, который обнаружил мертвую Алису. После него я и, наконец, управляющий отелем Богачек.

— Барышня Крамперова не заходила?

— Нет. Она осталась в восемнадцатом номере.
— Как попал в ванную Богачек?
— Я послал за ним Баудыша. Как управляющий, он должен был узнать, что случилось. А еще я предложил ему немедленно сообщить вам и закрыть отель.

Капитан Адам одобрительно кивнул и не замедлил спросить:

— Воду из ванны спустили вы или пан Баудыш?
— Я.
— Вспомните, какой кран вы крутили?
— Я брался за оба. Но открыт был только один — с синей меткой.

— Точно?

— Ручаюсь. Кстати, вода текла совсем чуть-чуть, стоило мне легонько повернуть кран — и она остановилась.

— Значит, все-таки холодная?

— Да. Второй кран был полностью закрыт. Мне сразу же пришло в голову, что это похоже не на несчастный случай, а на убийство, и убийца оставил так называемые следы. В холодной воде она бы, конечно, не стала купаться.

— Ну, — снисходительно улыбнулся капитан, — заключение логичное, но слишком поспешное, пан Кабеш. Гайска могла постепенно охлаждать воду, а потом ей стало дурно...

— Тогда отчего вы спросили, какой кран был открыт?

— Для точности, — ответил капитан и добавил: — Все, пан Кабеш, благодарю вас.

Я встал.

— Можно вернуться в свою комнату?

— Пока вынужден попросить, чтобы вы остались в кафе. Очень хотите спать?

— Да нет. Останусь в кафе, — заявил я и вышел из кабинета в коридор. Только здесь удалось перевести дух. Беглым огнем вопросов капитан совсем заморочил мне голову. Сразу видно, что он на этом деле собаку съел. И все-таки я не сказал ему то, что не хотел сказать. В конце концов речь шла о пустяке. Я, во всяком случае, верил, что скомканная бумажка, на которой Алиса написала несколько слов Мирке, никакого отношения к убийству в ванне не имеет.

11

Я вернулся в кафе и остановился у бара.

— Вам можно позавидовать, — обратился ко мне управляющий.

— Не стоит, — ответил я. — Мне приказано оставаться под рукой... Можно как-нибудь устроить стакан сока?

— Да, конечно, — сказал Богачек, а барменша поднялась, чтобы его мне приготовить. Старший из официантов, который обслуживал нас вечером и должен был подтвердить мое алиби без четверти двенадцать, наклонился ко мне и доверительно прошептал:

— Непонятно, чего они нас всех таскают. Ту девчонку навер-

няка пристукнула законная жена. Она же сидела у конторки, когда вы провожали покойницу наверх.

— А вы меня видели? — обрадовался я.

— Ну да, — сочувственно кивнул официант. — И дежурный тоже, так что вам бояться нечего, вы тут ни при чем. Зато она в этом деле завязала по уши, уж вы мне поверьте. Как только вы вернулись в кафе, она потребовала, чтобы Гермох соединил ее с той девчонкой по телефону. Но не дозвонилась и тут же исчезла, как сквозь землю провалилась. Гермох свидетель.

Я улыбнулся:

— Да, так называемый коронный.

Официант приложил палец к губам.

— Тс-с, тот парень за нами следит. — Он повел глазами в сторону подпрапорщика.

— Ну и пускай себе следит, — отозвался его младший коллега. — Мы не преступники, а свидетели.

Богачек огорченно вздохнул:

— Разгар сезона, а тут такой кошмар... Я считаю, что она просто поскользнулась в ванне, ударилась головой, потеряла сознание, глотнула пару раз и...

— ...аминь, — завершила барменша версию своего шефа и поставила передо мною запотевший стакан желтого апельсинового сока.

Я вынул кошелек, но управляющий махнул рукой:

— За счет заведения, доктор. Расходы на всю эту катавасию списываем как чрезвычайные.

Однако старший официант не согласился с теорией своего начальника. Он решительно завертел лысой головой и заявил:

— Если бы так! Только зря вы, пан управляющий, не верьте, никакого несчастного случая, это убийство на совести во-он той. — Он мотнул подбородком в сторону Власти Баудышовой. — Сами посудите, уважаемые, у нее же явный повод для убийства.

— Мотив, — поправил его младший коллега.

— Что в лоб, что по лбу, — возразил официант и продолжал: — Она приехала уговорить мужа вернуться к ней. Сразу же послала к нему братца, и, пока тот с ним ругался, она потихоньку пробралась наверх. А та как раз сидела в ванне. Оставалось только схватить ее за волосы и подержать под водой — трудно, что ли? Ну, — торжествуя заявил он, — что вы на это скажете?.. А потом захотели здесь поселиться, вроде бы удирать им незачем.

— А откуда она взяла ключ? — вмешался я. — Когда мы ее нашли, заперто было изнутри. А ключ от нашей половины апартаментов был в сумочке у моей невесты.

Официанту крыть было нечем.

— А вы не оставили случайно номер открытым? — попробовал он выкрутиться.

— Нет, — отверг я это предположение. — Я точно знаю, что запер дверь.

На помощь официанту пришел его коллега.

— А кто сказал, что она обязательно зашла через дверь? Может, по лестнице?

— Какой еще лестнице? — удивился я.

— Которую нашел Гермох, — снова заговорил старший официант. — Когда он пошел запирать задний ход, чуть не упал из-за нее. Обычно она висит на стене за гаражами, а тут вдруг лежала у самого отеля. Кто-то оттащил ее метров на пятнадцать. Убийца мог спокойно залезть в девятнадцатый номер через балкон. А следы затереть уже не успел. Кто-то его спугнул, так что он лестницу бросил и убежал.

— Ерунда! — громогласно заявил управляющий, но тут же снизил голос до шепота. — Лезть по приставной лесенке в «девятнадцатку» через балкон — перестаньте, пан Рыхтера, не смешите. Тогда надо было поставить лесенку прямо перед главным подъездом, где полно света.

На этом наша беседа прервалась. В задних дверях появился капитан Адам.

— Пани Баудышова, прошу вас, — произнес он.

Власта Баудышова встала. Брат ободряюще пожал ей локоть, а старший официант триумфально прошептал:

— Вот видите!

Я взял стакан с соком и направился к столу, где сидели Мирка и Гана Богачкова.

— Вы тоже нашли убийцу? — усмехнулся я.

— Ты в самом деле думаешь, что ее кто-то убил? — спросила Мирка.

— Увы.

— Увы «да» или увы «нет»? — уточнила пани Гана.

— Увы «да».

Мирка нервно поправила свои тициановские локоны.

— Бедняжка Алиса, — вздохнула она.

— Вы слышали последнюю информацию насчет лестницы? Пану официанту Рыхтере втемяшилось в голову, что убийца залез на место преступления через балкон. Смех, правда?

Гана кивнула:

— Карел что-то говорил, но... Лезть в «девятнадцатку» по приставной лестнице очень рискованно, правда?

— Полностью с вами согласен, такую дурость не могу себе представить.

— Можешь, — вмешалась Мирка. — Только вспомни! Когда пан Богачек говорил нам о скандале насчет ночлега, — она незаметно кивнула в сторону Петра, — ты еще сказал, что он способен подглядывать в замочную скважину или приставить к балкону лестницу, чтобы проверить, кто с кем спит... А ты, Гана, помнишь?

Гана деланно усмехнулась:

— Верно, Мируш, помню. Я еще посоветовала вам опустить шторы.

— Ну, уважаемые дамы, от вас ничего не скроешь, — пошутил я.

— Вот и прекрасно, — заявила Гана. — Сообщите нам кое-что. Ведь вас уже почти час допрашивали.

— Мне известно только одно — барышня Гайска умерла около полуночи. Так что постарайтесь обе обзавестись алиби. Имейте

в виду, что в критический момент, как выражаются в протоколах, из нашей компании в кафе сидел только я.

Я ждал, как среагирует Мирка, но Гана опередила ее:

— Если речь обо мне, то — туалет и потом наша квартира на пятом этаже. Слабовато, правда? Свидетелей не имеется. Разве что дежурный Гермох видел, как я заходила в лифт и выходила оттуда. Однако, как нарочно, в самый критический момент. Следовательно, я становлюсь подозреваемой номер один.

Я пожал плечами и, не сводя глаз с Мирки, негромко заметил:

— У вас есть одно большое преимущество.

— Какое?

— До вчерашнего вечера вы не знали Алису Гайску.

Мирка продолжала молчать. Я положил ей под столом руку на колено и почувствовал, что она вся дрожит мелкой дрожью. Выходит, я уже обработал ее достаточно для того, чтобы она выложила капитану все, что знает про Алису, подумал я про себя и снова обратился к Гане:

— Так что у вас нет мотива для убийства.

— Спасибо, у меня прямо гора с плеч, — откликнулась она и подмигнула мне, как сообщнику. — В ответ на такую заботу скажу вам вот что. Хотя среди нас и есть две очень подозрительные особы — я имею в виду женщину и мужчину, которые не сумели завести свою машину, — я все-таки верю, что это был несчастный случай или самоубийство...

— Самоубийство? Ну что вы!..

— Что? А вы попробуйте поставить себя на ее место! За дверь подстерегает ревнивая жена, любовник куда-то запропастился, она чувствует себя обманутой, покинутой, впадает в депрессию... Кто угадает, что могло твориться в женской душе?.. А теперь хочу вам кое в чем признаться. Но на всякий случай дайте честное слово, что не выдадите меня легавым. Идет? — Она протянула узкую, изящную руку с длинными, тонкими пальцами. Я пожал ее. — Знаете, — в глазах у нее заиграли искорки, — смертельно ненавижу женщин в париках...

Я засмеялся. Однако Мирка не была расположена к шуткам.

— Фу, — передернулась она, — какой же ты циник, Гана!..

12

Допрос свидетелей продолжался до восьми утра. Предпоследней давала показания Мирка, а в завершение капитан вызвал доктора Баудыша.

Тем временем поручик Сохор со своей командой закончил работу в наших апартаментах и занялся дактилоскопией: взял отпечатки пальцев у Мирки, у меня, у доктора, еще у горничной, которая обычно работала на первом этаже и появилась в отеле ровно в шесть часов. В кафе вернулся последний допрошенный свидетель, и я отправился к капитану.

Он сидел в синем кресле, тер покрасневшие глаза, но, несмотря на это, выглядел вполне свежим. Я вежливо осведомился, не отпустит ли он нас все-таки к себе в «восемнадцатку».

Капитан уклонился от прямого ответа.

— Ну и нервы у вас, приятель. Собираетесь спать в помещении, где всего пару часов назад убили человека.

— Убили? — поймал я его на слове и тут же почувствовал, что он не доволен своей оговоркой. Поправив очки, капитан произнес:

— Без улик делать выводы преждевременно.

— Не стану утверждать, что так уж тщательно осмотрел покойную, но никаких следов насилия на теле не заметил, это точно. — Я умолк и стал напряженно ожидать, что он скажет. Мне очень хотелось из него хоть что-то вытянуть, но, как видно, делиться информацией в ходе расследования он не любил.

— Давайте-ка сходим к управляющему. Может, найдет для вас свободный номер, — испытующе глядя на меня, проговорил капитан.

— Очень сомневаюсь, вчера тут было битком.

— То — вчера, а это — сегодня, кое-кто уже уехал с утра пораньше... Кстати, в одном вопросе вы с барышней Крамперовой расходитесь. Я бы сказал, коренным образом.

Я остановился и встревоженно уставился на него.

— Дело в том, что барышня Крамперова отрицает, будто вы жених и невеста.

Я с облегчением вздохнул.

— Ну, с точки зрения закона это не такое уж большое преступление... Жених — не жених, невеста — не невеста. Просто мне показалось глупым назвать ее близкой знакомой.

Капитан промолчал, а что при этом подумал, угадать было трудно.

Богачека мы нашли возле конторки.

— Восемнадцатый и девятнадцатый номера придется опечатать, — сообщил ему капитан. — Найдутся для пана Баудыша, барышни Крамперовой и для доктора свободные места? Да, еще и для пана Кавалира и пани Баудышовой. Необходимо, чтобы они здесь задержались.

Управляющий обратился к дежурному:

— Что там у нас освободилось?

— Из двойных номеров — сорок второй и тридцать пятый. И одиночный сто второй. Туда можно поставить раскладушку.

Капитан подал мне руку.

— Переселяйтесь, пожалуйста, поручик Сохор проводит вас в «восемнадцатку», чтобы вы могли взять свои вещи. А пока — всего доброго.

Я подождал, пока они с Богачеком удалятся, а потом решительно обратился к дежурному:

— Беру сто второй с раскладушкой. Запишите, пожалуйста: Кабеш и Крамперова.

— К вашим услугам, пан доктор, — поклонился дежурный и услужливо подал мне ключ. — Сейчас pošлю туда горничную. Потерпите немного, четверть часа — и все будет готово.

«Стодвойка» располагалась на четвертом этаже, с той же стороны, что и наши прежние апартаменты, но была наполовину меньше и без балкона, а ванную заменял душ, однако, как

с облегчением подумал я, стоять она мне будет раза в два дешевле.

Мы открыли чемоданы.

— Я все разложу сама, — сказала Мирка, — ты мне только будешь мешать.

— Ладно, — согласился я. — Пока приму душ.

Я как следует освежился и, вернувшись в комнату, словно ненароком бросил:

— Жаль, что здесь нет ванны, как внизу.

— Не говори мне про ванну, — чуть не заплакала Мирка.

— Не устраивай истерики, ты ведь даже не видела труп.

— Не видела. — Мирка захлопнула шкаф. — Но могу себе представить. — Если не забыл, что-то подобное я уже пережила.

— Ну, конечно, я не такой забывчивый. Но сейчас все по-другому. Почти как в сказке. Она лежала в ванне, как Снегурочка в хрустальном гробу.

— Прекрати, — всхлинула Мирка, — у меня и так нервы на пределе. Еще вчера я надеялась, что это будет самый чудесный отпуск в моей жизни, а теперь опасаясь, что до конца дней своих не сумею даже улыбнуться.

— Да не расстраивайся так, — твердо заявил я. — Конечно, ты устала, разволновалась. Но ведь тебя все это мало касается. Алису Гайску ты почти не знала. Ну, перекинулись вы с нею парой слов в ресторане и кафе — вот и все. И, если не ошибаюсь, она тебе не слишком-то была по душе... А про что он тебя спрашивал? Я имею в виду капитана.

Она поглядела на меня, как приговоренная к смерти. Ее потухшие глаза наполнились тоской и болью.

— Толком и не поняла, — вздохнула она. — Разобрали с ним весь вчерашний вечер по косточкам. О чем говорили за столом, с кем я танцевала, с кем ходила к бару и так далее.

— А что касается тебя?

— Что — меня?

— Ну, уточнял он, где была ты? Конкретно около полуночи. Об этом он наверняка спрашивал всех. Меня тоже. А я один из всей нашей компании сидел в кафе.

— Я сказала ему, что отправилась в туалет.

— Тебя кто-нибудь видел?

— Кто?

— Ну, не знаю... Хотя бы уборщица.

— Я не заметила.

— А куда ты пошла из туалета?

— На улицу.

— Через главный выход?

— Ну, конечно. Как же еще?

— Ну, скажем, через кафе. На террасу, как Баудыш с Кавалиром. Или же вокруг гаража, где дежурный нашел лестницу.

— Нет, я прошла главным выходом.

— Прямо из туалета? Мимо конторки?

Она кивнула. Коротко и безразлично.

— В кафе уже не возвращалась?

— Нет.

Я сел на застеленную раскладушку и сказал:

— Вот что, ложись-ка и хорошенько выспись! Как следует подумай, что говоришь! Пойми, твои показания будут проверять, сравнивать с другими, и если ты не возьмешь себя в руки, то поставишь себя под подозрение.

Она решительно завертела головой.

— Нет? Так послушай. Вчера около полуночи ты сказала, что искала меня в кафе. А когда не нашла и поняла, что я ушел с Алисой, отправилась на свежий воздух. Из кафе. И вдруг у тебя новая версия: ты допила водку, ушла в туалет, а оттуда сразу на воздух. Меня ты вдруг вычеркнула...

— Да нет же! — горько вскрикнула Мирка. — Не придирайся к словам, Гонза. Я высматривала тебя раньше... ну, еще когда сидела у стойки бара. Видела, как вы танцевали, а потом вдруг вас не стало. Ни на площадке, ни за столом. Я подумала, что вы куда-то ушли вместе, и отправилась за вами следом.

Я вытянулся на раскладушке, облегченно вздохнул и закрыл глаза. Все это глупости, зря я так переживаю, к счастью, нет никаких оснований подозревать Мирку. Ну, приревновала — вот и все. Она же знала Алису как облупленную и поэтому, как только сообразила, что мы скрылись, помчалась нас искать. Вышла на улицу и заметила, что в «девятнадцатке» горит свет. Насчет Баудыша она знала, что он покинул кафе с каким-то мужчиной. Кто тогда мог быть наверху? Только Алиса и я.

Но тогда... На секунду я даже дышать перестал. У нее ведь лежал в сумочке ключ, она могла проверить свое подозрение. Отомокнуть «восемнадцатку», войти в прихожую, оттуда в ванную и...

Дальше рассуждать я не решился. Открыв глаза, поглядел на Мирку. Она сидела на краешке постели, локти на коленях, лицо в ладонях.

— А что ты делала на улице? — с трудом выговорил я.

— Ничего, — прошептала она. — Только прогулялась вдоль отеля к лесу и хотела через террасу вернуться в кафе.

— Хотела, но не вернулась. Почему? — Я встал с раскладушки, подошел к ней и взял за руку. — Да говори же, Мирка! Только правду. Слышишь? Правду!..

— Гонза, — она тяжело перевела дух, — а что ты хочешь от меня услышать?

— Правду, — повторил я. — Почему ты хотела вернуться в кафе через террасу, а вернулась главным входом? Почему так поздно? Я смотрел на часы, Мирка. Ты была во дворе почти полчаса. В туалете ты могла задержаться на минуту, не больше, прогулка у отеля отняла минуты три. А остальные двадцать пять минут? Что ты делала? Почему не пошла через террасу?

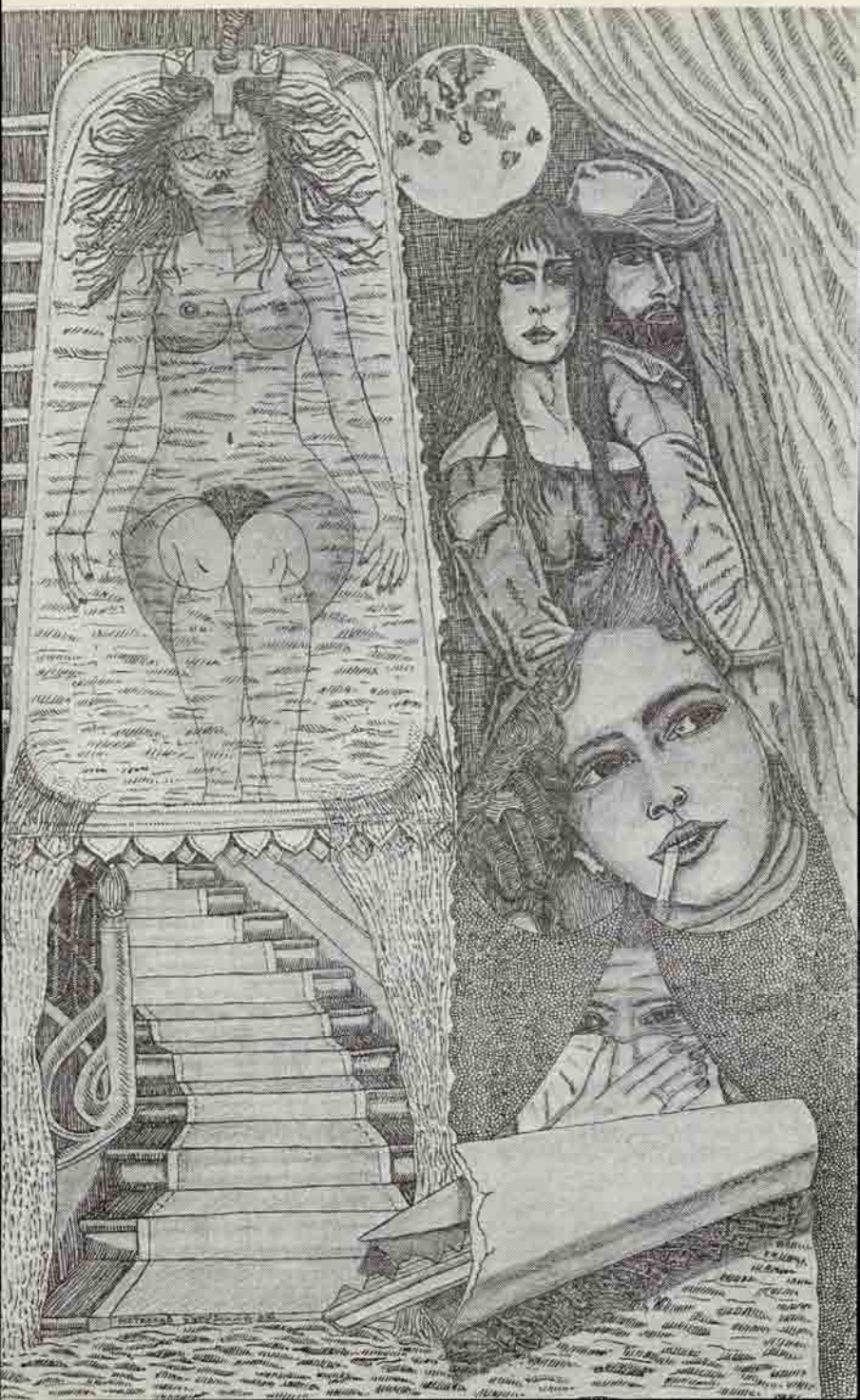
— Там были те двое, — прошептала Мирка. — Доктор Баудыш со своим зятем.

— Ясно. И что дальше?

— Они разговаривали. Я стояла у самой террасы и слышала каждое слово.

— Так орала друг на друга?

— Нет. Они отошли к самым перилам, подальше от кафе.

Я сначала решила, что Кавалир тоже любовник Алисы, потому что он требовал, чтобы доктор оставил ее в покое, а не то он ему набьет...

— ... морду.

— Да, именно так он и сказал.

— А Баудыш?

— Пускай, мол, занимается своими делами. Что все это его не касается, а он собирается жениться на Алисе. И женится.

— А тот назвал Баудыша дураком и сказал, что он сам не знает, куда лезет. И если уж ему приспичило опозорить семью, пусть хотя бы не женится... — Она громко проглотила слюну и еле слышно произнесла: — Я все тебе расскажу, Гонза, только обещай, что не будешь сердиться.

— Обещаю, — заверил я.

— Пусть хотя бы не женится на курве. Что он может дать о ней очень занимательные сведения.

— Какие сведения?

— Почти такие же, какие ты мог бы узнать обо мне.

Она опустила глаза и отвернулась. Мне было жаль ее, но загадка Алисиной смерти задела за живое, а ключ от нее мог оказаться у Мирки. Конечно, не тот ключ, который лежал у нее вчера в сумочке.

— И что дальше? — подбодрил я Мирку.

— Потом Баудыш ударил его.

— Баудыш? — удивился я.

Она кивнула.

— Да. Мне кажется, он первым полез в драку, но ему досталось крепко. Наконец он удрал вниз, к пруду.

— А ты? Он же удирал мимо тебя.

— Меня он даже не заметил. Он закрывал лицо носовым платком, наверное, у него пошла кровь. А я спряталась под лестницей. Он кинулся прямо к пруду, видимо, хотел умыться. Или же... Ну, не знаю, может, просто хотел намочить платок. И тут же вернулся обратно.

— А Петр Кавалир?

— Должно быть, остался на террасе.

— А ты? — Меня раздражало, что каждую фразу из нее приходилось клещами вытягивать. — Что сделала ты?

— Подождала, пока Баудыш пройдет мимо, потом осторожно обошла вокруг отеля и тоже зашла внутрь.

— В кафе?

Она завертела головой.

— Нет, не в кафе.

— Тогда куда?

— Наверх, в нашу комнату.

Я почувствовал, как кровь ударяет мне в голову.

— Зачем ты туда пошла?

— Я заметила, что наверху горит свет.

— Где наверху?

— В нашем номере. Не в нашей комнате, а у соседей и в ванной. И подумала... — Она умолкла, потом схватила мою руку и судорожно сжала ее. — Не сердись, Гонза, я подумала, что там,

наверху, ты с Алисой. Уже за обедом я поняла, что она тебе нравится... Я бегом поднялась по лестнице на первый этаж и открыла нашу комнату. Свет в соседней комнате уже не горел, но я почувствовала, что там кто-то есть. Дверь в прихожую была заперта, правда, замок — сам знаешь какой, как в туалетах. Стоит повернуть ручку и...

— ... дверь на задвижке. Понятно. И что ты сделала?

— Ничего. Мне пришло в голову, что я сую нос в чужие дела, что ты имеешь право пойти с кем тебе нравится, поэтому я постояла минутку и вернулась вниз. Даже представить себе не можешь, как я обрадовалась, когда увидела, что ты сидишь за столом. Ну, пожалуйста, не сердись... — тихо добавила она.

— Чего это я должен сердиться? Что ты так переживала из-за меня? Скажи только еще одну вещь: ты все это рассказала капитану?

— Нет, не все, — сокрушенно призналась она. — Я не сказала про драку на террасе.

— Это еще почему? — схватился я за голову.

— Я решила, что это их личное дело, — с несокрушимой женской логикой заявила она. — Раз уж Алиса встала между ними, пускай себе подерутся. Меня ни один из них не видел, так что все равно мое алиби не подтвердили бы. Зато друг другу они могли обеспечить полное алиби.

Про себя я перевел ее логику из разряда женской в аристотелевскую.

— А призналась капитану, что была наверху, в номере?

— Вообще-то да. Сказала, что зашла за платочком.

— Очень оригинально!.. А сказала, что кто-то запер дверь перед твоим носом?

Она виновато завертела головой.

— Значит, тоже нет, — мрачно констатировал я и про себя извинился перед греческим философом. — Прости, но я вынужден спросить тебя — почему?

— Ну, Гонза, представь себе мое положение. Я была вне себя. Когда пришла наверх, а там погас свет, я испугалась, что там вы с Алисой... Баба есть баба, чего ей только не померещится. Понимаешь?

— Стараюсь. Значит, за обедом тебе померещилось, а вечером у террасы ты узнала, что Алиса курва. Ты узнала об этом только там, у террасы?

Она ничего не ответила, только кивнула.

У меня уже не хватало сил рассуждать логично. Голова болела, точно с перепоя. Я подошел к окну, открыл его и, чуть отодвинув штору, посмотрел на пруд, где уже бултыхались первые любители купания. С легкой печалью я подумал о том, что это мои последние каникулы. Через пару недель получу назначение, с осени на год уйду в армию, так что вместо каникул у меня будут только отпуски.

Я отвернулся от окна и обратился к Мирке:

— Надо поспать, а то у меня ум за разум заходит...

Я улегся на раскладушке и уткнул гудящую голову в подушку.

— Не сердись, Гонзичка, — прошептала Мирка и легонько коснулась моих волос.

— Постарайся как следует выспаться, — посоветовал я.

— Ты тоже, — ответила она и бесшумно скользнула в постель. Но тут же снова вскочила, подошла к двери и проверила, заперта ли она. Дверь была незаперта. Она повернула ключ и только после этого вернулась в постель.

13

Не проспав и четырех часов, я проснулся. Мирка спокойно и ровно дышала, зарывшись в одеяло, так что торчала только макушка с хохолком тициановских волос.

Я потихоньку встал и, стараясь не шуметь, надел джинсы и полосатую матросскую тельняшку. Потом вынул из пиджака кошелек, собираясь сходить вниз и заморить червячка, и нацарапал Мирке коротенькую записку: «Ушел перекусить. Как проснешься, приходи в столовую. Г.».

Листок я прислонил к пепельнице, чтобы он сразу бросился в глаза, захватил солнечные очки, блокнот с ручкой и спустился на террасу. Она была уже наполовину заполнена отдыхающими, устроившимися за столами под большими разноцветными зонтами.

Я сел поближе к лестнице, ведущей к пляжу, именно там, где, если верить Мирке, вчера около полуночи выясняли отношения любящие родственнички, и заказал официанту яйца по-русски и лимонад, однако такого плебейского напитка в «Покладе» не держали.

— Есть морс, сок или тоник, — сообщил официант.

Я выбрал морс. Смородиновый.

Прикончив яйцо и две булочки, я пришел к выводу, что неплохо бы теперь и поесть, но все же не стал ничего больше заказывать, напился морса и закурил сигарету. С минуту сидел в задумчивости, дымя и поглядывая на пляжную суету, потом полез в карман и для вдохновения достал из кошелька последнюю, по всей вероятности, записку покойной Алисы Гайской: «Мируш надеюсь ты не крыса я тоже тебя не выдам».

Еще раз внимательно изучив мятую бумажку, я взял ручку и записал имена всех участников и свидетелей вчерашней драмы и три рубрики: «Отношение к убитой», «Мотив» и «Где был в момент убийства». Потом провел несколько горизонтальных и вертикальных линий и стал постепенно заполнять получившуюся таблицу. Когда закончил, она выглядела так:

	Отношение к убитой	Мотив	Где был в момент убийства
Я	—	—	кафе
Мирка	в прошлом знакомы	беспричинные опасения, ревность	комната № 18 или же коридор, лестница
Богачек	—	—	кабинет или вестибюль
Богачкова	—	—	квартира на 5-м этаже
Будыш	любownik Алисы	открытие, что Алиса — проститутка	?
Кавалир	зять любовника Алисы	мсть за обманутую сестру	?

Баудышова	жена любов- ника Алисы	ненависть к жен- щине, отбившей мужа	?
Алиса	×	×	ванная в номере на 1-м этаже

Однако это произведение не слишком меня удовлетворило: многовато в нем было неясностей. Собственно говоря, только первый столбик можно считать полным. И, пожалуй, второй, так как он непосредственно связан с первым. Там, где отношение к убитой неизвестно, трудно было угадать мотив убийства, а там, где мотив самый сильный, в третьем столбике стояли вопросительные знаки. Впрочем, все написанное в третьем столбике, кроме первой и последней строки, было только догадкой, хотя самые явные причины поддержать Алису под водой имели как раз те трое, у кого в третьем столбике пришлось поставить вопросительный знак. И все же — как бы они могли добраться до запершейся Алисы? Каким путем? Раз в «девятнадцатке» торчал изнутри ключ, оставалась только «восемнадцатка». Или приставная лестница — но это какая-то чепуха! Я бросил взгляд на фасад отеля. Если не ошибаюсь, расстояние между балконами не больше метра. Даже меньше. А что стоит крепкому мужчине перемахнуть, пусть даже над самой террасой, такое расстояние?.. Скажем, Петру Кавалиру? Еще вчера на пляже я разглядел, какой он рослый, атлетически сложенный. Времени, чтобы уточнить, где поместился Баудыш со своей любовницей, у него было достаточно. А когда около полуночи они не сумели решить дело полюбовно...

Приставная лестница? Чушь собачья! Головоломное, но вполне вероятное путешествие по балконам — вот ключ к тайне запертой комнаты, к разоблачению убийцы Алисы Гайской.

Я подозревал официанта и расплатился. На часах была половина четвертого. Как долго придется ждать, пока не наступит темнота? До десяти? До одиннадцати? Возможно, до полуночи. Но я все равно попытаюсь совершить путешествие по балконам.

14

Мирка сидела на постели и ревела. Она только что проснулась и встала, похоже, с левой ноги. По лицу текли крупные, как горошины, слезы, она вытирала их ладонью, но из глаз тут же капались новые и новые.

— Что с тобой? — испуганно спросил я.

Она коротко встряхнула рыжей головой и всхлипнула в ответ. Я сунул ей носовой платок.

— Вытри слезы и скажи, что случилось.

— Ничего, — выговорила она в перерыве между всхлипами, — ничего не случилось.

— Если ничего не случилось, нечего и реветь, — рассудительно заметил я.

— Ага, — согласилась она, сунула босые ноги в атласные шлепанцы и подошла к окну.

— Это ты здорово придумал — уйти и оставить дверь незапертой.

— Что такое? — воскликнул я.

— Я говорю, что ты здорово придумал — уйти и оставить дверь незапертой, — слово в слово повторила она и добавила: — Как это у тебя водится. Только в этом гадюшнике не столько грабят, сколько убивают. Например, топят.

— Мирка, — успокаивающе сказал я, — не сердись. Мне даже в голову не пришло, что... Словом, я полный идиот.

— Я вовсе не сержусь, Гонза, а просто боюсь, понимаешь?

— Боишься?

Мирка пожала плечами и, уже полностью взяв себя в руки, заявила:

— Конечно, я трусиха, Гонза, но все это выше моих сил. Не думай, что я так уж дрожу за свою шкуру, от судьбы не уйдешь, и все-таки... — Она помолчала, развела руками. — Алиса ведь была моя ровесница...

«И не только ровесница», — подумал я, но не пикнул в ответ ни слова, только подошел к Мирке, обнял и зашептал в самое ухо:

— Не бойся, милая, я с тобой...

— Повтори еще раз, — попросила она.

— Не бойся, я с тобой, — улыбнулся я.

— Нет, — запротестовала она. — Ты пропустил одно слово.

— Милая, — сказал я. — Повторить еще?

— Еще миллион раз. Но как в первый раз.

— Постараюсь, — снова улыбнулся я. — Одевайся и поедим, ладно?

— Ладно... Только у меня нет аппетита.

— Вот это да! Ты же ела... когда? Вчера в обед.

— Я сказала: нет аппетита, — уточнила она. — А голод... Немножко есть.

— Раз немножко есть, значит, все в порядке. Аппетит приходит во время еды.

Больше ничего сказать я не успел. Зазвонил телефон. Я оторвался от Мирки и поднял трубку:

— Слушаю.

— Богачек, — раздался голос управляющего. — Как дела, приятель?

Не зря он звонит, подумалось мне, и я вежливо ответил:

— Спасибо, пан управляющий, все нормально. Что новенького?

— Звонил пан капитан. Велел передать всем, кого ночью допрашивали, чтобы завтра к девяти утра были на месте.

— Значит, в воскресенье?

— Да, — подтвердил пан Богачек. — Безопасность работает так же, как и международные отели. И днем, и ночью, и в будни, и в праздники. Значит, пан доктор, вас и барышню Мирку вычеркиваю. Жену я предупредил, пани Баудышову и пана Кавалира тоже, насчет персонала побеспокоится дежурный, вот только доктора Баудыша никак не могу найти. В номере его нет, обедать не приходил, даже не знаю...

Я, разумеется, тоже не знал.

— Если все же увидите его,— продолжал Богачек,— будьте так добры передать, что встречаемся завтра в девять. Снова в кафе.

— Обязательно.

— Тысяча благодарностей,— произнес управляющий,— у дежурного я оставил ему записку, так как уезжаю в Прагу.

— В Прагу? — удивился я.

— Небольшая деловая встреча в отеле «Ялта»,— пояснил он, и мы дружески попрощались.

Тем временем Мирка успела умыться и теперь подводи́ла глаза.

— Завтра с утра мы обязаны явиться в распоряжение органов безопасности,— сообщил я.

— Мы с тобой? — испугалась она и резко повернулась ко мне, держа в одной руке крохотную щеточку, а в другой — коробку с гримом.

— Нет, вся компания, те же, что были вчера. Скорее всего придется подписать протоколы показаний.

— Совсем не так представляла себе наш отпуск,— вздохнула Мирка.— И чего это нам с тобой такая невезуха?

— Судьба,— произнес я в ответ.

15

Вместо обеда мы решили пойти в кафе. Голод у Мирки прошел, а аппетит так и не появился. Естественно, я повел ее на террасу. Меня как магнитом тянуло туда. Я нарочно устроился спиной к пруду, чтобы держать в поле зрения фасад отеля и балконы.

— Где именно спорили Баудыш с Кавалиром? — спросил я у Мирки.

Она повела взглядом вокруг, чтобы сориентироваться, и ответила:

— У ограды возле лестницы.

— Бедняга доктор,— пожалел я.— Крепко ему досталось. Долго он мылся у пруда?

— Максимум минуту, потом сразу же побежал обратно.

— Побежал?

— Ну... быстро пошел.

— А ты потом обошла вокруг отеля, правильно? — Я недоуменно закрутил головой.— Объясни, пожалуйста, зачем ты это сделала?

Она подняла брови и слегка скривила рот.

— Трудно объяснить... Ну, в общем, если бы меня Баудыш случайно заметил, чтобы не думал, будто я за ним шпионоу.

Вполне приемлемое объяснение, мысленно улыбнулся я. А скорее всего она просто хотела убедиться, что я не лезу Алисе под юбку где-нибудь на задворках. Больше я не стал ничего спрашивать. Оставалось убедиться, что совершить путешествие по балконам возможно. Причем за те пять минут, пока Мирка не обошла отель и не увидела свет в «девятнадцатке». Я не сомневался, что сумею это сделать.

Мы допили кофе, я расплатился.

— Пойдем немного прогуляемся, ладно? — предложил я Мирке.

Она не возражала. Мы спустились по ступенькам вниз, к пляжу, и завернули за угол здания.

— Я хотел бы взглянуть на гаражи, — объяснил я выбор маршрута.

Гаражей было двенадцать, они вытянулись параллельно зданию отеля. Сразу же позади них начинался густой бор.

— Иди одна, — сказал я Мирке, — я тебя догоню.

Пробежав по бетонной площадке, я зашел за гаражи. Искать приставную лестницу пришлось недолго. Она висела на двух железных крюках у самого угла на задней стене, в ней было метра четыре, может, больше. Я попробовал ее поднять. Она казалась не слишком тяжелой, пожалуй, кто угодно мог бы без особого труда перенести ее к отелю. Но зачем? Скорее всего это просто была случайность, дурацкая выходка какого-то бездельника, который забрался сюда справить нужду, а потом, мучаясь от комплекса неполноценности, решил доказать себе, какой он все-таки молодец.

Мирка дожидалась меня по ту сторону гаражей. Я обнял ее за плечи, и мы двинулись дальше. Отель «Поклад» остался позади. От пруда доносились шум и гам, я слышал детский визг, крики и смех — обычное звуковое оформление жаркого летнего дня, проводимого у воды. Вчерашняя трагедия не очень-то напугала отдыхающих, разве что вызвала любопытство и приятный холодок ужаса даже в эту тридцатиградусную жару.

Мы свернули на лесную тропу и вдруг увидели знакомую фигуру. Мирка скала мне локоть.

— Видишь? — прошептала она.

— Вижу, — кивнул я. — Надо выполнить поручение Богачека.

Мы медленно шли навстречу друг другу. Я поздоровался, но, к моему удивлению, Баудыш мне не ответил. Посмотрел на нас, словно на пустое место, и побрел дальше. Я окликнул его:

— Пан доктор, управляющий Богачек просил меня...

Больше я ничего не успел сказать.

— Будьте любезны оставить меня в покое, — выпалил он мне в лицо.

— Но позвольте... — пробормотал я.

— Отстаньте от меня, идите своей дорогой!.. — Голос задрожал, но он сразу же овладел собой и с откровенной ненавистью произнес: — У меня есть знакомства, связи, и, что бы со мной ни случилось, вы еще обо мне услышите. Вы... — он на мгновение умолк и окончание фразы буквально выплюнул: — ... и ваша дама... — Потом повернулся и ринулся прочь.

— Ну дает! — только и сумел выговорить я, немного опомнившись. — Неужели он думает?..

— Перестань, — взволнованно прошептала Мирка. — Представь себя на его месте. Он сам не знает, что плетет...

Пожалуй, в ее словах была логика, но мне никак не хотелось с этим соглашаться. Больше того, мне казалось, что он слишком хорошо знает, что говорит.

Я обнял Мирку за талию и решил сказать ей что-нибудь, вроде того, что мне с ней хорошо, но нам опять помешали. На шоссе появилась зеленая «школа», которую вел Петр Кавалир, а рядом с ним, разумеется, сидела пани Баудышова. А потом случилось нечто совсем удивительное.

Черноволосый Петр поднял руку и дружески нам помахал. Более того, он сбавил скорость, чтобы мы это заметили.

Вот так номер, ничего не скажешь! Может, это в знак благодарности за то, что один из нас избавил его сестру от соперницы?

Нет, это переходило уже всякие границы...

16

Мы поужинали в столовой, а оттуда направились к террасе. У конторки к нам присоединилась Гана Богачкова.

— Я осталась сегодня соломенной вдовой, — сообщила она. — Карел уехал в Прагу.

— Знаю, — ответил я. — Он звонил нам утром. Ну, а как вы относитесь к завтрашней встрече?

— Я уверена, что из меня выжали все что можно. В эту историю я попала чисто случайно, так что от меня больше никакого толку не будет.

— Работы у них хватит, — заметил я. — Вот сравнят свидетельские показания, и окажется, что концы с концами не сходятся. И вся потеха начнется сначала. Пока не найдут преступника, покоя нам не дадут. Ни одному из нас.

Я искоса взглянул на Мирку, именно ей в первую очередь предназначалось мое замечание, именно на нее оно должно было подействовать.

— Спасибо, я скоро приду, — пообещал я и открыл дверь лифта.

Гана подала мне руку.

— Желаю вам доброй ночи, и, ради Бога, не ищите убийцу. Не забывайте, что я заинтересована в доходах.

Я лукаво усмехнулся.

— На виселицу никого не собираюсь отправлять. Честное слово, с удовольствием поверил бы в несчастный случай, но, к сожалению, по натуре я авантюрист... Доброй ночи.

Мирка уже стояла в кабине лифта. Лицо ее было очень напряженным. Я кивнул ей, и она попыталась улыбнуться в ответ, но это не очень ей удалось. Вернее, совсем не удалось.

Я повернулся и направился к главному входу. В дверях чуть не столкнулся с мужчиной, который в одиночестве смаковал свое красненькое на террасе. Видимо, он тоже поселился в отеле, потому что свернул к лестнице и широким шагом двинулся вверх.

Я вернулся на террасу. Из кафе долетало приглушенное звучание трубы, выводившей первые ноты «Земляничной поляны». Я поднял голову и посмотрел на балконы. Везде было темно, во всем отеле светились шесть или семь окон, да и те на верхних

этажах. И нигде ни души. У пруда тоже было пусто. Только желтый серп молодого месяца, чуть подросшего с прошлой ночи, покачиваясь, скользил по подернутой легкой рябью воде. Какая декорация, мелькнуло у меня в голове, как по заказу!

Я подошел к ограде, вскочил на нее и потянулся к балкону. Выступ у основания балкона не превышал двух-трех сантиметров. Кроме того, он не совмещался с оградой, спущенный с балкона отвес прошел бы сантиметрах в сорока от нее и опустился бы на дорожку, ведущую к пляжу.

Я молниеносно прикинул, как действовать. Можно было либо повиснуть и попытаться закинуть ноги наверх, либо, оттолкнувшись от опоры, зацепиться локтем и потом уже карабкаться. Вот дурак, чего ж это я заранее все толком не продумал? А ведь у меня на все про все пять минут. Максимум пять минут...

Я попробовал оттолкнуться — получилось удачно. Теперь вперед! Я перенес вес своего тела на правую руку, освободив левую, и вскоре уже висел на локтях. Потом потянулся кверху, но вдруг ударился головой обо что-то между бетонными столбиками балконной ограды. В ответ что-то коротко звякнуло, и я с замирающим сердцем повис в воздухе, ожидая, что же будет дальше. Но дальше ничего не было. Во всяком случае, за окнами балкона. Внизу подо мной — тоже. В кафе приятный баритон выпевал нехитрые слова всемирно известных «Зеленых полей». Я энергично подтянул правое колено, левой рукой ухватился за верхний край ограды балкона и наконец-таки забрался на балкон. Если кто-то стоит сейчас у окна и задумчиво любитесь чарующей ночью, то его наверняка хватит кондрашка. И по крайней мере года на три персонал отеля «Поклад» лишится своих премиальных...

Я перевалился через ограду, как прыгун с шестом, и, низко пригнувшись, чуть ли не на четвереньках, бесшумно, как кот, пробежал по балкону. Потом тем же способом одолел и следующую ограду. Перепрыгнуть с одного балкона на другой мне уже не составило особого труда. Снова кошаच्या пробежка ниже уровня окон — и новый прыжок, уже под окно нашего вчерашнего номера.

Порядок! Можно было выпрямиться, отдышаться и посмотреть на часы. Хотя мне показалось, что головоломное путешествие продолжается целую вечность, на самом деле прошло всего четыре минуты.

Я удовлетворенно улыбнулся... И тут меня ослепил яркий луч света. Я зажмурился и инстинктивно закрыл лицо руками. Из ведущих на балкон дверей послышался спокойный и слегка насмешливый голос:

— Отличное достижение, пан доктор. Почти на минуту лучше, чем у поручика Сохора. Поздравляю.

В двух шагах от меня с фонариком в руке стоял капитан Адам.

— Проходите, надо побеседовать.

Он зашел в комнату, я последовал за ним.

— Я нисколько не сомневался, что сегодня вечером вы займетесь этим делом. Мне пришлось в голову, — капитан уселся и жестом предложил мне занять соседнее кресло, — что вы попытаетесь сломать себе кости, когда я получил сообщение, что вы после обеда осмотрели с террасы балконы и проверили лестницу за таражами. Послушайте, доктор, да ведь вы настоящий авантюрист!

— Может, вы и правы, но только насчет лестницы ошибаетесь, я ее не трогал.

— А откуда вы знаете, что ее кто-то трогал?

— От вас, — отрезал я. — Не сердитесь, пан капитан, не стану выдавать себя за гения, но и дураком себя не считаю.

— К сожалению, я только упомянул насчет лестницы, но не говорил, что ее кто-то трогал.

— Извините, о том, что ее трогали, сегодня утром мне рассказывал пан Рыхтера, старший официант. А узнал он об этом от дежурного администратора Гермеха.

— Кто-то хотел нас убедить, что преступник залез через балкон.

— Приблизительно без двадцати двенадцать ночи.

— Вы начинаете меня пугать. Кто, по-вашему?

— Ну, вы ведь уже уточнили, кто за двадцать минут до полуночи оставался на террасе.

— Я-то да, а откуда это известно вам?

— От Мирки. То есть... от барышни Крамперовой.

— За двадцать минут до полуночи на террасе оставались двое мужчин.

— Верно. Потом один из них получил по носу, ушел к пруду умываться и вернулся в отель. А второй... второй там остался.

— Ты посмотри, как много знает эта барышня Крамперова, — заметил капитан. — А вот мне такую ценную информацию она не сообщила.

— Ничего удивительного. Перед лицом органов безопасности у нее сдают нервы, и тогда она может даже сама себя оговорить.

— Замечательная женщина!

Я пожал плечами.

— Однажды она призналась, что читала про полицейских, которые избивали задержанных и силой домогались от них ложных показаний. Оказалось, что речь шла про детективы. Наверно, Хэммета или Чандлера. Словом, *hard-boiled school*¹.

Капитан весело улыбнулся. Как видно, детективы, даже всемирно известные, он всерьез не принимал.

¹ «Крутая школа» (англ.). Речь идет о разновидности детективного романа, родоначальниками которого были Д. Хэммет и Р. Чандлер. Произведения «крутой школы» отличаются реализмом, порой даже натурализмом в описании преступлений.

— А со мною вы поделитесь теми сведениями, которые ба-рышня Крамперова доверила только вам?

— Трудно сказать. Она ведь не исповедовалась передо мною. Но, по ее словам, когда она поднялась наверх...

— ...за платочком...

— Ну, скажем, за платочком... Так вот, кто-то в соседней «девятнадцатке» был. В темноте. А она еще с улицы видела, что там горел свет.

— Интересно.— Капитан придавил окурок в пепельнице. Я тоже.

— А потом она испугалась и удрала, так?

— Нет, не так. Она решила, что в «девятнадцатке» спрячемся мы с Алисой. И хотела в этом удостовериться.

— Однако все же отказалась от этого намерения и осталась в своей комнате... Вам не кажется, доктор, что здесь что-то не так?

— Нет, не кажется. Наоборот. Вчера она отрицала, что мы жених и невеста. Верно, мы не обручены. Просто я был вынужден как-то объяснить, почему мы поселились в одной комнате. Поймите, пан капитан, мы познакомились в экстремальной обстановке. С нынешним случаем это не имеет ничего общего, поэтому мне бы не хотелось об этом распространяться.

— Не распространяйтесь. Продолжайте.

— Да нечего больше продолжать.

— Нет, есть. Например, кого вы подозреваете?

— Нельзя исключить мужчину, который мог попасть туда без ключа.

— Вы преувеличиваете значение ключа. Его могли иметь многие люди. Дежурный, горничная, управляющий отелем. Загадка запертых дверей давно уже разгадана. По меньшей мере со времен мистера По.

Я видел его насквозь, он осторожно поджаривал меня, точно кусок говядины на вертеле. Но я пока что не собирался сдаваться.

— Я принимаю во внимание только один ключ. От «восемнадцатки», который был у Мирки. У меня нет оснований ей не доверять. Она сказала, что, когда около полуночи зашла в нашу комнату, кто-то был в соседней. Как он мог туда забраться? Только через балкон.

— Рассуждаете вы правильно, пан доктор, и даже очень логично, только вот опыта вам не хватает. Так называемая криминалистика, дорогой приятель,— это нескончаемый, кропотливый труд, нередко приходится, точно Золушке, перекопать целую кучу мусора, прежде чем повезет отыскать одно-единственное зернышко. А потом вдобавок окажется, что оно пустое. И весь труд насмарку. Как, скажем, вчерашняя возня с лестницей или ваше сегодняшнее турне по балконам. Беда в том, что пан Кавалир — давайте уж назовем второго мужчину с террасы его настоящим именем! — беда в том, что у него прямо-таки классическое алиби. Вот послушайте. Мы знаем, что Алиса Гайская умерла за минуту-две до полуночи. С половины двенадцатого, когда вы проводили ее из кафе, твердое алиби имеют четыре

заинтересованных свидетеля. Вы, доктор Баудыш, его жена и зять. Зато нет алиби у вашей невесты и у супругов Богачковых, но у них мы не видим мотива. Давайте проверим алиби. К примеру, ваше. То, что вы прошли с барышней Гайской наверх, а потом вернулись один в кафе, видели дежурный и пани Баудышова. Вы отсутствовали три, максимум четыре минуты. А потом сидели, не вставая, за столом, что подтверждают официанты, музыканты, барменша. За такой короткий срок вы никак не сумели бы подняться на первый этаж, подождать, пока Гайская разденется, снимет парик, наполнит ванну водой, сядет в нее, а потом неожиданно потянуть ее за ноги, поддержать пару минут под водой, открыть кран с холодной водой, чтобы инсценировать несчастный случай, вытереть руки, погасить свет в комнате номер 19, оставить в замке ключ и уйти через соседнюю комнату. Ценю ваши способности, пан доктор, но этого даже вы не успели бы сделать.

— Простите, но я не совсем понял насчет тягания за ноги.

— Это обычный способ убийства в ванне. Ничего оригинального. Масса удобств. Для убийцы, естественно. Вы застаете жертву врасплох, она не в состоянии защищаться, следов насилия на теле почти не остается, потому что потом можно схватить ее за волосы. Кстати, вырванные волосы мы в ванне все-таки нашли. Нашу версию подтверждают положение, в котором нашли Гайскую, и открытый кран холодной воды. Словом, вы должны признать, что это убийство мог совершить не каждый. Полное отсутствие на теле убитой следов насилия свидетельствует о неожиданности. А это прямо-таки диктует первое умозаключение. Убитая знала своего убийцу, к тому же настолько близко, что не постеснялась остаться в ванне. Так что вряд ли это был зять ее любовника, пан Кавалир. Впрочем, у него такое же твердое алиби, как и у вас. В половине двенадцатого он отыскивает своего родича у стойки бара, они вдвоем идут на террасу, где в сердечной, дружеской обстановке коротко обмениваются мнениями, потом он возвращается в кафе и примерно в 23.45 оказывается у конторки дежурного, где его должна ожидать сестра. Но ее нигде не видно, и он ждет ее там. Однако недолго. С пруда возвращается доктор Баудыш. Он хочет пройти мимо зятя, но зять не позволяет ему этого сделать. Они вместе идут в туалет. А теперь обратите внимание, пан Кабеш. Вскоре после того, как барышня Крамперова заходит в отель и отправляется, по ее словам, к себе в комнату за платочком, возле конторки появляется Власта Баудышова.

— Откуда? — Я не знал, что Петр Кавалир через кафе вернулся в вестибюль. А ведь это полностью перечеркивало мою версию относительно его путешествия по балконам, а значит, разгадка убийства Алисы Гайской теперь оборачивалась явственной угрозой для Мирки.

— Откуда? — Капитан Адам выдержал эффектную паузу и спокойно проговорил: — Из телефонной кабины, где она понапрасну ожидала, пока Гайская поднимет трубку. Дежурный безуспешно пытался соединить ее с «девятнадцаткой»... За эту услугу он получил десять крон, так что он запомнил эту даму.

Простим ему, что он не заметил, как она позднее через главный вход ушла с двумя мужчинами на террасу, где все трое продолжили разговор на высоких тонах, но уже без кулаков, почти до четверти первого. Этот «пикник» на террасе подтверждает, к примеру, один из официантов, у которого пан Кавалир пытался купить сигареты. Но неудачно: тот посоветовал ему сходить к дежурному или в кафе.

— Верно, — подтвердил я. — Я видел, как он покупал их у бара.

— Прекрасно. Это еще раз свидетельствует о вашей наблюдательности.

— Так что алиби... — медленно проговорил я.

— ...не имеет только ваша невеста. Разумеется, из тех, кто находится под подозрением. Исключить ее никак не могу. Примерно с 23.45 до 23.55 она была вблизи от места преступления. Если хотите — убийства... Такое вот невезение, верно? Давайте заканчивать, доктор. Лестницу вы не переносили. Ладно. Тогда объясните мне, будьте так добры, цель ваших альпинистских упражнений. Зачем вы этим занялись?

— Хотел доказать, что это возможно.

— Себе?

— Простите, не понял...

— Вы хотели это доказать себе? Вам очень хотелось, чтобы это так и было... Ведь барышня Крамперова рассказала вам о таинственном посетителе соседнего номера, который еще находился там без двадцати двенадцать ночи, когда она пришла за платочком.

— И вы из-за этого дурацкого платочка считаете...

— Ничего я не считаю. Могу только предполагать. А надо доказать. С помощью фактов, пан Кабеш. Таких, к примеру, как отпечатки пальцев. Банально, не правда ли? На ванне есть отпечатки троих: доктора Баудыша, Алисы Гайской и Мирославы Крамперовой.

— А моих нет?

— Ваши — только на умывальнике.

— Но ведь это еще ничего не доказывает. В обед Мирка купалась, так что там и должны быть ее отпечатки.

— Но ведь никаких других там нет.

— Убийцы обычно работают в перчатках.

— Профессионалы, конечно. Или те, кто готовится к убийству заранее. А если это случается внезапно, после какого-то спора или скандала? В аффекте... Разумеется, лучшая улика — это своевременное и чистосердечное признание убийцы, кстати, любой суд принимает это как смягчающее вину обстоятельство. Напротив, отрицание вины, попытка направить следствие на ложный путь, свалить вину на не причастных к этому людей — все это отягчающие обстоятельства...

Я стиснул зубы — ничего другого мне и не оставалось. Держать язык за зубами и утешаться, что меня лично это не касается. Кроме записочки, которую Алиса написала Мирке, я не знал ровно ничего. Однако мне очень хотелось доказать невиновность Мирки. Между тем капитану, как видно, уже

хорошо известно о прошлом Алисы и Мирки. Выяснить это было нетрудно. Сведения об Алисе он получил от Петра и Власты, а там уже рукой подать и до Мирки.

Поэтому, уже только из упрямства, я произнес:

— Платочек — это понятно. Слишком простое алиби... Но все равно у вас нет мотива.

— Нет, — возразил капитан, — мотив есть. Поэтому не имеет значения алиби Богачковых, например, или других возможных преступников. Если взять Богачковых, то они познакомились с Алисой Гайской только вечером, а вот ваша невеста, — он сделал отчетливое ударение на этом слове, — ваша невеста, пан доктор, знала ее задолго до вчерашнего представления на балконе. Они были хорошо знакомы. Гайска и Крамперова. Вы этого не знали?

Мне оставалось только одно: прикидываться дураком.

— Знакомы?

— Вы, наверное, и сами не догадываетесь, что оказались для нас самым полезным сотрудником. Так вот, хочу вас убедить и дальше нам содействовать, поэтому кое-что вам покажу. Вообще-то не положено, но... Дело мы вот-вот закроем, так что посмотрите!

Он полез во внутренний карман и подал мне вчетверо сложенный листок бумаги. Записка.

— Содержание особой роли не играет. Посмотрите на почерк.

Почерк я узнал сразу. Типично женский, неуверенный, на первый взгляд точно такой же, каким были написаны несколько слов на подгоревшем клочке бумаги, лежавшем у меня в кошельке. Хотя в записке не было ни обращения, ни подписи, я прекрасно понял, кто писал и кому. В записке говорилось:

«Я попала сюда совершенно случайно, честное слово. С легавыми уже давно не имела дела, так что можешь не бояться. С мужичком, с которым я приехала, мы хотим пожениться, так что ты, пожалуйста, не суйся. А если бы ты решила меня все-таки заложить, мне пришлось бы в ответ капнуть про тебя твоему старику. Надеюсь, этого не случится».

Я взглянул на капитана.

— Узнаете почерк?

Я машинально кивнул. И тут же испугался, но было уже поздно.

— По-вашему, это написала Мирка Алисе?

Он ухмыльнулся.

— Именно так, только наоборот. Правда, записка не была отправлена по назначению. Мы нашли ее в парике убитой. На ночном столике. Перед тем как отправиться в ванную, навстречу смерти, она скорее всего спрятала ее и передать адресату уже не успела. Жаль. Пожалуй, если бы успела, осталась бы жить...

Он говорил все это отчетливо, с расстановкой, а мне тем временем кое-что вспомнилось. Поведение Баудыша после обеда. Видимо, он тоже, прочитав записку, рассудил именно так, как теперь должен был рассудить я. Поэтому и не ответил мне на приветствие, поэтому и угрожал связями и последствиями.

Пожав плечами, я вернул записку капитану.

— Это мог написать кто угодно кому угодно.

— Кому угодно — может быть, но кто угодно — нет. Подчерк полностью совпадает с подписью Гайской в ее паспорте.

Мне пришло в голову, что Алисе нравилось не только играть роль порядочной девушки, но и писать записочки, а кроме того, я обратил внимание на одну шероховатость, пусть незначительную. Но тонущий хватается за соломинку, а я все еще не мог поверить, что убийство совершила Мирка. Поэтому произнес угрюмо и дерзко:

— Стариком обычно называют мужа, а не жениха.

— Да нет же, просто партнера. Так же, как легавыми именуют всех сотрудников органов безопасности.

Да, он был совершенно прав. Мирка, прежде чем порвала с прошлым, выражалась именно так. И не она одна. К примеру, Гана Богачкова тоже. В последний раз сегодня вечером, когда мы обсуждали мотивы убийства и она в шутку сообщила свой мотив. Что, мол, ненавидит женщин в париках. «Но вы должны дать честное слово, что не выдадите меня легавым». Я отчетливо вспомнил, как она подала мне через стол руку, узкую, изящную, с длинными, тонкими пальцами.

Мои мысли прервал телефон. Капитан поднял трубку и произнес:

— Слушаю.

Я слушал тоже. Каждое слово.

— Крамперова возвращается в номер. С нею идет жена управляющего отелем Богачкова. Кабеш еще не вернулся.

276 Что ответил капитан, я уже не слышал. У меня в ушах вновь зазвучал голос Ганы: «Спасибо тебе за щедрость, Мируш, только ты не знаешь моего старика». И еще: «Погоди, Мируш, сама все поймешь». Мируш! Именно так ее называла когда-то Катаржина. Так писала Алиса...

Внезапно я понял все, абсолютно все. Гана на пятом этаже меняла чулки. Потому что они порвались. А они и в самом деле порвались?.. А может, были... мокрые?

— О господи, какой же я дурак!.. — пробормотал я, потому что в цепочке фактов нашла свое место и брошенная лестница. Я сам подал ей такую идею. Теперь, наконец, я понял и то, что прямо бросалось в глаза, но я, как слепой осел, не обратил на это никакого внимания. Миркин страх! Она боялась остаться в комнате одна среди бела дня. Но не побоялась пойти в номер, когда вечером я с Ганой задержался в кафе. Значит, боялась она именно Гану. Никакую не дальнюю родственницу, а, конечно же, знакомую тузексовку, точно такую же, какой была когда-то Мирка и какой до самой смерти оставалась Алиса. Свою вторую записку она писала не Мирке, а Гане, и слово «старик» означало не жених, любовник или партнер, а муж. Ревнивец Карел Богачек, который не должен был догадываться о прошлом своей жены.

Я стоял посреди комнаты, точно меднум, внезапно пробужденный во время транса, дрожал всем телом и тупо смотрел на капитана общественной безопасности Адама, который спокойно

вешал трубку и поворачивался ко мне. Он сразу заметил, что со мною неладно, и спросил:

— Что случилось? Вам плохо, пан доктор?

Я ничего не ответил, до меня только сейчас дошел смысл первых двух фраз невольно подслушанного телефонного разговора.

Крамперова возвращается в номер. С нею идет жена управляющего отелем Богачкова... Передо мною встала Мирка в кабине лифта, бледная и пришибленная, я вспомнил ее лицо, когда она попыталась улыбнуться, но вместо этого только скривила рот, вся бледная от ужаса.

В следующий миг я бросился к дверям, рывком открыл их и кинулся к лестнице. Я прыгал через три ступеньки... Второй этаж, третий, четвертый... Вот наконец коридор, еще двадцать, пятнадцать, десять шагов к сто второму номеру... Подбежав к дверям номера, я услышал изнутри сдавленный вскрик и глухой удар, похожий на падение тела.

Поздно!.. О господи, поздно!..

Я полез за ключом, но кто-то схватил меня за руку и четким, заученным приемом выкрутил ее за спину. Я даже не успел разозлиться, только припомнил главное правило самообороны: не противиться силе. Поэтому я поддался, а когда почувствовал, что соперник стоит прямо за мной, изо всех сил лягнул его. К счастью, мой каблук попал в слабое место, раздался болезненный вскрик, проклятие — и моя рука освободилась. Поворот ручки — и я встал на пороге.

У окна обнимались две женщины. Вернее, не обнимались, одна обхватила другую и старалась выпихнуть ее в распахнутое настежь окно. В три прыжка я очутился рядом с ними, но тут женщины разделились и одна из них бессильно упала к моим ногам. Я наклонился к ней. В комнате было темно, только сквозь окно проникал свет луны, но даже в крошечной тьме я бы узнал, чья голова лежит у меня в ладонях.

— Мирка! — выкрикнул я. — Мирушка!..

А потом на мою голову, прямо в темя, обрушился сокрушительный удар, в глазах засверкали искры, и я рухнул ничком на пол. Но, прежде чем почувствовал боль и навалился на неподвижное тело Мирки, успел на темно-синем, усыпанном звездами фоне неба разглядеть вскочившую на подоконник женскую фигуру, подхваченную сквозняком занавеску, а в ушах у меня зазвонел пронзительный крик.

Потом где-то вдали, высоко над моей головой раздался голос капитана:

— Эх ты! Что ж ты не помешал ей выскочить?

Я хотел что-то сказать, как-то оправдаться, но упрек предназначался не мне, а мужчине, который так безжалостно хватил меня по затылку.

— Не мог, товарищ капитан. Этот чертов парень сопротивлялся. Пришлось его сперва нокаутировать.

Мне удалось еще прошептать:

— Балда! Кто же нокаутирует сзади?..

И я отключился. Теперь уже надолго.

Показания я давал в среду, Мирка — в четверг. У нее сотрясение мозга оказалось тяжелее моего как раз на один день. Ей досталось пепельницей из литого стекла, а мне только кулаком.

Капитан Адам расстался с нами с такими словами:

— Ничего страшного, но пару дней в больнице со льдом на голове вы оба заслужили. Если бы ничего не скрывали уже при первом допросе, удалось бы этого избежать. А из ваших показаний ничего бы не понял даже сам мистер Марлоу¹.

Я пожал плечами, а Мирка сказала:

— Не хотелось вспоминать... — И торопливо спросила: — А что пан Богачек?

— Врачи определили, что он чокнулся. Но, когда выйдет из шока, скорее всего выздоровеет.

— А доктор Баудыш? — поинтересовался я.

— В воскресенье после обеда уехал в Прагу. С женой. В машине пана Кавалира. От всех троих мне поручено передать вам наилучшие пожелания. Что я и делаю.

— Спасибо, — ответил я. — А вы от моего имени передайте самые лучшие пожелания моему нокаутеру. Пускай выпьет за мое здоровье еще два стаканчика красного.

— Не обижайтесь, — заступился капитан. — Да и вы чуть ногу ему не сломали.

На прощание мы крепко пожали друг другу руки.

Выйдя из здания окружного управления ОБ, я сказал Мирке:

— Вещи на вокзале, «скорый» до Праги через час. Можем полюбоваться на местные достопримечательности.

— Люкс! — кивнула она.

Какое-то время мы шли молча. Потом, скорее в шутку, чем всерьез, я спросил Мирку:

— Надеюсь, уж сегодня-то ты все сказала капитану, а?

Она ответила не сразу.

— Насчет Ганы — да. Что они с Алисой прямо-таки ненавидели друг друга и что Гане из-за нее пришлось удирать из Праги, а я не успела ее предупредить. В пятницу после обеда я встретила ее мужа. Мы договорились вместе провести вечер в кафе, пока ты купался в пруду. Но... прежде чем я успела переговорить с Ганой наедине и сказать, кто живет в отеле, как нарочно, появилась Алиса, а потом уже Баудыш нашел ее в ванне убитой. Меня сбили с толку его родичи. И Гана тоже. Она всегда была хитрая. Когда ты давал показания в субботу, она сказала: «То, что Алиса так кончила, меня не радует, я не садистка, но ты не можешь себе представить, какой камень упал у меня с сердца...» Блестящий ход! Но я все равно чувствовала, что все это на ее совести. А Гана словно читала мои мысли. Все время старалась крутиться около меня. Когда в субботу ты остался внизу, а мы вдвоем поехали на лифте, я поняла, что она пытается от меня избавиться... Она пригласила меня к себе в квартиру. Я пошла, не побоялась, потому что там она меня не тронула бы: ей надо

¹ Частный детектив, герой романов Р. Чандлера.

было все устроить как самоубийство... А потом она сказала, что проводит меня, мол, сгорает от любопытства, что ты разузнал нового. Сначала она к нам позвонила из соседней комнаты, я слышала, как она набирает номер. Мы спустились на этаж ниже — и тут у меня сдали нервы. Едва открыв дверь, я выпалила ей прямо в глаза, мол, зачем она убила Алису. А вместо ответа она саданула меня пепельницей...

— Бр-р,— вздрогнул я.— Если бы капитану не позвонили, а у меня в голове не прояснилось, она вышла бы сухой из воды. Угробила бы двоих — и взятки гладки. Понимаешь? С таким актерским талантом она бы и смываться не стала. Наоборот. Изобразила бы такую растерянность! И сумела бы все перевернуть. Мол, она, то есть ты, призналась мне во всем и выпрыгнула из окна...

Мирка только горько усмехнулась в ответ.

— А как насчет Алисы? Ведь ты придерживаешься правила: о мертвых только хорошее.

— Видишь ли,— колебавшись, сказала Мирка,— я и правда не люблю сплетен. Точно мне ничего не известно, а выдумывать всякую всячину...

— Какую, например?

— Ну... Закладывала других девчат, а сама на этом зарабатывала. Была готова на все. Прикидывалась невинной овечкой, а сама была хуже самой последней твари. Злая и лживая, как кошка... Но теперь это все позади, да к тому же многое, возможно, преувеличено, не так понято... Словом, я на нее не в обиде. Если хочешь знать, благодаря тебе.

Я обнял ее за плечи и, вспомнив недописанную и наверняка последнюю записку Алисы, подумал, что все-таки большая доля правды в тех сплетнях была.

— И больше не говори мне о ней,— еле слышно проговорила Мирка.— У меня теперь другие заботы.

— Интересно какие?

— С понедельника до воскресенья я на больничном. А у тебя еще целая неделя отпуска. Так что... если хочешь... я могу взять отгул...

**Перевод с чешского
БОРИСА КОСЕНКОВА.**

Шахматная эпиграмма

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Продолжаем публикацию задач-миниатюр II международного конкурса «Смены». Напоминаем читателям, желающим принять участие в конкурсе составления, что миниатюрами называются задачи, в которых количество фигур не превышает семи.

Правильные ответы на задачи, опубликованные в «Смене» № 11, 1992, прислали С. ГАЙ из Москвы, В. ЗЕРНОВ из Новосибирска, В. КОЖАКИН из Магадана, Ю. ЛЯЛЮШКИН из Екатеринбурга и В. СТАНКЕВИЧ из Челябинска.

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ

«Смена» № 11, 1992

76. В. Мельниченко. 1.Фh2? f4!, 1.Kf4!

77. В. Желтоножко. 1.Kb3? f4!, 1.Kd3!

78. В. Пильченко. 1.Cf3? e4!, 1.Cb3!

79. С. Цырулик. 1.Фc1!

80. В. Солдатов. 1.Фe6!

81. Н. Зиновьев. 1.f8Ф (?) Сс6 2.Лe5, 1...Сс8 2.Лe5, 1...Сe8 2.Фd6, 1...bc 2.Лg6. Рекордный замысел — четыре дальних блокирования — ценой грубого вступления.

82. В. Гребешков. 1.Cc5! Кр — 2.Фа2.

83. В. Кожакин. 1.Kpd5! — 2.Фb8, 1...c6 2.Kpd6, 1...Кре7 2.d8Ф. 1.Kpc6? Кf3!

84. В. Иванов. 1.Фe7! — цугцванг. 1...Кре5 2.Кре3, 1...Кре4 2.Фf6, 1...Крс3 2.Фа3, 1...h5 2.Фd5, 1...К — 2.Фd6. 1.Фc7? h5!

85. О. Сакс. 1.Фd5 g5 2.Фf3 h5 3.Фf2x, 1...h5 2.Фe5 g5 3.Фe1x, 1...Kpg3 2.Фf3 Kph2 3.Фf4x.

86. Е. Беляев. 1.Лf6! gf 2.g7, 1...Кре8 2.Лf7.

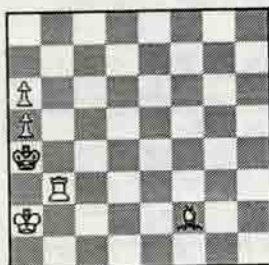
87. М. Жиц. 1.Лg1 Сс2 2.Л8g2 Кph8 3.Лс2, 1...Cd3 2.Л8g3 Кph8 3.Лd3, 1...Ce4 2.Л8g4 Кph8 3.Ле4, 1...Cf5 2.Л8g5 Кph8 3.Лf5.

88. И. Замотаев и В. Коваленко. 1.Лf8! Лd1 2.g8Ф Лd3 3.Фb3 Лf3! 4.Фf3 Крb1 5.Фd1x, 1...Ле1 2.g8Ф Крb1 3.Фb3 Крс1 4.Лd8 Лh1 5.Фb2x. 1.Лh8? Ле1! 2.g8Ф Ле3 3.Фb3 Лh3!, 1.Ле8? Лd1!

89. С. Захаров. 1.f4 Крс8 2.f5 Крд7 3.f6 Крс8 4.f7 Крд7 5.f8Л! Кре7 6.c8Л! Крд7 7.Лс7x.

90. Ю. Дорохов и В. Щербина. 1.Лb3! Сg1! 2.Лh3! e5 3.Сe3 Сe3 4.Ле3 e4 5.Ле2! e3 6.Ле1 e2 7.Крf2x. 1.Лh3? e5!, 1.Сe3? Сb8!, 1.Ла3? Сс5!, 1.Лd3? e5! 2.Сe3 e4 3.Са7 ed!

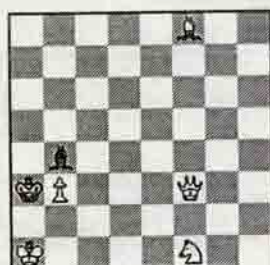
19. С. ТКАЧЕНКО
с. Приазовское
Запорожской обл.

Мат в 2 хода

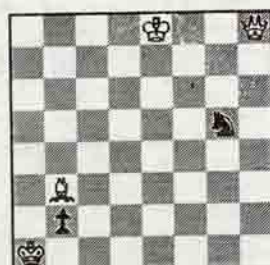
а) б. Лаб, в) б. Саб, г) б. Каб

20. С. ЦЫРУЛИК
с. Озераны
Гродненской обл.

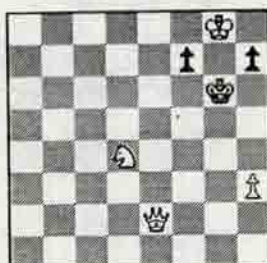
Мат в 2 хода

21. Л. ГРОЛЬМАН
Казань

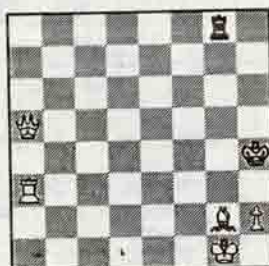
Мат в 3 хода

22. АН. КУЗНЕЦОВ
г. Реутово
Московской обл.

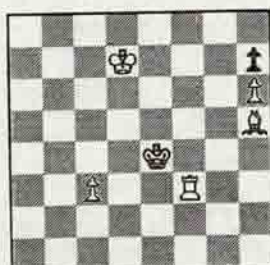
Мат в 3 хода

23. Н. ЗИНОВЬЕВ
Усть-Каменогорск

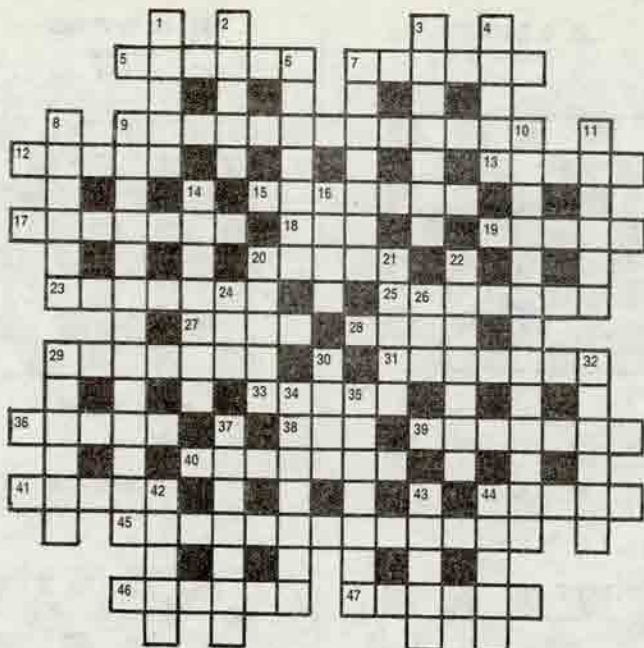

Мат в 3 хода

24. В. ИВАНОВ
п. Повенец, Карелия

Мат в 8 ходов

КРОССВОРД
Составил
А. КОЙФМАН,
Жмеринка
Винницкой
области

По горизонтали.

5. Исследовательский конек химика Н. Зинина.
7. «Змеиная трава» славян. 9. Пищевое растение, листья и стебель которого перед употреблением прокатывают между ладонями, чтобы удалить горькое молочко.
12. Газ, важнейшее сырье для получения водорода.
13. Деталь наряда танцовщицы Камарго на картине Н. Ланкре. 15. Свинцовая руда. В древнем Египте ее применяли для окраски тканей. 17. Самое крупное парнокопытное животное. 18. Единица веса в Китае. В V—VI веках была «золотой». 19. Рыба, часто встречающаяся на украшениях и монетах Пантикалея.
20. Спортивная игра. 23. Четыре русских четверика.
25. «Наставница жизни» (Цицерон). 27. Рапсод Киевской Руси, слагавший славы князьям. 28. Химический элемент, которым богата рыба. 29. Редкое теперь в Средней Азии животное; основная добыча гепарда в прошлом. 31. Японская цветочная композиция. 33. Командир броненосца «Севастополь» во время обороны Порт-Артура. 36. Любимый стиль плавания чемпионки московской Олимпиады Л. Качюшите. 38. Народ, живущий у реки Бенуэ в Нигерии. 39. Посуда, символ химии.
40. «Моя жизнь» А. Чехова (жанр). 41. ... пасхальный — жертвенное культовое животное у древних.
44. Экипаж, поездка в котором по Парижу, как можно вычитать в романе В. Гюго «Девяносто третий год», обошлась в шестьсот франков в одну сторону. 45. Перестройка. 46. Популярный актер московской сцены.

чьи «роли никогда не лежали без движения, не сдавались в архив, а совершенствовались постепенно и постоянно». (С. Аксаков). 47. Армянский камень, арменит, ляпис медный (общее название).

По вертикали.

1. «Французская» бельевая ткань. 2.... Лилиан Войнич — писательница, родственница Дж. Звереста по матери. 3. Каждый из участников грузинской игры цхен-бурти. 4. Орошение. 6. Часть шлема, с которой М. Лермонтов в стихотворении «Пленный рыцарь» сравнил решетку бойницы. 7. Старинное русское название июня. 8. Металл. Гиппократ считал его целебным. 9. Должность Р. Вагнера в Дрездене. 10. Заведение, где сначала учился киноактер Жан Поль Бельмондо. 11. Основа «реактивного двигателя» кальмара. 14. Самая маневренная птица. 16. Туркменские девичьи лирические песни. 20. Балет А. Хачатуряна, первая версия которого называлась «Счастье». 21. Глупая птица из сказки М. Салтыкова-Щедрина «Медведь на воеводстве». 22. Зодиакальное созвездие с точкой зимнего солнцестояния. 24. Археологическая культура, названная по могильнику в Румынии. 26. Напиток из айвы. Авиценна рекомендовал пить его «при слабой печени». 29. Стезя. 30. Латышский актер. 32. «Люди из Астлана», искусные мастера обработки камня. 34. Датский естествоиспытатель XVIII века, описавший строение мышц. 35. Муза, изобретательница флейты. 37. Ягода, лакомство куропаток. 42. Созвездие в форме ромба. 43. Жидкость, освежающая краски ковра. 44. Придворный астроном в Сиракузах, отец Архимеда.

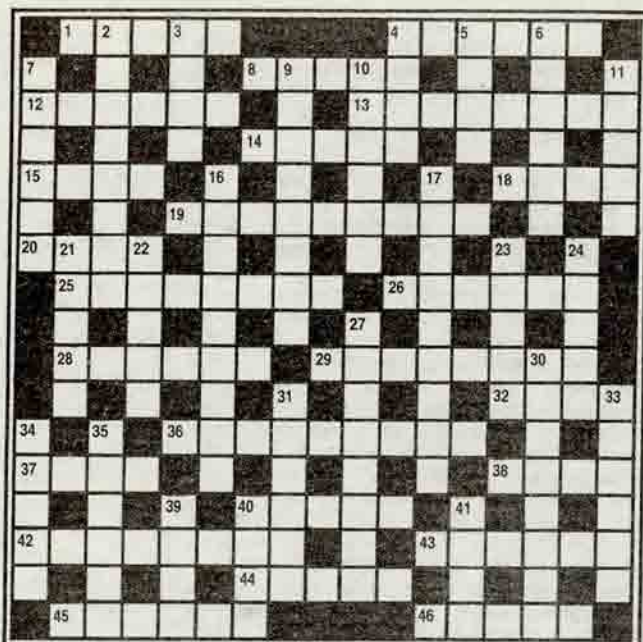
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В №3

По горизонтали.

1. Штанга. 4. Курсив. 11. Фотограф. 12. Хризолит. 13. Дуб. 15. Евно. 16. Маракайбо. 17. Юбка. 20. Ряска. 21. Матье. 22. Цедра. 25. Питон. 26. Лауреат. 28. Урон. 30. Нимб. 31. Пифагор. 32. Поиск. 36. Ратин. 37. Ворон. 38. Овсов. 43. Игра. 44. Незабудка. 46. Зона. 48. ...дух... 50. Лишайник. 51. Флореаль. 52. Гранат. 53. Вольта.

По вертикали.

1. Шеффен. 2. Артаньян. 3. Гага. 5. Уезд. 6. Солсбери. 7. Витраж. 8. Сахар. 9. Внук. 10. «Труба». 13. «Даная». 14. Бальзак. 18. Актинидия. 19. Жеманство. 23. Косач. 24. Ирмос. 25. Поп. 27. Тик. 29. Шоколад. 33. Матрешка. 34. Лопух. 35. ...пономарь... 39. Биолог. 40. Чешир. 41. Школа. 42. Тальма. 45. Булл. 47. Яйла. 49. Зрюо.

1. Самоназвание Абхазии, означающее «страна души». 4. Советский гимнаст, на Олимпийских играх не раз бывавший на коне. 8. Скандинавский писатель, вдохновлявший себя чаркой доброго вина. Правда, порой уже после третьей начинал комкать и рвать подвернувшиеся под руку газеты, бумаги, среди которых после творческого процесса нередко приходилось выискивать и только что написанное. 12. Самый «продолжительный» шахматный чемпион. 13. Тропическое животное Америки, у которого рот не открывается. 14. Дерево, растущее в долинах острова Явы, где из земных трещин выделяются ядовитые пары, а забредающие в эти места животные погибают. 15. Гибрид европейской и африканской музыкальных культур. 18. Французский киноактер, превосходно владеющий шпагой. 19. Одна из лучших московских балерин на закате эпохи драматического балета, жена танцовщика К. Богданова. 20. Летит — воет, сядет — землю взроет (русская загадка). 25. Исконно русское название ювелира. 26. Королева лебедей, впервые «вылетевшая» на сцену 15 января 1895 года. 28. Каламбур А. Райкина по поводу родственника, который есть у многих. 29. Причина, по которой на Барона надели арестантский халат (М. Горький. «На дне»). 32. Богоугодное деяние мусульманина. 36. Культура, за пропаганду которой во Франции аптекарю А. Пармантье поставили два памятника. 37. Страна, населенная потомками жителей сред-

невекового государства Лансанг. 38. Русский патологоанатом и эпидемиолог, доказавший, что сибирскую язву переносят кровососущие насекомые. 40. Гурджаани — ... — Читтели-Царо. 42. Первая в советской денежной системе конвертируемая валюта. 43. Афины — ..., Ереван — туф, Петербург — гранит. 44. Лунное божество в шумеро-аккадской мифологии. 45. Необходимый годовой запас хлеба в городах Древнего Рима. 46. Последний «башмак» в жизни Марата.

По вертикали.

2. Знаменитый художник, родившийся на Антильских островах и прошедший путь, противоположный пути Поля Гогена. 3. В верхнем течении — ..., в нижнем — Кампо (впадает в Гвинейский залив). 4. Элемент украшения ментика, какой носил М. Лермонтов в бытность гусаром. 5. Место, где Демосфен скрывался от Антипатра, полководца Александра Великого. Но спастись ему не удалось. Не выходя, он отравился цикутой с помощью пропитанной ею палочки для письма. 6. Титул монгольских правителей из династии Хулагуидов. 7. Водяная чума. 9. Принцесса, заплатившая фашистам сто тысяч шиллингов за освобождение 3. Фрейда из концлагеря. Четыре его сестры погибли в газовых камерах. 10. Сибирское название козы. 11. «Старинный дом посреди улицы Сен-Дени на углу улицы Пти-Лион» в Париже (суть). 16. Русский поэт, часто повторявший: все погибнут от всеобщей готовности погибнуть. 17. Роль Аполлинера, Дягилева, Кокто и Матисса на свадьбе Пабло Пикассо и Ольги Хохловой. 21. Произведение А. Мицкевича. Сопровождающий его «Отрывок» — памфлет на Россию. 22. Металл игрушечных солдатиков. 23. Внутренний «усмиритель» человека. 24. Догмат ислама, гласящий: «Подтверждаю, что нет никакого божества, кроме Аллаха, и утверждаю, что Мухаммад — посланник Аллаха». 27. Старуха, хозяйка ночлежки — герою очерка Н. Некрасова «Петербургские углы»: «Известно, иной ... на грош аммуниции, на рубль амбиции». 30. Назначение луковичи гладиолуса, висевшей на шее гладиатора во время боя. 31. «... д'Элиодоро» — группа фресок Рафаэля. 33. Одно из русских названий обывателя, старожила, постояльца, лихого малого, домового (по В. Далю). 34. Народ на востоке России, носящий одежду из рыбьей кожи. 35. Похобов по сословию. Его сын Иван в 1652 году близ устья реки Иркут заложил зимовье, ставшее потом Иркутском. 39. Японский лопух, огородная культура. 40. Она может падать и подниматься, ее можно давать или запрашивать. 41. Помещение, где скифы бросали семена конопля на раскаленные камни и упивались дымом (по-сегодняшнему — балдели).

285

ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали.

1. Тэффи. 6. Тулук. 10. Ларра. 12. Баобаб. 14. Лондон. 15. Керенский. 17. Юзес. 19. Кат. 20. Энец. 21. ...звуки... 23. Бирма. 25. Аспарух. 27. Дядя. 29. ...мгла... 30. Ершов. 31. Адлер. 32. Рябь. 34. Чадь. 35. Фидеизм. 38. Винья. 39. Малик. 42. Арак. 43. Оби. 45. Ятво. 46. Парламент. 48. Грети. 49. Цейтен. 50. ...шваль... 51. Питти. 52. Шторм.

По вертикали.

2. Экозес. 3. Фрак. 4. Хайек. 5. Крест. 7. ...убой. 8. «Ундина». 9. Обнох. 11. «Жнецы». 13. Белка. 14. Либих. 16. Насад. 18. Свадебник. 20. Эмиграция. 22. История. 23. Буддизм. 24. Ндара. 26. Ладья. 28. «Ярь». 29. Меч. 33. Сейба. 35. Федаи. 36. Майнц. 37. Банга. 38. Валери. 40. Ктитор. 41. Война. 43. Олово. 44. Имало. 46. Прут. 47. Тест.

ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО

Страстная седмица и Пасха

... Один из апостолов — Иуда — пришел к злым правителям иудейским и согласился выдать Христа. Эти злобные люди боялись брать Христа днем, так как много народу славilo и приветствовало Его. Поэтому ночью послали они своих солдат, предводительствуемых Иудой, чтобы схватить Иисуса.

Когда Господь молился, Он увидел, что ученики Его заснули, и Он пошел разбудить их. Когда еще Он разговаривал с ними, вдруг появился Иуда, и с ним множество воинов. Иуда указал им на Христа. Господь позволил солдатам схватить Себя, и они повели Его в дом первосвященника. Книжники же и фарисеи подкупили некоторых людей, чтобы те лгали и клеветали на Иисуса, дабы могли они уличить Его и приговорить к смерти. После того, как они собрали много лжесвидетельств против Господа, они повели Его в римский суд, чтобы допросить Его. На суде были представлены все лжесвидетельства, но Господь не стал защищать Себя от них. Книжники и фарисеи иудейские убедили римского наместника Понтия Пилата приговорить Иисуса к распятию на кресте. После судилища римские солдаты взяли Его и издевались над Ним, избивали Его. И привели Господа к месту распятия и гвоздями прибили руки и ноги Его к кресту, на котором, после многих мучений, Он умер ради нашего спасения за грехи наши.

После смерти Господа на кресте двое из Его верных последователей, Иосиф из Аримафеи и Никодим, пришли и сняли Его Святое Тело с креста. Они возложили ароматы на чистую плащаницу и обернули тело Иисуса, по иудейскому обычаю погребения. Его Святой Лик оставили открытым и после прощального поцелуя, покрыв лицо Его тонкой материей, похоронили Его в пещере по обычаю иудейскому недалеко от того места, где Он был распят. И привалили они ко входу в пещеру большой и тяжелый камень. Опечаленные ученики отошли от пещеры, сокрушаясь в горе своем и вознося молитвы Господу. Они не понимали еще, что Христос Сам пошел на смерть, чтобы Своею

смертью погнать нашу смерть. Они также не понимали, как сможет Он воскреснуть из мертвых на третий день погребения.

В Великую и Святую Пятницу Святое Тело Спасителя Нашего было помещено в гробницу. Но Иисус Христос есть Наш истинный Господь, и поэтому умерло лишь Его человеческое тело. Во славе Господней, Христос явил Себя душам всех уверовавших, которые уже умерли, и доказал им, что смерть можно победить и что все эти души воскреснут из мертвых в последний день и пребудут с Господом. И случилось все это в Великую Святую Субботу.

Ранним утром в воскресенье, в первый день недели, наш Господь, Иисус Христос вознесся из Своей гробницы во Славе. Он не заставил камень отодвинуться от входа в гробницу, но Он покинул ее, не повредив даже приложенной к камню печати. Потом повелел Он ангелам Своим откатить камень в сторону, так, чтобы ученики Его смогли войти в гробницу, дабы засвидетельствовать Его воскресение из мертвых.

Ранним утром на рассвете некоторые из преданных последователей Иисусовых — Саломия, мать учеников Иоанна и Иакова, Мария, мать апостолов Иакова и Иуды и Мария Магдалина — пришли в сад, где была пещера, чтобы помазать принесенными ими ароматами тело Иисуса. Там стояли римские солдаты, охранявшие гробницу Христа и не пускавшие туда никого из народа, но женщины надеялись, что смогут уговорить их отодвинуть камень и разрешат им войти. Солдат, однако, не было на месте. Они бежали в страхе, когда ночью явились ангелы, чтобы отодвинуть камень от входа.

Подойдя ко гробу, женщины с удивлением увидели, что камень отвален и гробница пуста. Войдя в пещеру, они увидели ангела, облаченного в белую одежду. Женщины ужаснулись, но ангел сказал им: «Не бойтесь! Ибо знаю, что вы ищете Иисуса распятого: Его нет здесь: Он воскрес, как сказал; подойдите, посмотрите на место, где лежал Господь, и подойдите скорее, скажите ученикам Его, что Он воскрес из мертвых и предваряет вас в Галилее; там Его увидите».

Немного позже Мария Магдалина вернулась к гробнице, чтобы еще раз взглянуть на нее. Сам Господь предстал перед ней и успокоил ее. Услышав весть о воскресении Христа, Петр и Иоанн побежали ко гробу и обнаружили, что Господь воистину воскрес. И вышли они наружу, радуясь и прославляя Господа, и вместе со всеми остальными учениками отправились в Галилею, где Господь обещал им явиться снова.

Здесь, в Галилее, снова Господь Иисус Христос наставлял их во многом. Как-то раз, когда апостолы собрались в доме, чтобы помолиться, Сын Божий внезапно появился посреди комнаты и говорил с ними о Своей Святой Церкви. Тогда же Иисус открыл ученикам ум к пониманию писаний. Господь благословил апостолов и сказал: «Вкусите от Духа святого». Это те слова, которые произносит в наши дни священник сразу же после крещения.

Через несколько дней Иисус собрал учеников Своих на горе Елеонской, что возле Иерусалима, дабы дать им последние наставления перед тем, как вознестись Ему на небо.

Архимандрит ЛАЗАРЬ ПУХАЛО

ЗИНАИДА СЕРЕБРЯКОВА. Купальщица. 1911.

Беление холста. 1916—1917.

